ТОМ 2

ОГЛАВЛЕНИЕ 2 ТОМА

КНИГА ТРЕТЬЯ **Омейяды.**

ГЛАВА I. (Стр. 473-506) **Му'авия.**

Отречение Хасана. — Му'авия халиф. — Му'авия и Зияд. — Деятельность Зияда по управлению на востоке. — Борьба правительства с хариджитами. — Му'авия и положение дел на западе. — Развитие племенного партикуляризма. — Управление. — Война с византийцами. — Опустошение Малой Азии; осада Константинополя. — Походы Укбы в Северную Африку. — Завоевания тюркских земель на востоке. — Признание Язида наследником; вынужденная присяга.

ГЛАВА И. (Стр. 506—554) **Вторая междоусобная война.**

Восшествие Язида на престол; Хусейн и Ибн-аз-Зубейр. — Шииты в Куфе; поход Хусейна. — Гибель Хусейна при Кербела. — Последствия смерти Хусейна. — Восстание мединцев. — Битва при Харре; разорение Медины. — Осада Мекки. Смерть Язида. Му'авия II. — Убейдулла в Сирии; Мерван I, халиф. — Умерщвление Мервана; его преемник Абд Аль-Мелик. — Византийцы; междоусобная война на востоке; хариджиты. — Мухаллаб выступает против харид-житов; Мухтар в Куфе. — Царство террора в Куфе; битва при Хазире. — Кончина Мухтара; восстание Ащдака. — Абд аль-Мелик выступает против Ирака; битва при монастыре Католикос. — Мекка, осажденная Хаджжаджем; смерть Ибн Зубейра. — Хаджжадж в Куфе; Мухаллаб побеждает окончательно хариджитов. — Восстание Абдуррахмана Ибн Мухаммеда.

ГЛАВА III. (Стр. 555—611)
Процветание династии и второй период завоеваний.

Управление Хаджжаджа; реформы Абд аль-Мелика. — Арабские монеты. — Сыновья Абд аль-Мелика, Валид. — Удовлетворение религиозных интересов, постройки мечетей. — Архитектура; арабески; усовершенствование начертания арабских письмен. — Зачатки исламских наук. — Древнейшие течения в теологии. — Поэзия и придворная жизнь. — Новые завоевательные войны. — Новые завоевания на востоке. — Мусульмане в Индии. Нарушение мира с императором Юстинианом II. — Походы в Малую Азию и Армению. — Лев Исаврий-ский спасает Константинополь. — Дальнейшие войны в Малой Азии, на Кавказе и Африке. — Разрушение Карфагена; гибель пророчицы берберов. — Покорение западной Африки. Граф Юлиан Цеутский. — Положение дел в царстве готов. Тарик переплывает в Испанию. — Битва при Вехер (Херес) де-ла-Фронтера. — Муса заканчивает покорение Испании. — Отрешение Мусы; вторжения сарацинов во Францию. — Битва при Туре и Пуатье. Астурийское королевство.

ГЛАВА IV. (Стр. 611—643)
Третья междоусобная война и падение династии.

Ссоры между кайситами и кельбитами. — Нарушение равновесия между группами племен. — Непригодность последних Омейядов. — Непригодность мер, проводимых реформами Омара II. — Хариджиты и алиды подымают снова голову. — Единение аббасидов с алидами: общая их пропаганда. — Управление Хишама. Хариджиты среди берберов. — Восстание берберов; уничижение арабов. — Новые междоусобные войны на западе и востоке. — Последние Омейяды; Мерван II. — Аббасиды и алиды, падение Омейядов.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. **Халифы Багдада.**

ГЛАВА I. (Стр. 644-652) **Богом благословенная династия.**

Устранение Алидов Аббасидами. — Усмирение многократных восстаний. — Характер династии Аббасидов.

ГЛАВА И. (Стр. 653—681) **Мансур и Бармекиды.**

Положение и значение Бармекидов. — Почтовое ведомство; финансовое управление; улучшение земледелия. — Войско. Умственный обмен между арабами и персами. — Развитие наук. Основание Багдада. — Торговля и промышленность. — Миролюбие во внешней политике. — Халиф и визирь. — Мансур и Маҳдий. — Хади и Харун Ар-Рашид. — Падение Бармекидов. — Харун самодержец; начало упадка.

ГЛАВА III. (Стр. 681—729) **Арабы и персы.**

Войны на севере и востоке. — Африка, Сицилия, Испания. Войны с Византией. — Самостоятельная Африка под управлением Аглабидов. — Внутренние затруднения: кай-ситы, хариджиты, алиды. — Идрисиды. — Настроение восточных провинций. — Брожения пантеистических и коммунистических сектантов. — Зендики. Возмущение Рафи; кончина Харуна. — Амин и Ма'мун. — Война братьев. — Гибель Амина; Ма'мун халиф. — Сопротивление арабов; Ма'мун переменяет свою политику. — Правление Ма'муна. Восстания: в Египте, на о. Крит. — Византийцы; Бабек. Ма'мун покровитель наук. — Врачи, естествоиспытатели и философы. — Астрономы, астрологи, математики. — Свободомыслящие придворные теологи. — Начало отделения двух народностей.

КНИГА ПЯТАЯ **Аббасиды и Фатимиды.**

ГЛАВА I. (Стр. 730-769) **Халифы и преторианцы.**

Му"тасим создает турецко-берберийское наемное войско. — Превосходство сил турецкой гвардии. — Мутевак-киль пробует опереться на правоверие. — Реакция против свободомыслия. Дворцовые революции. — Глубочайшее унижение халифата. — Временное возрождение Аббаси-дов. — Новый упадок. Эмир аль-умара. — Интриги и насильственные возведения на трон. — Халифат перестает быть всесветной силой. — Войны византийцев во время управления Му'тасима и его преемников. — Положение дел в провинциях. Бабек. — Восстание Алидов и хариджитов. — Обзор причин распадения халифатства.

ГЛАВА II. (Стр. 769-810) **Наместники и Эмир аль-умара.**

Аглабиды в Африке. Положение и власть их. — Аглабиды в Африке: укрепление их власти. — Аглабиды в Африке: падение и конец династии. — Аглабиды в Африке: завоевание Сицилии. — Аглабиды: Рацциа в Италии. — Тулуниды. — Ту-луниды в Египте и Сирии. — Хамданиды в Месопотамии. — Хамданиды и дейлемиты в борьбе с эмиром халифа. — Халиф становится игрушкой хамданидов и турок. — Багдадские султаны из Буидов; Хамданиды Мосула. — Сейф-ад-даула, эмир Халеба. — Судьбы хамданидов Халеба. — Умственное движение, заслуга Сейф-ад-даулы.

ГЛАВА III. (Стр. 810-849) **Алиды, измаилиты, карматы.**

Восстания алидов. Война рабов Зинджей. — Усложнение восстания рабов войной с Саффаром. — Возвращение саф-фаридов; истребление зинджей. — Восстание алидов в Бахрейне. Секта измаилитов. — Дюжинники и измаилиты. — Пропаганда и дух измаилитизма. — Абдулла ибн Меймун; Кармат. — Карматы и измаилиты. — Убейдулла фатимид. — Карматы Бахрейна. — Халифат Фатимидов в Африке; Сирийские карматы. — Конец карматизма в Сирии. — Апогей могущества союза карматов.

ГЛАВА IV. (Стр. 849-901)

Фатимиды и окончательный упадок династии Аббасидов.

Политика Фатимидов в Африке. — Укрепление фатимидской династии. — Западная Африка, Египет, Сицилия, Южная Италия. — Новый поход в Египет. Столкновения с Испанией. — Смерть Убейдуллы. Восстание берберов. — Подавление восстания. Самостоятельность Сицилии. — Египет и Сирия, завоеванные Фатимидами; основание Каира. — Вражда между Фатимидами и карматами. — Переселение Фатимидов в Египет. — Борьба из-за Сирии. — Упадок карматов. Фатимиды и сельджуки в Сирии. — Развитие фатимид-ско-измаилитской политики. Хаким. — Личность Хакима. Его попытки измаилитизировать Египет. — Происхождение секты друзов. — Смерть Хакима. — Падение владычества Фатимидов. Аббасиды и сельджуки. — Временный триумф и дальнейший упадок Фатимидов. — Конец Фатимидов. — Завоевание Багдада монголами. Последние Аббасиды.

Книга третья

ОМЕЙЯДЫ

ГЛАВА I

МУАВИЯ

Как удар грома известие о смерти Алия поразило воинов Ирака; мгновенно, словно молния, оно осветило все окружающее и открыло у ног присутствующих зрителей бездну. Давно уже надвигавшееся, но по нерадивости и необдуманности казавшееся все еще в громадной дали предстоящее подчинение ненавистному сирийцу представилось ныне внезапно перед населением Куфы в крайне тревожной близи. Не без раскаяния пришлось им вспоминать о своем неповиновении и упрямстве, благодаря которым храбрый халиф был лишен плодов своих усилий, а смертельный враг помимо их воли обрел действительную поддержку. Роковой момент наступил: вся масса в 40 тыс. воинов, собранная Алием в момент его смерти под предводительством верного Кайса ибн Са'да, горела пылом боевым помериться силами с новыми полчищами Му''авии, грозившими вторгнуться в Месопотамию. Удержать наступление неприятеля действительно было как раз впору. Но, увы, у войск, отказывавших прежде в повиновении властителю, не стало повелителя. От дочери пророка осталось у Алия два сына — а л ь-Х а с а н и а л ь-Х у с е й н и много детей от других жен. Хасан был старшим, войско присягнуло ему немедленно же после кончины его отца. Но это был совершенно бесхарактерный человек, причем чрезмерная набожность его сливалась с нерадением и необыкновенно развитой чувственностью; его и прозывали в насмешку а л ь-М и т л а к — «расторгатель браков»: он довольствовался постоянно четырьмя законными женами, но при этом поминутно разводился то с той, то с другой и брал себе новую. Таким образом в общем итоге у него перебывало до семидесяти жен. Одним словом, молитва и гарем были единственными предметами, которые имели в его глазах первостепенное значение. Весьма вероятно, что тотчас же по принятии присяги он завязал переговоры с Му'авией: как говорят, послал к нему письмо с условиями, на которых соглашался отказаться от халифата в пользу противника, одновременно же Му'авия послал чистый лист за своей подписью в знак того, что заранее согласен на все его требования. Оба письма дошли по назначению. Но когда Хасан, нисколько не стесняясь, выставил на бланке новые условия, втрое превышавшие первоначальные, Му'авия заупрямился и не пожелал дать более того, что было выговорено соперником вначале. Хасану пришлось уступить. Он, впрочем, не был обижен: ему обещали 5 млн. дирхем, великолепный годовой оклад и обеспечение жизни и имущества всех его родственников. Пока тянулись переговоры, сирийцы успели уже вторгнуться в Ирак. Меж тем Хасан, в самом еще начале, покинул Куфу с войсками, переправился через Евфрат и Тигр и отступил к Мадайну, а чтобы раньше времени не возбуждать в войсках неудовольствия, выслал против приближавшихся сирийцев Кайса с 12 тыс. человек, сам же с большей частью войска откладывал со дня на день выступление. У М е с к и н а , в 10 милях на северо-запад от Мадайна, сирийцы столкнулись с Кайсом; без сомнения, один он не мог выдержать натиска значительно превышавших сил противника. Между тем в главном лагере распространился слух, что любимый полководец разбит и пал в стычке. Негодование воинов обрушилось на женоподобного, сохранявшего один призрак власти, халифа; палатку его разграбили, а он сам спешно бежал в город. Оставшееся без предводителя войско быстро рассеялось. Вскоре затем и Кайс был вынужден (начало 41=661) прекратить дальнейшее сопротивление. Но этот истинно мужественный человек отклонил все блестящие предложения Му'авии. Таким образом, в короткое время, без пролития капли крови, весь Ирак очутился во власти сирийцев. Хасан и Хусейн вынуждены были своим присутствием в Куфе как бы узаконить неохотно данную народом присягу смертельному врагу покойного их отца, а затем удалились в Медину. Здесь Хасан до самой смерти* своей, последовавшей, вероятно, в 49 г. (669), проводил жизнь без определенной цели. Если не считать расточаемых им вокруг себя благодеяний, восхваляемых столь

многими, он ушел, собственно, весь в созерцательное ничегонеделание. Брат его, по природе энергический и предприимчивый, ничего не мог предпринять. Ему оставалось выжидать, не придет ли когда-нибудь и его черед.

Тщетные надежды, и на долгие годы. Му'авия (41 — 60=661—680), признанный ныне повсеместно без сопротивления халифом, умел твердо и мудро ограждать свое владычество. Основным его правилом было: все делать, что было в силах, для своих друзей, по отношению же к неприятелям, если только была возможность, добродушно привлекать их на свою сторону или же беспощадно и всеми возможными средствами бороться с ними до полного их истребления. Он был представителем классической методы управления, приемы которой характеризуются словами: «милость либо плеть». При известных обстоятельствах такой образ действия давал самые прекрасные результаты и на Западе, а на Востоке, судя по бывшим примерам, он был единственно действенным. Прежде всего, по возможности старался он перекинуть всякому, кто только в этом ощущал потребность, золотой мостик. Двоюродному брату Алия и давнишнему, хотя под конец и разошедшемуся с ним другу,

* Существует очень распространенное предание, что Му'авия приказал его отравить, но оно во всех отношениях неверно и проистекает из одного и того же стремления приписывать Омейядам всевозможные злодеяния. Му'авии нельзя было ждать никакой выгоды от смерти ничего не 31 мчащего Хасана. Наоборот, она должна была быть для него в высшей степени нежелательной, ибо отныне главенство в семье пророка переходило к Хусейну. А от последнего Му'авии ничего хорошего нельзя было ждать, и это он понимал ясно, судя по дальнейшим его действиям.

ибн Аббасу оставлены были беспрекословно значительные государственные суммы, которые тот незадолго до смерти Алия позаботился присвоить себе. Стоявшему в стороне со времени умерщвления Османа Мугире ибн Шуʻбе вручено было наместничество в Куфе. Даже наместника Алия в Фарсе, З и я д а новый халиф успел переманить на свою сторону. Вначале тот отказался бьшо признать власть нового правителя и даже при помощи хариджитов возбудил через своих сыновей восстание в Басре: но полководец Му'авии, Буср ибн Арта, усмирил бунтовщиков и взял в плен сыновей Зияда. Мудрый халиф воспользовался этим обстоятельством, чтобы подействовать на упрямца: он не дозволил Буеру казнить их и возложил на Мугиру в 42 г. (662) поручение переговорить лично с их отцом и попытаться разными уступками привлечь его на свою сторону. Мугира издавна был в дружеских отношениях с Зиядом. Еще в 17 г. (638) при Омаре он избавил Зияда от тяжкого наказания по поводу одного очень неприятного скандального процесса, дав в пользу его уклончивое показание. Оба они не отличались высокой нравственностью, но зато почитались всеми за людей тонких и замечательно способных администраторов. Мугира приехал к нему для личных переговоров в Фарс, а затем Зияд отправился в Дамаск. Не особенно нравилась Му'авии манера наместника Алия, с какой он распоряжался государственной кассой, но теперь он утвердил без спора все счеты, ему представленные, и даже милостиво произнес: «ты самый надежный из всех моих наместников».

О чем, собственно, велась беседа между хитрым халифом и, пожалуй, еще более лукавым Зиядом — осталось неизвестным, но легко бьшо уразуметь ее содержание по следовавшим затем событиям. В 45 г. (665) сверх Фарса Зияд управлял Басрой, персидскими восточными провинциями и аравийским берегом Персидского залива: в 50 г. (670) поручено бьшо ему заведывание Куфой, т. е. высшее управление всеми областями на восток от Сирийской пустыни. Наконец, в 53 г., наместник смело пишет халифу: «В правой моей руке держу я для тебя Ирак, но левая свободна, дай же и ей работу — ну хоть Хиджаз». И Муавия нисколько не затруднился даровать ему просимое. Еще более поразительно известие, что уже в 44 г. (664) Зияд признан официально братом Му'авии. Темная вообще история. Мать Зияда, С у м а и я, была рабыней — одни говорят, в замужестве за рабом Убейдом, а другие — в сожительстве. Так или иначе, его обыкновенно не называли Зияд Ибн Убейд*, а Зияд Ибн Сумайя или Зияд Ибн Абихи, т. е. Зияд, сын своего отца**. Теперь вдруг нашелся харчевник из Таифа и еще другие, тоже не особенно почтенные люди, показавшие, что отцом его был Абу Суфьян. Во всяком случае, так как он не мог родиться в его доме, то по прямым указаниям Корана ни в каком случае нельзя было допустить признания его сыном Абу Суфьяна. Но Муавия, ради достолюбезного народа своего ежедневно прочитывавший по главе из священной книги, предстоя по пятницам на молитве в большой мечети в Дамаске, а раз даже в качестве халифа совершивший паломничество в Мекку, сам лично придавал вообще немного значения сути писания; поэтому ему ничего не стоило, наперекор закону, обзавестись новым братцем. Смысл этого необыкновенно позднего признания ни для кого не был таинственным: Му'авия давно уже решился даровать Зияду, в той или другой форме, право на преемство по управлению халифатом или, по крайней мере, на продолжительное соуправление. Но Зияд скончался в 53 г. (673), задолго до смерти Му'авии, и поэтому предполагаемый момент исполнения обещанного не мог наступить. Так что в данном случае излишни все догадки о том, насколько серьезны были намерения халифа и как вообще думал он их осуществить.

Во всяком случае, в 50 г. (670) Му''авия предоставил так называемому братцу своему всю восточную половину государства в полное, независимое управление, после того как незадолго перед тем тот зарекомендовал себя в качестве администратора Басры самым блестящим образом. Должность эта, несомненно, была самая трудная во всем государ-

*То есть Зияд, сын Убейда.
** Такое выражение означает, что неизвестно в точности, кто был отцом данного лица.

стве. Многочисленные приверженцы Алия в Куфе не были опасны, пока Хасан, официальный глава семьи пророка, жил в мире с правительством. В Басре же было совсем не то. Весь южный Ирак и Хузистан кишмя кишели хариджитами; для них Му'авия, благодаря своим решительно мирским воззрениям, был, понятно, далеко невыносимей, чем прежде А л и и. Оба первые наместника, правившие в Басре с 41 по 45 (май 661 — март 665), не сумели подавить мятежного духа. Хотя каждое отдельное восстание пуритан было укрощаемо, но они беспрерывно возобновлялись и угрожали, особенно в 43 г. (663), широко разлиться. Прибыв в Басру в 45 г. (665), Зияд порешил сразу принять крутые меры. Рядом строжайших приказов, для наблюдения за исполнением которых создан был отдельный отряд из 4000 полицейских солдат, вскоре восстановлено было общественное спокойствие в самом городе, обуреваемом доселе смутами и беспорядками. В первый раз свободолюбивого араба сковывали ограничительными мерами; отдан был приказ — никому не появляться после солнечного заката на улице под угрозой смертной казни. Зияд проводил свои меры беспощадно; обезглавлен был один бедный бедуин, которому последнее распоряжение было неизвестно; он преспокойно пригнал поздно вечером в город свой скот на убой; никакие оправдания не принимались, ибо имелось в виду восстановить во что бы то ни стало спокойствие всего населения области. Где бы ни появлялся в стране хариджит, его неутомимо преследовали, а сопротивление подавлялось с крайней жестокостью. Конечно, нельзя верить безусловно всему, что передают позднейшие историки о Зияде. Из него сотворили они поистине сатану в человеческом образе: и здесь можно подметить постоянное стремление представлять в возможно неблагоприятном свете все, что делалось при Омейядах ради их пользы, всякого же восставшего против их владычества — прославлять в образе ни в чем не повинного мученика. И в самом деле, может ли существовать правление, которое терпело бы открытое заявление убеждений, клонящихся к ниспровержению прочного государственного порядка. Если же средства, которыми пользовался Зияд, — попросту сказать, неизменно употребляемая им мера обез-главления применялась им доселе в необычайных размерах, то главной причиной, в конце концов, было то, что с гибелью Алия и победой мирской партии стало уже немыслимо патриархальное управление первых халифов. Одно из двух главных течений должно было отныне главенствовать, другое — добровольно подчиниться или же подвергнуться беспощадному гонению. В то время как Му'авия продолжал среди своих сирийцев вести старинную милостиво дружелюбную политику обхождения со старейшинами своих испытанных верных, там, где приверженцы Омейядов оказывались в меньшинстве, добровольное повиновение правоверных мусульман по необходимости заменялось принужденным подчинением их светской власти государственного управления. Образцы подходящих к этому приемов Зияд имел случай позаимствовать у персов, в бытность свою наместником Фарса. Арабские писатели напирают особенно на то, что он был первый, перед которым выступили телохранители, вооруженные копьями и жезлами, а кругом двигалась толпа придворной стражи: это было начало подражания порядкам, существовавшим при старинных азиатских деспотах; к ним слишком привыкли в персидских исконных провинциях, они не выходили отчасти из употребления и после вторжения арабов. В истории слишком часто повторяется подобное явление: мало цивилизованные покорители неизменно приспособляются к высшей культуре покоренных и постепенно перенимают как преимущества, так и теневые стороны ее. И арабы добивались незатрагиваемого никакими смутами партий государственного порядка; они не нашли ничего лучшего, как позаимствовать прямо персидские учреждения, которым принесено было в жертву драгоценнейшее достояние их — свобода. Мы уже ознакомились достаточно с порядками среди бедуинов, а среди населения Басры и Куфы самочувствие независимого воина поднялось еще выше. Не остается поэтому ни малейшего сомнения, что проведение здесь, так сказать, внешнего государственного порядка, построенного не на историческом преемстве, обоснованного лишь политической не- обходимостью, заимствованного притом извне, могло осуществиться только благодаря применению беспощадной строгости управления. Само собой разумеется, ввиду внезапного возникновения такого последовательного государственного принуждения озлобление иракцев возросло до такой высокой степени, что ежеминутно угрожало при первом удобном случае опасным взрывом. Но жаловаться на это едва ли могли люди, со времен еще Омара доказывавшие почти ежедневно, что не желают повиноваться патриархальному правлению. Всем им начинало даже казаться, руководствуясь довольно неосновательными рассуждениями, что сам Алий будто бы пожелал их подчинения сирийскому владычеству: зачем же не сумел он ввести между ними строгую дисциплину? Поэтому, если все позднейшие известия переполнены разного рода ужасными рассказами, посвященными описанию отвратительных образчиков жестокости и кровожадности Зияда, нам следует придерживаться одного значения этого управления, о чем не умалчивают одновременно и эти самые историки. При нем первом, повествуют они, окрепла правительственная власть, владычество Му'авии распространилось твердо. Он понуждал народ к повиновению, усердно наказывая и обнажая меч: хватали по малейшему недоверию, наказывали по подозрению. Во все время его управления люди боялись его, как огня, пока не дошло до того, что везде воцарилось спокойствие. Случись мужчине либо женщине утерять что-нибудь, никто не осмеливался дотронуться до вещи, пока не придет владелец и не подымет ее. Жившие отдельно женщины могли проводить ночь покойно, не запирая дверей. Сам он, как рассказывают, впоследствии говаривал: «Если кто потеряет веревку по дороге отсюда в Хорасан, моих ушей не минет, кто ее поднял». Был это

человек порядка во что бы то ни стало: однажды оба начальника его полицейского отряда, предшествовавшие ему с копьями, стали в шутку задирать друг друга. Он увидел и приказал одному из них сдать оружие, а другого уволил в отставку. В 50 г. (670), когда вся иракская область перешла в его управление, столица перенесена была в Куфу. Вслед за своим прибытием, собрал он, как рассказывают, общину в мечеть: так делали обыкновенно в подобных случаях. Наместник взошел на кафедру и после обычных славословий, обращенных к Богу, произнес следующее: «Вот что приходило мне в голову в бытность мою в Басре. Я предполагал явиться посреди вас окруженный 2000 басрийских полицейских солдат. Но потом я раздумал. Ведь вы — народ степенный, давно уже все непристойное устранено нынешним благоустройством. Вот и прибыл я к вам с одними моими домочадцами. Мне остается возблагодарить Господа за то, что он меня возвысил в то время, когда люди хотели меня устранить, и сохранил тогда, когда меня хотели покинуть». В подобном же духе продолжал он свою проповедь до конца. Некоторые недовольные стали швырять каменьями в кафедру. Он преспокойно уселся, выжидал терпеливо, когда перестанут. Потом подозвал некоторых из своих приближенных и приказал им никого не выпускать из ворот мечети. Обратясь затем к общине, возвестил громовым голосом: «Слушайте меня, беритесь во время молитвы за руку соседа. Помните, никто не посмеет ответить мне: не знаю, кто был мой сосед». И продолжалось общее моление. По окончании поставлено было для Зияда кресло у врат мечети; к нему подходили одни за другими рядами по четыре человека. Они должны были поклясться Аллахом, что никто из них не бросал каменьями. Кто поступал так, мог уходить спокойно, кто же не соглашался на клятву — того связывали и отводили в сторонку, пока не набралось их человек 30: тут же на месте он приказал отрубить им руки. «Клянусь Господом, — добавляет очевидец, сообщивший это известие, — нам никогда и в голову не приходило перед ним солгать, а что он сам возвещал, будь это хорошее или дурное, всегда исполнял». По одному этому легко судить, какой цельный человек был этот Зияд; он знал вполне, чего хотел, действовал напролом, а начатое доводил всегда до конца. Как в Басре хариджитов, так теперь и в Куфе он усмирил шиитов. Между тем значительное приращение их возбуждало немалые опасения: вот почему каждого по одному подозрению в тайной приверженности к семье Алия немедленно же хватали. Несчастному предо- ставлялось на выбор: или проклясть Алия, или же умереть. До нас дошли, однако, весьма обстоятельные данные, что в обеих этих местностях, бывших ареной жесточайших преследований, наместник тогда только принимался за строгость, когда кроткие убеждения не приводили к желаемым результатам. Нам известно, например, что хариджиты с умеренными убеждениями, подчинявшиеся добровольно владычеству Омейядов, всегда были оставляемы им в покое; даже некоторым из них предоставлялись места в управлении. Точно так же несомненно, что он тогда только накинулся на шиитов Куфы, когда они, невзирая на все его предостережения и дружественные напоминания, продолжали на тайных своих собраниях составлять заговоры против существующего порядка вещей.

Во всяком случае, результаты его управления были самые блестящие. Как в главных городах, так и по провинциям он не только завел образцовый порядок и восстановил всеобщую безопасность, столь поразительно отличавшуюся от прежней распущенности, но также и в финансовом управлении водворил порядок и уничтожил то печальное расстройство, которым оно особенно славилось при Алии. Его искусство управлять опиралось не на одну только саблю. Благодаря своему дальновидному политическому такту, он производил обширные опыты и всячески старался привязать к себе умеренные элементы населения, пролагая неусыпно между крайними партиями среднее направление течения дел, многочисленные приверженцы которого мало-помалу становились твердой опорой для правления. Под сильным давлением его полицейских мер даже среди хариджитов произошел раскол. Рядом с неуклонными фанатиками, решившимися уступать лишь одной силе, в глазах которых не принадлежавшие к их секте мусульмане почитались самыми опасными и достойными осуждения неверующими, еще более, пожалуй, чем иудеи и христиане, постепенно начали появляться более рассудительные люди. Они хотя и продолжали держаться крепко за свое пуританское учение о сменяемости нечестивого халифа, но при этом допускали, что не всякий правоверный, во всем остальном мусульманин, заслуживает за одно лишь отрицание этого положения осуждения и должен быть преследуем и истребляем в священной войне подобно язычнику. Такие более кроткого настроения люди могли легко уживаться в мире среди остальных мусульман и даже вступать в сношения с ними, чего крайняя партия положительнейшим образом не желала допускать. Еще важнее искусно посеянного разномыслия среди хариджитов, попутно со сни- сходительной терпимостью к умеренным, было следующее обстоятельство: Зияд принял решительные меры, чтобы склонить на сторону правления тех из староверующих в роде мединцев, которые в других провинциях неизменно оставались в неприязненных отношениях к Омейядам. Все так называемые сотоварищи пророка и другие, кроме хариджитов и шиитов, набожные люди, проживавшие в Басре и Куфе, могли быть уверены, что встретят у наместника не только наружный почет, но и предупредительную поддержку. Всякое разумное требование, касающееся личного их интереса, исполнялось беспрекословно. Весьма знаменателен следующий рассказ. Раз Зияду вздумалось приказать через своего прислужника призвать к себе Х а к а м а. Наместник пожелал видеть Хакама Ибн Абу'ль-Аса, брата уважаемого пророком человека из племени Сакиф, бывшего прежде помощником правителя в Таифе, а затем переселившегося в Басру. Прислужник же вообразил, что господин требует Х а к а м а И б н А м р а, из племени Гифар, еще более «уважаемого сподвижника» посланника Божия, при жизни пророка почти постоянно находившегося при нем. Слуга привел последнего к Зияду. Наместник принимает его, конечно, весьма любезно, рассыпается в комплиментах, величает почтеннейшим

человеком, удостоившимся отличия быть товарищем посланника Божьего, и предлагает ему намеченный было для его тезки значительный пост наместника Хорасана, приговаривая шутливо: «Тебя-то я, признаться, не имел в виду, но Аллаху благоугодно было вспомнить о тебе!» Вообще Зияд раздавал охотно высшие должности сотоварищам пророка. Ни разу, впрочем, не случалось, чтобы он имел основание быть недовольным их деятельностью. Даже не особенно склонные к Омейядам могли здесь, на персидской почве, уразуметь, что во всех отношениях было нерасчетливо тратить силы Аравии в междоусобных войнах, тем более что персы не усвоили еще привычки переносить покорно ярмо победителя. Благодаря всему этому в Басре и Куфе староверующие, в противоположность шиитам Алия, постепенно стали менее чуждаться сирийского центрального управления, и двор в Дамаске с своей стороны начинает обращаться с ними с возможной снисходительностью, почитая в них главных представителей арабского владычества на персидской почве. А впоследствии, когда глубоко укоренившаяся ненависть между сирийцами и Мединой привела в конце концов во время позднейшей междоусобной войны к бешеному штурму города пророка и истреблению его населения, к тому самому времени в Ираке образовалось новое гнездо набожных людей. Они усердно занимались распространением, собиранием и сохранением известий о жизни и суждениях пророка и положили своими трудами прочное начало теологическим, а в особенности научным изысканиям мусульманского мира. Через это самое и явилась возможность духовного развития, которое по приводимым нами уже выше основаниям именно здесь по преимуществу нашло более благоприятную почву и развернулось до известного возможного расцвета средневекового образования на Востоке.

Таким образом, административная деятельность Зияда, если взглянуть несколько повнимательнее, представляется совершенно в ином свете, чем ее изображали позднейшие историки. Но по продолжительности своей, конечно, она была слишком недостаточна, чтобы упрочить свое влияние повсюду и на возможно долгий период. Сколь мало фанатики хариджиты были склонны признать себя побежденными, обнаружилось, например, еще при жизни этого страшного наместника: лишь только переселился он в 50-м г. (670) в Куфу, некоторые из самых опасных фанатиков взбунтовались в Басре, убивая в самом городе всех встречных. Заместитель Зияда, Самура Ибн Джундаб, был, положим, столь же энергичен, как и он сам: восстание было потушено кровавой расправой; множество известнейших хариджитов казнено, а еще большее число их посажено в тюрьмы. Спустя некоторое время по смерти Зияда (53=673) Самура отозван был с поста. Вскоре затем (55=декабрь 674) был назначен наместником в Басру сын Зияда, Убейдулла; он имел неосторожность выпустить на волю всех плененных хариджитов. Как кажется, новый наместник питал надежду этой необычайной мерой кротости привлечь их на сторону правительства. Но так как, весьма понятно, сидели по тюрьмам именно самые ревностные из крайних, то они и не подумали раскаяться. Напротив, сразу же и везде хариджиты стали подкапываться под него и при всякой возможности затевать возмущения. Пришлось и ему обратиться к мерам строгости, даже превзойти своего отца в жестокости. Все усиливающийся пыл преследования подстрекал сектантов к большему и большему ожесточенно; мечу палача противоставляли они кинжал убийцы. В скором времени Убейдулле трудно было найти кого-либо, решавшегося казнить хариджита, — ибо после каждой казни находили на другой же день, где-нибудь в уединенном месте, труп того, который согласился исполнить смертный приговор. В позднейшую эпоху писатели вспоминали не без пафоса об этом упорном и мужественном поведении хариджитов в тяжкую годину угнетения их. Особенной славой покрыта история Абу Билаля Мирдаса Ибн Уд а и и, которого схватили раз вместе с толпой других единомышленников. Чрезвычайная его набожность и рвение к молитве произвели необыкновенно сильное впечатление на тюремщика, тот дозволил ему при наступлении ночи уходить из темницы, дабы тайно навещать свою семью, с обязательством возвращаться назад ранним утром. У Мирдаса был друг, часто имевший доступ к приближенным Убейдуллы. Раз вечером услышал он, что наместник, говоря о пойманных хариджитах, объявил свое намерение перебить всех их на следующее утро. Друг спешит в жилище Мирдаса, сообщает родственникам его печальное известие и советует: пошлите в темницу известить Абу Билаля, пусть напишет завещание, я вам говорю — ему недолго жить. Мирдас прислушивается к словам знакомого, укрывшись в соседней комнате. В то же самое время известие достигло и тюремщика. Можно себе представить, какую тревожную ночь провел бедняга, опасаясь, как бы Мирдас не узнал о приказании и не убежал. Но когда наступило положенное время возвращения, пленный своевременно вернулся в тюрьму. На вопрос тюремщика: «А ты ничего не слышал про приказ эмира?» — узник ответил просто.- «Как же, знаю». Пораженный собеседник невольно воскликнул: «И ты все-таки пришел?» А тот возразил: «Конечно, не мог же я за твое доброе дело подвести тебя под наказание». Когда Убейдулла в то же самое утро приказал привести хариджитов и стал казнить одного за другим, пал перед ним на колени тюремщик, старый слуга дома Зияда, воспитавший Убейдуллу и взмолился: подари мне этого! При этом он рассказал всю историю. Просьба была уважена, Мирдаса помиловали. Лишь только очутился последний на свободе, тотчас же покинул Басру и возбудил новое восстание в Хузистане. Пришлось выслать против него войска, шайку рассеяли, а сам он укрылся в маленьком местечке в провинции (58=678). Там он тихо прожил несколько лет, но уже в 61 (680/1) снова затеял борьбу с местными властями и был убит в первой стычке. Хотя подобное дикое упорство, с которым эти люди держались так крепко за свои основные положения, и бесстрашие, с коим они боролись за них, не предвещало ничего хорошего в будущем, нельзя, однако, не принять во внимание, что круг их действий был сравнительно невелик, что смуты, в

большинстве случаев не разраставшиеся широко, подавляемы были и скоро, и основательно; а потому рядом с цветущим общим положением государства в правление Му'авии они были едва заметны. Если же перс и житель Ирака должны были волей-неволей под управлением Зияда и Убейдуллы не нарушать мира, то халифу в его западных провинциях было совсем нетрудно, особенно благодаря его природным способностям, пользоваться благоприятными обстоятельствами и мудро и прозорливо укрепить узурпированную власть. Один арабский историк характеризует его следующим образом: «Му"авия был человек предусмотрительный, хитрый, а когда желал приобрести друга, становился щедрым, несмотря на великую бережливость во всем, касавшемся его лично. Часто говаривал он сам: "Мне не нужно меча там, где достаточно плети, и ее также не нужно в таком деле, где можно обойтись словом... А если между мной и кем-нибудь хотя ниточка существует, я стараюсь ее не обрывать". Когда же у него просили объяснения, он отвечал: "Если тот понатянет, немного ослаблю; отпустил он — я подтяну". Услышит ли про кого халиф, что дурно о нем отзывается, тотчас же принудит его подарком замолчать, а если не унимается — подставит ему ловушку: пошлет на войну, заставит его командовать авангардом. Вообще в основании всех его поступков следует искать — обман и хитрость». Равно замечательно и другое признание, приписываемое ему самому. Раз обратился к нему неизменный его сотоварищ в стольких предприятиях, Амр Ибн Аль-Ас: «Никак не могу взять в толк, храбр ты или же трус. Вижу, идешь вперед напролом, ну и рассуждаю сам с собой: а захотелось таки и ему подраться — а ты опять потянул назад; поневоле скажешь: норовит бежать». Му'авия ответствовал: «Клянусь Создателем, никогда не нападаю, если не считаю наступление полезным, и не отступлю, если не найду это благоразумным. Помнишь, что говорил поэт: смотря по обстоятельствам я храбр, и трус, коли успех мне не улыбнется». Очень жаль, что образ этого замечательного человека слабо выяснен с лицевой стороны; другая же, в обрисовке аббасидских историков, представляющая его человеком, потерявшим всякую совесть, не отступающим ни пред каким средством, коварным извергом, пускающим в ход яд и кинжал для устранения всякого препятствия, по меньшей мере сильно преувеличенная карикатура. Положим, справедливо, что он приказал отравить Малика; может быть, также не без основания приписывают ему внезапную смерть Абдуррахмана, наступившую так кстати для халифа; но во всех остальных случаях слишком очевидна неосновательность возводимых на него обвинений подобного рода. Что же касается слуха о том, будто бы находившийся при нем врач христианин по- стоянно имел наготове для неприятелей властелина целую аптечку с приготовленными ядовитыми снадобьями, то это, несомненно, гнусная выдумка. Надо полагать, был халиф холодным политиком и потому не особенно страшился пускать в ход какие угодно средства для достижения признаваемых им за необходимые целей. Но он был положительно далек от страстной необузданности, а тем более бесцельной жестокости. Все, что мы знаем о нем, замечательно напоминает облик Ришелье, особенно если взглянуть на него как на тонкого дипломата, изобличающего в нем тип выдающегося государственного деятеля.

В западных провинциях халифата дело стояло несколько иначе, чем в Ираке. Неразрешимые противоречия воплотились здесь в отношениях между партией староверующих Медины и мирскими веяниями двора в Дамаске. Люди, подобные сыну Алия Хусейну сыну Зубейра Абдулле, в особенности же принадлежавшие к семьям пророка, законных халифов и прежних претендентов, сами питавшие известные притязания на трон, не теряли никогда надежды положить когда-нибудь с помощью набожных Медины конец узурпации исконных неприятелей пророка. В свою очередь и партия набожных, находясь под влиянием этих почитаемых кружков, укреплялась все более и более в своей старинной антипатии к партии мекканских аристократов. Таким образом, с мединцами столковаться не было никакой возможности, и Му'авия отказался раз и навсегда привлечь их на свою сторону. Над ними поставил он как бы в насмешку наместником Мервана Ибн Аль-Хакама, того самого, которого цареубийцы в свое время почли было за убитого, но который пришел вскоре в себя, выступил с прочими из Мекки в поход и принимал участие в верблюжьем сражении, стараясь всячески нанести вред Алию, а затем, конечно, покинул правоверных на произвол судьбы. Теперь принуждены были набожные видеть, как этот же Мерван въехал в город во главе целой толпы членов семьи Омейядов и своих приверженцев и снова принял бразды того же еще со времени Османа постылого управления. Более всего, конечно, желал Му'авия ослабить влияние набожных союзников на совокупность мусульманской общины и, если возможно, овладеть им для дома Омейи. Мы уже упоминали ранее, что даже из мирских самые рьяные миряне не смели и подумать что-нибудь изменить в исповедуемом арабами исламе. Положим, самые почтенные из простого народа в Сирии не особенно-то много понимали в делах веры; недаром же толковали про них позже в Ираке, что самые начитанные между ними почитали Алия за ставшего знаменитым во время междоусобной войны атамана разбойников и в молитвах своих упоминали имя Мухаммеда вместо Аллаха. Если даже и так, все же и в этих людях ярко теплилось сознание принадлежности к миру мусульман; в интересах самого правительства необходимо было обращать себе на пользу религиозное народное чувство, особенно там, где оно выступало явно наружу. Вот почему Му'авия не только соблюдал самолично все религиозные обряды по положению, но и пользовался всяким подходящим случаем, дабы выказать свое почитание святыне. Чтобы показать пример, он послал дорогие шелковые завесы для Ка'бы, купил также невольников для прислуживания при ней. А в 50 г. (570) задумал даже перевезти кафедру пророка из мечети Медины в Дамаск, дабы сделать резиденцию свою в глазах правоверных религиозным средоточием ислама. Но в конце концов он не осмелился привести в исполнение своего намерения, устрашенный, как утверждают набожные, чудодейственными знамениями божеского неблаговоления. К этому плану возвращались и его преемники, Абд-Аль-Мелик и Валил, Но и

они должны были тоже отступиться, ибо не могли скрыть от себя, что религия покоится прежде всего на неограниченном уважении ко всему, что пророк говорил и совершал; произвольное же прикосновение к мечети, им самим воздвигнутой, неоспоримо сочтется всеми за ужасное посягательство на все святое и высокое, будет обесславлено и принесет более вреда, чем пользы.

Но если намерение превратить мирскую столицу государства в духовную не осуществилось, зато по крайней мере народонаселение вне Медины привыкало в течение долгого ряда лет все более и более видеть в халифе Омейяде истинного главу общины верующих. Не недостаток народной привязанности поэтому подготовлял правительству затруднения — уже в начале междоусобной войны сирийцы готовы были за своего мудрого и щедрого эмира идти в огонь и в воду. Зато именно теперь всплывают снова старинные обычаи арабского язычества, менее чем где-либо оттесненные на задний план силой религиозного воодушевления; в особенности же развился партикуляризм и взаимная племенная зависть, доходящая до неприязненности, равно как и строго преследуемое еще Мухаммедом кровомщение. Самая опасная рознь проявилась между племенами ма'аддит-скими (северо-арабскими)* и йеменскими (южно-арабскими). Еще со времени больших переселений до Мухаммеда почти повсеместно по арабскому полуострову наседали друг на друга враждебные племена, целые столетия преследовали они друг друга со смертельной ненавистью. В Сирии йеменцы преобладали. Они принадлежали к большой группе Куда'а, по преимуществу к племени Бену Кельб; а также немалочисленные Ма'адциты принадлежали к Кайс Айлану — большому племени бедуинов центральной Аравии. Сообразно этому все раздоры подымалась между двумя партиями кельбитов и кайситов, подобно средневековым гвельфам и гибелинам. Му'авия умел, однако, мастерски обессиливать оба противоположные течения, мудро распределял свои знаки милостей, ровно придерживая чаши весов, и сдерживал твердой рукой все их мелочные распри. Раз только по вопросу о престолонаследии и ему пришлось нелегко с ними, но благодаря известному своему искусству и бесстрастию он успел и тут побороть возникшие несогласия. Он особенно превосходно усвоил манеру обращения с народом: хотя некоторые замечают, что и халиф также, вероятно увлекшись опытностью своего «братца» Зияда, завел постепенно телохранителей, почетную стражу и полицейских, но он понимал, что свободный араб имеет право позволить себе высказаться самостоятельно перед лицом пове-

* Ма'адд — общий прародитель, от которого почти все измаилиты арабы ведут свое происхождение, точно так, как первоначально проживавшие на юге племена йеменские ведут свой род от Кахтана, Иоктана библейского.

лителя правоверных. Даже на грубость он предпочитал, для поддержания обаяния своего сана, отвечать лучше языком, чем кнутом. И мудрый мекканец почти всегда находил в запасе меткое словцо. Дерзкие бедуинские замашки, таким образом, ни разу не перерождались в грубое неповиновение либо нарушение общественного спокойствия. До нас дошла история вражды, возгоревшейся между двумя маленькими племенами, Амир и Ракаш, принадлежавшими к йеменцам куда'итам: обе родственные ветви из-за какого-то несчастного пари жестоко перессорились. Особенно преследовали друг друга эпиграммами Зияд ракашит и Худба амирит; дошло наконец до настоящего побоища, и Худба умертвил Зияда. Родственники обратились с жалобой к Са'ид Ибн-аль-Асу, заместившему только что Мервана в качестве наместника Медины. Тот засадил нескольких родственников Худбы в тюрьму в виде ответственных заложников за всю семью. Надо было выручать близких, и убийца явился добровольно сам. Са'ид отослал его вместе с донесением к халифу. Худба был недурной поэт и все свое дело импровизировал в стихах перед муавией. Как и всякий араб, халиф обладал и вкусом, и пониманием настолько, чтобы оценить высокий поэтический талант, да и сам иногда при случае пописывал стихи. Несчастный заинтересовал его, но оправдать было трудно. Му'авия отослал преступника назад к наместнику с указанием держать его в тюрьме, пока не подрастет сын убитого Зияда и не решит, что делать с пленником: отомстить ли убийце смертью за смерть или удовольствоваться вирой. Халиф полагал своим решением спасти несчастного, но он ошибся: лет пять, шесть спустя молодой человек достиг определенного возраста, пожелал смерти Худбы и на этом уперся, хотя многие почтенные граждане Медины, в числе их наместник, сыновья Омара и Алия, предлагали ему уплатить удесятеренную пошлину за кровомщение. Честность и дарования пленного заполонили сердца многих. Когда вывели его на казнь, он вручил душу свою Богу в следующей строфе:*

• Ruckert. Hamasa 1, стр. 174. Вся история изложена там подробно.

О Господи на троне, перед Тобой муслим,
к Твоей защите прибегаю
От огненной геенны, я, богатый
скорбию страдалец.
Неправое ли ненавистно было, доколе
не касалось лично.
Строптивость увлекла, неправым '
стал, жаровней распалился гнев.
Но, что б ни говорили деспот и
его синклит,
И около ворот толпы
богатых, бедных, —
Я все-таки уверен, что никто не повелевает, — Ты один:
Если Ты караешь, это в Твоей власти,

Если Ты милуешь, то ведь Ты всемилостивый.

Но по дороге к месту казни он сымпровизировал новую строфу в ином духе:

Не ликовал я никогда, хоть счастье
нередко улыбалось,
Но не робел при встрече — порою
с злой судьбой.
Не я раздор затеял — горе притянуло:
Что ж, храбро устремился — где
нужно первым на коне.
На ссору вызвал друг, и я его
убил.
Хотя бы и свояк обидчик твой — не уступай,
борись!

Своеобразные переливы утешительного исповедания простой и величественной исламской идеи покорности судьбе рядом с неискоренимой старинной арабской спесью представляют нечто в высшей степени трогательное. В стихах этих легко также подметить, как глубоко еще сидело чувство личной независимости и раздражительной гордости даже в груди лучших людей народа. Еще новое доказательство замечательного искусства управления Му'авии: он умел обуздывать всевозможные страсти. Менее способному правителю легко могло не посчастливиться. Другому не удержать бы этих упрямцев от всеобщей жесточайшей взаимной резни.

И на разные отдельные отрасли управления Му'авия обращал также серьезное внимание. Сам он работал усердно и много, во всем решительно стремился ввести улучшения. Будучи религиозно индифферентным, он не боялся ставить на высшие должности христиан, наиболее освоенных с местными порядками. Он старался ввести самостоятельную чеканку, избегая рабского подражания чужим образцам. При нем первом стали выбивать серебряные и золотые монеты с оригинальным собственным чеканом. В высшей степени, однако, характерно, что арабы, особенно недоверчивые к золоту, не захотели принимать новую монету, «так как на ней не было креста». Как ни ненавистен был для мусульман этот символ христианской религии, но как свидетельство полновесной византийской чеканки он повсеместно встречал самый лестный прием. С особой заботой относился Му'авия к финансам. В его владычество подати не были особенно тягостны, но он пользовался всяким обстоятельством, чтобы добыть побольше денег. Раз (июня 659=39) явились к нему на разбирательство епископы яковитские и маронитские со своими вечными религиозными спорами. Он допустил к себе этих глупых ревнителей, не постыдившихся из-за богословских препирательств выставлять на суд мусульманского эмира насущнейшие дела христианства. Диспут продолжался долго; спокойно он выслушивал обе стороны, пока епископы не наговорились досыта, причем яковиты под конец как будто начали сдаваться. Тогда, обратясь к ним, эмир стал увещевать их на будущее время быть посмирнее, а чтобы не обижали их впоследствии мароните, потребовал за свое покровительство взноса ежегодно в государственную казну 20 тыс. золотых динариев.

Прочное единение всех сил ислама в одних руках дало вскоре возможность Му'авии двинуть большинство свободного войска вперед на дальнейшие завоевания. Лишь только халиф почувствовал себя достаточно укрепившимся, он тотчас же нарушил перемирие с византийцами. И начались почти без перерыва в течение более 20 лет походы и набеги, страшно опустошавшие несчастную Малую Азию. По меньшей мере раз в году, а то и два громадной лавиной разливались арабы по пограничным областям, напирали все дальше и дальше, брали города, разоряли страну. Греки защищались, понятно, как умели; борьба шла с переменным успехом, часто арабы близко подходили к Константинополю, но ни разу не удавалось им надолго покорить весь полуостров. Здесь, не так, как в Сирии и Египте, на византийцев не глядели как на постылых господ, чуждых населению по своему происхождению. Здесь была исконная греческая земля, а нападали на нее полуварвары, разбойники семиты. Сами жители напрягали все силы, чтобы избавиться от них. И приходилось арабам постоянно терять в конце концов все завоевания в короткое время. Рядом с несколькими победами, крупной добычей, множеством пленных случалось и им терпеть чувствительные поражения, в особенности же под стенами Константинополя, где приходилось каждый раз платиться головой.

Историю этих походов, каждого особо, опять-таки весьма трудно восстановить. Арабские известия, можно сказать, более чем лаконичны. Успехи так часто сопровождались чувствительными потерями и к тому же были так скоропреходящи, что о них неохотно упоминалось в летописях. Византийские источники во всем, касающемся этого периода, тоже слишком скудны; дошедшие до нас отрывочные сведения переполнены противоречиями и лишь изредка не расходятся с арабскими известиями. Более освещен, как кажется, большой двойной поход, предпринятый в 43—45 гг. (663—665) под первоначальным предводительством Бусра Ибн Арта. Заняв часть Малой Азии в 43 (664), он перезимовал на месте, а летом 44 (663) двинулся далее; отряды его заняли позиции недалеко от Константинополя. Осенью заменил его Абдуррахман, сын Халида, покорителя Сирии. Равно как и отец его, он был наместником в Химсе (Эмесса) и прежде нередко переступал византийские границы. На этот раз двинут был особенно значительный отряд. И действительно, полководцу удалось, огибая полуостров вдоль северных склонов Тавра, занять крепости Аморium и Пессинунт, даже достичь Халкидона,

расположенного напротив Константинополя. С помощью флота, которым теперь командовал Буер, обложена была также Смирна. Но в 45 (665) обстоятельства как-то сразу меняются, арабы отступают, а в 46 (666) Абдуррахман снова очутился в Химсе. Вскоре после того его сразила внезапная смерть, как говорят, от яда, преподнесенного по приказанию Му'авии. Халиф начинал опасаться влияния, распространившегося на весь север Сирии, этого блестящего, обоготворяемого войсками полководца. Но с его смертью вовсе не было покинуто раз начатое большое движение. Несколько лет спустя* двигается уже снова большое арабское войско в пределах византийской империи. Предполагалось на этот раз напасть на сам Константинополь. Дурное управление Констанция II навело некоего Шапура, по происхождению перса, служившего в византийских войсках, на мысль свергнуть императора и самому занять его место при помощи военного заговора. Для того чтобы провести свой план более удачно, он не постыдился обратиться к злейшему неприятелю новой своей родины. Му'авия, понятно, с радостью ухватился за такой благоприятный случай. На этот раз войско выступило из западной Армении, недавно опустошенной летучими колоннами Фадалы Ибн Убейда. Заняв снова Аморium, Фада-ла потянулся далее к Халкидону, но здесь вскоре обнаружилась вся ничтожность его сил. Посланы были ему в подкрепление более значительные войска. Полководцем назначен был номинально Язид, сын Му'авии. Давно уже халиф замышлял объявить его своим наследником, а потому, пользуясь обстоятельствами, пожелал доставить ему широкую известность каким-либо воинскими успехом. А чтобы он не натворил бед, ему дан был в руководители опытный Суфьян Ибн Ауф. Между тем в Константинополе положение дел вполне изменилось. Шапур, нечаянно сброшенный лошадью, сломал себе шею; вскоре затем (15 июля 668=48) умерщвлен был и Констанций И. Сын его и наследник, Константин IV, по прозванию Погонат, оказал-

* Более точное определение времени представляет большие трудности. Вероятно, новый поход происходил в 48 или 49 г. (668 или 669). И отдельные фазы предприятия не выяснены достаточно.

ся человеком совершенно иного закала: невзирая на мятежную столичную чернь, ему удалось отразить Язида, высадившегося тем временем с помощью флота на европейский берег и начавшего было осаду города. В арабских известиях встречается несколько отрывочных упоминаний о некоторых личностях, отличившихся под стенами города, а затем говорится сухо: «Язид с войском отступил». Они совершенно умалчивают о том обстоятельстве, что Му'авия, несомненно раздраженный неуспехом похода, вскоре же должен был напрячь все силы, дабы овладеть во что бы то ни стало Константинополем. Летописи довольствуются только заметкой вскользь под 54 г. (674), что занят был возле самого Константинополя остров (собственно говоря, полуостров Кизик на Мраморном море) и, «как говорят», в течение семи лет его не покидали арабы. При этом повторяется неизменно каждый год одна и та же стереотипная фраза: «поход против румов». Ввиду этих обстоятельств мы вынуждены дать веру свидетельству византийских историков, по которому арабы после занятия Ки-зика в течение семи лет* появлялись каждое лето перед городом и удалялись безуспешно с той же периодической методичностью: продолжать осаду круглый год препятствовали им необычные для них зимние холода и бурное в другое время года море. Они терпели постоянную неудачу благодаря неприступности сильных укреплений и страшному действию греческого огня, только что изобретенного и непосредственно примененного к защите столицы. Тем успешнее он действовал против этих врагов, что оружие их не могло нанести никакого вреда крепким стенам города. К концу управления Му'авии пришлось окончательно прервать все походы на Константинополь. Как рассказывают греки, при отступлении арабов погибли флот и сухопутные войска; буря разметала первый на высоте Памфилии, а армия в центре полуострова истреблена была под мечами преследовавших их византийцев. Поражение,

* По одним сведениям, 672—678 (52—59), а по другим — 669—675 (49—56). Последнее было бы вероятнее, но никоим образом не сходится с арабскими показаниями.

однако, этим еще далеко не завершилось. Как кажется, император Константин продолжал пожинать плоды своей победы и далее. Греческие войска высадились в Сирии и успели возмутить против арабов некоторые округа финикийского побережья, особенно Ливан, у горных жителей которого и по сие время сохранилось сильно развитое чувство независимости. Но у историков противной стороны не встречается ни одной строчки об этой опасной диверсии; поэтому мы не в состоянии сказать об этом событии что-либо положительное. Это известие, однако, — не пустая выдумка, ибо непосредственно после Му'авии арабы как-то сразу перестают упоминать о византийцах. Объяснить это нельзя иначе, как заключением формального мирного договора между обоими воевавшими народами. А одно поражение под стенами Константинополя едва ли могло понудить к этому Му'авию. Не следует, между прочим, забывать, что еще ранее смерти Алия, при помощи могучего влияния неизменно дружественного арабам Ре-штунийца, Армения добровольно подчинилась (39=658), а император Констанций II не пожелал, да и не был в состоянии выступить снова на этом отдаленном театре войны. Вообще о том, что византийцы проникли через проходы Тавра в северную Сирию, нигде у других писателей не упоминается. Стало быть, у халифа были особые причины, настроившие его на мирный лад, и их следует,

естественно, искать в возмущении мардаитов*, тех именно сирийских бунтовщиков, которые вначале действительно могли навести на Дамаск порядочный страх. Нельзя было, понятно, опасаться серьезного потрясения мусульманского владычества в Сирии. Но Му'авия состарился, дни его клонились к закату, надо было сосредоточить все заботы на укреплении довольно сомнительной будущности династии. И вот он решился, подобно тому, как двадцать лет тому назад во

* Так называют этих бунтовщиков византийцы, очень может быть, прямо взяв арабское слово, обозначающее «восставший». Их отождествляют с маронитами, но, как кажется, неосновательно, несмотря на тождественность места их выступления.

время борьбы с Алием, заключить с императором мирный договор (678=58/9 — тридцатилетний, уверяют византийцы) с уплатой дани, как это и прежде водилось, о действительном значении которой мудрый Омейяд нисколько, конечно, не заботился.

В Африке дела шли много успешнее, по крайней мере при жизни Му'авии. Пока старый Амр продолжал быть наместником в Египте, ничего, конечно, не могло произойти в пользу дальнейшего распространения ислама. Но вскоре после его смерти (45=665) мы видим, что другой Му'авия, сын Худейджа, уже двигается вперед на запад. Как кажется, этот полководец не добился своим походом никакого более или менее прочного успеха. По-прежнему повторилось разграбление стран на запад от Малого Сирта вплоть до Карфагена, который теперь снова находился в руках византийцев. До этого пункта, во всяком случае, арабы еще не дошли. Полководец сделал, по-видимому, попытку невдалеке от города к югу заложить Кайруван*: т. е. укрепленный лагерь, наподобие военных поселений в Басре и Куфе. Во всяком случае, от этого предприятия пришлось отказаться. Начиная же с 47 (667), когда наместником Египта назначен был Маслама Ибн Мухаллад, набеги производились из года в год еще далее, за Триполис. Все эти набеги тесно связаны с именем курейшита Укбы Ибн Нафи. Понятно, предание сплело вокруг этого имени целый венок легенд, и действительные события прикрыты ими большей частью до неузнаваемости**. Одно только осталось достоверным, что походы Укбы направлены были приблизительно на оазисы посещаемой и прежде арабами, а теперь только более прочно покоренной страны Фезан, простираясь до Джармы*** и Гадамеса, обложенных данью. Затем он проник в

* Слово имеет очевидную связь с персидским «нарван» (отсюда происходит и наш караван), что обозначает вооруженный отряд, а также толпу путешественников и, наконец, стоянку.

** Обстоятельное и остроумное исследование по этому предмету можно найти у Wilhelm Roth: Oqba Ibn Nafi el-Fihri. Gettingen. 1859.

*" Гарама древних. И поныне зовется Джарма, лежит к WNW от Мурзука.

южную часть нынешнего Туниса, овладел главным городом, и наконец в 50 (670) положил основание* Кайрувану по близости задуманного еще Му'авией укрепленного лагеря. В весьма скором времени вырос из него целый город. В 55 (675) Укба отрешен был внезапно от должности по настоянию Масламы, пожелавшего поместить на его место одного из своих ставленников. Преемник обошелся с героем круто, даже одно время держал в заточении. Покоритель Африки устремился ко двору Му'авии, ища удовлетворения за перенесенное им презрительное невнимание к его заслугам. Му'авия обещал назначить его снова на прежний пост, но, поглощенный непрестанными заботами о направляемых против греков новых и новых походах, халиф был мало склонен к предприятиям в Африке и постоянно откладывал исполнение своего обещания. Только при наследнике его, Язиде, послан был храбрый полководец в 62 (682) в Африку. Одновременно он был освобожден от подчинения египетскому наместнику и, как кажется, управлял самостоятельно покоренными провинциями. С этого момента предания о его подвигах принимают чудовищно сказочные размеры. Отчасти еще вероятно, что Укбе удалось покорить пограничные округа, так называемый ныне восточный Алжир, и разбить смешанное войско греков и берберов. Нельзя также отрицать, в общем, возможности, что и тогда арабы начали расширять свои набеги далее на запад и юг. Но, с другой стороны, если взглянуть на результаты этой борьбы, как их представляют арабские историки, на достижение Укбою Тангера или даже самого Атлантического океана, то, само собой, нельзя не отнести этих известий к области чистейшего вымысла. Этому всеми почитаемому герою и мученику, видимо, старались присвоить, по крайней мере отчасти, все подвиги последующих завоевателей. Увы, в глазах историка блекнет весь блестя-

* При этом, как рассказывают, совершилось чудо. По повелению Укбы во имя Аллаха из сырой, покрытой непролазной чащей долины пресмыкающиеся и хищные звери с детенышами на спинах удалились немедленно.

щий колорит следующего, например, сказания. Летописец повествует, что за Тангером перед Укбою и изумленными его всадниками развернулся наконец необъятный горизонт Атлантического океана. Далее невозможно было двигаться вперед. Упрямый араб погнал свою лошадь в море, вода уже достигала морды животного. Тогда он воскликнул: «О Господи! Зову тебя в свидетели, здесь пройти нельзя. А если бы представился случай, я бы пошел и далее напролом!» Во время возвращения своего из этого

дальнего похода он был окружен вероломными отпавшими берберами и убит. Вероятнее всего, дело произошло несколько иначе. Со своим слишком незначительным войском* он двигался по покоренным местностям на запад от Кайрувана и погиб в стычке против соединенных сил берберов и карфагенских византийцев (63=683). С его кончиной пало и господство арабов в северной Африке: Кайруван заняли берберы, а Триполис и Фезан освободились от мусульманского ига. Итак, до конца вскоре разгоревшейся второй междоусобной войны Барка стала снова западным пограничным пунктом халифата.

Последствия одержанных при Му'авии мусульманским оружием успехов на востоке были, однако, значительно более блестящи. Лишь только могучее правление Зияда в Басре, а потом в Куфе позволило, двинуты были военные силы из Персии далее. С горными народцами Табаристана и теперь, конечно, трудно было справиться: дважды отрезан был путь к отступлению арабским отрядам в непроходимых ущельях этих отчасти покоренных стран — спереди и сзади показались неприятели, с двух сторон посыпались дождем с отвесных скал глыбы камней. Все до последнего исламского воина сложили здесь свои буйные головы. В конце концов пришлось ограничиться наблюдением за пограничными проходами и ограждением близлежащих провинций от набегов этих неудобных соседей. Зато на восток и север предпринимаемы были далекие походы вперед в тюркские владения в промежуток времени между

* У него было не более 5000 человек.

50—56 (670—676). Прежде всего заняты были Мерв, «Царский»*, Балх и Герат, отпавшие было во время междоусобной войны. Уже первый наместник Зияда в Хорасане, Ха-кам Аль-Гифарий, успел покорить Тохаристан, страну на юг и юго-восток от Балха, вплоть до Гинду-Куша; он первый, положим временно, перешагнул чрез Оксус. Затем, как кажется, восток опять возмутился, ибо по смерти Хакама снова должен был Раби Ибн Зияд** с 25 тыс. куфийцев и 25 тыс. воинов Басры завоевать Балх и другие города. Место последнего заступил в 54 (674) Убейдулла, 2 5-летний сын умершего наместника Зияда. Он двинулся далеко за Оксус, в страну Согдиану, дошел до Пейкенда и Бухары и нанес тюркам жесточайшее поражение. Им, как передают, пересланы были в Басру 2000 пленных — первые тюркские рабы. Вскоре появились они в западных провинциях халифата, и из года в год пригоняли их все новыми толпами; так продолжалось в течение нескольких поколений, пока они не обратились из невольников в господ. Когда же Убейдулла назначен был в 55 (674) в Басру, наместничество в Хорасане, от которого позже стали зависеть новые завоевания, перешло к Са'иду, сыну халифа Османа. Му'авия пожелал его этим привязать к себе. Новый полководец достиг Самарканда, хотя позднее, при халифе Язиде (61=681), новому наместнику, Сельму, брату Убейдуллы, пришлось снова завоевывать этот город. Подчиненность т у р о к своим новым властителям была, понятно, более кажущегося свойства. Лишь только удалялись мусульманские войска, наложенные подати не выплачивались и приходилось их выколачивать новым походом. Тем не менее влияние на эти страны ислама, хотя и с некоторого рода препятствиями, возрастало постоянно и неуклонно. Каждый договор, заключаемый с отдельным городом или племенем, как бы ни сомнительно было его внутреннее содержание, много спо-

* «Шах-и-джан», персидское название Антиохии Маргианской переводится почти всеми неправильно «Мировая царица». Значение этого слова просто — «Царская» (см. Olshausen у Rückert, Grammatik, Poetik und Rhetorik der Perser, hevausg, von Pertsch, Gotha 1874, стр. XIX).

** Не сын наместника, а одноименник из племени Абс.

собствовал обеспечению ранее завоеванных владений, а также служил как бы подготовлением к будущему, более прочному захвату; поэтому оказалось весьма кстати, что тот же самый Сельм успел войти в полюбовное соглашение с жителями Х а в а р и з м а * (нынешняя Хива) насчет уплаты податей. Впрочем главную заслугу во всех этих блестящих успехах следует приписать не наместникам, часто сменявшимся, а состоявшим в их распоряжении полководцам. Находились они постоянно, без смены, на одном и том же посту; к нам привыкали войска, в свою очередь они изучали страну и население. Самое выдающееся между ними место занимал, несомненно, Мухаллаб, сын Абу Суф-ры, — йеменец из племени Азд. Особенно отличался он при наместниках Са'ид Ибн Османе и Сельме в походах на Самарканд, а вскоре призван был играть еще более серьезную роль. В первые годы управления Му'авии он успел отличиться на другом театре войны. Из набегов, производимых (с 38 или 39=659) с юга Хорасана, на турок, обитавших в нынешнем Афганистане, развилась уже давно пограничная война, увлекшая арабов после победы над тюркскими князьками Кабула и взятия этого города в 42 (662) до самого Пенджаба (Пятиречья). Но она окончилась чувствительным поражением. Тут-то в 44 (664) и выказал Мухаллаб свой выдающийся талант полководца. Опираясь на Кабул, снова взятый после многократных возмущений, двинулся он вперед по дороге, проложенной со времени Александра для всех великих азиатских завоевателей вплоть до нынешнего столетия, и потянулся вдоль реки Кабула вниз к Пяти-речью индийскому. И он, и его преемники ограничились, впрочем, одними опустошительными набегами на равнину, удерживая за собой постоянно только горные проходы и присоединив к государству Мекран и

другие части нынешнего Белуджистана, равно как и округ Кандагара. Приходилось довольствоваться этим и потому еще, что с 61 (681), когда возгорелась междоусобная война, мало-помалу

* «Хаваризм» по арабскому произношению, «Хорезм» — по-персидски

возникали среди арабов и в этих пограничных провинциях раздоры, послужившие поводом к отпадению тюркских стран по ту сторону Оксуса, а также к неоднократным возмущениям в Кабуле и других местностях.

Невзирая на неудачи и потери, понесенные в войне с византийцами, в последние годы своей жизни муавия стал властителем государства крепкого и благоустроенного внутри, могущественного и широко раскинувшегося извне. С полнейшим самодовольством мог он обозревать все им совершенное. Одного только недоставало его созданию — желательной вековечности. Надо было позаботиться об установлении прочного престолонаследия. М/авия был истым типом Омейядов. Как же было ему не пустить в ход все зависящие от него средства для удержания в своей семье власти, стоившей ему стольких трудов и коварства, власти, закрепленной не одним тяжким преступлением. Благодаря многоиспытанной привязанности к нему сирийцев было бы это, конечно, и не особенно трудно, если бы старший его сын Язид не возбуждал против себя людей во многом. Не велика беда, что наследник еще менее, чем отец, обращал внимание на предписания Корана, страстно любил вино, охоту и азартные игры, все бы ничего: немного бы повредили ему все его недостатки в глазах сирийцев; но воинственные племена с неудовольствием замечали в нем крайне неприличное отвращение к воинским тяготам. В трусости никто не мог его обвинить, конечно. Но когда Му'авия задумал назначить своего сына предводителем подкрепления, посылаемого в Халкидон к Фадале, юноша вздумал набросать несколько иронических строф, в которых он открыто выражал полное свое равнодушие к тому, от чего страдают люди там, в Халкидоне, — от лихорадки или же ревматизма, лишь бы ему дозволили в покое просиживать, развалясь на софе вместе со своей молодой женой, в монастыре Мурран*. На этот раз, конечно, волей-неволей он должен был тащиться в поход и, как кажется, держал себя вообще храбро. Лично все его лю-

* Возле самого Дамаска. Здесь можно было потягивать винцо не тревожимому никем.

били за мягкость обращения, поэтическое дарование и щедрость, но одна часть сирийцев положительно не могла ему простить его происхождения. Достаточно было одного, что его мать была дочь Бахдаля, главы племени Бену-Кельб, чтобы наполнить сердца кайситов недоверием к молодому принцу. Тем не менее никаких не возникло недоразумений, когда в 56 (676) курейшит по имени Даххак Ибн Кайс, одно из приближеннейших к Му"авии лиц, обратился официально к халифу с предложением признать Язида наследником престола еще при жизни повелителя во избежание новой междоусобной войны. Иначе, однако, поглядели на это дело в других провинциях. Вытребованы были спервоначалу в Дамаск представители Ирака вместе с наместником Басры Убейдуллой для выслушания их мнения. Выступил глава проживавших в Басре из племени Бену Темим и дал следующий замечательный ответ: «Нам боязно высказать тебе всю правду, но мы страшимся Бога, если солжем, — и решительно отсоветываем». Наконец удалось, однако, иракцев понудить, частью подарками, частью угрозами, принести присягу. Но всего опаснее оказалось отношение жителей Медины. В священном городе жили многие уважаемые лица, которые могли благодаря своему происхождению сами питать некоторые притязания на халифат. Это были: Хусейн и Абдулла Ибн Зубейр, далее сыновья Абу Бекра и Омара, а затем наследник Османа, только что назначенный наместником Хорасана. К тому же сама личность Язида подавала повод к наивысшему возбуждению. «И мы должны, — восклицал Абдулла Ибн Омар, - присягнуть этому, окруженному вечно обезьянами и собаками, попивающему вино, а зачастую совершающему наипостыдное? Что же мы ответим Богу?» Таково было всеобщее настроение в Медине. Поэтому Мерван, когда Му'авия сообщил ему о своем намерении, с ужасом предостерегал и умолял халифа отказаться от своего первоначального плана. Повелителю могло весьма легко показаться, что совет дан был небескорыстный. Один из старейших среди всех живущих еще Омейядов двоюродный брат Османа мог и сам считать себя за наиболее подходящего на этот высший сан. Халиф сменил его немедленно же с наместничества в Медине и сам отправился в сопровождении тысячи отборных всадников в град пророка. Но лишь только успел он прибыть, как четверо, недаром боявшиеся насилия, убежали в Мекку, надеясь найти защиту и безопасность в пределах священного округа. Му'авия, однако, нисколько не стеснялся, не располагая воздерживаться от достижения раз задуманного им предприятия ради какого-то уважения к предписаниям веры, и преспокойно потянулся вслед за ними. Когда попытки подарками и обещаниями склонить их на свою сторону не удались, он объявил окончательно, что акт присяги будет совершен у самой Ка'бы, а возле каждого из недовольных поставлены будут по двое бедуинов с мечами наголо. Кому же вздумается не соглашаться, тот немедленно будет изрублен на куски. В мечети халиф поднялся на кафедру и потребовал формально от соединенной общины поклясться в верности Язиду, а затем добавил: «Глядите, люди эти, князья, лучшие среди правоверных — без них не начинается никакое дело и без совета их ничего не решается, — они только что согласились поклясться Язиду в верности. И вы поклянитесь ему же во имя Господне». Те четверо, понятно, и слова не проронили, видя кругом обнаженные мечи. Не было никакого сомнения, что Му'авия преспокойно исполнит свою угрозу, нисколько не стесняясь святостью места. Их примеру последовали и

мекканцы. А когда на возвратном пути халиф остановился в Медине, точно так же никто из набожных не осмелился там упорствовать долее. Таким образом, Язид был признан официально, во всех провинциях, законным наследником престола после того, как и в давно успокоившемся Египте все обошлось мирно. Будущность показала, однако, что вынужденная присяга имела лишь цену чистейшей формальности.

Му'авия скончался в Раджабе 60 (апрель 680*), окончательно состарившийся и пресыщенный жизнью. Им остав-

* Точное число не установлено определенно. Мнения наилучших авторитетов не сходны и колеблются между 1 и 15 (7 и 21 апреля); первое указание наиболее вероятно. Также не вполне выяснен возраст, которого достиг Му'авия. По-видимому, он умер в преклонные годы старцем 70—80 лет.

лено было нечто вроде политического завещания. Если только оно подлинное*, можно его сравнить, судя по многим местам, с вещим взором, проникающим в будущее. Положим, даже менее проницательный человек, чем умиравший халиф, легко мог прийти к тому же самому заключению, которое выступает так резко в посмертном завещании: оно предостерегает будущего повелителя от двух личностей, которые, действительно, назначались судьбою поднять против него знамя бунта и поставить снова на краю гибели весь арабский мир, возжигая новую тринадцатилетнюю междоусобную войну. Это были: Хусейн, сын Алия, и Абдулла Ибн-аз-Зубейр.

ГЛАВА II
ВТОРАЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА

В день смерти отца своего, когда Язид (Раджаб 60—14 Раби б4=апрель 680—10 ноября 683) сделался повелителем в Дамаске, он смело мог рассчитывать на одну могучую поддержку — сирийцев. Десятки лет служили они с преданностью Му'авии и понимали хорошо, что их собственное выдающееся положение среди остальных племен государства неразрывно связано с владычеством Омейядов. Новый халиф к тому же приходился им по душе, пожалуй, еще более, чем отец. Сын бедуинки, с согласия своего супруга вер-

* В подлинности этого акта рождается большое сомнение, ибо в нем находится следующий период: «Обходись с большой бережностью с людьми Ирака, и если они потребуют от тебя хотя бы и каждодневной смены наместника, исполни согласно их желание. Легче сносить перемены в управлении, чем увидеть сразу 100 тыс. мечей обнаженных» Подобная речь была не в духе Му'авии. Никогда он не вздумал бы отозвать своего Зияда либо Убейдуллу лишь потому только, что они исправились иракцам. Период этот, а вероятно и все завещание, есть про рочество по дальнейшим событиям.

нувшейся из-за тоски по родине к своим, он провел всю юность возле матери в степи. С навыками и воззрениями бедуина, умевшего обходиться с каждым свободным арабом как с равным себе, соединялось в нем отвращение ко всему, носящему явную печать ханжества, разделяемое вместе с ним всей тогдашней Сирией, но у него дошедшее до неприязненности, вообще нисколько не скрываемой, к предписаниям религии. Если отстранить очевидные клеветы, возводимые на него позднейшими писателями, и придать всем этим известиям должную меру, он был, надо полагать, человек жизнерадостный. Ни от какого удовольствия не сторонился этот богато одаренный и милый юноша. При подобных душевных качествах обладал ли он серьезными задатками сильного характера и другими тому подобными достоинствами правителя, которые могли бы со временем обнаружиться, трудно сказать что-либо определенное, так как краткость управления не дает возможности судить о нем более или менее основательно. Не принимая в расчет первоначальных мер, подсказанных современными ему обстоятельствами, в применении которых и самый незначительный принц едва ли мог бы сделать ошибку, до нас дошло одно резкое распоряжение об отмене разрешенного Омаром освобождения сирийских христиан от уплаты хараджа. Этим значительно ухудшалось, конечно, положение этого класса подданных в государстве. Но весьма возможно, что возникший в Аравии бунт властно понуждал государство к увеличению доходов и потребовал устранения всяческих привилегий. Поэтому и этого, быть может, нельзя ставить ему в вину. Во всяком случае, все принадлежавшее в Сирии к арабскому происхождению крепко держалось Язида в то время, когда из других провинций приходили все чаще и чаще угрожающие вести. Вслед за вступлением в управление разослано было окружное послание ко всем наместникам — в нем повелевалось привести народ к присяге новому халифу. В Ираке произошло это, по крайней мере в официальном порядке, без громкого ропота. Но когда послание Язида дошло до Медины, наместник Аль-Валид Ибн Укба несколько позамешкался и не ус- пел задержать своевременно Хусейна и Абдуллу Ибн-аз-Зу-бейра, так что им удалось скрыться из города и уклониться от принесения присяги по понуждению. Они поспешили снова в Мекку. Здесь, в этом священном округе они чувствовали себя хотя бы временно более огражденными, чем в Медине, где у Омейядов все-таки было под рукой изрядное количество безусловных приверженцев. Из других возможных соперников Язида сын Абу Бекра в то время скончался, а Абдулла Ибн Омар предался исключительно набожности и аскетизму, так

что и его не было никакой надобности более тревожить. Но те двое, поселившиеся и Мекке, грозили действительно стать со временем неудобными. Вот почему Язид и послал в Рамадане 60 (июнь 680) на смену Валиду Амра Ибн Са'ида по прозванию Аль-Ашдак*, повелев ему принять меры к поимке Абдуллы Ибн-аз-Зубейра. Хусейн казался, вероятно, менее опасным, кроме того, халиф, по-видимому, желал щадить по возможности внука пророка. Новый наместник направил в Мекку другого Амра, брата Абдуллы, заклятого врага последнего, с отрядом в 2000 человек. Не предполагалось, как кажется, употреблять насильственных мер в пределах святого округа, хотели просто постараться выманить оттуда Абдуллу. Но тот распорядился иначе, напав врасплох с помощью своих приближенных на расположившийся лагерем в некотором отдалении от города отряд. Амр взят был в плен и с согласия брата замучен личными его врагами. С этого времени Ибн Са'ид изменил радикально образ своих действий. Он окружил Мекку сетью шпионов, которые извещали его обо всем, что делал и говорил Абдулла. Таким образом наместник надеялся подстеречь благоприятный момент и арестовать опасного человека, но Абдулла вел себя осторожно и ни на шаг не отлучался из округа Мекки.

Между тем со времени вступления в управление Язида в Ираке снова зашевелились шииты. Наместник Куфы, Ну'ман Ибн Бешир был человек благомыслящий. Когда до него дошло, что в городе начинают поговаривать о Хусейне, сыне

* Широкая глотка, а в переносном смысле «краснобай».

Алия, как о настоящем законном халифе, в следующую же пятницу произнес он проповедь, в которой вообще очень правильно развил тезис о непригодности междоусобных войн. Однако сам он ничего не предпринимал для подавления мятежного духа. Тайком выправили между тем шииты четырех послов, одного за другим, к Хусейну с предложением пожаловать сюда к своим верным. Они обещали признать его халифом и защищать права его с оружием в руках. Хусейн прислал им с двоюродным братом своим, Муслимом Ибн Акилем, благосклонный ответ, а ему поручил разузнать поподробней обо всем происходившем в Куфе. Посланы были сообщения также и в Басру к некоторым почтенным личностям. Но здесь, при строгом наблюдении Убейдуллы Ибн Зияда, никто и шевельнуться не посмел. Между тем Муслим в Куфе, неоспоримо принятый с распростертыми объятиями, успел навербовать втихомолку более 12 тыс. приверженцев. Вскоре получено было Язидом от державших сторону правительства извещение о возрастающем в городе движении и бездеятельности наместника. Халиф немедленно принял меры: послано было повеление Убейдулле сдать управление в Басре одному из своих братьев, а самому заняться подавлением заговора в Куфе. Со свойственной энергией принялся наместник за выполнение опасной задачи. Забрав с собой лишь немногих из приближенных, он неожиданно появился вечером в Куфе, прикрывая лицо, чтобы дать веру им же распространенному слуху, что он — Хусейн, решившийся будто бы стать во главе своих единомышленников. Таким образом ему удалось беспрепятственно добраться до крепкого правительственного замка. Ну'ман принял его с честью и беспрекословно признал за преемника, радуясь, что с него слагалась тяжкая ответственность в споре между халифом и внуком пророка. Как ни велико было число сторонников Муслима, им все-таки далеко было до преобладающего большинства находившегося в городе войска. К тому же многие из заговорщиков хотя и примкнули к нему, увлекаемые общим течением, но вовсе не желали подставлять голову, не уверенные в решительном успехе. Поэтому, когда на следующий день выступил новый наместник с речью, пересыпан- ной страшными угрозами в духе Зияда, ряды шиитов сразу поредели. Пошли толки, не благоразумнее ли будет отложить предприятие, и вскоре сам Муслим вынужден был скрываться у одного надежного человечка по имени Хани Ибн Урва. Убейдулла тотчас же пустил, разумеется, в ход своих полицейских ищеек. Хани был вскоре схвачен. Муслим попытался было освободить друга, но замысел не удался. Народная толпа, которую он собрал вокруг себя, недолго пошумела возле замка наместника, а на нападение открытой силой не решилась и рассеялась по первому приглашению уважаемых людей, приверженцев порядка. Муслиму пришлось плохо, его схватили и казнили вместе с Хани (Зуль Хиджжа 60, сентябрь 680). Почти одновременно с совершившимся немедленно вслед за окончанием паломничества (10—12 Зу'ль Хиджжа =11 — 13 сентября) того же года Хусейн по получении от Муслима известия, что 12 тыс. человек им завербованы, собрался наконец покинуть Мекку. В сопровождении всей семьи и некоторых личных приверженцев, в общем в числе 200 человек, двинулся он по дороге в Куфу. Во всяком случае, это было безрассудное предприятие. Казалось, Хусейн более чем достаточно испытал еще при жизни своего отца, насколько можно было полагаться на иракцев, а Алий тогда был единственным господином в Ираке, теперь же сидел в Куфе наместник Омейяда, и никто не мог знать, как отнесется вообще к делу большинство его подчиненных. Умные люди предвидели наперед всю рискованность предприятия. Абдулла Ибн Аббас, хотя и живший в мире с Омей-ядами, сохранил, однако, некоторое участие к судьбе столь близко родственного ему дома Алия и неоднократно пытался отклонить племянника от сумасбродного похода. И другие его тоже предостерегали. Аль-Фараздак, знаменитейший из поэтов эпохи Омейядов, только что прибывший на паломничество в Мекку из Басры и спрошенный Хусейном о настроении умов в Ираке, ответил довольно определенно: «Сердца их клонятся к тебе, мечи принадлежат сынам Омейи, а решение — в руках Божьих; Господь сотворит, что ему угодно». И все было тщетно. Рыцарский дух и неспособность правильно оценить политическое положение, то и другое — роковое отцовское наследие, — послужили к гибели Хусейна. Немало помогли и нашептывания фальшивого друга его, Абдуллы, сына Зубейра, который успел

раздуть до необычайных размеров неосмысленное честолюбие приятеля. Этот Абдулла, неоспоримо храбрый лично, но при этом руководимый громаднейшими притязаниями, был одним из тех, у которых недостаток характера восполняется хвастливым обращением и выставляемым всем напоказ чванством. И он принимал свое довольно обыденное умение держаться себе на уме за высокое дипломатическое дарование, а свою личность считал вполне способной, чтобы разыгрывать в безопасной Мекке роль муавии, натравливая беспрестанно сирийцев на иракцев с целью самому выдвинуться вперед. Для этих целей и показался ему Хусейн самым подходящим орудием: к тому же присутствие внука пророка в Мекке стесняло его, ибо он должен был поневоле делиться с ним влиянием на горожан. Поэтому он отуманивал горячую голову невозможными надеждами, а в то же время заверял в своей глубокой преданности и довел наконец Хусейна до того, что тот решился, полагаясь на одно краснобайство куфийцев, ринуться в сопровождении незначительного конвоя головой вперед в самое логовище Убейдуллы. Не без иронии поздравил Ибн Аббас Ибн Зубейра с отбытием Хусейна из Мекки. И действительно, «великий этот политик», как это бывает в подобных случаях, мог возрадоваться, что исполнялся один из его ближайших замыслов.

Хусейн проехал почти до самой Куфы, никем не потревоженный. Наместник Медины, Ибн Са'ид, при виде мирно проезжавшего по Хиджазу сына покойного халифа, удовольствовался посылкой письма, в котором советовал ему отказаться от необдуманного предприятия. Когда же получил уклончивый ответ, то не счел себя уполномоченным предпринимать какие-либо решительные меры. В Куфе между тем Убейдулла распорядился об основательных подготовлениях к приему Хусейна. Расставлены были эшелонами от пустыни до Евфрата все находящиеся под рукой войска, чтобы тотчас же при первом приближении перехватить дерзновенного. В конце 60 (в конце сентября 680) странствующие витязи наткнулись невдалеке от Кадесии на отряд куфийцев, которых было около 1000 человек под командой темимита Аль-Хурр Ибн Язида. К маленькому каравану Хусейна успели примкнуть по дороге некоторые личные приверженцы Алия и небольшое количество бродячих бедуинов. Правительственному отряду было заранее приказано, в случае встречи с Ху-сейном, уклоняться от нападения, но неотступно следовать за ним по пятам вплоть до самой Куфы. Само собой, Аль-Хурр не желал лично ни в каком случае обидеть сына Алия: он отнесся дружелюбно к Хусейну, требуя настоятельно, чтобы тот отказался от предприятия, указывая ему, что успех положительно невозможен. Вместо ответа сын халифа послал ему целый ворох писем куфийских шиитов, требовавших от него появления среди них: это были два мешка, набитые бумагой, исчерканной бесчисленными подписями. Темимит подумал, покачав головой, что ведь ни он, ни его солдаты не принадлежали к партии, подписывавшей прошение. Правда, он не получил приказания действовать неприязненно, но доставить путешественника к Убейдулле обязан, если только тот не повернет назад. А это последнее было бы самое благоразумное, пока еще предстояла возможность отступиться от дурно начертанного плана. Одновременно дошел до Хусейна к тому же слух о неудачах, постигших движение в Куфе, о смерти Муслима и Хани, и, казалось, исчезла всякая надежда на успех восстания шиитов в городе. Несмотря, однако, на все свои недостатки, Хусейн обладал благородным характером отца. На трусливое отступление, после того как меч палача обагрился кровью его верных, он не мог никак решиться, а братья Муслима, его же двоюродные братья, объявили прямо: «Клянемся, назад мы не отступим прежде, чем не отомстим за брата, или же испробуем то, что и он испытал*». Вручая свое дело в руки Господа, несчастный решился закончить свое отчаянное предприятие лишь почетным договором либо пасть в честном бою. А пока отменил движение вперед на Куфу, по изменившимся обстоятельствам не имеющее более никакого смысла, и повернул на север по на-

* Всяческая душа обязана испробовать смерть. Коран, сура 3.182.

правлению к Евфрату. Хурр со своими бедуинами по-прежнему следовал за ним. Всех, за исключением ближайших родных и друзей, в особенности же примкнувших по пути, Хусейн распустил, чтобы в крайнем случае не увеличивать бесполезного числа жертв. Между тем для большей надежности Убейдулла призвал к себе одного из лучших своих офицеров Омара, сына Са'да Ибн Абу Ваккаса, победителя при Кадесии, он только что выступил во главе 4000 человек к Каспийскому морю для обуздания горцев Дейлема, как получил повеление идти на встречу к Хусейну. Не без колебания согласился Омар командовать новой экспедицией, и 3 Мухаррема 61 (3 октября 680) уже настиг маленький отрядец Хусейна. Инструкции Убейдуллы, данные ему, не исключали совершенно мирного исхода. Сын одного из старейших сподвижников Мухаммеда, Омар, невзирая на глубокое убеждение в бесполезности новой междоусобной войны, не имел никакой охоты губить внука пророка, пока был еще возможен иной исход. Много дней протекло в личных переговорах, наконец Хусейн согласился, убежденный настоятельными представлениями противной стороны, сдаться на одном из предложенных ему трех условий: или вернуться в Мекку, или отправиться вместе со спутниками к Язиду и в Дамаске принести присягу, или же быть препровожденным на одну из границ государства и принять участие в борьбе с неверными вместе с прочими мусульманами. К Убейдулле немедленно же был отправлен посол с извещением. Наместник склонялся было принять это предложение как благоприятное разрешение всех предстоявших трудностей. Для нас, знакомых с развязкой, не может быть никакого сомнения, что во всяком случае он поступил бы умно, если бы предоставил Хусейну на выбор второе или третье условие, ибо дозволить ему теперь свободное возвращение в Мекку было действительно опасно. Но один из приближенных наместника, Шамир, сын

Зу'ль Джаушена — имя это и поныне вспоминается с омерзением во всем мухаммеданском мире и произносится каждым шиитом не иначе как с добавлением неизбежного эпитета: «Богом проклятый», — истый язычник, ненавидевший весь дом пророка и видевший безопасность трона Омейядов лишь в гибели претендента, сумел переубедить Убейдуллу и заставил его отклонить договор, а вместо того потребовать безусловной сдачи Хусейна и его верных; Шамиру же с отрядом пехотинцев поручено было присоединиться к Омару и передать ему этот новый приказ, а в случае нежелания неприятеля повиноваться тотчас же напасть на него и доставить Хусейна в Куфу живого либо мертвого. Если же Омар заупрямится, новый посланник уполномочен был изрубить его тут же на месте и принять самому начальство над войском. Наступило 9 число месяца, когда прибыл роковой вестник к войску. Омар выходил из себя, осыпал Шамира укоризнами, но не посмел идти наперекор воле своего эмира*. Как и следовало ожидать, Хусейн отклонил требование сдачи и стал приготовляться к последнему бою. Не могло быть никакого сомнения, чем это должно было кончиться: 150 человек окружены со всех сторон при местечке Кербела по крайней мере 5000-ным войском. Тем не менее развязка затянулась до полудня 10 Мухаррема 61(10 октября 680). Омару, а также и большинству его воинов захотелось, конечно, взять Хусейна живым; таким образом большая часть дня протекла в отдельных единоборствах. Постепенно таяло число защитников Хусейна, но решительный момент все еще не наступал. Наконец Шамиру надоело ждать так долго и он бросился с окружающей его толпой напролом, изрыгая проклятия. Сражаясь до конца отчаянно храбро, внук пророка пал, пораженный мечами и пиками тех, которые имели притязание исповедовать веру его деда; вместе с ним полегли его двоюродные братья и друзья, все до последнего, геройски защищаясь. Жен и детей пощадили; их отослали в Дамаск к Язиду. Одновременно отослана была к халифу и отрубленная голова Хусейна. Повелитель был страшно взволнован, когда узнал о ходе происшедшего: никогда, настаивал он, я не желал смерти этого дорогого мне человека.

* «Эмир» значило первоначально вообще военачальник, позднее настало обыкновенным титулом наместников и генералов, командуй» щих самостоятельно отдельными частями.

И этому торжественному заявлению мы должны поверить, тем более что он закрепил его актом, явно приносившим ему вред. Он отослал в неприкосновенности всех женщин и детей обратно в Мекку, окружив их подобаемым их сану почетом. Рассказы свидетелей о происшедшей катастрофе вдохнули негодование в сердца многих богобоязненных людей, близких по крови или же сподвижников пророка. Неудовольствие против дома Омейядов с этого самого момента все росло и росло. Если и здесь уже подготовлялся опасный косвенный удар против правления, при котором возможны такие нечестивые насилия, то последствия гораздо более широкого значения должен был вызвать день Кербела, особенно во всей восточной половине халифата. Все в Ираке, причислявшие себя к Шиат-Алий, воспылали стыдом и гневом при известии, что княжеский сын обоготворяемого ими покойного владыки, глава дома пророка, пал жертвой меча маловерных нечестивцев. В этих широких кругах ожесточение к партии Омейядов возгорелось далеко сильнее, чем даже после смерти Алия, которую, по крайней мере, нельзя было приписать им непосредственно. «Мщение за Хусейна» стало лозунгом всех шиитов, оказавшимся для сирийской династии столь же бедственным, насколько поднятый во время Му'авии клич «мщение за Османа» послужил ей на пользу. И это предвиделось правящей партией: Убейдулла слишком надеялся на себя и готов был всечасно подавить всякое движение саблей и плетью. Одного только не предусмотрел он, что умерщвление Хусейна повлияло на все дальнейшие события, как никогда ничем не исправимая ошибка. С этого самого момента начинается подъем народного персидского духа. Никогда не обманывающий инстинкт ненависти отметил гробницу, сложенную сострадательным людом в г Кербела для безголового туловища Хусейна, местом сборища для всех, кто в обширной стране тайно жаждал высвобождения из-под арабского ига. Не прошло и трех лет, как Шиат-Алий находился уже в открытом союзе с чисто персидскими элементами. Под эгидой талисмана, созданного требованиями религиозно-политического свойства «о вла- дычестве в доме пророка», дух Персии воспрянул и стал непобедим, невзирая на поражения без числа. И никогда не замирал он, сражаясь с арабскими полчищами то там, то здесь без перерыва, пока наконец монголы не накинули на всю Переднюю Азию громадной надгробной пелены, из-под которой арабы и персы, сунниты и шииты вновь появились впоследствии, но жалкими и навеки разрозненными. Таким образом, рядом с О м е й я д а м и и с т а р о в е р у ю щ и м и, которые сходились по крайней мере в одном — в признании халифа за абсолютного правителя в качестве наместника Мухаммеда, рядом с х а р и д ж и т а м и, требовавшими наивысшего суверенитета исключительно для общины, выступили теперь шииты — «легитимисты ислама». Догмат их, заключавшийся в исключительном полномочии Алия и его дома на имамат, разросся постепенно в неподдельное обоготворение Алия, Хасана и Хусейна. Естественным последствием этого нового учения было непризнавание первых трех халифов и всех преданий, не имеющих отношения к Алию. В этом смысле уже с 65 (684) стали возноситься молитвы при гробнице Хусейна, настоящего имама и мученика, точно так же, как и ныне совершают это тысячи паломников, притекающих к «Мешхед-Хусейн» («Месту успокоения мученика Хусейна»), священной местности, Ка'бе шиитского мира. Временно, конечно, под железной рукой Убейдуллы шииты не были в состоянии начать действовать. Зато в обоих священных городах подготовлялось под кажущейся спокойной поверхностью движение, взрыв которого следовало ожидать каждую минуту. Со смертью

Хусейна зародилось в Медине весьма опасное неудовольствие, а в Мекке Абдулла Ибн Зубейр старался всеми способами утилизировать печальное событие и нагреть себе руки. Горячо ораторствовал он против этой безбожной шайки убийц, а сам про себя меж тем тешился, что наконец-то избавился от несносного соперника, и в тесном кружке близких людей начинал уже разыгрывать «повелителя правоверных». Язид не очень-то доверял наружному спокойствию святых городов и находил, что метода Ибн Са'ида долго что-то не приносит плодов. Следуя изведанному приему Омайядов, халиф вздумал было и сам пойти на мировую. Напасть на Абдуллу вооруженной силой значило нарушить право убежища в священном округе, что могло поднять на ноги всех староверующих, и без того возбужденных смертью Хусейна. Как-то в раздражении халиф поклялся, что заставит Ибн Зубейра, закованного в цепи, принести ему присягу. Теперь послал он к своему противнику целое посольство с Ну'маном Ибн Беширом во главе, имея в виду переманить противника на свою сторону обещаниями. Ему предлагалось дружелюбно освободить Язида от клятвы и явиться в Дамаск для принесения присяги с хорошенькой серебряной цепочкой, укрытой под мантией, так что никто ее и не заметит. Абдулла некоторое время водил за нос посольство, а в заключение отклонил требование халифа, не обращая внимания на делаемые ему кроткие предостережения насчет слишком широкой уверенности его в неприкосновенности Мекки. Когда же Язид вслед затем сместил Са'ида и заменил его в Медине энергичным Аль-Валидом-Ибн-Утбой, Ибн Зубейр снова завязал переговоры для виду, чтобы выгадать время. Ему удалось искусно бросить тень на Валида, мешавшего будто бы мирным переговорам, и добиться замены его Османом Ибн Мухаммедом. Этот последний приходился двоюродным братом халифу, но не отличался ни энергией, ни умом: в непродолжительное время он успел вызвать в самой Медине целую бурю, которая на долгое время поглотила все внимание правления в Дамаске, не давая возможности следить за тем, что происходило в Мекке. Именно этому человеку пришла в голову несчастная мысль положить начало примирению династии с мединцами. Выбрал он девятерых из самых уважаемых среди старинных союзников пророка и послал их в Дамаск, дабы они принесли там устную жалобу на претерпеваемые ими чувствительные потери, как они утверждали, при отчуждении земельных участков в управление Му'авии. Добродушному Осману казалось, что удовлетворение их притязаний и разные тому подобные звонкие доводы, которые так охотно применяли Омейяды, поспособствуют улучшению настроения как этой депутации, так и их сограждан. Самому Язиду едва ли когда-либо в жизни приходилось сталкиваться с союзниками, он, вероятно, ничего более про них и не знал, как разве только то, что эти старые ребята — большие чудаки; когда-то, в старину, в сообществе с их так называемым пророком дрались они чуть не со всеми арабами, вот и думают слишком много о себе, а потому достаточно таки строптивы и невыносимы в обхождении. И постарался халиф очаровать, насколько только был в состоянии, эту депутацию глядящих сумрачно и неразговорчивых старцев, присланных к нему наместником (62 = 682), явившихся в каких-то до невозможности затасканных одеждах. Их приглашали на все придворные празднества, все их требования, само собой, удовлетворены были без всяких затруднений, а каждому отдельно вручена была сверх того весьма солидная сумма, приблизительно в 100 тыс. дирхем. Деньги они взяли, иначе не были бы арабами. Но каким нравственным негодованием воспылали эти люди, лицезревшие пророка во всем величии его набожности и простоты и считавшие своей обязанностью по возможности следовать его примеру, когда увидели эту преступную роскошь, в которой утопал сам заместитель Божьего человека, — передать трудно. «Мы вернулись от человека неверующего, — ворчали они грозно по своем возвращении. Он пьет вино, бренчит на цитре, певицы перед ним поигрывают на арфах, кругом — собаки; с воришками верблюдов* и развратниками ночи коротает...» И вот раз в начале 63 (682) случилось в мечети пророка, что всеобщее негодование вдруг прорвалось широким потоком. Выскочил на середину Абдулла Ибн Амр, один из девяти, и воскликнул, срывая чалму с головы и бросая ее оземь: «Этим самым лишаю я Язида сана халифа, точно так, как свою голову чалмы!» Собравшиеся набожные громко выразили свое одобрение, поднялся гам: один сбрасывал туфли, другой срывал одежду, и вскоре накидали они целую кучу различных принадлежностей туалета в знак религиозной ревности не в меру расходивших-

* То есть бедуинами, зараженными старинными обычаями степей.

ся ансаров и акта отвержения безбожного повелителя*. Но взрыв не остановился на одном иносказательном выражении чувств. Вся Медина сразу поднялась как один человек. Изумление наместника и всех в совокупности Омейя-дов, вместе с рабами, клиентами и приверженцами составлявших по меньшей мере 1000 человек, было столь велико, что они и не подумали оказывать ни малейшего сопротивления и дозволили выпроводить себя со стыдом из города, сопровождаемые всевозможнейшими ругательствами. Одни сыновья Омара, Алия и Хусейна не принимали участия в этом изгнании Омейядов; первый даже покинул город, где отныне должны были произойти внушающие ужас события.

На первых порах Язид возмущен был скорее отсутствием мужества, так постыдно выказанным его приверженцами, чем самим фактом бунта Медины. Как и всегда, попробовал он сперва отнестись к непокорным снисходительно. Прежний посол к Ибн Зубейру, Ну'ман Ибн Бешир, был единственным ансаром, державшимся Омейядов; поэтому он казался самым подходящим для убеждения своих земляков в безнадежности задуманного ими открытого сопротивления силам всей Сирии. Однако, как ни

старался Ну'ман, ему не удалось умиротворить расходившихся мединцев. Вся накипавшая десятки лет злоба старинных сподвижников Мухаммеда против партии мекканских аристократов как-то сразу вылилась наружу. Поседевшие воины Бедра и сомолитвенники самого пророка не страшились смерти на поле битвы, напутствовавшей их ко вратам рая, и мирское преобладание нисколько их не путало; они давно привыкли, ведомые в бой посланником Божиим, все это презирать. Таким образом, правительству не оставалось ничего более, как усмирить оружием слишком долго продолжающееся в ущерб авторитету династии неповинове-

* Своеобразное заявление, изобличающее вообще пристрастие восточных жителей к символике. Нечто подобное встречается и в Библии, по преимуществу у пророков, напр, у Исайи, 8,1; Иеремии 13,1; 18, 1; 19, 1, 10; 24, 1; Иезекииля 3, 1;4, 1; 5, 1; 12, 3 и т. п.

ние обитателей священных местностей. А между тем никак нельзя было скрыть, что такое усмирение равнялось пощечине всем тем, кто стремился глядеть на дела веры более или менее серьезно; следовало поэтому по крайней мере покончить с бунтом как можно скорей и энергичней. Удвоенного жалованья оказалось достаточно для набора 12 тыс. добровольцев, которые были двинуты к концу 63 (683) к пределам Аравии, а выбор предводителя ручался за беспощадность действий. Муслим Ибн Укба, из племени Мурра, был воодушевлен тою же самой ненавистью к исламу, в особенности же к староверующим, которая понудила Шамира стать губителем Хусейна. Желанные надежды, издавна тщетно питаемые, проучить этих смертельных врагов всего языческого вдохнули на некоторое время силы в этого старца болезненного, но считавшегося еще со времен Му'авии надежным полководцем. На случай, если бы он не дожил до конца похода, дан был ему помощником Хусайн Ибн Нумейр, тоже один из старых военачальников Му'авии. Был он по сие время правой рукой Убейдуллы в Ку-фе, равно ни в грош не ставивший ни мечети пророка, ни даже Ка'бы. Когда войско к концу года подошло к Вади'ль-Куре, местности, отстоявшей на пять миль к северу от Медины, Муслим встретил тут же прогнанных Омейядов. Они обязались клятвой, ради спасения жизни, в случае если подойдет к городу войско, никоим образом не помогать ему даже советом. Муслим не мог, разумеется, взять в толк, каким образом можно придавать такому вздору серьезное значение, и стал грозить этим глубоко презираемым им трусам, что прикажет снести всем головы, все равно как совершенно посторонним, если они не согласятся ему сообщить все подробности о положении города и жителей. Мерван Ибн Аль-Хакам тотчас же извернулся: он вскоре вспомнил, что сын его Абд-аль-Мелик лично не присягал, и послал его к свирепому военачальнику. Все, что нужно было, обстоятельно объяснил Муслиму этот расторопный, уже почти достигший зрелых лет юноша, и полководец так искусно стал маневрировать по указаниям Абд-аль-Мелика, что вскоре расположился со всем войском на удобной позиции на восток от Медины в Харре*. В каком бы положении ни стали мединцы, здесь светило бы им солнце постоянно прямо в лицо. По прошествии трех дней отсрочки, дарованной по повелению Язида набожным ревнителям для обдумывания, Муслим немедленно распорядился о наступлении (26 Зу'ль Хиджжы 63 — 26 августа 683). Началась страшно упорная сеча. Беглецы и союзники пророка бились с фанатическим воодушевлением давних времен, когда в присутствии самого Мухаммеда они рассеивали полчища неверных, а после его смерти преследовали язычников по всей Аравии. Но язычники новейшей формации, эти поддельные сирийские мусульмане, успели перенять тайны дисциплины истых правоверных на полях битв при Абу Бекре и Омаре, а в войнах с византийцами досконально изучили военное искусство: вот почему на сторону более сильного должна была склониться победа. Она была началом неслыханного даже в войнах с неверующими разорения города. Жителей, не успевших пасть во время боя, приканчивали, калечили, имущество грабили и уничтожали. Три дня неистовствовали сирийцы со всей жестокостью полуцивилизованной солдатчины. А когда наконец наступило пресыщение ярости опустошения, когда успели осквернить с животной свирепостью даже святыню мечети Мухаммеда, то даже и этим не насытилась дышащая мстительностью кровожадность Муслима. Отыскивались снова и снова один за другим набожные и высокозаслуженные люди в деле веры, и их умерщвляли, осыпая градом едких насмешек. Казалось, с приближением собственной кончины, ежедневно угрожавшей полководцу быстрым развитием болезни, все росла в его душе страсть к убийствам. Насытился и он наконец пролитой кровью: искупительной

* Так называлась равнина, покрытая черными и сероватыми глыбами различной величины, остатками доисторических вулканических извержений. В Аравии и Сирии подобного рода местности встречаются нередко, по преимуществу между Мединой и горами Хауран, на юг от Дамаска. Сама Медина на некотором расстоянии окружена почти со **всех** сторон подобными харрами. Упоминаемая здесь местность лежит невдалеке от города по направлению на восток.

жертвой пали 2400 союзников и 2300 курейшитов — краса религии, хранители чистого учения ислама. Быть может, столько же успело бежать по окончании сражения. Остальные принуждены были принести присягу Язиду как рабы. Их личностями, семьей и достоянием халиф мог распорядиться по своему усмотрению. Судьба их поистине стала плачевной: все время, пока Омейяды владели Мединой, остатки старинного населения подвергались жесточайшим мучениям и угнетению и им ничего не оставалось

впоследствии, как только искать спасения в бегстве. Подобно бежавшим с поля сражения в Харре, и они тоже направились в Африку. Там приняли они участие в войнах с берберами, а позднее служили в мусульманских войсках против вестготов и завоевали себе наконец новую родину в Испании.

Страшная расправа, которой подверглась Медина, была как бы отместкой языческого арабизма за кровавое усмирение арабского восстания после смерти Мухаммеда. Чем позднее наступило мщение, тем полнее оно совершилось. Местопребывание старинных сподвижников пророка, духовное средоточие ислама, Медина — перестала существовать. Однако семена, пересаженные в прежние годы в Ирак, начинали уже всходить; вскоре должно было обнаружиться, что, хотя бесцельной ненависти язычески настроенных людей и удалось осквернить мечеть пророка, но перед могучим воздействием проявленной в ней божественной силы они же должны были впоследствии бессильно опустить руки. Однако прежде, чем дело веры могло снова воспарить в Куфе и Басре, необходимо было, чтобы над всем обширным царством халифа пронеслась долго не умолкавшая гроза, яростные порывы которой, казалось, возвещали истребление всего существующего.

Смерть халифа Язида, едва наружно сдерживавшего подавленные силы озлобленных друг против друга партий, сразу их высвободила. Еще в полном цвете лет* скончался

* Данные о его возрасте чрезвычайно разнообразны и колеблются между 32 и 39 годами. Во всяком случае, первая цифра слишком мала. Вероятнее всего, было ему 38 или 39 лет.

повелитель 14 или 15 Раби I 64 (10, 11 ноября 683), как кажется, внезапно, во всяком случае прежде, чем успел он закрепить повсеместной присягой преемство за своим старшим сыном Муавией. Таким образом, в данную минуту не оказывалось никого налицо, кто бы имел законное притязание на халифат. Обстоятельства ухудшались еще тем, что даже в Сирии, ввиду соперничества между племенами Кайс и Кельб, нельзя было и думать о соглашении по этому жизненному государственному вопросу первостепенной важности. Наоборот, это самое событие подавало повод к началу борьбы в широких размерах между северянами и южанами Аравии, доселе с великим трудом сдерживаемыми обоими первыми Омейядами, прилагавшими всевозможные меры предосторожности и прозорливости. Отсутствие центрального управления естественным порядком привело к тому, что и в провинциях партии зашевелились. Начинается отныне взаимная жестокая борьба кайситов, кельбитов, шиитов, харид-житов, староверующих, окончившаяся только спустя 10 лет признанием одного из Омейядов за повелителя всей совокупности земель халифата, а последние, частью очень опасные, судороги восстаний продолжаются еще новое десятилетие. Эту крайне спутанную борьбу партий, по крайней мере в общих чертах, нам приходится теперь излагать.

Муслим Ибн Укба недолго пережил удовлетворение своего отмщения: во время похода из Медины в Мекку, предпринятого для усмирения Ибн Зубейра, дабы замолкло последнее вето против владычества Язида, полководца подкосила окончательно болезнь. Согласно воле халифа во главе войска стал Хусайн Ибн Нумейр, а 27 Мухаррема 64 (25 сентября 683) очутился он уже под стенами Мекки. Город обложили, и началась правильная осада. Нисколько не стесняясь, обстреливали сирийцы из своих осадных машин даже Каʼбу, так что однажды загорелись священные завесы от пущенной осаждающими зажигательной стрелы, и святыня кругом почти выгорела. От нестерпимой жары лопнул священный камень, а обгоревшие стены ежеминутно угрожали падением. Впоследствии Ибн Зубейр принужден был срыть здание до основания и приказать отстроить заново всю Каʼбу. Не взирая, однако, на яростные штурмы осаждающих, город держался стойко благодаря прибывающим с разных сторон толпам набожных. Хусайну все еще не удавалось одержать ни одной значительной победы, как вдруг внезапное известие, полученное им под конец месяца Раби I 64 (ноябрь 683) о смерти Язида, заставило полководца со страхом прекратить всякие неприязненные действия. Слишком хорошо было известно военачальнику о положении дел на родине, и он сообразил тотчас же, что там, далеко, должен наступить всеобщий переполох. По происхождению йеменец, понял он, что присутствие его армии в Сирии настоятельно потребно для его же соплеменников, иначе кайситы, несомненно, одержат перевес. Сыновья же Язида были слишком молоды, не могло быть почти и вопроса о серьезных притязаниях их на престолонаследие. Итак, Хусайн быстро решился и предложил самому Абдулле Ибн Зубейру, единственному человеку, обладавшему в данный момент правами на халифат, свою помощь с непременным при сложившихся обстоятельствах, само собой, обещанием отказаться навсегда от мщения за пролитую в последней борьбе кровь. Обращение к главе староверующих с требованием набросить покров забвения и не мстить за опустошение Медины было, конечно, условием не из легких. Тем не менее действительно выдающееся по способностям к управлению лицо едва ли не воспользовалось бы таким благоприятным обстоятельством, дабы вступить на трон и попытаться установить власть, царящую над всеми партиями и взаимно их уравновешивающую. Но не такого закала была натура-Аб-дуллы. Он отклонил предложение и сам же лишил себя успеха, предоставляемого ему беспримерным счастьем в момент безвыходного положения. Хусайну ничего более не оставалось, конечно, как направиться со своим войском попросту в Сирию, дабы не отсутствовать по крайней мере там в решительный момент.

По смерти Язида кельбиты, однако, не преминули попытаться провести кандидатуру старшего сына скончавшегося халифа. Мать его была тоже кельбитка по происхождению, как и бабка, а племянник последней, Хассан, сын Малика Ибн Бахдаля, был правителем в провинции Иордана (Галилее). Юный

принц* действительно помещен в списке халифов под именем Му'авии II (64=683), факт несомненен; ему присягали по крайней мере в Дамаске. Но кайситы не хотели о нем и слышать, наместник же Киннесрина (в северной Сирии) Зуфар Ибн Аль-Харис попросту поднял знамя бунта и заставил присягнуть жителей своего округа Ибн Зубейру, так что Му"авия не предвиделось пока удачи. Как передают, он скончался 40 дней спустя после смерти своего отца. Вся его личность, равно как и судьба, покрыты густым мраком: подозревают, и не без основания, что он был устранен приверженцами кайситов. Во всяком случае, он не успел выказать определенного направления в течение нескольких недель и, вероятно, едва ли имел притязание на это. Отныне на сторону Абдуллы Ибн Зубейра перешли правители и остальных частей Сирии, за исключением Хассана в провинции Иордана, который провозгласил Халида, второго сына Язида, и Ад-Даххака Ибн Кайса в Дамаске, остававшегося пока нейтральным, в качестве курейшита между кайситами и кельбитами. Жители столицы, которым, понятно, Омейяды весьма полюбились, желали сохранения династии, но ввиду принятого начальником войск решения на время обречены были на строжайший нейтралитет. Да и пребывающие в Сирии члены владетельного дома не предвидели для себя в будущем ничего надежного, так что Мерван Ибн Аль-Хакам, старейший и наиболее уважаемый между ними, в данный момент серьезно подумывал отправиться в Мекку и присягнуть Ибн Зубейру, после того как все усилия побудить Дах-хака высказаться в пользу Омейядов оказались тщетными. Но от этого шага удержал его Убейдулла Ибн Зияд, которого собственная неудача погнала вон из Ирака. Если уже в самой Сирии пришло все в смятение со смертью Язида, то и подавно неожиданное событие произвело полнейший переполох в Ираке и восточных провинциях. На Оксусе продолжали драться с турками, в Басре и Куфе следовало ждать

* По общепринятому преданию ему было 21 год, но по другому известию только 13.

при малейшем ослаблении правительственной власти восстания хариджитов и шиитов; более настойчиво чем где-либо необходимо было поэтому арабам держаться сплоченными ввиду всех этих окружавших их чужеземцев. И на одно мгновение, казалось, все уразумели силу понудительных обстоятельств. Не только в Хорасане войска поклялись наместнику Сельму в верности до тех пор, пока снова не будет выбран признаваемый всеми халиф, но даже мало популярный Убейдулла, который жил в Басре во время полученного известия о смерти повелителя, признан был точно так же местными арабами временным регентом. Но все благоразумное не имело в Ираке прочных видов на постоянство. Абдулле Ибн Зубейру захотелось, конечно, воспользоваться таким благоприятным случаем для распространения своего влияния на востоке. Еще при жизни Язида он питал надежды на хариджитов, которые стояли ближе к покровителю святого града по общей оппозиции к безбожным Омейядам; и действительно, во время осады Хусайном из Куфы отправилось тайком в Мекку кроме некоторых шиитов порядочное число хариджитов под предводительством Нафи Ибн Азрака и храбро дралось, защищая город. Однако после отступления сирийцев, когда наступило время для полного соглашения, стала ясной обеим сторонам вся несовместимость притязаний Ибн Зубейра с основным учением пуритан. Обе партии расстались, осыпая друг друга ругательствами. Нафи тщетно старался овладеть Басрой, вскоре бросился со своими сообщниками в Хузистан и с помощью отовсюду стекающихся к нему единомышленников окончательно завладел страной. Впоследствии мы еще тут встретимся с ним. Между тем Ибн Зубейр послал одно доверенное лицо в Басру, дабы склонить жителей на свою сторону. Тем значением, какое имели в Сирии кайситы и кельбиты, пользовались в Ираке вплоть до самого Оксуса темимиты и азды. С первыми, северянами по происхождению, сошелся посланник Ибн Зубейра, сам родом темимит. Аздов же в Басре было не так много, чтобы Убейдулла мог твердо опереться на них. Сверх того, жители Куфы отказались после смерти Язида повиноваться ненавистному всем сыну Зияда и приступили к самостоятельному выбору нового наместника. Пример соседей вызвал подражание. На улицах Басры четыре месяца резались азды с темимитами, наконец Убейдулла вынужден был бежать в Сирию (Джумада II 64=февраль 684). Вскоре он узнал здесь, что басрийцы немного выгадали со своим новым избранником и окончательно подчинились Ибн Зубейру, приняв в свои стены посланного им наместника (Рамадан 64=май 684). К тому же времени и Ку-фа, где староверующие и шииты сходились по крайней пере в одном — ненависти к Омейядам, также присягнула Ибн Зубейру, а Египет вслед за кончиной Язида высказался равным образом в пользу мекканского претендента. Таким образом, все государство буквально лежало уже у ног Абдуллы, за исключением крохотного округа Иордана и страны, где распоряжались хариджиты. Но мысль преклониться перед властью староверующих была для Убейдуллы невыносимой. Вступив в пределы Сирии, он встретил в Тадморе большинство собравшихся там Омейядов. «Как, — обратился он к Мервану, — ты, старейший между курейшитами, глава их, позволяешь понукать собой Даххаку?» Ему удалось-таки убедить Омейяда покинуть округ кайситов и отправиться далее на юг навстречу только что прибывшему из Аравии с войском Хусайну Ибн Нумейру. Хотя по происхождению кельбит, военачальник и слышать не хотел о юном Халиде; вероятно, его тревожила мысль, что тот станет куклой в руках своего дяди Хассана. Он предложил власть Мервану. Нельзя было, конечно, отрицать, что Мерван из всех живых членов владетельного дома, по арабским понятиям, имел наиболее прав на преемство. Ныне стал он старейшим, некогда был близким советником обожаемого в Сирии Османа, а позднее нередко руководил управлением в Медине — более подходящего не было другого. Понятно, необходимо было немало отваги, чтобы в

данный момент, когда почти все государство уже признало другого, заставить принести себе присягу в качестве халифа. И у того самого Мервана, которого с год тому назад мединцы, воспользовавшись его первым смущением, выгнали из города, она теперь нашлась. В Джабие, там, где когда-то Омар основал свою резиденцию во время объезда Сирии, собраны были все йеменские предводители. Предложено было им на решение разобраться в притязаниях Халида и Мервана, а также добиться единодушия действий всех кельбитов по этому предмету. Сорок дней шли препирательства. Наконец порешили единогласно на присяге Мервану, но при условии, что по смерти его владычество должно перейти в руки Халида, мать которого, вдова Язида, для закрепления договора решалась выйти замуж за Мервана. Вслед за этим йеменские предводители принесли ему торжественную клятву (3 Зу'ль Ка'да 64=22 июня 684). Теперь оставалось новому халифу только завоевать свой халифат.

Мерван I (64 — Рамадан 65=684 — апрель 685), действуя быстро и энергично, совершил в течение краткого своего управления значительный шаг к цели воссоединения всего государства под владычеством дома Омейядов. Ближайшей задачей предстояло ему подчинить снова кайситов. По всему, что предшествовало, не оставалось никакого сомнения, что их следует принудить к повиновению силой оружия. Подобно тому, как и соперники, кайситы поняли, что наступает решительный момент: им необходимо было заручиться помощью Даххака. К личности Ибн Зубейра бедуинов нисколько не тянуло, поэтому они предложили дамасскому наместнику наивысший сан и присягнули ему как своему халифу. Во главе соединенных кайситских войск стоял он у Мердж Рахита*, когда подошел Мерван со своими йеменцами. По пути сюда встретила Омейяда довольно благоприятная весть: лишь только Даххак выступил из Дамаска с войсками, оставшиеся в этом городе соумышленники кельбитов вместе с верными жителями резиденции прогнали наместника узурпатора, признали халифом Мервана и поспешили выслать своему повелителю по мере сил денег и солдат, что немало содействовало желанному усилению его армии. Двадцать дней продолжались стычки на луговинах Рахит; настоящее сражение, понятно, завязалось лишь к концу. Бой был горячий и упорный, но склонился в пользу Мервана и йе-

*«Луговина Рахит» — маленькое местечко восточнее Дамаска.

менцев; пали тут: сам Даххак, Нуман Ибн Бешир, наместник в Химсе, а с ними многие знатнейшие кайситы. Сирия снова очутилась во власти Омейядов. Хотя Зуфару удалось со своим отрядом запереться в Каркисии, в Месопотамии (древний Цирцезий), и в течение семи лет сильно беспокоить беспрерывными набегами кочевавших в сирийской степи кельбитов, но это не имело никакого влияния на главные военные действия. Гораздо опаснее оказались неугасшие воспоминания о луговине Рахит, вечно поджигавшие старинную неприязнь между кайситами и кельбитами: первые никогда не могли забыть своего поражения и не пропускали отныне ни одного случая, ища так или иначе отомстить своим исконным врагам. А между тем вся сила династии, равно как и господство сирийцев, опирались всецело на совокупном единении обеих племенных групп, и возрождение старинного арабского партикуляризма времен языческих должно было с течением времени становиться все гибельнее.

Пока, конечно, Мервану все удавалось: большинство кайситов признало его правление, и он мог вскоре приняться за распространение своего влияния за границами провинции. Небольших усилий стоило ему при помощи Аира Ибн Са'ид аль-Ашдака отторгнуть от Ибн Зубейра Египет, относившийся почти безучастно к борьбе из-за халифата (конец 64=684). На возвратном пути отражен был также Мус'аб, брат Ибн Зубейра, попытавшийся было при первом известии о походе в Египет вторгнуться с войском в Сирию. Дальнейшие движения в сторону Аравии как-то не удавались халифу. Зато одержана была его войсками значительная победа вблизи Евфрата. Вслед за смертью Язида шииты подняли голову в Куфе. После катастрофы при Кер-бела, случившейся благодаря их же трусливости и неспособности, они стали называться «кающимися», подготовляясь при первой возможности осуществить свой лозунг «мщение за Хусейна!» Движение это, очевидно, направлено было против Омейядов, а потому Ибн Зубейр вместе со своим наместником в Куфе относились к «кающимся» как к самым дорогим союзникам. Им нисколько не препятствовали, когда в 65 (684) «кающиеся» двинулись толпой, хотя и не особенно многочисленной, как того желал их предводитель Сулейман Ибн-Сурад, все же числом 5 — 10 тыс. человек «против Убейдуллы, убийцы Хусейна», иными словами, против Сирии, куда тот удалился. Направились они сперва в Кербела и оросили обильно слезами гробницу своего святого, а затем потянулись чрез Каркисию, где получили от Зуфара и его кайситов значительное подкрепление, в Месопотамию. У Айн-Аль-Варда (называемого также Рас аль-Айн) наткнулись они на сирийское войско под предводительством Хусайна Ибн Нумейра. После битвы, которая длилась несколько дней, когда к неприятелям подоспел Убейдулла со свежим войском, «кающиеся» были сломлены превосходящими силами и рассеяны. Здесь был убит Сулейман со многими другими предводителями (Джумада I 65=январь 685). Этим событием снова прерывается едва начавшееся было вторичное возрождение дома Омейи. Как рассказывают, дошло до сведения Мервана, что его племянник Амр Ибн Са'ид аль-Ашдак затевает что-то опасное. Со времени победы над Мус'абом он возмечтал о себе слишком много, а теперь начал строить планы в случае смерти Мервана овладеть самому властью. Положим, сам халиф согласился в Джабии на преемство власти в пользу Халида, сына Язида, но теперь, когда правление было упрочено, он вознамерился объявить наследниками престола своих собственных сыновей, Абд-аль-Мелика* и Абд Аль-Азиза. Также и

Хассан Ибн Малик, вероятно умудренный печальным опытом, когда вся Сирия по смерти Язида стала театром жестоких распрей, объявил, что отступается от поддержки прав своего племянника Халида. Таким образом, вся Сирия беспрекословно присягнула сыновьям Мервана, но мать устраненного принца, гордая бедуинка, не могла стерпеть несправедливости, оказанной ее вторым супругом своему пасынку, и вскоре затем раз ночью эта женщина задушила подушкой Мервана (Рамадан 65=апрель — май 685). Понятно, она не могла ничего добиться, кроме удовлетворения личной мести: о Халиде более не могло быть и речи. Абд-

* «Раб царя», «раб сильного» (собственно Бога).

аль-Мелик вступил на трон беспрепятственно (Рамадан 65—15 Шавваль 8б=апрель — май 685 — 9 октября 705).

Громаднейшую задачу предстояло решить этому достигшему сорокалетнего возраста повелителю. Как раз в это время жесточайшая борьба между сектами и племенами потрясла все провинции арабские вплоть до Оксуса. Беспорядки и отдельные восстания, происходившие доселе, были лишь началом всеобщей резни. А на шею самой Сирии к довершению злоключений, как мы вскоре увидим, свалилась как снег на голову война с Византией. Халифат нуждался в перворазрядном властелине, дабы государство, а может быть, и сам ислам не исчезли в водовороте беспрерывных внутренних и внешних столкновений. И действительно, Абд-аль-Мелик оказался таким властелином: недаром и по сие время его управление на Востоке считается за синоним мудрого и могучего, доставившего его подданным спокойствие и благоустройство. Обычный в семье поэтический талант соединялся у него с обширным знанием. По тогдашнему времени он обладал замечательным образованием, а в своей юности отличался искренней набожностью. Эпоха междоусобной войны не могла, конечно, служить благоприятной почвой для возрождения редкостного цветка истинно религиозных воззрений у человека, выдвинутого судьбой как значительнейшего члена владетельного дома в средоточие политических движений и интриг. Еще перед сражением при Харре мы уже встречались с ним в роли понятливого ученика отца своего, по меньшей мере теоретически изыскивавшего средства входить в сделку с небом; мы вскоре встретимся с одним его деянием, вероломнейшей изменой, после которого он и в собственных своих глазах распростился окончательно с убеждениями своего прошлого. Тем не менее как человек, Абд-аль-Мелик симпатичен более Му'авии, родственному с ним по искусству управления. Насколько нам известно, ни разу Абд-аль-Мелик не запятнал своего имени отравой и, за исключением единственного отвратительного деяния, в поступках его чувствовалось всегда нечто прямое и могучее, чего не замечалось в скрытной натуре знаменитого его предшественника. Его можно бесспорно признать величайшим из Омейядов, а блестящий период владычества способного его сына Валида — лишь за довершение творения начатого и неуклонно проводимого отцом среди самых трудных исторических положений.

Если судить только по арабским известиям, первые два года своего управления этот государь, отличавшийся впоследствии столь кипучей деятельностью, провел в состоянии странной апатии. О положении дел в Сирии в 65 и 66 (685—6) предания почти что умалчивают. И было бы прямо непонятным, почему это халиф лишь присматривался с скрещенными руками к происходившему несколько позднее в Ираке, если бы мы не могли почерпнуть данные из византийских источников, свидетельствующие, что там ему слишком много приходилось хлопотать в непосредственной близи*. Дело в том, что со смертью Мервана возникли почти одновременно два великие движения. Вероятно, во время распрей между кайситами и кельбитами произошло движение мардаитов, начавших в весьма грозной форме стремиться к расширению своих пределов. Вскоре же затем (сентябрь 685=Сафар 66) скончался в Константинополе

* Последующее есть вывод из сравнения византийских и арабских известий о столкновениях Абд-аль-Мелика с византийцами и мардаи-тами. Арабы приурочивают заключение мира между халифом и императором к 70 (689—90), греки же упоминают об этом самом событии тремя годами ранее (686). А так как обе группы источников цитируют неуклонно в одном и том же порядке главные события — поход Абд-аль-Мелика к Рас Аль-Айн, бунт Амра Аль-Ашдака, мир с греками и устранение мардаитов: то не может быть никакого сомнения в порядке последовательности событий. С другой стороны, ясно, что Абд-аль-Ме-лик не был в состоянии не только в 69 и 70 гг. (689—690), по также и 65 и 66 (685—686) что-либо предпринять в Ираке и Аравии. Поэтому следует предполагать, что война Леонтия в Армении началась, несомненно, уже в 686, в то же время и византийцы укрепились на Кипре, а мар-даиты стали угрожать восстанием на Ливане. Великую связь событий восстановил Ранке (Weltgesch. V, 1,187) с необычайной ясностью. Только в отдельных частностях, а именно относительно времени заключения мира и в изложении похода Леонтия мы несколько расходимся. Я считаю, например, совершенно невозможным, чтобы византийцы могли после заключения мира в Армении истребить хотя бы часть остававшихся там сарацин.

Константин Погонат. Бразды правления перешли в руки молодого Юстиниана II, падкого на всевозможного рода широкие предприятия, и возобновленное Мерваном продолжение мирного договора, заключенного еще при Му'авии, надо полагать, было теперь нарушено. Во всяком случае, византийцы успели уже овладеть несколько позже частью Кипра, а в 686 (66 — 67) императорский генерал Леонтий вторгнулся в Армению. Между тем эта провинция до сих пор преспокойно выплачивала дань Дамаску. Находившиеся в стране мусульмане были частью прогнаны, частью истреблены, а всю Армению с прилежащим Азербайджаном до самого Каспийского моря снова заняли византийцы. Пока Ирак находился в руках Ибн

Зубейра либо сектантов, Абд-аль-Мелик не смел и думать углубиться в гористую местность — свидетельницу многократных поражений арабов. Вот почему, когда весной 66 (686) халиф был в состоянии располагать армией вне Сирии, обратил он все свое внимание на Ирак Вероятно, и мардаиты в течение 65—66 (685) на время отступили в свои горы, а Леонтия приходилось пока терпеть.

Сообразно ходу событий пора нам взглянуть на существовавшее в восточных провинциях положение дел, бывшее и прежде весьма жалким. Басра и Куфа находились лишь номинально под управлением уполномоченных Ибн Зубейра; на первую наседали хариджиты, под последнюю подкапывались шииты, а в отдаленных провинциях, Хорасане и Седжестане, с 64 (683) неумолкаемо бушевала ожесточеннейшая война, возгоревшаяся вследствие бунта Ибн Хазима, одного из подчиненных военачальников Сельма. Здесь боролись не только йеменцы с северными арабами, но и среди этих последних воспылала распря между обеими главными их группами — Мударом и Раби'ей. Понятно, турки Кабула и стран за Оксусом воспользовались случаем и свергли снова арабское ярмо; там воцарился величайший порядок. Для всего государства в общем это не имело большой важности, ибо пограничные провинции с их слабыми арабскими гарнизонами легко было потом снова умиротворить, как только центральные страны ислама становились послушным орудием твердо укрепившегося правления. Но в том-то и беда, что именно теперь в Ираке и соседних персидских округах царил беспорядок. Временно стали одолевать хариджиты в Басре, а шииты в Куфе. Ужас, нагнанный хариджитами, которые хозяйничали тут же у ворот города, в Хузистане, и не раз вторгались в самую Басру, оборвал, конечно, сразу все раздоры между азда-ми и темимитами. Наместник Ибн Зубейра был охотно признан всеми (Рамадан 64=май 684). Но борьба с сектантами велась вяло благодаря непригодности к войне постепенно изнежившегося в большом городе гарнизона, тем более что самый воинственный его элемент составлял ядро хариджи-тов. Успехи бунтовщиков безостановочно возрастали, и можно было уже предвидеть, что в самый короткий срок они успеют наконец завладеть городом. В эту самую пору судьба подарила стесненным жителям почти одновременно несколько благоприятных перемен подряд. С возрастанием успехов стали возникать в среде хариджитов заметные разногласия. Самые последовательные между фанатиками, а во главе их Нафи' Ибн Азрак по мере разгоравшегося в сердцах их воинственного пыла, постепенно пришли к убеждению, что следует смотреть и на несовершеннолетних из семей лжемусульман как на неверных, а потому они вместе с родителями подлежат умерщвлению. На это возражали настроенные более умеренно, составлявшие меньшинство, под предводительством Неджды Ибн Амира, из племени Ханифы, что малые дети не ответственны за грехи отцов; их следует пощадить, дать им подрасти, и тогда они сами решат в выборе веры. Приверженцы Ибн Азрака, названные поэтому азракитами, осудили, понятно, неджditон как еретиков. Последние покинули страну и потянулись на родину ханифов в центральную Аравию. Благодаря своим демократическим воззрениям они приобрели там вскоре много приверженцев среди бедуинов и выступили совершенно независимой силой наряду с Ибн Зубейром. Не выказывая прямо неприязненности покровителю Мекки, но нисколько и не подчиняясь ему, они все более и более ограничивали его влияние на части полуострова, центральную и южную. Вслед за распадением хариджитов погиб и Нафи' в одной из стычек с басрийцами (65=685), а против его преемника, Ибн Махуза, вскоре выступил достойный противник в лице Мухаллаба Ибн Абу Суфры. Знаменитый полководец временно удалился из раздираемого междоусобицей Хорасана в Басру — местопребывание его семьи. Осаждаемый неотступными мольбами земляков, которые даже ухитрились сочинить для него поддельный указ Ибн Зубейра о его назначении (впоследствии, впрочем, утвержденный), военачальник согласился принять над ними род диктатуры с целью сплотить их силы и избавить наконец басрийцев от беспрерывных нападений сектантов. Трудную задачу образовать годную походную армию из подвижных, но отвыкших от перенесения воинских тягостей, зачастую трусливых солдат он разрешил наконец с большой энергией и искусством. А когда водворилась среди солдат дисциплина, не заставили себя долго ждать и успехи. С помощью неподражаемого военного искусства новому предводителю удалось сперва отвлечь хариджитов из равнин Хузистана в холмистую местность; здесь он разбил их наголову при Силлабре, вблизи Джундешапура (Шавваль 66=май 686), и принудил их бежать далее на восток; сектанты удалились в Фарс, Кир-ман и южную Мидию и продолжали, конечно, по-прежнему производить там беспорядки. Во всяком случае Басра и Хузистан были очищены от врагов, и вскоре вновь назначенный наместник Мус'аб Ибн Зубейр, брат претендента, мог обратить все свое внимание, уже не озабочиваемый здесь никем, на Куфу. А там между тем происходили события самого опасного свойства, заставившие даже некоторое время усомниться в возможности вообще продолжения арабского владычества в Ираке.

Уже в 64 (15 Рамадана — 6 мая 684) поселился в Куфе один человек, самый оригинальный и бессовестный из множества представителей своеобразной беззастенчивости, преобладавшей в то время. Был это сын Абу Убейда, храброго, но несчастного предводителя в мостовом сражении против персов; звали его Аль-Мухтар. Отцовскую отважность соединял он с замечательной хитростью и изворотливостью прожженного интригана. И все столь опасные качества выдающегося этого человека служили послушным орудием для удовлетворения личного эгоизма. По своей натуре Мухтар принадлежал к людям, старающимся во что бы то ни стало пробить себе дорогу. И нельзя отрицать, что ему удалось с достойным удивления искусством из, по-видимому, незаметного заурядного человека преобразиться вскоре в наводящего ужас властителя огромной области. Для достижения цели ему

пришлось, однако, предать своих соплеменников персам: тут-то и сломал он себе шею, и поделом. Жители Куфы распадались в то время на пять групп: персов-патриотов, державшихся крепко своей старинной веры, — это были купцы, ремесленники и т. п., терпимые победителями или служившие у арабов в качестве рабов; персидских мусульман, большей частью бывших прежде рабами, выкупившихся из рабства и ставших, весьма понятно, шиитами; арабских приверженцев Ши'ат-Алий; староверующих, группирующихся вокруг наместника Ибн Зубейра, и, наконец, сочувствующих Омейядам, старинных сподвижников Убейдуллы. Некоторое число последних все еще не перевелось в городе; теперь, понятно, они должны были волей-неволей сидеть смирно. За исключением персов, все эти группы, естественно, не особенно резко отличались друг от друга. В каждой из них находилось, вероятно, по несколько сотен более энергических личностей, которым порой удавалось, пользуясь минутным увлечением, сплотить вокруг себя непостоянную толпу горожан; но продолжительный, согласный и последовательный образ действий куфийцев быстро нарушался. Ни один человек в Ираке доселе не мог этого добиться. Во всяком случае, для такой личности, как Мухтар, почва была самая благоприятная. Чего только он не перепробовал! В 60 (680) при Убейдулле участвовал в заговоре в пользу Хусейна, а в 64 (683) вместе с другими потянулся в Мекку на помощь к Ибн Зубейру и содействовал защите святого града, осажденного сирийцами. Им руководил прямой расчет — понравиться претенденту и заполучить от него наместничество в Куфе; но тот скоро понял, с кем имеет дело, и отказал наотрез предоставить этот влиятельный пост подозрительному и опасному человеку. В свое время искатель приключений вернулся в Куфу и тотчас же завязал сношения с крайними арабскими, а по преимуществу персидскими шиитами. Умеренные держались в то время Сулеймана ибн Сурада, но когда этот последний и многие другие из наиболее влиятельных шиитов погибли в походе «кающихся», во главе партии стал Ибрахим, сын вернейшего сподвижника Алия, Малика аль-Аштара. Ближайшей целью Мухтара было склонить на свою сторону последнего, дабы упрочить влияние свое в Куфе. Между тем со смертью Хусейна среди шиитов возникли несогласия по существенному вопросу — кому, собственно, принадлежит право на имамат. По своим воззрениям персидские приверженцы секты никого другого не могли признавать, как только одного из потомков дочери Мухаммеда Фатимы, т. е. одного из малолетних сыновей Хасана либо Хусейна. С другой стороны, арабские шииты, не придававшие большого значения личности Фатимы, но исключительно почитавшие Алия, признавали истинным имамом Мухаммеда, сына другой супруги Алия, взятой им из племени Бену Ханифа. Благодаря своему происхождению назывался он Мухаммед ибн аль-Ханафия, иными словами, Мухаммед, сын Ханифиянки. Была ли это очень прозорливая или же самая ординарная личность — решить довольно трудно. Потомок Алия прежде всего хотел жить спокойно в Медине; ему приходилось поэтому тщательно избегать столкновений с Ибн Зубейром, хотя в качестве сына покойного халифа он не мог одобрить его притязаний на халифат. И вот, для привлечения арабских шиитов на свою сторону, Мухтар объявил себя уполномоченным Мухаммеда. При помощи искусно подделанного письма ему действительно удалось привлечь на свою сторону Ибрахима со всеми его приверженцами. Мухаммед, впрочем, вынужден был силой обстоятельств сам несколько придерживаться Мухтара, даже впоследствии действительно признал его своим представителем в Куфе, когда для усиления своего авторитета в Мекке Ибн Зубейр вздумал было требовать неотступно от него присяги, отклоняемой с равным упорством сыном Алия. Понуждать же силой претендент не посмел с тех пор, как шииты возымели в Куфе преобладающее значение. А это случилось непосредственно после того, как Мухтар обеспечил себе поддержку Ибрахима, 14 Ра-би I 66 (9 октября 685) шииты внезапно напали на войска Ибн Зубейра в Куфе и легко их одолели. Наместника прогнали, и Мухтар стал властелином главного города Ирака, а вслед затем и всей провинции до границ Басры. В том же самом году сделана была попытка возбудить восстание и в последнем городе, но безуспешно.

События следующего года можно сравнивать со знаменитой дуэлью втроем, по условиям которой каждый из соперников метит в своего соседа. Прежде всего Мухтар распорядился схватить в Куфе убийц Хусейна: Шамира, Омара и состоявших тогда у них под командой солдат. Казнили всех. Затем новый правитель провозгласил священную войну главным виновникам катастрофы — Убейдулле и Омейядам. С величайшим коварством пользовался он всем могущим разжечь фанатизм шиитов: для последователей учения Ибн Сабы отыскали подлинное седалище, на котором, по достоверным сведениям, восседал некогда Алий; подобно скинии завета иудеев эту святыню возили в торжественной процессии на лошаке. Держались голуби, изображающие из себя ангелов, и выпускались в самый разгар битвы, дабы заставить уверовать простаков в прилетевшие на помощь к правоверным небесные силы. Одаряли и деньгами; персидские вольноотпущенники накидывались с жадностью на дождь монет, бывших когда-то достоянием одних их господ — арабов. И весьма естественно, что глубоко запавшее ожесточение порабощенного народа, получившее в первый раз по истечении полустолетия возможность натешиться местью над чужеземным утеснителем, нередко проявлялось с дикой, страшной яростью. *«С* позаимствованным у самих же арабов мужеством и чисто персидской ненавистью» эти люди, составлявшие по преимуществу городскую чернь, набрасывались под благовидным предлогом отыскать всюду убийц Хусейна на все, носящее имя араба. И вскоре воцарился в Куфе настоящий террор, от которого могла спасти лишь принадлежность к Ши'а, да и то не всегда. Злоба этого первого проблеска национального персидского духа, направленного против арабского владычества, слишком понятна, но

со стороны Мухтара было не только государственной изменой, но в то же время и ошибкой предоставить простор, и в таких широких размерах, персидскому элементу. Изо дня в день стали осаждать Мус'аба в Басре обобранные и обиженные беглецы. Да и действительно, нельзя же было допускать, как ни взглянуть на дело, чтобы вышедшие из рядов покоренных народов давили арабов в самом центре государства. Немедленно же послано было повеление Мухаллабу сдать команду над войском, действовавшим против хариджитов, другому, а самому спешить обратно в Куфу (Рамадан 6?=март 687).

Однако раньше, чем осуществилось это нападение, уже с другой стороны сделана была попытка положить конец произволу Мухтара. Умерщвление убийц Хусейна, несомненно, было прежде всего публичной пощечиной Омейядам и их приспешнику Убейдулле. Если бы даже Абд-аль-Ме-лик и не прослышал, что шииты намереваются вскорости вновь повторить поход «кающихся», все-таки халиф был поставлен в необходимость по возможности поспешнее направить войска против куфийцев. Туда же влекли его, как мы видели раньше, и высшие соображения: как раз в это время византийцы заняли Армению. Поэтому он отправил все того же Хусайна Ибн Нумейра с Убейдуллой с сильным войском в Месопотамию в конце 66 (весной 686). Прямой путь вниз по Евфрату сторожил Зуфар в Каркисии; щадить его пока было делом благоразумия, так как в сирийском войске находилось множество кайситов. Поэтому сирийцы потянулись далее на север к Мосулу, чтобы оттуда спуститься беспрепятственно по Тигру к Мадайну, но извещенные вовремя шииты поспешили воспрепятствовать вторжению врагов в Ирак. Оба войска сошлись на левом берегу Тигра, неподалеку от Мосула при Хазире, реке, впадающей с севера в великий Заб. Сирийцы далеко превосходили в военном искусстве сектантов, и когда (Мухаррем 67=август 686) начался бой, скоро стали одолевать противника. Но лишь только выпущены были голуби Мухтара, шииты воодушеви- лись, уповая на божескую помощь, и в то же время заколебалось неприятельское левое крыло, предводимое Убейдуллой и сплошь состоявшее из кайситов. Пронесся по рядам их громовый клич: «мщение за луговину». Хладнокровно присматривались они потом, как враг поражал йеменцев, тоже пришедших в замешательство от неожиданной измены земляков. Убейдулла и Хусайн оба пали в сражении, а войска их рассеялись — свершилась отместка за Кербела.

Недолго Мухтару пришлось радоваться своей победе. Не прошло и полугода, как в область Куфы вторгнулось предводимое Мухаллабом войско Мус'аба. После нескольких предварительных стычек закипел решительный бой вблизи Куфы, у Харура, на том самом месте, где когда-то первые хари-джиты отделились от Алия. Арабы Ирака, за исключением разве чистейших фанатиков шиитов, уже давно тяготились Мухтаром. Ибрахим ибн Малик, назначенный после победы при Хазире наместником в Мосул, тоже покинул Мухтара на произвол судьбы. Куда же было ему при неравенстве сил справиться с Мухаллабом. Положим, персы ставили теперь на карту свое национальное существование, приобретенное с таким трудом, и храбро сражались за Мухтара; но все-таки ему пришлось поздно ночью отступить в город. Много еще дней держался Мухтар в укрепленном вокруг своей резиденции квартале с оставшимися ему верными 6000—7000 приверженцами. Но когда окончательно исчезла надежда на помощь Ибрахима, он потребовал от окружающих попытки пробиться с ним вместе или же по крайней мере дорого продать жизнь. Персы заволновались, подобное отчаянное предприятие показалось им ужасным, они сдались безусловно, рассчитывая покорностью спасти себе жизнь. Но не такой был человек Мухтар, чтобы согласиться на унижение, да и не мог он питать никаких иллюзий насчет предстоявшей ему участи: с 19-ю из храбрейших он ринулся в ряды неприятелей и после упорной схватки был изрублен (14 Рамадана 67=3 апреля 687). Так кончилось восстание шиитов, а с ним и попытка персидского народа снова отвоевать себе самостоятельность. Мщение арабов господ было ужасно: по настоянию обозленных куфийцев Мус'аб повелел перебить всех пленных, по большей части персов. Шиитизм не был, однако, окончательно искоренен: не появляясь въявь, он распространялся в течение долгого времени при помощи тайной пропаганды, столь подходящей к лживому характеру перса. Учение об истинном имаме из дома Алия мало-помалу заполонило все восточные провинции.

Итак, один из трех борцов пал. Ибрахиму нетрудно было помириться с Мус'абом, который желал заручиться содействием этого влиятельного человека, но наместничество Мосула вручено было надежному Мухаллабу. В этом значительном пограничном городе полководец мог одновременно наблюдать за сирийцами на западе и византийцами на севере. Вскоре же, по-видимому, предстояла развязка борьбы между обоими оставшимися соперниками, но новые побочные обстоятельства снова отсрочили ее. Заместитель Мухаллаба в войне с хариджитами не обладал искусством своего предшественника. Неприятели сумели его провести рядом маршей и контрмаршей, так что в 68 (687) сектанты выступили внезапно из внутренней Персии, заняли Мадайн, подступили к Куфе и чуть было ее не взяли. Отброшенные с великим трудом, они опустошили Мидию, взяли Рей (Тегеран), осадили Испагань и вернулись снова в Ирак. Предводимые новым полководцем, Катари Иба аль Фуджа'а, одаренным замечательной энергией и смелостью, хариджиты разлились по стране неудержимым потоком. Мус'аб уразумел тотчас же, что справиться с ними впору разве Мухаллабу. Испытанный полководец был снова выдвинут против сектантов, а место его в Мосуле занял Ибрахим. И Мухаллабу пришлось напрячь все силы, чтобы удержать хариджитов под стенами Басры и Куфы. Как кажется, более ничего он не мог пока и сделать: что-то не слышно за первые годы войны о больших победах. С своей стороны и Мус'аб вынужден был развернуть почти все свои силы против хариджитов, о движении же через Мосул на сирийцев нечего было и помышлять.

Однако годы 67—70 (686—689) и Дамаску нелегко достались. После сражения у Хазира, несомненно, еще долго приходилось Абд-аль-Мелику утишать ожесточение, возникшее между раздраженными йеменцами и кайситами; немало также хлопот доставляли ему и мардаиты. Когда же в 69 (688 — 9) он двинулся наконец с войском в Месопотамию, то у Айн-Вар-да его настигла весть, что за спиной у него в Дамаске вспыхнуло опасное восстание. Двоюродный брат халифа, Амр Ибн Саʼид Аль-Ашдак счел момент удобным для того, чтобы предъявить снова притязания на халифат, и ему посчастливилось склонить на свою сторону часть Омейядов, не совсем довольных слишком энергическим правлением Абд-аль-Мелика. Вернувшемуся назад с войском повелителю удалось заставить Амра положить оружие, но лишь после формальной капитуляции, по которой даровались восставшему жизнь и свобода. Вот тогда-то Абд-аль-Мелик; дабы раз и навсегда искоренить подобное действительно чудовищное неповиновение в среде своей же собственной семьи, нарушил слово, торжественно данное им: он повелел связать Амра и так как собственный брат халифа, Абд-аль-Азиз, не пожелал исполнить приказание умертвить пленного, то повелитель потребовал пику и меч и собственноручно зарезал лежащего у его ног безоружного самым отвратительным образом. В тот же самый день, гласит предание, допущена была к аудиенции вся знать. Посыпались снова отовсюду благоговейные приветствия «повелителю правоверных», а перед халифом лежал в то время развернутый Коран. Он захлопнул наконец священное писание и воскликнул: «Да, это отделит меня навсегда от тебя». Порядок был окончательно восстановлен в столице, но мардаиты, ободренные, вероятно, слухами о возникших было беспорядках в Сирии, снова зашевелились в Ливане, и в то же время византийцы, как кажется, предварительно укрепившись на Кипре, предприняли последовательный ряд грозных передвижений из Армении в пределы северной Сирии. Так или иначе, Абд-аль-Мелику пришлось решиться на заключение с греками нового договора, который, как ни унизителен был с виду, все-таки представляет собой в сущности образцовое произведение дипломатического искусства. Императору возвращалась Армения и половина Кипра*, сверх того халиф обязывался упла-

* Ср. Ranke. V, 1, 188, прим. 2.

чивать значительную дань, а взамен этого Юстиниан обещал не только прервать на будущее время всякие сношения с мардаитами, но и понудить их покинуть страну и переселиться в византийские пределы. Промах, сделанный греками в данном случае, для нас поистине необъясним. Для каких-то минутных выгод византийцы решались на устранение воинственного племени горцев, засевшего глубокой занозой в арабское тело и оказывавшего постоянно неоценимые услуги грекам. Рядом с этой политической близорукостью не менее поразительно было также и то чисто греческое коварство, с каким Леонтий, наблюдавший из Армении за приведением в исполнение договора, приказал умертвить главного вождя мардаитов, дабы удобнее было от имени императора согнать в кучу преобладающее большинство годных к военной службе горцев и вывести их из страны. Переселенцев расселили по разным пунктам византийской империи (70=689). Незначительное количество оставшихся на месге не могло уже более вредить Дамаску. Наконец-то настал момент, когда Абд-аль-Мелик мог со всеми своими силами обрушиться на Абдуллу ибн Зубейра.

Положение напоминало прежние отношения Алия к Муʼавии лет тридцать тому назад. И теперь Омейяды стояли твердой ногой в Сирии и Египте, а антихалиф номинально владел Аравией и всеми восточными провинциями. Но силы последнего дробились еще войной с хариджитами и отчасти поглощались внутренними смутами в Хорасане. Тем более было необходимо Абдулле собрать все, что находилось под рукой, и встретить сильным ударом нападение сирийцев, а еще лучше постараться предупредить неприятеля; но его стесняли в известной степени возникшие с недж-дитами неприязненные столкновения. Первоначальный нейтралитет этих хариджитов Аравии сменился внезапно враждебным положением с той поры, когда Мусʼаб произвел из Басры в 69 (689) напрасную попытку оттеснить их с северо-востока полуострова. Впрочем Неджда не был пока в состоянии предпринять нападение на Медину, вскоре затем (около 71=690) недовольные из среды его же секты умертвили предводителя и выбрали на его место другого. Во всяком случае, едва ли арабские хариджиты могли вое- препятствовать Ибн Зубейру, если бы даже он сам непременно желал оставаться в Мекке, послать Мусʼабу в подмогу против сирийцев хотя бы некоторую часть войск. Но в отношения между братьями, несомненно, закралось недоверие. Абдулла был набожен и скуп, Мусʼаб — весельчак и мот. Прикрываясь высокопарными изречениями, давно уже разучился первый жертвовать своей собственной драгоценной особой, и другой, конечно, не особенно любил входить во все подробности сам — оргии и любовные похождения поглощали всецело его время; но когда замедление грозило явно опасностью, Мусʼаб всегда готов был предупредить несчастье с энергией, не щадя себя самого. Его жестокость по отношению к шиитам Куфы, возбудившая в широких кругах негодование, послужила поводом к временному его смещению с занимаемого им высокого поста. Когда же он был снова назначен на прежнее место, у Абдул-лы засело в голове, что брат его, простой наместник, действует чересчур самостоятельно и самонадеянно. Одним словом, между этой разнохарактерной парой братьев никогда не могло существовать полного согласия. Казалось, следовало бы об этом забыть теперь, когда на обоих надвигалась гроза. Между тем Абдулла не шевельнул и пальцем во все время борьбы сирийцев с Мусʼабом; словно барсук в берлоге, он улегся в своей Мекке один-одинешенек и высидел до конца. Разве этот последний акт его жизни не служит лучшим доказательством полной политической неспособности? По своей натуре он принадлежал к тому именно разряду людей, которые не в состоянии ни на что сами решиться и все ждут каких-то необычайных

событий, могущих без их ведома изменить весь строй обстоятельств. Судьба уже раз преподносила ему при смерти Язида неисчислимое благополучие, но он не сумел воспользоваться им; счастливый случай промелькнул мимо и вторично не представлялся. Абд-аль-Мелик и не помышлял умирать в угоду ему. Наоборот, в данный момент халиф с величайшей энергией принялся подготовлять своему сопернику печальный конец. Все сирийское войско к 71 (690) было поставлено на ноги, а к концу лета уже выступало с севера Сирии в поход. На этот раз армия подвигалась вниз по течению Евфрата. Недолго, хотя и храбро, защищал Зуфар Каркисию, ввиду же превосходных сил неприятеля выказал наконец готовность уступить. Не в характере Омейядов вообще было препятствовать отступлению врага. Заключен был почетный и выгодный договор с кайситами; хотя он не мог устранить окончательно раздоров между войсками халифа, состоявшими большей частью из йеменцев, и исконными их врагами, но по крайней мере отдалил на десяток лет потрясающее событие, подобное хазирскому. Сирийские войска следовали далее влево от Евфрата, а Мус'аб при первом известии о появлении неприятеля также переправился со своими куфийцами через реку. В окрестностях Мескина, у малого Тигра (Дуджейль), неподалеку от монастыря Католикоса*, сошлись обе армии — Омейядов и Зубейритов. По издавна заведенному обычаю Омейядов в неприятельский лагерь проникли тайные агенты, рассыпая направо и налево золото и обещания, оделяя окольными путями иракских офицеров посланиями с весьма соблазнительными предложениями. А для них, собственно говоря, за исключением разве искренних приверженцев Алия, выбор между Зубей-ром и Омейядами не составлял большой разницы. Положим, восстание, затеянное было одним из доверенных лиц Абд-аль-Мелика в Басре, не удалось, но неприятелю пришлось оставить в городе сильный гарнизон. Между тем Му-халлаб был в отсутствии, он по-прежнему сражался с хари-джитами в глубине Персии; у Мус'аба под рукой оставался один только надежный полководец — Ибрахим, сын Ашта-ра. И тот в свою очередь вместе с прочими получил тайное послание от Абд-аль-Мелика, но он один из всех показал полученное письмо главнокомандующему, которому все изменяли. Им обоим не приходилось склоняться к ногам Омейяда. Дошло наконец дело до сражения у монастыря Католикоса. Большинство иракцев струсило и воздержа-

* Дейр-аль-Гатидик Гатилик (по общепринятому произношению Джатилик) — греческое catolicos, титул патриарха разных восточных христианских сект.

лось от боя. С несколькими тысячами оставшихся верными знамени военачальники сделали все, что могли, и пали смертью героев. Рядом с Мус'абом погиб и его сын Иса, не пожелавший покинуть отца в крайности (13 Джумада II 71=22 ноября 960).

Когда известие о гибели главнокомандующего дошло до Мухаллаба, недолго размышлял полководец, как ему поступить. Он понимал очень хорошо, что ему, представителю арабского владычества в Персии и заклятому врагу секты хариджитов, совершенно безразлично, кто бы ни стал разыгрывать роль халифа там, далеко на западе — Абд-аль-Мелик или ибн Зубейр. И он объявил без дальних околичностей, что готов признать Абд-аль-Мелика. Халиф утвердил его в прежнем сане и тем охотнее, что полководец был по происхождению йеменец, подходя как раз к преобладающему в Сирии направлению. Хотя в 72 (691) новый наместник, посланный Абд-аль-Меликом в Басру, вздумал было без ведома халифа сменить этого полководца, но уже в 74 (693) его снова назначили. Преемники его терпели постоянные поражения от неутомимого Катари, отстаивавшего свое дело по образцу старинных героев степей — мечом и песней. Мы скоро увидим, каким образом даровитый военачальник успел окончательно разрешить свою трудную задачу, пока же Абд-аль-Мелик довольствовался и тем, что по крайней мере Басра не попадет снова в руки хариджитов. После присяги, принесенной куфийцами новому повелителю Ирака, первой заботой халифа стало, понятно, покорение священных городов и уничтожение Абдуллы ибн Зубейра. Медина была занята без сопротивления; наместник Ибн Зубейра рассудил заблаговременно скрыться. С Меккой, однако, требовалось обойтись поосторожней. Если Абд-аль-Мелик сам распростился раз и навсегда со своим Кораном, то многие из его подданных так или иначе держались еще крепко священного писания. Надо было хорошенько дообдумать, где бы отыскать человека, подобного Муслиму либо Ибн Нумейру совесть которого не помешала бы в случае нужды обстреливать хотя бы святой храм. Старинные приверженцы, единственное вероисповедание которых, если они какое и имели, заключалось в преданности к дому Омейи, пали все искупительной жертвой мщения за Хусейна. Приходилось действовать на авось. Высшие чины брезгливо устранялись от исполнения далеко не лестного поручения. Выискался, однако, один из второстепенных офицеров, до сих пор ничем особенно не отличившийся; он сам навязывался под предлогом, что ему приснилось, будто он сдирает кожу с Ибн Зубейра. Человеку этому — звали его Аль-Хаджжадж Ибн Юсуф, из племени Сакиф — не часто приходилось прежде грезить: он был бедный школьный учитель из Таифа, за что потом нередко корили его прошлым. Во всяком случае, он принадлежал к числу тех исключительно редких школьных учителей, которым удалось закончить великую войну. По какому-то странному капризу ему-то и вручил Абд-аль-Мелик начальство, а Хаджжадж вскоре же выказал себя, каков он есть на самом деле. Новый полководец, который так же мало, как и Ибн Нумейр, стеснялся святостью Мекки, обложил город со всех сторон. Заработали без перерыва метательные машины, а вылазки осажденных каждый раз были отражаемы с успехом. Шесть месяцев стойко выдерживали мекканцы осаду, но ряды друзей Ибн Зубейра поредели от страшного голода. Хаджжадж и не думал питать злобы к врагам: стоило только сложить

оружие, и в лагере принимали каждого благосклонно. Вскоре кругом Абдуллы остались лишь немногие. За последнее время претендент только и делал, что усердно проповедовал. Но наконец араб взял верх над духовным владыкой. Как передают, склоняясь на увещания своей столетней матери, Абдулла решил покончить свою неудачную жизнь честной смертью воина и пал вместе с горстью преданных 14 (или 17) Джумада I (14 октября 692).

Итак, с антихалифом было покончено, но все еще Абд-аль-Мелик не достиг конечной цели — воссоединения всей территории ислама под одним скипетром сынов Омейи. В сущности он властвовал ныне лишь в Сирии, Египте, северо-западе Аравии и Ираке. В большей части Аравии, Мидии и Персии хозяйничали хариджиты, а Хорасан был раздираем племенной враждой аздов, мудари-тов и раби'итов. Сходство основных черт управления халифа с приемами Му'авии высказалось и тут в яркой форме. Захотелось и Абд-аль-Мелику иметь своего Зияда, и он нашел его готового в лице Хаджжаджа, школьного учителя из Таифа. Все чаще и чаще стали получаться халифом в 75 (694) жалобы Мухаллаба. Этот полководец никак не мог справиться с хариджитами благодаря тому именно обстоятельству, что жители Куфы и Басры после восстановления спокойствия в Ираке и слышать не хотели о тягостной борьбе с раскольниками в персидской и мидий-ской гористой местности. Когда наместники высылали на подмогу к полководцу отряды, люди попросту, никого не спрашиваясь, возвращались к себе домой при первой возможности. В это время Хаджжадж, распоряжавшийся по-свойски и весьма грубо в Медине с остатками староверующих, вдруг получает приказ о своем назначении на пост наместника всего Ирака. Тотчас же отправился он в Куфу, а в Раджабе 7 5 (ноябрь 694) уже въезжал в город. Подобно Зияду сложилось у него правильное убеждение, что прежде всего нужно уметь говорить с народом прямо без обиняков, чисто по-арабски. С утренней зарей нагрянув неожиданно в город, новый наместник направился в мечеть и приказать собрать всю общину. Между тем куфийцы, с тех пор как им удалось прогнать Убейдуллу, несколько поотвыкли от повиновения наместникам. Не принимая даже в расчет восстания персов при Мухтаре, положения совершенно исключительного, за последние десять лет жители делали что хотели и почти всегда наперекор воле так называемых эмиров. Поэтому толпы беспечно повалили в мечеть. Говорили, что какой-то человек, приехавший с закрытым лицом, хочет там что-то сообщить общине. Многие спешили в надежде принять снова участие в свеженьком, веселеньком скандале. Их постигло, однако, неприятное разочарование. Когда вся община собралась, поднялся на кафедру какой-то никому не известный человек. Вместо обычного «хвала тебе, Создатель», которым начиналась каждая речь в этом священном месте, незнакомец провозгласил, срывая с лица покрывало и цитируя строфы одного языческого поэта*:

«Я сын того, кто светит** и над горами воспаряет. — Лишь только я сорву покрывало, вы меня узнаете!

О, клянусь Богом, — так продолжал он далее, — я взвалю на зло всю тяжесть ответственности за него, я выкраиваю наказание по мерке***, и за равное воздаю равным. Клянусь Богом, я вижу головы, которые уже созрели, настало время скосить их, и мне чудится, что кровь уже струится меж чалмами и бородами...»

Через несколько строф он воскликнул:

«Жители Ирака, я вам не винная ягода, которую можно сдавить, и не верблюд, которого можно запугать, гремя старым бурдюком****. Меня ощупали, чтобы узнать мой ум*****, и на ристалище я уж добежал до столба. Повелитель правоверных, Абд-аль-Мелик, рассыпал свой колчан и испробовал зубами древки стрел своих******. Меня он избрал — крепчайшего из всех и на излом тугого. И вот он послал меня к вам — давно уж вы упорствуете в заблуждении, блуждаете в своем ослеплении. Клянусь Богом! Драть кожу буду с вас, как дровосек кору с деревьев, и скручу вас и буду бить, как мимозовые ветви (листья мимозы употребляют на дубление. Шипы препятствуют обрыванию, поэтому стягивают и связывают ветви веревкой, а затем бьют палкой по связке. Листья падают на землю, и их собирают. —*А.* М.), и исколо-

* Сухейма, жившего неоспоримо при Османе, но примыкавшего по своей манере к старым языческим поэтам.

** То есть я уподобляюсь первому рассвету утра, при виде которого каждый восклицает: вот он, светящий! В переносном же смысле: я тот, кто преодолевает все трудности, подобно утренней заре, рассеивающей мрак ночи. И следующее выражение «восходящий над горами» скрывает двойной смысл и может также быть истолковано как «подымающийся на горы», т. е. осиливающий опасные предприятия.

*** Буквально: я выкраиваю (зло как кожу) по сандалии его.

**** Подобно тому как поступают с пугливым верблюдом, которого подгоняют, постукивая в пустые высушенные меха, и заставляют испуганного шумом подвигаться вперед.

***** Подобно осмотренной по зубам лошади для определения ее возраста.

****** Дабы испытать твердость каждой отдельной стрелы.

чу вас, как бьют чужого верблюда... (его подгоняют к воде вместе со своими, а потом прогоняют. — А. М.)

В таком же тоне продолжал наместник и далее. Можно себе представить, до какой степени возмущены были слушатели подобной речью. Когда же под конец по заведенному издавна обычаю новый правитель повелел прочесть официальное послание, в котором Абд-аль-Мелик объявлял ко всеобщему сведению жителям Ирака о назначении Хаджжаджа, и произнесено было вступительное обращение: «От Абд-аль-Мелика, повелителя правоверных, к верующим и муслимам Ирака. Мир с

вами!» — не нашлось ни одного в толпе, кто бы произнес согласно этикету.-«Мир также и тебе, о повелитель правоверных!» — Хаджжадж немедленно же крикнул, обернувшись к чтецу: «Стой! А вы, рабы палки (то есть заслужившие палочные удары. — А. М.), повелитель правоверных вас приветствует, и никто из вас не нашелся воздать должное на привет? Так вот как понимал вежливость Ибн Нихья (бывший доселе начальником полицейских в Куфе. — А. М.)! Клянусь Создателем, я вас приучу к другой!» — И когда снова по знаку эмира начал чтец послание, все присутствующие в один голос как бы по команде произнесли: «Мир тебе, повелитель правоверных!»

За словами последовали и деяния. Три дня роздыху даровал Хаджжадж куфийцам, а затем погнал всех в поход. Некоторым взбрела было на ум несчастная мысль прикрыть свое непременное желание остаться на родине более или менее пустыми отговорками; их попросту казнили. С этой самой поры Мухаллаб не имел недостатка в солдатах. 20 Рамадана 75 (12 января 695) он разбил Ката-ри при Казеруне в Фарсе, и началось отступление харид-житов в Кирман, медленное, но постоянное. В этой области между сектантами возник новый раскол из-за того, что многим не нравился образ действий Катари. Полководцу халифа оставалось только преследовать отдельные отряды и уничтожать их без особых затруднений. Сам Катари погиб в 77 (696), вместе с ним закончили свое существование так называемые азракиты — наиболее отчаянные фанатики из хариджитов. Конечно, приходилось и впоследствии усмирять в некоторых провинциях новые вспышки пуритан. В Аравии, по-видимому, десятки лет спустя после того, как окончательно усмирены были в 73 (692) неджди, вспыхивали изредка новые движения, но о них до нас не дошло точных известий. Гораздо опаснее, во всяком случае, были отголоски хариджитского восстания в Ираке и Персии. Пока Мухаллаб побеждал Катари в Фарсе и Кирмане,. вдруг у Мосула (76=695) появились целые толпы хотя менее фанатических и свирепых, но все-таки храбрых сектантов под предводительством Салиха Ибн Мусарриха. А по смерти его даже на Хаджжаджа навел страх в 76 и 77 (695 — 6) преемник его Шебиб Ибн Язид, соединявший большую энергию с человеколюбием по отношению к мирным жителям страны. Тщетно упрямый наместник Ирака пытался сломить в открытом поле этого пылкого поборника чистого учения об исключительном верховенстве Аллаха и общины. Поражения следовали за поражениями, как вдруг к концу 77 (в начале 697) несчастный случай избавил сразу наместника от опасного врага. Вместе со своим боевым конем Шебиб сорвался с моста и утонул в волнах вздувшейся речки Карун (в Хузиста-не). С ним рухнуло и защищаемое им дело. Безмерное ожесточение арабов Персии и Ирака на строгости Хаджжаджа понемногу утихало, хотя потребовалось не раз еще возобновлять борьбу, чтобы подавить всякое сопротивление; но зато нигде в этих провинциях более не доходило впоследствии до общего восстания. В 78 (697) Абд-аль-Мелик мог уже убаюкивать себя полнейшей уверенностью, что всяческое неповиновение придушено на всем протяжении громадного государства.

Однако уроженцы Куфы и Басры, которые постоянно и довольно успешно изыскивали увертки, когда действительно важное предприятие требовало их поддержки, всегда были готовы, увлекаясь самыми невероятными расчетами, принять участие в любом рискованном предприятии. Всячески они старались подготовлять халифу и его заместителю в Куфе какой-нибудь новый и неожиданный сюрприз. В данный момент они предусмотрительно выбрали первым местом своих действий отдаленный Кабул, чуть ли не на самой индийской границе. Еще до падения Ибн Зубейра Абд-аль-Мелик повелел привести к присяге Ибн Хазима в Хорасане. Когда же тот вздумал уклониться, против него был направлен подчиненный ему полководец, командовавший в Мерве, который с помощью других одолел и умертвил строптивого наместника (72 или 73=692, 693). Послали немедленно и туда, и в Седжестан новых наместников. Кое-какой порядок был восстановлен, но требовалось еще многое сделать. В 78 (697) по усмирении хариджитов туда же отправился с широкими полномочиями Мухаллаб, одержавший некогда в этой местности немало побед. Укрепившись твердо в Хорасане, он стал вскоре тревожить частыми набегами область Бухары, но стареющему полководцу как-то не удавалось завершить свою славную карьеру прочным присоединением земель по ту сторону Оксуса. Управление Седжестаном вверено было одному из наиболее уважаемых куфийских предводителей, Абдуррахману Ибн Мухаммеду, внуку киндита Аш'аса, изменившего Алию. Он считался искусным генералом, и солдаты боготворили его. Рядом предусмотрительных, а равно и энергических военных действий ему удалось мало-помалу вытеснить из Кабула турок, успевших, понятно, во время междоусобной войны снова отречься от ислама; он подчинил также гористые малодоступные страны нынешнего Афганистана. Но Хаджжаджу, соединявшему в своих руках, как некогда Зияд в качестве управителя всего Ирака, верховное наблюдение над всеми восточными провинциями, редко кто мог угодить; всякий генерал казался ему недостаточно энергичным. Вечно жаловался он на их медлительность. Когда же Абдуррахман вздумал заикнуться, что люди его совершили пока достаточно и заслуживают вполне разрешения вернуться на время к своим семьям в Куфу, наместник прислал строгий выговор и повелел немедленно же выступить в поход к индийским границам. Заклокотала гордая кровь киндита: как, с ним, внуком южно-арабских царей, осмеливается говорить таким грубым тоном какой-то школьный учителишка из Таифа! Солдаты охотно примкнули к вождю, приветствуя радостно его предложение свергнуть тирана и его халифа. Войско повернуло назад (81=700) с ясно выраженным намерением действовать на погибель обоим. По дороге присоединялись к ним отовсюду свежие силы. К величайшей досаде Хаджжаджа Мухаллаб не нашел удобным преградить дорогу

возмутившимся, но, с другой стороны, отказался действовать с ними заодно. Между тем какие только были в Персии шииты, хариджиты и другие недовольные, все устремились под знамена бунтовщика. Уже в Кирмане он возымел смелость провозгласить себя халифом. При подобном восстании Хаджжадж никоим образом не мог рассчитывать на иракцев; сирийцев же в его распоряжении было немного, так что даже с посланным от Абд-аль-Мелика подкреплением силы Абдуррахмана далеко превосходили средства наместника. В первом сражении в Хузистане мятежники одержали победу (конец 81=февраль 701), но под Басрой они в свою очередь были разбиты (Мухаррем 82=март 701), благодаря доблестным усилиям начальника конницы Суфьяна Ибн аль-Абрада. Все же нельзя было наместнику удержать за собой город. Абдуррахман потянулся к Куфе, земляки встретили его с распростертыми объятиями, мятежники почти пересекли Хаджжаджу путь через Месопотамию и грозили прервать всякие сообщения его с халифом. Рады-радешеньки были сирийцы, когда удалось им проникнуть до Куфы, на запад от Евфрата, и стать на самой границе пустыни. Теперь, по крайней мере, они восстановили связь со своей родиной. Тут же очутился и Абд-аль-Мелик с главными силами, недоумевая, на что решиться. Неожиданный успех мятежников, к которым притекали ежедневно со всех концов Ирака толпы единомышленников, страшно озадачил халифа. Он решился попытаться справиться с опасным врагом по средством задабривания, столь часто выручавшего Омейя-ов. Не обращая никакого внимания на отсоветывания Хаджжаджа, в глазах которого не существовало иного средства, кроме силы, даже в самых крайних обстоятельствах, халиф послал к Абдуррахману своего родного брата Мухаммеда Ибн Мервана с предложением выбрать для себя любое наместничество и с обещанием иракцам сместить ненавистного главноначальствующего. Сам Абдур-рахман охотно готов бы был заключить выгодный мир, но его подчиненные, упоенные победой, понятно, возгордились и требовали по меньшей мере низложения халифа. Итак, приходилось решить распрю мечом. Много месяцев протекло в незначительных стычках обеих армий у Дейр аль-Джамаджим*. Наконец в Джумаде II 83 (июль 702) дошло до общего сражения. И снова стремительная атака конницы, предводимой Суфьяном, решила бой в пользу сирийцев. Однако иракцы с необычным упорством продолжали войну далее. Потребовалось новое поражение их при Мескине, чтобы убедить большинство в бесполезности дальнейшего сопротивления. В данном случае и Хадж-жадж оказался настолько благоразумным, что значительно облегчил большинству возможность возврата к повиновению своевременным обнародованием амнистии. Лишь несколько тысяч последовало за Абдуррахманом; по той же самой дороге, ознаменованной рядом блестящих побед, принужден был несчастный полководец бежать в обратную сторону. Разбитый снова в Хузистане, он держался еще довольно долго в гористой местности округа Герата, благоприятной для ведения малой войны, отчасти поддерживаемый турками Кабула. Лишь в 85 (704), к концу правления Абд-аль-Мелика, выступил Язид, сын и преемник умершего в исходе 82 (начало 702) Мухаллаба, чтобы положить конец волнениям в соседней провинции. В этой последней войне пал и Абдуррахман, давно уже переставший быть страшным халифу и его куфийскому наместнику. Вместе с ним погас последний возмутитель мира обширного исламского государства. Итак, благодаря энергии двух замечательных людей наступал наконец более долгий период внутреннего спокойствия и внешнего блеска арабской державы.

*«Черепной монастырь», милях в пяти от Куфы, по пути в Басру.

ГЛАВА III

ПРОЦВЕТАНИЕ ДИНАСТИИ И ВТОРОЙ ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЙ

Существует совершенно неосновательное и тем не менее широко распространенное предубеждение, что духовно подвижный Запад составляет резкий контраст степенному покою Востока, погруженного в тяжеловесную неподвижность. Воззрение это вызвано прежде всего духовной пустыней, царящей, едва ли только надолго, в подвластных современному турецкому владычеству странах Малой Азии и севера Африки, и еще сильнее навевается развертывающимся перед европейским наблюдателем зрелищем оцепенелого нагромождения груд тысячелетних памятников египетской и ассирийской культур. Между тем уже Гёте понимал, что эти выдвинутые рядами перед пирамидами сфинксы свидетельствуют громко о верховном народном суде, напоминают собой великие нашествия, войны и договоры. С той самой поры, когда накопляющееся постепенно понимание содержимых на этих памятниках знаков дает нам все более и более возможность заглянуть сознательно в эту пеструю и деятельную жизнь самых отдаленнейших исторических эпох, мы замечаем с изумлением, что с того самого момента, когда беспокойный арабский элемент начинает определенно воздействовать на судьбы этих стран, сразу уже обнаруживается непрерывное брожение, становящееся почти исключительно постоянным явлением по всему этому широкому пространству, от плоскогорий Центральной Азии до самых столпов Геркулеса. И становится почти невероятным, каким образом могло произойти нарастающее беспрерывно развитие в этом новом, вечно волнующемся государстве, в течение всего времени своего существования воспользовавшемся лишь два раза более или менее продолжительным покоем, длившимся сначала 17, а потом 6 лет. Поэтому на первый взгляд кажется недо- статочно основательным толковать о процветании династии, которая удовлетворяла только самым

необходимым условиям государственного существования, и то не сполна, лишь два десятка лет. Впрочем на суть дела, по-видимому, можно взглянуть несколько менее безотрадно, если припомнить, что в одном только Ираке происходили часто после короткой передышки новые потрясения, меж тем как в Сирии воцарились покой и порядок на целые 55, а в Египте даже на 60 лет. Между тем именно Ирак становится теперь средоточием всех духовных усилий, бродящих в недрах ислама. И эти стремления более и более направляются отныне по пути мирного прогресса посредством разработки прежних основ с исключением всяких революционных новшеств; тем более поразительно видеть этот оазис развития на почве, взрыхляемой непрестанно могучими руками, не допускающими, казалось бы, даже возможности тихого произрастания подобного редкостного цветка. Одна только всезаливающая плодовитость юношески кипучего арабизма, о которой мы и раньше упоминали, была в состоянии более чем на столетие возрождать снова и снова благородные силы, погибавшие в непрестанных междоусобных войнах. Почти невероятно то множество высокоодаренных, творческих голов, какое воспроизводили либо перерабатывали для общего преуспеяния эти два города-близнеца — Басра и Куфа, вплоть до позднейших годов Аббасидской эпохи. Тем не менее не подлежит никакому сомнению, что и здесь потребны были, хотя бы на самый короткий срок, более прочные общественные отношения, дабы приучить людей к мысли, что всякое разномыслие теоретического свойства нельзя вводить в практику революционного движения и что следует прежде всего способствовать преуспеянию духовного развития и вызывать его лишь мерами умственного воздействия. Это-то самое установление прочности отношений на несколько десятков лет и составляет главную заслугу Хаджжаджа. Может быть, и без предвзятого намерения преобразился он из школьного учителя Таифского если не в преподавателя Аравии, то в первого оберегателя арабской науки.

Довольно скверно отплатили ему арабские ученые за то, что наместник устроил им уютный уголок для безмятежных занятий. Осаждавшему некогда Мекку, гонителю набожных Медины приходилось быть на дурном счету у историков Аббасидской эпохи; равно как и предшественнику его Зия-ду, не могли они простить ему строгости и беспощадности, с коими они оба должны были водворять порядок в совершенно одичалом Ираке. Их укоряют в немилосердной жестокости. Меж тем беспристрастный мыслитель видит в них поистине лишь робких школьников, стоит только вспомнить о потоках крови, пролитых Аббасидами, не говоря уже об изысканной до омерзения системе пыток, введенной в употребление этими последними по образцам древнепер-сидской. Наша прямая обязанность оправдать образ действий Хаджжаджа. Был он попросту строгим, но справедливым правителем; по заведенному в те времена обычаю он действовал беспощадно там, где было нужно, но никогда не становился тираном, каким изображает его позднейшая подделывающаяся под господствовавшие тогда воззрения история. Даже и она, впрочем, не осмеливается заподозрить редкостную честность этого человека. По смерти наместника, неограниченно управлявшего целой половиной халифата, наследникам осталось его оружие, Коран и несколько сот дирхемов наличными. Во всяком случае, арабы обязаны единственно ему тем, что несколько лет спустя после его кончины, а затем с небольшими перерывами и еще полтора десятка лет, под управлением доблестного Халида Аль-Касрия в Ираке воцарился относительный покой.

Хаджжадж не мог, конечно, предполагать даже, чтобы жители страны были в состоянии вполне изменить глубоко укоренившееся направление; вот почему наместник изобрел новое средство держать их в повиновении. На большом соединительном канале, между Тигром и Евфратом, прорезывавшем с севера на юг Месопотамию и выкопанном или, лучше сказать, восстановленном по приказанию самого же Хаджжаджа, построен был новый город. От Куфы, Басры и Ахваза, главного города Хузистана, очага хариджитов, отстоял он в равном расстоянии. Поэтому и назван он Васит(Срединный город). Благодаря центральному положению крепости, гарнизон надежных войск мог с одинаковой скоростью поспеть в один из названных городов по первому известию о возникших там беспорядках. А как сумел Хадж-жадж вдохнуть дисциплину в распущенные войска Куфы и Басры, мы видели уже раньше. С восстановлением внешнего порядка не менее важной заслугой была и реорганизация управления, воспоследовавшая одновременно; не прекращавшиеся в течение 11 лет смуты в Ираке вместе с нескончаемыми походами во всевозможных направлениях бесчисленных полчищ омейядов, шиитов, зубейритов и харид-житов довели земледельческое население страны чуть не до полного разорения. Когда Хаджжадж стал во главе управления, налоги богатой страны упали со 100 на 40 млн дирхемов. Положим, бедственное состояние финансов объясняется отчасти постепенно умаляющимся доходом поголовной подати, но опустошения, производимые войной, были все-таки главной причиной. Для улучшения пошатнувшегося общего благосостояния наместник предпринял целый ряд целесообразных распоряжений, клонящихся к поднятию производительности земли; всеми силами старался он также поддержать владельцев земельных участков, оделяя их ссудами из государственной кассы. Но если все подобные мероприятия следует назвать не только благожелательными, но и в действительности принесшими пользу, то другое его распоряжение возбудило сильнейшее раздражение в широко распространенных кружках. Стремясь восполнить громадный недочет в государственных доходах, Хаджжадж вздумал отменить в 81 (700) установленное законом освобождение от поголовной подати всех подданных иноверцев, пожелавших принять ислам. Несомненно, это и стало побудительной причиной массовых присоединений мирных жителей к толпам бунтовщиков Абдуррахмана, вскоре нахлынувших со всех сторон на Ирак и поставивших всю едва окрепшую систему управления на волосок от гибели. По преодолении мятежа,

однако, распоряжение вошло, само собой, снова в силу и существенно поспособствовало приумножению государственных доходов.

Очень естественно, что Хаджжадж со всей своей упорядочивающей деятельностью, простиравшейся кроме Ирака по принятому доселе обычаю и на все в совокупности восточные провинции, находился в самых тесных сношениях непосредственно с халифом. И властелин тоже не менее своего вице-короля крепко был озабочен изысканием мер к упрочению государственного здания; многие в высшей степени целесообразные распоряжения истекали прямо от одаренного прозорливой мудростью властителя. Необходимо было сплотить воедино вечно разрозненные отдельные звенья халифата, пробудить сознание государственного единства в этой разнородной по национальностям, языку и обычаям массе жителей, разбросанной к тому же по провинциям на громадных расстояниях. До сей поры местная администрация находилась в Персии всецело в руках персов, а в Сирии и Египте предоставлена была христианам; персидское и греческое золото обращалось в империи как и прежде, оставляя подданным иноплеменникам как бы иллюзию самостоятельного национального существования. Между тем несовершенства путей сообщения содействовали сохранению грозной обособленности отдельных отдаленнейших округов и устранению влияния центрального управления. Все это подверглось ныне коренной переделке. Удалены были, по крайней мере на первых порах, иноверцы из государственной службы; все счеты, производимые административным путем, списки, сношения и т. п. документы стали отныне писаться на арабском языке: вместо византийских и персидских монет с христианским крестом и изображением Хосроя начали выбивать на монетных государственных дворах с 75 (694) особые золотые и серебряные монеты. На них появились впервые кроме мусульманского символа веры и другие классические изречения из корана — о победе имама и ничтожестве христианского и языческого вероучений. Наконец, устроены были почтовые станции по главным дорогам, ведущим от Дамаска в провинции, и учреждена постоянная почта. Известия стали получаться значительно быстрее; в крайних случаях всеми этими удобствами могли пользоваться и частные лица; та- ким образом, самые отдаленные окраины государства связаны были прочно со столицей.

Вместе с новой организацией управления Абд-аль-Ме-лику предназначалось судьбой даровать также своим народам целый ряд властителей. Мерван заставил мусульман присягнуть одновременно с присягой Абд-аль-Мелику и его младшему брату, Абд Аль Азизу в качестве будущего наследника. И действительно, с тех пор как в 65 (685) брат халифа был назначен наместником Египта, выказал он, по-видимому, образцовую и поистине необыкновенно благотворную на пользу страны деятельность, вполне соответствовавшую сану грядущего властелина. Между тем Абд-аль-Мелик впоследствии пожелал, и очень естественно, доставить преемство своим собственным сыновьям и под конец жизни неотступно надоедал брату просьбами отказаться от своего права. Последний умер, однако, ранее халифа (около 85=704); можно было теперь беспрепятственно провести задуманный план. Таким образом, один вслед за другим сели на трон четыре сына Абд-аль-Мелика: Аль Валид (86—96= 705-715), Сулейман (96-99=715-717), Язид II (101-105=720—724) и Хишам (105—125=724-743); двое из них, хотя не в одинаковой степени, оказались достойными преемниками своего отца; таковым, и притом в самой высокой мере, оказался Валид. Был это властелин энергичный, который по образцу Омара умел на самых отдаленных концах своего государства, на расстоянии тысячи географических миль, твердой рукой сдерживать своих полководцев и наместников. Приближенных старался привязать к себе щедростью, а народ побуждал, что встречается слишком редко на Востоке, к разумным предприятиям на общую пользу и приводил всех подданных в неописуемый восторг воздвигаемыми им огромными и великолепными зданиями. Он оставил после себя громких и почетных свидетелей ревностной заботы своей о народном благосостоянии в разбросанных повсюду дорожных сооружениях, фонтанах, больницах и мечетях; ему же обязаны арабы учреждением первых школ. При этом халиф не дозволял шутить с собой; этим он сильно напоминал отца. Заподозрив свою супругу Умм аль-Бенин в том, что она дозволяет поэту Ваддаху посещать ее тайно, халиф однажды неожиданно вошел в ее покой. Обожатель, бывший как раз в это время тут, едва успел юркнуть в деревянный ларь, не раз уже послуживший для этой цели. Как бы невзначай сел халиф на ларь и повернул разговор, по-видимому совершенно без умысла, на тему о пристрастии жены к этому самому покою и всей расставленной здесь утвари. Продолжая разговаривать в том же тоне, повелитель наконец обратился к супруге с просьбой подарить ему один из стоящих кругом комнаты ларей. Жена должна была, конечно, изъявить согласие: она не посмела серьезно перечить и тогда, когда Валид выбрал именно тот, на котором сидел. Затем он кивнул рабам, чтобы они снесли ларь в его комнату, находившуюся в нижнем этаже. Быстро выкопана была тут же яма, несколько ниже уровня подпочвенной воды. Туда по приказанию властелина спущен был ларь, а халиф промолвил: «Кое-что и я слышал. Если это правда, да будет тебе это саваном, и мы зароем навеки тебя вместе с воспоминанием о тебе; если же неправда, не беда, если закопаем это ничего не стоящее дерево». Углубление живо забросали и на этом квадрате, покрытом ковром, халиф преспокойно уселся по своему обыкновению. С тех пор и по сие время нет никаких известий о Ваддахе. Умм аль-Бенин никогда до самой кончины не могла прочитать по выражению лица супруга никакого указания на случившееся.

Человек этот, так беспощадно и мудро умевший охранять честь своего дома, с не меньшей энергией и прозорливостью руководил управлением внутренней и внешней политики своего огромного государства. Во всем преследовал он дальше осмотрительные и величавые планы своего отца, равно и Хаджжаджа, бывшего и при нем, как и при Абд-аль-Мелике, вице-королем восточных областей и пользовавшегося

неограниченным доверием властелина до самой своей смерти (95=714). Все трое держались крепко убеждения, выработанного еще муавией и Зиядом. Они поняли, что в интересах династии следует противопоставить партии неустанно работавших фанатиков всевозможных сект, имевших целью ниспровержение существующего правления, умерен- ных ортодоксов средней партии и споспешествовать всеми способами их распространению. Таким образом, постепенно в Ираке и Аравии они могли послужить такой же прочной опорой господствующей системе, какой представлялась в Сирии личная привязанность населения к правительствующему дому. Поэтому Абд-аль-Мелик дозволил Хаджжаджу продолжать начатые им старания склонить набожных людей восточной половины государства на сторону правительства. Так, например, мы слышим, что наместник ревностно заботился о распространении повсюду списков корана, который там, конечно, более, чем во всякой другой провинции, был в то же время символом арабского владычества. То же самое сообщают и о Валиде: требование изучения корана сопровождалось, по установленному раз навсегда обычаю, оказыванием халифом неизменного своего почтения к людям набожным. Та же самая цель преследовалась при сооружении Абд-аль-Меликом и Валидом и доселе сохранившихся в главных чертах больших мечетей Иерусалима и Дамаска. О последней встречается известие, что халиф в самом начале своего правления (конец 8б=октябрь 705) понудил христиан за щедрое вознаграждение уступить ему оставленную им еще при Омаре половину большого собора св. Иоанна (I том). Великолепный храм перестроен был вновь в мечеть. И поныне это здание, сильно пострадавшее от пожара в 461 (1069) и опустошения, претерпенного им от монголов при Тимуре в 803 (1401), составляет величайшую достопримечательность Дамаска и сохранило название мечети Омей-ядов. Весьма серьезные основания, по-видимому, заставляют также нас считать Абд-аль-Мелика основателем сооружения, высящегося на горе Мориа, так называемого «Купола Скалы». Обе замечательные постройки, если не принимать в счет Ка'бы, несомненно старейшие нам известные памятники арабской архитектуры и, само собой, свидетельствуют о развитии этого искусства в высокой степени. Для кочевого народа и маленьких городков величественные постройки едва ли требовались прежде, пока не наступил период великих завоеваний; почти повсеместно арабы довольствовались устройством палаток и хижин. Представившаяся, можно сказать, внезапно потребность сооружения достойного для богослужения помещения застигла арабов почти совершенно неподготовленными. Ввиду подобных обстоятельств мечеть Мухаммеда в Медине была попросту увеличенных размеров палаткой вроде амбара; недалеко ушли в постройках и в Куфе и других местах в течение первых десятилетий везде, где не представлялось возможности усвоить образцы христианских церквей либо подобных им других величественных зданий. Положим, еще при Омаре сооружена была мечеть на священной горе в Иерусалиме, но совершенно, по-видимому, неосновательно часто упоминаемое обозначение Купола Скалы «Омаровой мечетью». Во всяком случае ничего неизвестно о какой-либо другой постройке второго халифа, а если бы даже она и существовала, то была бы, несомненно, оттеснена на задний план сооружениями Абд-аль-Мелика. Так как возобновляемая попытка обоих мудрых Омейядов, следуя примеру Му'авии, перенести кафедру Мухаммеда из Медины в Сирию не возымела благоприятных последствий, Абд-аль-Мелик решился соорудить на месте чудесной «ночной поездки», совершенной пророком (I том), о которой говорится в Коране (17,1), святыню, могущую в глазах правоверных соперничать с Ка'бой. А когда вскоре обнаружилось, что на это трудно рассчитывать, Валид постарался возвести пред изумленными очами народа еще более громадное и великолепное здание в столице, дабы оно свидетельствовало по крайней мере о неразрывном единстве веры и династии. Но не нашлось тогда ни одного араба, знающего толк в подобных предприятиях; пришлось, понятно, обратиться к грекам. Восьмиугольное куполообразное здание «Купола Скалы» рабски напоминает известные византийские образцы; вот почему арабские историки приписывают Валиду, и весьма настоятельно, почин привлечения греческих архитекторов и мастеров. Была это, несомненно, не совершенно новая постройка. Подобно тому, как собор св. Иоанна вместил в своих стенах части языческого капища, точно так и середина мечети Омейядов вместе с куполом, по свидетельству очевидца, громко говорят и при нынешнем состоянии святыни о перестройке ее из византийской церкви. Что жекасается сохранившейся частью мозаики внутри и извне, то она как две капли сходна с таковой же в церкви Св. Марка в Венеции. Более же всего может подтвердить наше предположение следующая надпись. На одном замурованном ныне боковом портале начертано по-гречески: «Господь будет царствовать вовеки, Бог твой Сион в род и род...»*. Может быть, и не без предвзятой иронии мусульмане не тронули надписи. Но если все существенное в этих древнейших памятниках мусульман христианско-византийское, то учение и обрядность ислама потребовали некоторых изменений в частностях, которые при позднейших постройках постепенно стали влиять и на весь стиль: прежде всего необходимо было ради догматических воззрений устранить все произведения скульптуры и живописи, изображающие человека и другие живые существа. Но так как мусульмане обладали значительно большим вкусом, нежели кальвинисты, то они постарались прикрыть и изукрасить голые стены наподобие монет. Вместо картин появились надписи, содержащие исповедание веры и другие подходящие стихи корана, позднее помещались тут же и имена первых четырех правоверных халифов, которые ныне, например, выделяются свыше всякой меры на стенах мечети Айя София в Константинополе. Составляя полную противоположность с нами, жителями Запада, чуть что не гордящимися, по-видимому, умением изобразить как можно угловатее и некрасивее свои письмена, мусульмане издавна и с все возрастающей художественностью занимались каллиграфическими усовершенствованиями арабского алфавита. Влечение к этому искусству проявлялось тем сильнее, что для правоверного суннита по крайней мере оно

представляло единственную возможность удовлетворения не чуждого и арабу пристрастия к красоте форм. И вот первоначально заимствованные у сирийцев неуклюжие и неказистые начертания букв преобразовывались постепенно в изящные письмена, не выделяющиеся, положим, особенно в арабском печатном шрифте, но действующие даже на непосвященного почти обаятельно в

* По псалму 145.10

тщательно написанной рукописи. Это же стремление выступало и в архитектуре, в орнаментации. Всем известно, конечно, что эти художественно сплетенные фигуры надписей, с окаймляющими их волнистыми линиями и росчерками, впоследствии перешли со стен строений на дорогие материи средневековой восточной тканевой фабрикации и всюду стали появляться под названием а р а б е с о к послужили они образцами также и для Запада. Эта-то техника и наложила по меньшей мере печать своеобразности и какой-то неуловимой прелести на большинство памятников мусульманской архитектуры. То же самое впечатление, еще более, конечно, усиленное, получалось там, где склонность к украшениям совершенно преобразовывала и строительные элементы, видоизменяя и затопляя вычурными завитками колонны и своды; об этом придется еще много говорить впоследствии, когда мы коснемся истории Испании и Индии. Что же касается некоторых видоизменений, оказавшихся необходимыми в заимствованной от христиан архитектуре ради обрядов мусульманских нужд, достаточно упомянуть об одном лишь наиболее известном. Дабы можно было слышать на дальнем расстоянии призыв на молитву муэззина, понадобилось устроить возвышенное место вне стен мечети. Поэтому непосредственно возле мечети стали воздвигать отдельные башни; имея одно специальное назначение, были они, понятно, высоки и тонки. По внешнему виду своему получили они название минаретов [минарет — «маяк»] и под этим именем стали известны на Западе*. «Купол Скалы» с удобной обширной платформой для муэззина до сих пор не имеет минарета, а при мечети Омейядов их три, из которых один по крайней мере, по преданию, сооружен Валидом.

Впрочем, ни Валид, ни его преемники не ограничивались одним подражанием греческим зданиям. Там, где требовало благоговейное чувство по возможности оставить неприкосновенным древнее сооружение, как, например, в

* На Востоке называются они чаще всего мадинет, а еще точнее ма'занет «место призыва на молитву» (производное от азан, см. том I).

Мекке и Медине, или же когда не предстояло возможности пользоваться греческими мастерами, они по-прежнему оставались при старом стиле: поддерживаемой столбами зале — так именно, как сам Мухаммед строил. Чаще всего, по примеру Ка'бы, вокруг храма устраивался открытый двор, обнесенный рядами колонн. Сам Валид повелел отстроить по подобному образцу мечеть в Медине (91=710). Она стала неизменным образцом национального арабского молитвенного дома, а значительно позднее до такой степени была усовершенствована архитектурным устройством, что даже выдерживала сравнение с подражаниями византийскому стилю. Об этом нам придется говорить более подробно впоследствии.

Благоволение, оказываемое сильными мира делам веры, не ограничивалось, однако, лишь одной внешностью. Ради защиты покровительствуемой ими ортодоксии в конце концов они вмешивались даже в богословские прения. Именно теперь духовная жизнь этого замечательного периода пыталась в двух пунктах государства выступить впервые в более определенном смысле. Самое рассмотрение деятельности трех тогдашних выдающихся государственных людей побуждает нас хотя бы в общих чертах изложить эти начинания научной обработки теории ислама.

Всякий, кто только ощущал в себе в то время духовные силы, побуждающие его высказаться, если только поэтическое дарование не увлекало его неудержимо на иные пути, находил один только предмет, достойный внимания: Слово Божие и устные предания о пророке, неизбежное разъяснение первого. Отныне и надолго еще вперед вся научная деятельность сосредоточивалась на одном толковании корана, на собирании, дальнейшей передаче преданий и формулировке учения веры, разрабатываемого на основании данных из обоих первостепенных источников. Вначале, в особенности в промежуток времени от смерти Мухаммеда до конца второй междоусобной войны, подобным занятием предавались люди, исключительно руководимые практическими потребностями: предстоявшие на молитве и судьи. Одному необходимо было с величайшей осмотрительностью позаботиться об изучении священного писания в подлинном его виде, другой должен был строго сообразовать решения свои с постановлениями пророка и его первых преемников; но обоим этим требованиям было далеко не так легко удовлетворить, как это может показаться с первого взгляда. Конечно, со времени Османа Коран переписывался тщательно и добросовестно, а на восстановление его с течением времени обращалось еще более внимания; однако не следует при этом забывать, что арабские письмена находились еще тогда в состоянии несовершенства и давали повод на каждом шагу ко всякого рода разногласиям. Достаточно сказать, что писались одни только согласные. Представьте себе, например, на русском языке звуковую группу хотя бы из согласных *гл*, и сразу же явится сомнение, как читать: голь, голо, гол, гиль, гул и т. д.

Затем добрая половина первоначальных арабских согласных до такой степени быши схожи друг с другом, что являлась новая трудность отличать тождественные очертания. Если бы по-русски, например, буквы «с», «т», «я», «н», «б» писались почти одинаково, какая путаница произошла бы при чтении слов, состоящих из этих звуков: пришлось бы не читать, а отгадывать. В довершение всего вначале не было и помину об употреблении знаков препинания, не существовало и прописных букв. Трудненько было разбираться во всем этом природному арабу, но затруднения удесятерялись для иноязычных новообращенных, которым сверх того приходилось бороться с трудностями необыкновенно запутанных правил арабского языка. Дабы пособить злу, придумали в Басре изображать гласные точками и черточками, ставя их внизу и сверху согласных, а похожие по начертанию согласные отличали подобного же рода знаками: начало этому положили уже сирийцы, от которых первоначально и заимствована была арабами азбука. Говорят, сам Хаджжадж допустил введение этих пояснительных знаков, конечно, не как и воспоминание о прежнем своем учительском призвании: надо было прекратить раз навсегда все споры о правильности чтения отдельных мест корана, в видах вящего поощрения покровительствуемому богословскому направлению. Во всяком случае это нововведение в те вре- мена получило сразу широкое распространение как неизбежное подспорье. Между тем правильная расстановка различительных точек в письме требовала, конечно, основательного изучения языка, но приобрести это знание для того, чтобы при этом достичь прежде всего возможности изучать слово Божие, было в сущности громадным трудом для всех, не всосавших с материнским молоком арабского языка; особенно было это тяжело для новообращенных персов, составлявших в Басре большинство мусульманского населения. Поэтому они и постарались для правильного, насколько были в силах, чтения Слова Божия придумать всевозможного рода лингвистические законы. Таким образом, совместно с искусством чтения корана, которое и само по себе при возможности разночтений требовало точного изучения, возникла совершенно естественным путем и арабская грамматика. Первые ее зародыши начали развиваться благодаря заботе персидских клиентов именно в эту самую пору в Басре, а к концу владычества Омейядов и в Куфе. Иного рода трудности предстояло победить в области преданий. Довольно продолжительное время распространялись они, особенно при Омейядах, только устным путем. Такая передача не могла, конечно, представлять никаких затруднений для первого поколения, память которого еще не была избалована широко распространенным употреблением письмен, но наступивший вскоре после смерти Мухаммеда раскол в общине усилил и без того несомненную шаткость передачи подобного рода. Каждый из разнообразных толков — староверующие, хариджиты, шииты — считал себя за истинно правоверных. Все они, сознательно или бессознательно, в данном случае безразлично, согласно стремились овеять фигуру Мухаммеда, как пророка, все более и более сиянием чудесного, но начавшиеся несогласия на почве правильного понимания более важных мест корана и выдающихся пунктов учения должны были поневоле значительно усилить стремление каждой партии всюду по возможности искать подтверждения собственных взглядов в тщательно подобранных изречениях посланника Божьего; иными словами, излагались предания односторонне, даже слегка видоизменялись; дошло наконец до того, что спорящие стали сами придумывать новые предания. До какой степени испорчена историческая часть преданий в этом направлении, мы уже достаточно познакомились при изложении жизни пророка. Однако, хотя в поисках за чудесным набожных всевозможных партий подобные искажения не только были терпимы, но даже и поощряемы, насущнейшим жизненным вопросом для всех трех лагерей без различия оказалась строгая проверка преданий, касающихся догматики. По существу дела происходило это непосредственно в форме примерно следующего приема. Приходит А. и говорит: «Пророк там-то и там произнес то-то и то-то». — Б., понятно, задает ему вопрос: «Откуда ты это узнал? — Так утверждает В. — В., конечно, можно поверить, но от кого слышал В.? — Он говорит, сам очевидцем был». В таком случае факт становился доказанным. Если же Б. не вполне доверял В., предание считалось «не совсем достоверным», которым следовало пользоваться с осторожностью или даже прямо его отклонить. Таким путем с течением времени образовывалась более и более длинная цепь передатчиков преданий. А так как с каждым новым звеном увеличивалась ненадежность, то устанавливались, смотря по местности, где поселялись во времена завоеваний древнейшие очевидцы возникновения ислама, особые школы хранителей преданий, на которые возлагалось попечение о дальнейшем развитии науки преданий. Самые почитаемые из них основались в Медине и Куфе, а второстепенные сосредоточились в Басре и Мекке. Из-за опустошения Омейадами города мединская школа рассеяна была на все четыре стороны, но возродилась снова из ничтожных обломков, благодаря высокому почитанию города пророка как наисгарейшего пункта ислама. Тем не менее, однако, в самый расцвет владычества Омейядов изучение преданий вследствие ранее уже указанных причин получило необыкновенно широкое развитие также в Куфе и Басре; даже в Дамаске из-за практических, правда, целей изучением их нельзя было совершенно пренебречь. Само собой, дело это не могло долго ограничиваться одной полумеханической деятельностью собирания, рассмотрения и хранения тысяч и тысяч отрывочных преданий. Должно было постепенно появиться стремление привести их в некоторый порядок, дабы вещественно подходящие части изо всего материала можно было соединить и по внешнему изложению. Так из отдельных исторических данных сложилось жизнеописание пророка, а с ним и начало исторической литературы. Из соответствующих местам Корана изречений пророка и его преемников образовались пространные толкования на сам Коран. Судебные же

постановления сплачивались вместе с законодательными формулами священного писания в юридические системы. Наконец, вынужденная полемика с неверными, с одной стороны, и неприязненные исламские секты — с другой властно побуждали к разностороннему основательному исследованию и общему изложению главнейших теологических основ учения в виде последовательной догматики. Если эта всеобъемлющая и творческая деятельность достигает полного своего расцвета лишь после окончания периода Омейядов, то корни ее так глубоко проникают еще в первое столетие после Хиджры и отчасти настолько сплетены с политическими превратностями арабской истории, что мы обязаны уже теперь проследить за ней по крайней мере настолько, насколько она касается богословских воззрений, явившихся выразителями всей умственной деятельности того времени.

Пока еще хариджиты не отреклись от общины, до тех пор верующие не особенно-то усердно предавались вообще мудрствованиям о божественных предметах. Набожные мусульмане были народ простой. Достаточно было каждому с наивной верой усвоить пару догматов из корана так, как они представлялись здравому человеческому смыслу. О тонкостях же отличения понятий, а тем паче метафизическом умозрении, они и понятия не имели, знали столько же, сколько о китайском государственном управлении. Когда же высказанные хариджитами мнения о суверенитете общины заставили постепенно в Басре и Куфе задумываться над приисканием истинного и точного смысла отдельных мест корана и вообще заняться основными вопросами, подобное же движение подготовлялось и там, где нельзя было вовсе его ожидать, именно в довольно равнодушном доселе ко всем теологическим предметам населении Сирии. Как ни мало представлялось собственно поводов при первых Омейядах высказывать официальное рвение к делу веры по образцу набожных Медины, но и здесь, в Сирии, не особенно большое число людей, занимавших пост имама или судьи, обязаны были постоянно обращаться к корану и преданиям. С другой стороны, они были сильно заинтересованы в том, чтобы дать себе отчет в основных положениях прилагаемого к жизни вероучения. Приходилось им не раз также сталкиваться с христианским элементом, находившим у Омейядов широкую терпимость. Вплоть до Абд-аль-Мелика, и даже позднее, множество христиан принимало деятельное участие по управлению, да и при дворе и вообще везде обращались с ними милостиво. Поэтому весьма понятно, что одаренные более живым темпераментом как с той, так и с другой стороны вскоре должны были вступить в прения по предмету дел веры. И именно меньшая степень фанатизма, отличавшая даже самых набожных из мусульман Сирии, дала возможность во время взаимных рассуждений об основных теологических положениях незаметно проявиться влиянию христианских воззрений на исламские догматы. Нам известно, например, что один из последних величайших догматиков греческой церкви, Иоанн Дамаскин (род. 676), к отцу которого благоволил Абд-аль-Мелик, написал при позднейших Омейядах в защиту христианской религии против ислама сочинение в форме беседы между христианином и сарацином. Приблизительно к тому же времени можно отнести* появление в кругу мусульман двух учителей, выступивших именно в качестве пропагандистов двух догматических тезисов Иоанна, а именно — милосердного промысла Божия, направленного ко спасению всего человечества, и свободы человеческой воли. Поэтому можно утверждать с большой достоверное -

* Собственно говоря, несколько ранее появления Иоанна, но ведь этот святитель не изобрел же собствен! юй догматики. Он только излагал систематически учение греческой церкви, исповедуемое в его стране.

тью, что оба новых толка обязаны своим происхождением сношениям мусульман с христианами. К сожалению, нам известно весьма немного о воззрениях этих новых исламских сект, получивших название мурджитов и кадаритов*. По-видимому придерживаясь некоторых мест Корана, они отвергали, безусловно, предназначаемое предвечно блаженство либо гибель каждого человека и учили об окончательном решении судьбы, по крайней мере для всех верующих, при кончине мира в противоположение исламскому догмату безусловного предопределения и проистекавшего отсюда непомерного страха пред тиранической волей Бога. Но именно эти последние теологические положения к концу жизни Мухаммеда, несомненно, значительно преобладали и, как мы вскоре увидим, соответствовали воззрениям большинства правоверных.

По-видимому, новое учение стало проникать из Дамаска в Куфу и Басру. По крайней мере мы обладаем достоверными известиями, что в последнем городе в 80 (699) существовали подобного рода учения. Меж тем как в Сирии никто не обращал особого внимания на распространение новой догмы, здесь она наткнулась на довольно сильный отпор. Непрестанные междоусобные войны, жестокие преследования староверующих Омейядами многообразно поддерживали и усиливали в кружках набожных те воззрения, которые залились из души Мухаммеда в период страданий и увенчались учением о предопределении и суровым понятием о существе Божием, в таком именно виде, как было это изложено раньше (т. I). В особенности одна группа ревностных правоверных, собиравшаяся вокруг высокочтимого за богобоязненность Хассана басрийского (110=728), развила это суровое учение до границ неподдельного пренебрежения ко всему мирскому. Среди них приходилось слышать чуть не ежедневно передаваемое

* Мурджиты — значит, собственно, «откладывающие». Они проповедовали, что божеский приговор о спасении или погибели человека не непреложно установлен предвеки предопределением, а отложен до дня Страшного суда. Кадариты же те, кои предоставляют человеку Кадар, т. е. его судьбу, свободную волю.

преданием изречение пророка: «Если бы вы знали то, что я знаю, вы бы разучились смеяться и много бы плакали». Аскетические тенденции были, впрочем, не в редкость в Аравии и прежде (т. I), да и христианское монашество всюду, понятно, было всем знакомо. Немудрено поэтому, что к концу владычества Омейядов, одним поколением позже, люди подобного закала начали соединяться в замкнутые общины со строгим уставом. Их звали суфиями по носимой ими шерстяной рясе (суф). Тревожное время, переживаемое арабами при последних Омейядах и первых Абба-сидах, лишь усилило склонность к монашеской жизни, а пример на западе христианства и на далеком востоке буддизма дал этому стремлению новый могучий толчок. Так, постепенно стали развиваться все более многочисленные, сплоченные ордена нищенствующих монахов, получившие и у нас на Западе громкую известность под именем дервишей (по-персидски дервиш — «нищий»). Но это развитие подвижничества следует отнести к позднейшему периоду. Впрочем, идеи о тщете всего мирского в человеческом ничтожестве перед лицом наводящего ужас Божества были в большом ходу среди правоверных Ирака и именно при Хаджжадже; поэтому жители с неудовольствием стали опровергать занесенные сюда мурджитами и кадаритами учения. Вмешалось в спор и правительство, дорожившее одобрением партии ортодоксов. По приказанию Абд-аль-Мелика, а может быть, Хаджжаджа, в Басре был казнен Маʼбад из племени Джухейны за то, что осмелился открыто проповедовать свободу воли, а 30 лет спустя подобной же участи подвергся при Хишаме и другой свободомыслящий богослов. Тем не менее движение не могло быть подавлено принудительными мерами. Хотя оно проникло и извне, все же встречало благосклонный прием в некоторых слоях народа, там, где сохранились еще жизнерадостные воззрения арабов. Своим чередом продолжались в Басре богословские препирательства между правоверными и вольнодумцами. Они привели естественным путем мало-помалу к постановке принципиальных вопросов о существе Божества и откровений; по поводу их завязались жаркие споры меж- ду правоверными и свободомыслящими; главные основы исламского учения об этих догматах изложены нами раньше (т. I). Когда Василь ибн Ата, ученик Хассана басрийско-го, по одному из теологических вопросов уклонился от мнения наставника, тот сказал: «Василь со мной разошелся». С этих пор стали называть свободомыслящих теологов аль-муʼтазила — «разошедшиеся». Были они и тогда, а позднее еще более станут опасными противниками ортодоксов в умении обсуждать и спорить; с ними, смотря по обстоятельствам, и правительство начало обращаться более или менее снисходительно, так что вскоре они распространились значительно, а при Аббасидах одно время играли даже влиятельную роль, о чем будет упомянуто впоследствии.

Ни Абд-аль-Мелик, ни Валид, ни даже Хаджжадж не руководились, разумеется, преследуя кадаритов, ничем иным, как политическими целями. Личные религиозные убеждения властелинов вполне соответствовали преданиям дома Омейи, общим с принципами или же, скорее, с привычками мирской старинной мекканской аристократии. Если они считали благоразумным покровительствовать право- верным в Ираке, то нисколько не думали на тех же основаниях навязывать непопулярную в среде сирийских местных войск набожность. Здесь дело шло прежде всего об устранении новых столкновений между кайситами и кельбитами, во всем же остальном неизменным девизом Омейядов было: жить и давать жить другим. Если простая, скудная обстановка жизни арабов, особенно в больших городах, быстро исчезла под давлением чужеземных нравов и нахлынувших внезапно непривычных богатств уже при правоверных халифах (т. I), то мирские тенденции владык Омейядов прямо способствовали еще большему повсеместному усилению роскоши и блеска. И весело же было, к величайшей досаде набожных, в те времена при дворе в Дамаске; мы это уже замечали про период владычества Язида. Не столь опрометчивы, но также неравнодушны к мирским утехам были Абд-аль-Мелик и Валид; Сулейман же и многие из позднейших его преемников даже не умели сдерживать своего влечения ко всякого рода удовольствиям. Невзирая, однако, на усиленное подражание чужеземной пышности, истинная цивилизация не сделала еще значительных успехов среди арабов; их жизни недоставало утонченности и изящества, которые самой испорченности в состоянии иногда придать некоторую прелесть; при дворе новых халифов неприятно бросалась в глаза смесь безумной роскоши в соединении с грубостью. Свежие, еще не пошатнувшиеся силы арабской натуры пока выносили подобного рода дикую разнузданность; хотя в Ираке, по крайней мере во время борьбы с хариджитами, уже выказались признаки изнеженности, и в самой опасной форме, а сто лет спустя ощущались, понятно, уже совершенно иначе. Одно только можно привести в извинение этой легкомысленной погони за мирскими утехами: вместе с языческой жаждой к развлечениям Омейяды и окружавшие их люди принесли в Сирию также и победно-радостную песнь, расцвет которой совпадал именно с языческим периодом. Подобно тому, как в прежнее время незначительные короли Хиры и Гассаниды, так и теперь халифы и наместники привлекали к своему двору выдающихся поэтов и осыпали их за блестящие строфы и искусные дифирамбы золотом и почестями; между тем и в среде воинов не исчез обычай превозносить песней себя и свое племя. Кайситы и кельбиты обменивались не одними только ударами: сыпались градом с той и другой стороны сатиры и оды. Племенное соревнование, положим, едва ли играло большую роль в данном случае, как бы возбуждая род поединка между соперничествующи-ми

стихотворцами. В это именно время были вообще в большой моде поэтические турниры. Так, например, трое выдающихся поэтов: Аль Джарир, Адь Фараздак, оба теми-миты, и сирийский христианин Аль Ахталь, все прославившиеся своими великолепными одами в честь Омейядов, наполнили целые тома взаимными колкостями и сатирами. И в лагере набожных не ощущалось вначале недостатка в поэтических дарованиях, для которых, между прочим, достойным сюжетом служила мученическая смерть Алия и его сыновей. Но суровая сдержанность господствующей теологической школы отвращается постепенно все более и более от искусства, редко находившего одобрение у пророка. Один лишь вдохновенный хариджит Катари пытается приноровить песнь к корану.

Однако все веяния, набожные и мирские, умела пока обуздывать рука халифа и его вице-короля. И силы великого государства, так долго раздираемые братоубийственной распрей, направляются Абд-аль-Меликом и Валидом по ту сторону границ на неверных. Начиная с 74 (693), первого после смерти Ибн Зубейра года, названного арабами вследствие исчезновения последнего претендента «годом воссоединения», подан как бы сигнал к возобновлению наступательных движений во всех направлениях. Отныне начинается целый ряд внешних войн, поддерживаемых с большой энергией. Если не считать короткого перерыва во время восстания Абдуррахмана, арабы одерживают невероятные успехи, сражаясь почти безостановочно в Индии, с армянами, византийцами, в Африке и наконец в Испании. Никогда еще ислам не был столь близок к покорению всего мира. Если наконец должен был он отступить и одновременно с христианством спасены были зародыши западной цивилизации, то это прямая заслуга двух величайших героев тогдашней Европы — Льва Исаврийского, воспрепятствовавшего со всей энергией взятию Константинополя сарацинами (98=717), и Карла Мартела, положившего мечом предел дальнейшим успехам арабов во Франции (114=732). Битва при Туре и Пуатье запечатлелась навеки в памяти западных народов как избавление от необычайной опасности. При этом, однако, мы, неблагодарные, забываем про византийцев, так часто нами поносимых и презираемых. Между тем храбрая защита греками своей столицы избавила Константинополь и Рим, два центра христианства, от исламского потопа. Ввиду беспристрастной исторической оценки оба великих события одинаково важны. Для защиты всей совокупности европейских, родственных народностей от вторжения исконных неприязненных завоевателей, для охранения свободного развития народов Запада почти одновременно поставлены были две могучие преграды.

Пути, по которым Омейяды двинули снова вперед полчища мусульман для распространения скорее владычества своего, чем веры, обозначались очень определенно удлиненным географически протяжением государства. Более исключительно, чем как это водится ныне, необходимо было в те времена вести войну по преимуществу на суше. При самых даже благоприятных условиях флот лишь случайно мог тогда способствовать предприятиям, задуманным в широких размерах; нигде не мог он иметь решающего влияния. Вот почему одни только водные поверхности, образуемые Индийским океаном, Каспийским, Черным и Средиземным морями, составляли неодолимое препятствие для дальнейшего поступательного движения мусульман. Лежащая же между этими морями суша была замкнута, отчасти на восток и север, горными нагромождениями, кряжами Центральной Азии и Кавказа, а также раскинувшимися на большие пространства степями между озерами Балхаш, Арал и Каспийским морем; на юго-западе же колыхалось море песка большой африканской пустыни. Таким образом, оставались доступными для завоевателя лишь утесистые проходы в Индию, Туркестан и Малую Азию, а далее на запад — узкая береговая полоса Северной Африки. Выделяются поэтому три громадные арены, на которых разыгрываются в течение ближайших сорока лет главнейшие военные драмы: Индия, Афганистан и Туркестан — на востоке; Армения и Малая Азия — в центре; западная Африка с Испанией и южной Францией — на западе. Из них восточная лишена особого преобладающего значения. Здесь не пришлось арабам бороться с равносильным врагом. Громадное пространство Индии и климат ее, понудившие некогда Александра Великого повернуть назад, несравненно менее послужили препятствием многочисленным полчищам сынов пустыни, а дикая храбрость турецких племен, лишенная пока еще общего руководительства, не могла долго выдержать против натиска хорошо дисциплинированных войск, направляемых к тому же искусными мусульманскими полководцами. Поэтому шло здесь движение просто и неизменно все вперед до тех пор, пока успехи на других театрах военных действий не препятствовали раз- дроблению сил халифата, а укрепленный Абд-аль-Меликом и Хаджжаджем порядок внутри государства не был еще нарушаем. Мы уже видели ранее, что Мухаллаб успел обложить данью все тюркские страны между Кабулом и Хивой, но возникшая вскоре междоусобная война, а затем возмущение Аб-дуррахмана дали возможность вновь завоеванным провинциям отделиться на некоторое время от ислама. Сын Мухал-лаба, Язид, назначенный с 82 (702) наместником в Хорасан, не уступал отцу по способностям, но обладал слабым характером. На недосягаемой высоте могущества, на которую вознес Мухаллаб свой дом, приютился сын, погруженный в бездеятельность. Окруженный почетом и прославляемый за рассыпаемые всем своим приближенным щедроты без конца, лишь в крайнем случае и на короткое время сбрасывал он с себя апатию и действовал энергически. Простой, строгий и бережливый Хаджжадж не мог, понятно, питать к нему доверие; к тому же наместник прямо-таки недоумевал, как можно покойно сложа руки сидеть на границе государства, имея в своем распоряжении несколько десятков тысяч годных к употреблению войск. В довершение всего Язид был на востоке представителем южных арабов. Кайсит Хаджжадж, хотя старался не преследовать их ради сохранения государственного спокойствия, считал все-таки целесообразным всеми способами препятствовать им занимать выдающиеся места. Поэтому в 85 (704) Язид был смещен.

Наместником Хорасана назначен был Кутейба ибн Муслим, кайсит по происхождению из племени Бахилы. Выдающееся дарование полководца соединялось у него с честолюбием и энергией. Со вступлением Валида в управление (86=705) Кутейба предпринял, опираясь на Мерв, целый ряд походов, покоряя одно за другим раздробленные мелкие тюркские княжества по ту сторону Оксуса. Последствием этих военных предприятий, сопровождаемых переменным счастьем, было занятие Пей-кенда (87=706), Бухары (90=709), Кеша (ныне Шехрисебз, 91=710), Самарканда (93=712), Хаваризма (Хива, 93=712); а в 94 (713) впервые мусульманские войска переправились чрез Сейхун (Яксарт, Сыр Дарья) и проникли в Фергану и Шаш (Ташкент). На основании довольно сомнительного, правда, источника дошло известие, что Кутейба проник даже в область Кашгара, но со смертью Валида в 96 (715) и со вступлением на трон Сулеймана происходят новые смещения наместников. Уже в 95 (714), несколько ранее своего повелителя, скончался Хаджжадж Новый властелин явно покровительствовал йеменцам, и сын Мухаллаба Язид снова водворился в Мерве, отличаясь по-прежнему блеском и расточительностью. Плохой ареной для его необузданной натуры могли служить суровые страны севера, реки которых представляли доселе невиданное арабами зрелище полного замерзания зимой. Захотелось наместнику хоть какой-нибудь деятельности, и он занялся покорением еще не побежденных на-родцев южного и восточного берегов Каспийского моря. К тому же области эти препятствовали свободному сообщению между Мидией и восточными областями. Успехи, одержанные им в Джурджане и Табаристане, были, однако, преходящего свойства и не привели к действительному укрощению воинственных горных племен, хотя в общем это рискованное предприятие кончилось с внешней стороны почетно: с жителями заключен был довольно сносный договор. Затем Язид не двигался более из Мерва, поглощенный единственной заботой выколачивания громадных сумм с жителей своих провинций. Он расточал их немедленно же с щедростью поистине княжеской, ведя неслыханно роскошную жизнь. И все тогдашние поэты пустились взапуски друг перед другом восхвалять дом Мухаллаба за его блеск и щедроты; государственные кассы пустели, но еще более страдали вверенные его попечению области. Омар II был вполне прав, когда отставил его в 100 (718) г. Беспрерывно меняющиеся наместники не сумели, однако, и в следующие ближайшие годы удержать завоевания, совершенные Кутейбой. Своеобразная политика Омара II чуть не заставила даже серьезно отказаться от всех завоеваний, сделанных за Оксусом. Следующий халиф, Язид II, вообще ни о чем особенно не заботился. Нет ничего удивительного поэтому, что начинал с 107 и по 120 (725—738) безостановочно следуют восстания за восстаниями, и все страны по ту сторону Оксуса, даже Балх и Герат, отторгаются от халифата. Лишь при более энергичном Хишаме удалось талантливому Насру ибн Сейяру снова отвоевать отпавшие провинции с присоединением к ним Ферганы и Шаша, но благоприятное положение дел продолжалось здесь, положим, слишком недолго. Быстро наступивший упадок династии Омейядов повлек за собой еще раз уничтожение господства ислама над тюркскими землями. При Аббасидах арабы успели только вернуть свои прежние завоевания и укрепиться здесь более прочно. Еще труднее, чем за Оксусом, приходилось мусульманам в нынешнем Афганистане. Хаджжадж удовольствовался умеренной данью, наложенной на кабулского тюркского царька. Эта в высшей степени пересеченная гористая местность внушала даже Кутейбе некоторое почтение к «проклятой сторонке». Со смертью Валида никто из полководцев, собственно, и не решался туда сунуться, и властелин Кабула в течение долгого еще времени мог безнаказанно считать себя ни от кого независимым.

Так же, как и в Туркестане, шли дела и на юго-востоке. И здесь Хаджжадж вручил начальство кайситу Мухаммеду ибн Касиму. Этот также энергичный и даровитый полководец был двоюродным братом наместника. Укрепившись в Мекране, Мухаммед двинулся оттуда к устьям Инда и после продолжительной осады взял штурмом город Дейбуль. Затем, переправившись через реку, разбил большое войско индийского князька Захира (89=708) и продолжал победоносное свое шествие вверх по течению реки, чрез Синд, к южному Пенджабу. Мультан, как и ныне, был там пунктом скопления многочисленных паломников, собиравшихся изо всех местностей северной Индии. После продолжительной и трудной осады жители города вынуждены были (94=711) сдаться. В руки мусульман попал большой город со всеми его несметными сокровищами, и здесь, как и вообще в Индии, арабы нашли нужным поступать необыкновенно снисходительно. С одной стороны, они не хотели мешать выгодному приливу многочисленных пилигримов, а с другой — считали необходимым сохранить благорасположение чуждого населения этого отдаленного края по отношению к не особенно многочисленным завоевателям.

Поэтому мусульмане воздерживались здесь от разрушения идолов и, вопреки всем предписаниям корана, даже терпеливо сносили продолжавшееся отправление языческих обрядов. Тем не менее новые приобретения не надолго могли остаться в руках арабов во всем их объеме. При вступлении Сулеймана на трон Мухаммед ибн Касим был сменен и казнен. Следующие преемники своим вероломством, а отчасти жестокостью, возбудили всеобщую ненависть, так что при Хишаме (105—125=724—743) понадобилось уже строить ряд крепостей, чтобы по крайней мере удержать линию Инда. Сын Мухаммеда ибн Касима, Амр, воздвиг самую важнейшую из них. Назвали ее Мансура — «победный город»; отныне эта крепость стала центральным пунктом для всей провинции Синд.

«Год воссоединения» (74=693) развязал прежде всего руки Абд-аль-Мелику по отношению к его ближайшему соседу. С этого времени отношения к Византии совершенно изменяются. Впрочем выторгованный халифом в 70 г. договор продолжался недолго. После его заключения прошло не более одного, самое большее двух лет, и он был, по признанию самих византийцев, снова нарушен Юстинианом II. По сообщениям греков, причина была следующая: Абд-аль-Мелик обязался, между прочим, уплачивать

значительную дань. Употребляемая на это монета вся была, конечно, византийской чеканки, другой не было в ходу на всем западе халифата. Это обстоятельство поддерживало лелеемый с особым пристрастием при константинопольском дворе самообман, будто верховная власть над Сирией и Египтом все еще принадлежит императору. Лишь на основании известных договоров угодно было, дескать, владыке передать временное управление в этих провинциях арабам, его вассалам. Когда же вследствие монетной реформы Абд-аль-Мелика греческие надписи, крест и изображения на монетах заменены были изречениями из корана, к тому же подобранными, как нарочно, в виде полемических стрел против христианства, гордящийся своим саном Юстиниан принял это, может быть, даже более, чем это было в обычае византийском, за прямой вызов со стороны непокорного ленни- ка. Гордость императора сделалась еще щекотливее с тех пор, как ему удалось победить славян, и 30 тыс. навербованных из их среды приумножили значительно его военные силы. Невзирая на представления халифа, быть может притом лицемерные, но с формальной стороны основательные, император объявил договор недействительным и стал немедленно готовиться к войне.

Все, что мы знаем о характере Юстиниана, не противоречит, конечно, этому известию, а сущность его, по-видимому, совершенно соответствовала положению дел. Между тем хронологическая путаница* и здесь снова затемняет действи-

* Введение монетной реформы при Абд-аль-Мелике, по строго критической проверке древнейших показаний, приурочивается арабами к 74и75 (693—4).Ранке же (Weltgesch/ У\1,190, прим. 2), пользуясь одной арабской заметкой, относит появление новой чеканки к 70 (689—90), но историк этот введен был, очевидно, в обман неточностью показания. Дело в том, что из оригинала текста Белазурия видно (изд. de Coeje, стр. 468), что Мус'аб приказал чеканить дирхемы в Ираке еще около 70 г.; на них стояло имя Аллаха, сопровождаемое славословием на арабском языке. Во всем остальном, упоминается там же, эти дирхемы не отличались от образца чеканки Хосроев. Здесь, стало быть, идет дело только о выбивке отдельных арабских слов на старых персидских штемпелях, а не о новом типе монет. По сообщению Макризия (у де Sacy, по приведенной Ранке цитате, стр. 191, прим. 2, по стр. 16 подлинника), подобные же монеты чеканил Абдулла ибн Зубейр в Мекке между годами 65 и 74 (685—693). Но даже если принять, что заметка этого жившего спустя 800 лет после события писателя достоверна, все же в данном случае ничего она не доказывает. Никоим образом не мог дозволить Абд-аль-Мелик обращаться монетам соперника в своих владениях; столь же невероятно предположение, чтобы халиф вздумал подражать наобум мероприятию претендента, с которым находился в непримиримой вражде. Итак, начало войны, по согласным в сущности показаниям арабов, Михаила сирийского (Ранке, стр. 193, прим.) и Феофана, следует отнести к 691 или 692 (71 —73); с другой стороны, нельзя же допустить возможности чеканки арабской монеты ранее 74 (694). Вывод из этого прямой: значит, византийское сообщение о причинах нарушения Юстинианом мира неточно. Впрочем все эти и тому подобные трудности основательно решить можно только посредством обширного исследования хронологии Феофана; здесь не место распространяться об этом предмете. Замечу только, что ф. Гутшмидс указывал в «Zeitschrift d.deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, XXIX, стр. 80, №1» в напечатанной там заметке, что Феофан сделал при описании одного происшествия, случившегося за 50 лет до разбираемого нами периода, очевидную ошибку на целых два года. Отчего же подобную ошибку нельзя допустить и по отношению к 70 (690), примерно годика на три, так, например, приурочивая поход Хаджжаджа против Мекки к 6181 (вместо 6184=концу 72; Феоф. изд. de Boor I, 364). Тогда остроумное предположение Рюля о подобной же разнице, встречающейся у испанца Исидора Пацензийского, благодаря упущенному им сравнению лунного календаря мухаммеданского с солнечным христианским, может быть, приложимо с некоторой вероятностью и к соответственному месту, почерпнутому у Феофана. Таким образом, все легко разъясняется в пользу арабских писателей.

тельную связь событий и допускает возможность искать истину в иной версии, значительно отличающейся от приводимой арабскими историками. Они объясняют таю неудовольствие Юстиниана возникло вследствие полученного им послания от Абд-аль-Мелика, в котором упомянутые мысли излагались по обычаю мусульман в стиле корана. В таком случае монетную реформу халифа следует признать не причиной, а следствием разрыва с византийцами. Оба предания во всяком случае единогласно подтверждают, что какой-то спор из-за этикета послужил поводом к расторжению мира, и одинаково свидетельствуют, что главнейшие события произошли в 71 (или 72)—75 = 691—694. Замечательно также, что объявивший войну Юстиниан ни разу, по-видимому, не успел переступить границ Сирии. Первое большое сражение в 71 (691) или же 73 (692) происходило в Киликии либо Каппадокии*, иными словами, далеко в глуби византийских пределов. Оно кончилось поражением Юстиниана. Мусульманский полководец Мухаммед Ибн Мерван, брат халифа, сумел блестящими обещаниями переманить на свою сторону отряд славян. Вследствие этой измены императорские войска должны были обратиться в бегство, и это происшествие послужило как бы сигналом к новому наводнению Армении мусульманами, располагавшими теперь, со смертью Ибн Зубейра, всеми своими силами. Со следующего уже года (73 или 74=693) врываются арабы в несчастную страну, внося сюда все ужасы хищнических своих набегов. Раздираемая внутренними несогласиями, неизбежным следствием взаимных пререканий вельмож, страна была беззащитна. Каждый руко-

* Я считаю битвы при Севастополисе (Ranke, стр. 192) и Цезарее лишь за различные версии одного и того же исторического факта.

водился своим личным интересом: одни держали сторону византийцев, другие — сарацин; разрозненные силы расплывались в отдельных бесцельных восстаниях. Вот почему при первоначальном вторжении мусульман не оказано было жителями почти никакого сопротивления. Когда же победители завладели большей частью страны, один храбрый византийский военачальник смелым натиском нанес такое чувствительное поражение арабам, что нападающим временно пришлось очистить занятые ими округа. Теперь и Юстиниан вздумал было предпринять наступательное движение, но мусульманам удалось отразить

нападение (75=694) при помощи ранее перешедших на их сторону славян, поселившихся вокруг Антиохии. В следующем же году (76=695) Мухаммед Ибн Мерван уже возобновляет снова свои набеги на Армению. Вообще, на обоих театрах военных действий события продолжают и далее идти в благоприятном для арабов направлении. До 81 (700) мусульмане успевают опустошить все пограничные округа Малой Азии, а в Армении хозяйничают беспрепятственно. Но вдруг в Сирии появляется чума, а одновременно вспыхнувшее в Персии восстание Абдуррахмана постепенно начинает истощать силы западной половины государства. Лишь только узнали об этом византийцы, тотчас же двинулись в северную Сирию, опустошая страну до самой Антиохии, умерщвляя множество* жителей: мусульмане должны были в это время очистить Армению, на самый, однако, короткий срок. После битвы при Дейр-аль-Джамаджи-ме, когда возмущение Абдуррахмана было подавлено, в том же самом году (83=702) успевает Мухаммед без особого труда снова овладеть этой страной; а вспыхнувшее было восстание в 84 (703) укрощено с свирепой жестокостью кровью и огнем. И в Малой Азии начинается одновременно также движение вперед. Из года в год арабские орды занимают далее и далее, в летние походы, все новые округа; неприятель приближается, хотя временами и отступая, все грознее и грознее

* По преувеличенному, вероятно, свидетельству Феофана, их было умерщвлено 200 тыс. Он и сам, как кажется, не совершенно доверяет этой цифре.

наступая к византийской столице. Предприятиям арабов благоприятствуют возникшие в империи внутренние смуты, из-за которых в связи с монофизитскими пререканиями происходят в Константинополе беспрестанные дворцовые революции. Быстро следуют один за другим императоры, редко удается им подумать об обороне Малой Азии. Со вступлением на трон Валида (86=705) сарацины потекли неудержимо двумя волнами: с севера — предводимые большей частью братом халифа Масламой, через Каппадокию, Понт и Галатию, с юга же под командой Аббаса, сына Валида, проникая в Киликию; при этом, конечно, отряды арабов разбрасывались широко во все стороны. По арабским известиям, уже в 88 (707) заняли они Тиану, значительнейшую из крепостей Кап-падркии, в 89 (708) — фригийские города Амориум, Дорилею, а по некоторым источникам даже Гераклею у Понта, меж тем как на юге была взята и сильно укреплена Мопсуестия, в Киликии. В то же самое время тюркские племена стали сильно напирать на северную границу Армении, и Маслама в том же году занят был их укрощением. Следующие три года (90— 92=709—711) вообще слышно только глухо о «походах против румов». Затем в 93 (712) следует завоевание Тарса и Сева-стополиса в Киликии Аббасом, а Амазии в Понте Масламой. О последнем событии рассказывают одинаково и византийские историки, но расходятся с арабскими по отношению к предшествовавшим фактам. Греки упоминают о сдаче Тианы сарацинам лишь под 709 г., об остальных же успехах мусульман просто замалчивают. И в этом они, кажется, правы. По крайней мере достоверно известно, что Амориум позже снова был осаждаем арабами и притом безуспешно, поэтому ранее арабам, вероятно, удалось лишь случайно сорвать с жителей контрибуцию. Начиная с 712 источники обеих сторон мало противоречат друг другу. В 94 (713) Аббас занимает в Пизидии Антиохию, а в следующие годы невзгоды византийцев достигают крайнего предела как в Малой Азии, так и в столице империи. Слабый император Анастасий II свергнут с престола в 716 Феодосием III и засажен в монастырь. Однако и этот новый властитель, в свою очередь, не умел справиться с тяжким положением государства. Его не признавали повсе- местно. Главнокомандующий стоящих в Анатолии войск отказывает ему в повиновении; был это Лев Исаврийский. Одаренный редкой отвагой, а еще более движимый честолюбием, он притворно остается верным Анастасию, чтобы, пользуясь всеобщим смятением, не выпускать из рук короны и с необычайной дерзостью овладеть ею в свою пользу. Судьба как бы предназначила сарацина помочь ему в этом рискованном предприятии и, помимо воли неприятеля, уготовила вражьей столице вместо погибели спасение. Надвигавшийся снова во главе полчищ Маслама имел точные сведения о происходившем в византийской империи. Арабскому полководцу император, в его хорошо укрепленной столице, показался более опасным, чем этот возмутившийся генерал, который притом находился, так по крайней мере думалось арабу, здесь в Анатолии у него совершенно в руках. В это самое время два подчиненных ему военачальника осаждали Амориум. Им поручено было завязать со Львом Исаврийским предварительные переговоры, обещая ему помощь мусульман в борьбе против императора, но грек оказался хитрее самого араба. Притворно он согласился на делаемые ему предложения, но в залог исполнения уговора потребовал снятия осады крепости. Дело поведено было им так ловко, что сам он лично отправился для переговоров в неприятельский лагерь под Амориумом и затянул совещания до той поры, пока не успели проникнуть в город тайные гонцы, принесшие осажденным весть о скорой помощи и заручившиеся обещанием со стороны жителей, что выдержат стойко до конца. А затем греческий полководец счастливо увернулся от почетного мусульманского конвоя, сопровождавшего его к Масламе для окончательного заключения договора. При виде вернувшегося в лагерь проведенного и пристыженного отряда арабские войска заволновались, поняв всю опасность положения, в котором очутились так неожиданно. Осаждающий корпус бросился врассыпную, грабя окрестности. Прежде чем успел Маслама подоспеть для восстановления порядка, Лев успел уже снабдить город солдатами и провиантом. Таким образом, возобновление осады становилось невозможным. Сбитый с толку, арабский полководец задержан был еще на некоторое время новыми посланиями и гонцами от грека. О содержании этих переговоров мало известно, поэтому нельзя сказать ничего положительного о тех обещаниях, которые мог предлагать Лев. Весьма возможно, что одно приближение ненастного времени года воспрепятствовало окончательно Масламе

продолжать дальнейшее движение вперед по Анатолии, хотя существуют сведения, что арабский полководец всю зиму 716—17 простоял с войском в Малой Азии, все еще надеясь на осуществление обещаний Льва. Исавриец торжествовал. В глазах всего греческого народа драгоценным ручательством доблести и энергии полководца являлись недавние факты задержания наступления неприятеля и спасения крепости от угрожавшей ей опасности. Заразительный пример жителей Аморіума, провозгласивших немедленно же полководца императором, встретил почти всюду подражание. Недолго продолжалось сопротивление миролюбивого Феодосия, его легко было понудить к добровольному отречению. 25 марта 717 (98) Лев короновался в Константинополе.

С избытком оправдал этот полководец доверие своих подданных к воинским своим дарованиям. Победоносно выдержал он страшную бурю, разразившуюся снова над Константинополем. Обманутые в своих упованиях овладеть оплотом христианства хитростью, мусульмане напрягли еще раз все свои силы, дабы нанести столице Византии окончательный удар. В 96 (715) Валида уже не было в живых, но брат его и преемник Сулейман если и уступал покойному в дарованиях как правитель, по характеру своему был еще надменнее. Громадные подкрепления, собранные весной 717 (99)*, посланы были сухопутьем в лагерь Масламы, а одновременно направлен был к Босфору сильный флот. К середине августа все мусульманское войско было уже перевезено во Фракию и появилось под стенами Константинополя. Круглый год протянулась осада без перерыва, город обложен был со всех сторон. Но даже для не-

* По арабским известиям, осада Константинополя происходила годом раньше, но в данном случае византийские известия несомненно достовернее.

устрашимых, избалованных победами сирийцев предприятие оказалось чересчур громадным. Отдаленные от линии Евфрата, своего операционного базиса, значительно более, чем на сто миль, арабы вынуждены были, чтобы прикрыть свой тыл и фланги, высылать отдельные отряды в Малую Азию и Фракию; продовольствие приходилось также собирать военной реквизицией в тех же самых провинциях, что, конечно, постоянно сопровождалось, особенно у болгар на Балканском полуострове, значительными и многообразными потерями. Зимние бури и греческий огонь наносили страшный вред флоту, а непривычные холода, недостаток в жизненных припасах и неизбежные последствия их — эпидемии заставляли осаждающих переносить ужаснейшие страдания и ослабляли с каждым днем силы армии в значительной степени. К довершению всего великость опасности и мужественный пример Льва воодушевляли жителей Константинополя в высокой степени: каждый штурм был успешно ими отражаем. Маслама принужден был наконец 15 августа 713 (100) снять осаду. С превеликим торжеством встречали византийцы этот знаменательный день. Неохотно вспоминают арабы о невыносимо тяжкой неудаче своей, закончившейся трудным отступлением. С громадными потерями пришлось пробиваться через все провинции Малой Азии, дабы спасти жалкие остатки бесславием покрытого войска.

Была это уже вторая и последняя, в течение периода свыше чем семисотлетнего, попытка ислама завладеть Константинополем. Нельзя было, конечно, располагать, чтобы дети Абд-аль-Мелика примирились с такой неожиданной неудачей. Потеря Малой Азии, поведшая за собой исчезновение всех не особенно многочисленных мусульманских колоний в крае, лишь на короткий срок обусловила новые возникшие затруднения по отношению к владению Арменией. Уже с 102 г. (721) возможно было арабам снова твердо укрепиться здесь, а со вступлением на престол Хишама (105=724) возобновились опять набеги, и Малой Азии приходилось испытывать прежние бедствия. Невзирая, однако, на непрестанные походы Масламы, овладевшего в 108 (726) Цезареей в Каппадокии, и начавшиеся с этого времени бесконечные движения мусульман, несмотря на возникшие распри иконоборцев, подтачивавшие силы Восточной империи и давшие возможность арабским ордам глубоко врезываться в беззащитные провинции полуострова, более уже ни разу не предстояло неприятелю случая овладеть надолго значительными областями. А когда быстро наступивший упадок Омейядов по смерти Хишама (125=743) обнажил и эти границы, император Константин V был уже в состоянии овладеть: в 127 (745) Марашем (Германикия) в северной Сирии, в 133 (751) Малатией, хорошо охраняемой пограничной крепостью в Месопотамии, расположенной на самом Евфрате, и даже Теодозиополисом (Эрзерум), находившимся в самом центре Армении. Отсюда и из прилежащих округов греки погнали многочисленных пленных. Лишь с утверждением владычества Аббасидов удалось наконец арабам и здесь отвоевать исламу прочные границы. В тесной связи с византийской войной находились совершавшиеся на Кавказе события. Конечно, главный кряж гор оставался по-прежнему недоступным для арабов, но вся южная полоса, области абасгов, лазов и иберов уже в 717 (98) очутились временно во владении мусульман. Им приходилось также предпринимать целый ряд походов для отражения постоянно вторгавшихся в Армению полчищ турок и хазар, устремлявшихся с севера через проход Дербентский, а после поражения под Константинополем эти экспедиции стали повторяться еще чаще и упорней из-за естественного стремления обезопасить по крайней мере северные границы. И здесь также в 110—113 (728—731) сражался Маслама с переменным успехом, но особенно отличился впоследствии Мерван, сын брата Абд-аль-Мелика, Мухаммеда Ибн Мервана. Назначенный Хишамом в 114 (732) наместником Армении и Азербайджана, он совершал постоянные набеги, глубоко проникая в страну хазар. Надолго,

однако, арабы не могли укрепиться на севере Кавказа, так как народцы вдоль берегов Каспийского моря защищали упорно свою независимость. Даже более значительный поход в 121 (739) не был в состоянии умиротворить их надолго, но намерение оградить прочно восточную Армению и Азербайджан от набегов северян во всяком случае осуществилось.

Если все успехи, одержанные армиями Омейядов на восточном и центральном театрах войны, ограничиваются главным образом отвоеванием снова, расширением и обеспечением областей, уже временно находившихся в подчинении при халифах Османе и Му'авии, то Запад как бы предназначен самой судьбой явить еще раз неожиданное зрелище того же самого, что свершилось некогда на Востоке при Омаре, — внезапного крушения могучего с виду, но расшатанного внутренними смутами государства, при первом ударе ставшего добычей, к немалому изумлению самих нападающих. Разрушение Вестготского царства и словно чудом происшедшее покорение Испании образуют одновременно самое выдающееся событие и завершение второго периода мусульманских завоеваний. Почти в один и тот же момент достигают арабы границ Китая и берегов Атлантического океана; блестящий период их истории тесно примыкает к начинающемуся непосредственно закату их недолговечного мирового владычества. И опять тот же самый Валид, не лишенный, пожалуй, личных достоинств, пожинает то, что посеял Абд-аль-Мелик.

Мы оставили мусульман в Африке в самый критический момент, когда за поражением и смертью чересчур отважного Укбы все последние завоевания их превратились в ничто и арабы были оттеснены к самой Барке. Лишь когда брату Абд-аль-Мелика, Абд-аль-Азизу, удалось привести в порядок дела в Египте (65=685), можно было предпринять нечто, дабы изгладить следы недавнего поражения. По именному повелению Абд-аль-Мелика, как передает предание, выступил в поход йеменец Зухейр ибн Кайс, приблизительно в 69 (689), направляясь к Кайрувану, находящемуся ныне в руках берберов, а также в провинцию Карфагенскую, снова занятую византийцами. Те и другие соединили свои силы для отражения нашествия мусульман; но Зухейру удалось победить врагов. Опираясь на занятый снова Кайруван, он опустошил всю страну до самого Туниса. Вдруг приходит весть, что в тылу арабов греческий флот высаживает войска в Барке. Конница, с которой поспешил военачальник, чтобы отразить опасную диверсию, не была в состоянии выдержать натиска многочисленных императорских войск. Весь отряд был изрублен тут же на месте, сам Зухейр пал в стычке, и все владения в Африке повисли на волоске, но возникшие несогласия между берберами и греками, по-видимому, помешали им воспользоваться победой. Только когда наступил «год воссоединения» (74), Абд-аль-Мелик мог располагать снова значительными военными силами для возобновления действий на западе. С большим старанием предпринятое им снаряжение новой экспедиции потребовало, однако, много времени. Зато назначенный в 77 (696) главнокомандующим, тоже йеменец, Хассан Ибн Нуман сразу очутился во главе 40-тысячного войска; сама многочисленность армии давала совершенно иное ручательство в успехе, совсем не то, которое представляли незначительные отряды его предшественников. И действительно, он быстро наводнил всю область Карфагенскую, разбил византийцев и взял город приступом. Часть жителей бежала морем в Сицилию и Испанию. Получив известие о потере столь важного пункта, заставлявшего опасаться даже за безопасность Сицилии, император Леонтий послал в Африку патрикия Иоанна со всем флотом. Греческому военачальнику удалось пробиться в гавань Карфагена и выгнать арабов из города и прилежащих местностей. Всю зиму 697/8 (78) продержались здесь греки, но к Хассану подоспел на выручку мусульманский флот, и он был в состоянии наконец разбить неприятеля на суше и на море, принудив его уйти со срамом восвояси. Затем в войсках греков, обескураженных поражением, вспыхнул бунт; они умертвили Иоанна и провозгласили своего главаря императором. Возникает новая междоусобная война, сильно поспособствовавшая успехам арабов в Малой Азии и помешавшая византийцам повторить снова диверсию в Африку. Лев Исаврийский, положим, сумел отстоять Константинополь от яростных приступов Масламы, но своей неразумной иконоборческой политикой снова нарушил только что спасенное им единство и внутренний порядок государства. Таким образом, окончательно исчезла для христианства возможность отвоевать края святого Августина. Греки нашли бы здесь, конечно, одни развалины. По приказанию Хассана, во избежание повторения последних событий стены были срыты, здания разрушены, и вскоре сыпучие пески Африки покрыли место бывшей некогда соперницы вечного Рима.

Арабам оставалось сломить еще более сильного врага: воинственные берберы вовсе и не помышляли присоединяться к исламу. Племенное устройство их, приноровленное к топографическим условиям страны, остающееся и поныне неизменным, до неузнаваемости схожее с жизнью бедуинов, в той же мере усложняло возможность сосредоточения всех сил народа, как и арабский партикуляризм до Мухаммеда. Но, что бывает часто, грозящее извне порабощение чуждой расой пробуждает в среде свободолюбивого народа в час наивысшей опасности Саула, Верцингеторик-са, Германа. Мощное их влияние заставляет на время смолкнуть все споры и пререкания, вся нация как один человек подымается на борьбу с завоевателем. И у берберов также нашлась отважная женщина; смело выступила она героиней в беспощадной борьбе. Подобно тому, как у древних германцев, женщины у берберов пользовались высоким и своеобразным почитанием, доставившим им почетную роль жриц и пророчиц. Таковой была и эта женщина, собравшая вокруг своего местопребывания на горе Аурас* племена берберов с целью общей защиты. Имя ее не дошло до нас; арабы зовут ее просто «вещунья» (аль-

Кахина). Поднявшееся по ее зову ополчение оказалось не по плечу даже значительному войску Хассана. В одной речной долине, к северу от Аураса, арабский военачальник потерпел решительное поражение. Снова оказались мусульмане отброшенными к самому Кайрувану. Поблизости Малого Сирта были они наконец в состоянии остановиться и окопались в нескольких наскоро построенных укреплениях, известных позднее под именем «Хассановых замков». Здесь при-

* Mons Aurasius древних, а ныне Джебель Аурес, на юг от Константины.

шлось арабам терпеливо поджидать свежих подкреплений (79 или 80=698, 699). Между тем в восточной Персии вспыхнуло восстание Абдуррахмана. После его подавления, только в 84 (703) Абд-аль-Мелик мог собраться с силами и выслать в Африку новые многочисленные отряды сирийских войск. Хассан двинулся немедленно вперед. Пятикратно уже вторгались воины ислама в страны берберов, пророчица ни на минуту не сомневалась, что и в шестой раз появятся они снова. Решение ее было непреложно — всем пожертвовать ради спасения своего народа. Она задумала необычайное: вознамерилась превратить все низменные пространства в пустыню, так чтобы наступающим арабам не осталось нигде ни пристанища, ни продовольствия, а берберы, скатывающиеся с гор лавиной, могли бы беспрепятственно уничтожать подходящие толпы неприятелей. Но массы почти никогда не способны воспринять великие, глубоко обдуманные планы. И в данном случае большинство не расположено было приносить новые жертвы, особенно ввиду недавних побед. Принятие подобного безнадежного образа действий казалось многим возможным лишь в случае ужаснейших поражений. Слепо преданные пророчице немедленно же приступили к выполнению ее приказаний; но в большинстве племен поднялся ропот и старинная вражда закипала опаснее, чем когда-либо. Пророчица поняла, что все ее надежды окончательно рушились. С первым известием о приближении Хассана тотчас же отослала она своих сыновей к арабскому военачальнику, приказав им принять в лагере ислам и подчиниться чужестранцам. Царственной пророчице ничего не оставалось кроме смерти в отчаянной последней борьбе, она и обрела ее после кровавого истребления ее войска у колодца на горе Аурас. Шестьсот лет спустя был он еще известен под именем «источника Кахины».

Сопротивление берберов против ислама было окончательно сломлено. Древняя религия обманула их после того, как пророчица была побеждена исповедниками нового верования. Простое учение Мухаммеда само по себе сразу пришлось по душе расе, не способной к отвлеченному мы- шлению, но с выдающимся мужественным стремлением к независимости. Оба свойства этого замечательного народа могут отныне помочь нам разобраться в том направлении, какое они придали дальнейшей истории Африки и Испании. Первое качество устраняло их от всяких богословских тонкостей и заставило держаться крепких основ ортодоксии с примесью различных суеверных представлений; второе дало им возможность соединить верность к принятой религии с постоянно продолжавшейся антипатией к чуждым им завоевателям. Поэтому, едва успел их отважный меч разрушить Вестготское царство и помочь исламу укрепить свое владычество в Испании, как по первому попавшемуся поводу он снова обратился на несимпатичных им единоверцев и снова рассек только что заключенные между халифатом и Западом узы. Именно благодаря этим несогласиям, продолжавшимся попеременно столетия, примирениям и разладам ислам должен был потерять наконец Испанию.

Едва только Хассан принялся извлекать всевозможные выгоды из своей победы, упорядочивать управление в успокоившихся было округах, пограничных с древней Нумидией (современной провинцией Константина), и одновременно подготовлять меры к дальнейшему покорению других провинций на западе Африки, как вдруг он был смещен и лишен сана главнокомандующего. Дело в том, что со смертью Укбы особое самостоятельное наместничество «Африка» потеряло всякий смысл и Хассан подчинен был снова наместнику Египта, брату Абд-аль-Мелика, Абд-аль-Азизу. На этого последнего, как уже было изложено выше, произведено было давление в 84 (703) с тем, чтобы он отказался от права на престолонаследие. Однако наместник упорно стоял на своем. Вероятно, опасаясь насильственных мер со стороны халифа, он искал в крайнем случае надежную опору в африканской армии. Между тем Хассан был назначен главнокомандующим непосредственно из Дамаска, поэтому, надо полагать, был нелицемерно предан правительству, которое отнюдь не выказывало на западе государства того решительного нерасположения к йеменцам, каковое проводил неуклонно на востоке Хаджжадж. Во всяком случае Абд-аль-Азиз не мог положиться на этого полководца. Наместник вызвал поэтому военачальника к себе в резиденцию (около 85=704) и принял его самым недружелюбным образом; едва удалось впавшему в немилость бежать в Дамаск. Абд-аль-Мелик обещал полное удовлетворение возмущенному полководцу, но тот отказался наотрез служить далее под командой Омейяда. В то же время пришло известие о кончине Абд-аль-Азиза, а несколько позднее — о новых успехах мусульманского оружия в Африке, что заставило Абд-аль Мелика, быть может, и Валида, приблизительно в это же время вступившего на трон (86=705), оставить на прежнем посту того, кто был послан Абд-аль-Азизом на место Хассана.

До сей поры эта личность не могла похвалиться никакими особыми заслугами. Преданный безусловно Абд-аль-Азизу, Муса ибн Нусайр обязан был всем своему покровителю. Наместник помог ему скрыться в Египте, когда Муса, изобличенный в утайке государственных сумм на месте прежнего своего служения, приговорен был к строгому наказанию. Как ни часто стали повторяться проступки подобного рода в ближайший за тем период времени — ведь прославленный Язид ибн Мухаллаб, спустя десяток лет, грабил

же безнаказанно государственную казну Хорасана, — но при Абд-аль-Мелике и Валиде считалось еще необычайной дерзостью пускаться по такой дорожке. Кроме алчности, характер Мусы отличался завистью и жестокостью, но человек этот был вместе с тем замечательным полководцем — что составляло все в данный момент. Йеменец по происхождению, он подходил также лучше всякого другого к войскам Хассана. Усиленную обращенными недавно берберами армию он быстро провел от победы к победам до самого Атлантического океана. История этих завоеваний в отдельных частностях мало известна. Достоверно одно, что покорение северного прибрежья Африки до Тангера (по-арабски Танджа), равно как и внутренних округов Дара'а и Сиджильмаса (Тафилет), совершено было в ближайшие годы (87—90=706—709). Случались и стычки, но нигде не встретилось значительных трудностей. Во многих случаях пример восточных земляков мог, конечно, лучше всего убедить западных берберов по- спешить принять ислам, меж тем как знание страны и языка, доставляемое ими арабам, счастливо восполнили воинские таланты Мусы. Более продолжительное сопротивление оказал один лишь пункт. Подобно тому, как и во многих местностях на Средиземном море, византийцы унаследовали от Древнего Рима и у самых столпов Геркулесовых маленький клочок: была это крепость Цеута с прилежащими к ней окрестностями. Управлял здесь от имени императора Юлиан, византийский граф (сотез). Долго протянулась осада, и Муса все-таки никак не мог овладеть ею. Не было у арабского полководца флота, меж тем как у графа была в распоряжении целая флотилия, подвозившая осажденным с моря съестные припасы. Тем не менее положение Юлиана было крайне невыгодное. Конечно, он мог на своих кораблях переправиться в несколько часов на противоположный берег Испании, но там, хотя обитали и христиане, все равно его ждали враги. Издавна рос раздор между вестготами и византийцами. Вскоре после завоевания Испании они уже точили зубы на греческие колонии в Африке, даже в 544 завладели было временно Цеутой. И греки мстили не раз нападениями на юго-восточный берег Испании, даже удерживали в своих руках до 631 отдельные местности. Незадолго до выступления здесь арабов встречаются еще известия о неприязненных действиях между готами и греками. И чем ближе стоял перед готами пример родственных им вандалов, разгромленных византийскими полководцами в VI в., тем неприятнее кололи их эти иноземные форпосты у самых врат их государства хотя и значительно отдаленной Восточной империи. Правда, у нас не имеется никаких положительных данных, но едва ли будем мы вправе верить в существование дружественных отношений* между Юлианом и его слишком могущест-

* Вот те основания, опираясь на которые я считаю необходимым отвергнуть распространенное сказание об истории завоевания Испании. Гораздо позднее, как известно, арабские известия сообщают некое романтическое приключение. Юлиан, так передают они, находился в дружеских отношениях с Родерихом, последним королем вестготов. Для приобретения светского лоска граф послал свою дочь ко двору его, а развратный король соблазнил молодую девушку. Оскорбленный отец ради мщения бросился в объятия к арабам, поощрял их к завоеванию Испании и предложил им для этого предприятия свою помощь. Между тем само имя, которое дают арабские писатели дочери Юлиана (аль-Кахба «обесчещенная», переделанное впоследствии испанцами в донна Kaya), слишком подозрительно. Остальной приводимый в тексте материал позаимствован мною у Dahn, die Könige der Germanen, VI (2 Aufl. Leipzig, 1885, стр. 686,690), с которым соглашаюсь вполне в вымышленности всего анекдота про Kaya. С другой стороны, существование Юлиана, по-видимому, доказано Dozy в его Recherches, втор. изд. 1.64. В заключение прошу обратить внимание, что Родерих завладел короной лишь после первых арабских набегов в 711, ср. Ranke Weltgesch. V, I, стр. 212; Fournel, Les Berbers. Etüde cus la couquSte de l'Afrique par les Arabes. T. I.Paris, 1875, p. 238, n. 1.

венным испанским соседом. Поэтому весьма возможно, что после потери Карфагена, не ожидая также скорой помощи из Константинополя, равно как и дружественного приема со стороны вестготов, граф предпочел войти в дружбу с арабами. Тут, по крайней мере, мог он рассчитывать порядком насолить исконному врагу по ту сторону пролива. Какие были истинные побудительные причины, во всяком случае, трудно теперь решить, но факт остается несомненен, что граф сошелся с арабами, отворил им ворота Цеуты и во всех их дальнейших предприятиях помогал им советом и делом. При этом, конечно, ни он и никакая другая отдельная личность не могли особенно повлиять на ближайшие события, приняв такой поистине необычайный оборот.

Дело в том, что внутренние порядки в Испании как раз к этому самому времени сложились, но в еще более грандиозных размерах, наподобие тех, которые способствовали ускорению, лет 80 тому назад, концу византийского владычества в Сирии и Египте. Безурядица римской системы фиска, которая, за исключением немногих привилегированных вельмож, высасывала беспощаднейшим образом всю народную кровь, не была устранена вестготами. Напротив, гнет приумножился введением новых налогов на податные классы. В то время как незначительное меньшинство утопало в богатстве и роскоши, вся остальная масса народонаселения влачила поистине жалкое существование. До обращения ариан готов в католицизм церковь еще принимала некоторое участие в судьбе угнетенных, но с 587 г. нашла более выгодным присоединиться к угнетателям. Страдания крепостных и вольной челяди перестали беспокоить епископов; теперь они сами призваны были принять участие в привилегиях дворянства. Из всех притесненных самыми несчастными оказывались, однако, проживавшие в довольно значительном числе в Испании евреи. Вскоре после принятия королем и дворянством католицизма, уже в 616 г., вступает в силу знаменитое положение о вероисповедном единстве: начинают принуждать иудеев к отречению от отцовской веры, непокорных бичуют и конфискуют их имущество. Чтобы во что бы то ни стало добиться исчезновения ненавистного вероучения, отнимают у еврейских родителей детей и

воспитывают их по монастырям либо в христианских семьях. Хотя некоторым часто удавалось, благодаря накопленным прежде и укрытым тщательно богатствам, ускользнуть от буквального исполнения подобных предписаний, тем не менее преследование велось беспощадно. Когда, наконец, в 694 г. открыт был заговор этих всеми обиженных*, то по настоянию короля Эгики XVII собор в Толедо порешил обратить всех евреев, отобрав от них предварительно имущество, в крепостных и расселить несчастных среди христиан, вдали от их прежнего места жительства. И вот, по оказании стольких знаков христианской любви этим врагам Божьим, они еще возымели дерзость радостно приветствовать и оказывать всякую помощь приносящим свободу и терпимость арабам. Не было ли это действительно, за что до сих пор укоряют их** испанские писатели, признаком исконной черствости сердечной и злопамятства, глубоко укоренившихся в нравах отвратительного народа. Не правда ли, ведь христиане, в особенности испанские, в подобных случаях несомненно стараются воздать за зло добром.

* Испанские евреи задумали было всеобщее восстание с целью превратить Испанию в еврейское государство. См.: Dozy. Histoire des musul-mans d'Espagne. Leyde. 1861. T. II. C. 27—8. — *Примеч. ред.*

** См. у Dahn, Könige der Germanen[2] VI, 679.

Очень возможно, что Юлиан знал кое-что про все эти невозможные отношения по ту сторону пролива. Но едва ли благоразумно строить широкие предположения на воображаемой прозорливости этой все же довольно проблематичной личности. Так или иначе, в его же интересах лежало по возможности вредить ненавистным испанцам. Очень вероятно поэтому, что он один из первых навел Мусу на мысль попытаться* совершить несколько набегов на противолежащее побережье. Наместник возложил исполнение несерьезного, по-видимому, предприятия на своих подчиненных. Один из его вольноотпущенников, Абу Зур'а Тариф, переплыл на кораблях Юлиана с 500 воинов в 91 (июль 710) через пролив, высадился на южной оконечности Испании, там, где и поныне носит его название городок Тарифа, и вернулся назад с богатой добычей, опустошив окрестности Алжезираза. Увлеченные успехом, мусульмане повторили «раззию»** следующей весной, но в более широких размерах. Тарик Ибн Зияд, другой вольноотпущенник Мусы, решился переплыть через пролив, предводительст-

* До сих пор остается неизвестным, предполагал ли Муса действительно завоевать весь полуостров. Арабские известия говорят утвердительно, но при этом добавляют: халиф Валид на запрос своего полководца дозволил лишь рекогносцировки и особенно предостерегал не подвергать большое войско превратностям морского похода. Это последнее воззрение всецело принадлежит Омару (т. 1) и во всяком случае прицеплено случайно к имени Валида, который одно время предполагал совершить гораздо более опасный поход против Константинополя. Также и в следующих затем описаниях подробностей не все ясно: послав Тарику перед самым сражением при Херес де-ла-Фронте-ра вспомогательные войска, Муса, как уверяют арабские источники, почти ничего не знал о последовавших затем успехах своего подчиненного. Лишь по прошествии целого года зависть к подвигам вольноотпущенника увлекла главнокомандующего в Испанию. Надо полагать, что по окончательном завоевании западной Африки Муса вернулся в свою резиденцию Кайруван (Fournel, Les Berbers, I, 236, 254), предоставив управление западом Тарику с дозволением при случае делать набеги на Испанию. Я постарался в тексте отделить более достоверное от сомнительного.

** Вошедшее в состав французского и немецкого языков слово Razzia («набег») происходит от арабского слова «раззия», первоначально значившего «летучий отряд», а затем и «набег».

вуя 7000 берберов*. Небольшое количество перевозочных средств, коими располагали арабы на западе, вынуждало полководца переправлять небольшие отряды один за другим. Тарик занял гигантскую скалу, называемую в древности Кальпе, отныне окрещенную именем завоевателя**. На этой неприступной позиции он выжидал спокойно прибытия остальных отрядов. Затем полководец смело ринулся в глубь страны, а когда успел достичь озера Ханда***, то узнал, что значительное войско готов подвигается ему навстречу. Нападение мусульман застигло Испанию в момент опасного кризиса. К указанным выше общим причинам слабости вестготского царства присоединилась еще перемена династии, совершившаяся при внушающей опасения обстановке. Король Витица скончался, лучше сказать, был свергнут с престола. Преемником его стал узурпатор Родерих. Хотя он овладел короной с согласия вельмож, но все же лишил сыновей Витицы законного их наследия. Причины такой бросающейся в глаза несправедливости не вполне разъяснены. По общераспространенным сведениям, Родериху удалось овладеть властью уже в 90 (709), во всяком случае ранее договора, заключенного Юлианом с арабами. Но это как-то не вяжется**** с тем, что передают испанские хроникеры*****: древнейшие два, жившие почти в одно время, указывают на 711, двое же позднейших относят событие не ближе 710. Если к тому же принять в соображение, что король вместе с войском выступил против Тарика уже в июле 711, трудно будет отказаться от предположения, что набег мусульман в предыдущем году мог дать естественный повод вручить высшую власть Родериху, славившемуся храбростью и энергией. Тем не менее не подлежит сомнению,

* Вероятно, сам Тарик был по происхождению бербер; впрочем, это не вполне доказано.

** Гибралтар, собственно Джебель, Тарик «гора Тарика».

*** Между Гибралтаром и Кадиксом.

**** Ranke, Weltgesch. V. I, 211. — В прибавлениях (V, 2, 283) встречаются некоторые дальнейшие комбинации, но и сам Ранке не придает им серьезной достоверности. Вот почему я и не принимаю их за основание изложенного в тексте.

***** Fournel, Les Berbers, I, 238. №1,2.

что несправедливость совершенного возбудила среди родственников и личных приверженцев покойного короля глубокое негодование. Оба сына последнего, так передается в хрониках, в высшей степени были возмущены; новый властелин нашел нужным, дабы склонить на свою сторону недовольных, даровать им обоим почетные должности при войске; между тем, как рассказывают, благодаря их же измене сражение решилось в пользу мусульман. Все это вероятно, но не столь основательно доказано, чтобы можно было безусловно опираться на подобное объяснение. Факт слишком общ; как часто мы видим, что самонадеянная нация готова легкомысленно приписывать причину тяжкого поражения измене, нисколько не размышляя о том, что поношение, падающее на изменника, переносится в то же время и на весь народ. Итак, достоверно одно: готы и берберы столкнулись 5 Шавваля 92 (19 июля 711) неподалеку от нынешнего Кадикса. Неосновательно также приписывают городку Херес де-ла-Фронтера честь места мирового исторического переворота. Теперь уже доказано, что сражение происходило у речки Вади Бекка. Настоящее ее название Саладо, впадает она в Атлантический океан между Вехер де-ла-Фронтера и Конилем. Бой продолжался восемь дней, а по другим источникам — три. Сами арабы свидетельствуют, что последний готский король показал чудеса храбрости. По правде сказать, не все окружающие его выказали одинаковое самопожертвование. Быть может, враги его правления искали подходящего момента, дабы позором поражения уронить его власть и вернуть корону семье Витицы. Кто же из князей готских мог предполагать, что набег африканской сволочи в состоянии повергнуть в прах гордое их царство? Последствия этого близорукого, антипатриотического расчета были поистине ужасны. Битва была проиграна. А затем оказалось, что никто в Испании, за исключением дворянства и духовенства, не был заинтересован в судьбах готского владычества. Крепостные и мещанство, в которых благодаря беспощадному гнету привилегированных классов давно уже подавлено было всякое национальное чувство, приглядывались безучастно к гибели своих жестокосердых господ: евреи же узрели в завоевателях избавителей избранного народа от рабства фараонова. Неудивительно поэтому, что сопротивление оказано было лишь кое-где разбросанным и к тому же не единодушным рыцарством; одна честь предписывала им не уступать сразу. Сам Родерих словно в воду канул, «никто более о нем не слыхал. Его не находили ни мертвым, ни живым, единому Богу ведома его участь».

С отличающим всюду этот героический период ислама неудержимо бурным увлечением Тарик и его воины воспользовались всеми выгодами одержанной победы. При Эсихе* выдержал раз еще арабский военачальник жаркий бой с христианами, а затем лишь отдельные города решались защищаться за крепкими своими стенами. По совету Юлиана, подвигался победоносный полководец с главными силами в прямом направлении к столице Толедо, предоставляя небольшим отрядам облагать данью встречающиеся по пути крепости для охранения безопасности отступления. Из Арчидоны жители бежали, Эльвира взята была штурмом. Благодаря измене крепостного в Кордове, а в Толедо — еврея, оба эти города очутились тоже в руках мусульман. Потеряв голову, высшие чиновники государства со страху устремились в горы Галиции, архиепископ покинул свою паству и поспешил в Рим. Подобно тому, как поступили некогда византийские чиновники в Египте (т. I), так же и здесь люди, враждовавшие с Родерихом и его партией, не преминули предложить свои услуги победителям. Тем временем арабы собирали везде богатую добычу по городам и селам, а отважный Тарик сразу поднялся на недосягаемую высоту величия и славы.

Не на это, конечно, рассчитывал Муса, дав дозволение своему вольноотпущеннику тревожить Испанию набегами. Завоевав целое государство, тот пожинал вместе со славой богатства, на обязанности же главнокомандующего оставался один неблагодарный труд заботиться, сидя в Кайрува-не, о сохранении порядка среди берберов и правильном

* По-арабски «Истиджа».

выколачивании податей. Неожиданные известия, которые дошли, вероятно, до наместника не ранее поздней осени 711, возбудили в нем сильнейший прилив зависти. Было, однако, почти невозможно в зимнюю пору подвергать большие массы войск опасности перевозки на утлых кораблях, стоявших на якоре у Цеуты. Вот почему Муса успел высадиться в Испании во главе 18 тыс. человек лишь в июне 712 (Рамадан 93)*. Он не пожелал идти тем путем, по которому двигался Тарик. Легко взяты были Шедуна (Медина Сидо-ния) и Кармона, а после более продолжительной осады пала и Севилья. Еще более упорное сопротивление встретили наступавшие войска у Мериды; во время обложения ее мусульмане понесли чувствительные потери, а на некоторое время вспыхнувшее возмущение в Севилье даже угрожало самой линии отступления. Но восстание было быстро потушено сыном Мусы, Абд Аль-Азизом, и 30 июня 713(1 Шавваля 94) осажденная крепость сдалась. В конце июля (Шав-валь) полководец двинулся торжественно к Толедо. Там поджидал его Тарик, которому пока воспрещено было, по всем вероятиям, дальнейшее движение вперед. Герой Фронтеры выехал навстречу своему начальнику для принесения подобающего приветствия. При первом появлении господина, он, в качестве вольноотпущенника, смиренно слез с коня. Но, преисполненный зависти и недоброжелательства, Муса вытянул подчиненного хлыстом по спине и осыпал бранью за ослушание. Затем он потребовал выдачи всех забранных

* Я придерживаюсь неуклонно этой знаменательной даты, опираясь на древнейшие арабские источники; доказательства же, приводимые Фурнелем (Les Berbers, I, 260, прим. а и 2), в-моих глазах неубедительны. Так же точно, хотя и можно бы принять за факт вместе с Даном соглашение евреев Толедо с мусульманами, в высшей степени сомнительно приводимое испанским хроникером XIII столетия изложение второстепенных обстоятельств, равно и приурочение занятия Толедо к 27 марта 712; оно противоречит всей совокупности событий. То же самое можно сказать и о замечании, встречающемся у Dozy (Recherches 21, 59), в котором упоминается, что Тарик, после одного набега за пределы Толедо, вернулся в столицу в 93: событие едва ли объяснимое, разве только если принять, что все предшествовавшее, в общем, закончилось уже в 92 (до 18 октября 711).

сокровищ готских королей, а своего слишком счастливого помощника засадил в тюрьму, угрожая ему смертной казнью. Сам же принялся за окончательное завоевание страны. Почти нигде не осмеливались более христиане оказывать сопротивление, так что к началу 95 (октябрь 713) вся северо-восточная Испания от Сарагоссы* до Пиренеев подпала под власть ислама; равным образом покорился и юго-восток, где некоторое время сопротивлялся еще герцог Феуди-мер. Наконец этот последний предпочел удержать за собой по договору" Оригуэлу Аликанте, Лорку и некоторые другие местности, соглашаясь признать главенство мусульман и обязуясь уплачивать дань. Подчинение запада полуострова, как кажется, произошло без особых затруднений, как бы само собой. Даже жители малодоступной береговой горной цепи севера не решались вначале отражать рассеявшихся по всем направлениям и неудержимо напиравших на них отдельных мелких отрядов берберов; арабы не осмелились только проникать в землю басков. Выискалась единственная горсточка человек в 300, так описывает одно испанское предание, предводимая храбрым Пелагием: она укрылась в пещере, в непроходимых дебрях Сиерры Ковадонги, в восточной Астурии. Здесь, огражденные от нападений мусульман, испанцы стойко держались, хотя нужда и упадок отваги довели их число постепенно до 30 мужчин и десятка женщин. Казалось, чего было опасаться от этой кучки неисправимых упрямцев? Никто не мог тогда и предчувствовать, что в самое короткое время эта маленькая горсточка преобразится в грозную силу, подготовит тяжкие заботы победоносным арабам и окончательно сложится в ядро будущего христианского государства Испании.

* По-арабски Саракуста=Caesasr-augusta.

** Текст договора сохранился, и подлинность его не подлежит никакому сомнению (Ranke, Weltgesch. V, 1, 217, прим. 1), хотя он и заимствован у позднейшего писателя. Самое время, 4 Раджаб 94=5 апреля 713, включенное в самый текст договора, совпадает точно с известием, помещенным у Исидора Пацензия, о том вреде, который причинил арабам Феудимер в 712—713 гг. Изложение договора носит на себе равным образом несомненную печать подлинности.

А между тем для самого могучего завоевателя, который повелевал в данную минуту всей северной Африкой от Сиртов до Атлантического океана и овладел почти всей Испанией, перевернулись сразу обстоятельства там, у него на родине, в Дамаске. В войске находился вольноотпущенник Валида по имени Мугис. Находясь под начальством Тарика, он занял Кордову и теперь задумал спасти жизнь бывшего своего начальника. Дабы избавить героя от яростных преследований Мусы, так передают арабские источники, Мугис, заручившись предварительно обещанием наместника, что он сохранит жизнь пленнику, собрался в Сирию, намереваясь лично передать халифу обо всем происшедшем. Едва ли следует сомневаться, что по меньшей мере рядом с участием к судьбе заслуженного Тарика были у этого человека и другие основания для совершения дальнего путешествия. Трудно допустить, чтобы доверенное лицо повелителя правоверных находилось при войске без особого поручения. Муса был йеменец, а Валид еще в большей мере, чем Абд-аль-Мелик, склонялся на сторону кайситов, находясь постоянно под влиянием Хаджжаджа; между тем со времени возмущения Абдуррахмана слишком хорошо было известно, как легко наместнику поднять знамя бунта в дальней провинции. Итак, основания к недоверию существовали; вот и был выбран вольноотпущенник, которому, благодаря его прошлому, удобнее всего было следить за подозреваемым полководцем. Прибыв ко двору, он, очевидно, внушил совет отозвать завоевателя, ставшего слишком могущественным. Полководец понял сразу причины такого неожиданного повеления. Под всевозможными предлогами оттягивал он исполнение предписания, но непрекращавшиеся настоятельные послания из Сирии сделали наконец дальнейшее промедление невозможным. Мусе стукнуло уже 77 лет; он понимал, что Валид никоим образом не допустит открытого неповиновения. Вступить в борьбу тоже было опасно, так как даже при самом благоприятном исходе наместнику не предвиделось каких-либо новых выгод. Между тем сыновья его, коим он желал передать в наследство власть, могли и теперь вступить в пользование ее правами. Так он и сделал. Двигаясь в торжественно-медленной процессии, увозя бесчисленных пленных и горы сокровищ, передавал главнокомандующий постепенно, проезжая через Испанию и северный берег Африки, одну провинцию за другой в управление своим. Абд Аль-Азиз с правами главнокомандующего оставлен был в Севилье, Абдулла — в Кайруване, а под его командой — Абд Аль-Мелик в Тангере. Власть, которую они удерживали в руках, казалось, давала одновременно достаточное ручательство, что и в Сирии встретят отца их с уважением. Когда наместник прибыл в Египет, пронесся вдруг слух о серьезной болезни халифа. Брат повелителя, Сулейман, в случае его смерти его преемник, считался открытым сторонником йеменцев, поэтому Муса мог смело рассчитывать на дружелюбный со временем прием при дворе. Вот мы и узнаем, что наместнику понадобились целых два месяца на проезд короткого пути из Египта в Сирию. Очевидно, замедление было намеренное*. И действительно, когда караван подходил к Дамаску, Валид был уже на

смертном одре, быть может, даже и скончался (13 Джумада 11—96=23 февраля 715). Предположения наместника, однако, не осуществились. Хотя он и принадлежал к партии йеменцев, сразу выдвинувшейся по восшествии на трон Сулеймана, но могущество его пугало в равной мере как покойного, так и нового халифа. Для этого человека, славящегося своей жадностью и непостоянством, нетрудно было подыскать повод, дабы привлечь наместника к ответственности. Отобрали от него сначала все привезенные им сокровища, затем приговорили его к уплате значительной денежной пени, хотя известия о тюрем-

* В данном случае арабские источники переполнены многочисленными противоречиями; в общем же сходятся на том факте, будто бы Сулейман, желая придать более блеска своему вступлению на трон прибытием Мусы с караваном испанских пленных и сокровищ, письменно потребовал от него отложить приезд. Но Муса, не рассчитывавший на скорую смерть Валида, оставил без внимания это требование, вот почему будто бы и навлек он на себя немилость нового повелителя. Во всем этом можно видеть лишь самовольную попытку хроникеров объяснить тот довольно поразительный факт, что Сулейман обошелся так круто с йеменцем по происхождению.

ном заключении и претерпенных им страданиях едва ли заслуживают веры. В конце концов штраф был с него сложен Сулейманом благодаря могущественному заступничеству Язида Ибн Мухаллаба, но с тех пор величие Мусы померкло. Вскоре, в 97 или 98 (716—717) он умер. Как кажется, он успел, однако, раньше увидеть, как исчезали постепенно надежды на водворение членов его семьи в покоренных провинциях. Вскоре после его прибытия послан был Сулейманом новый наместник в Кайруван; ему удалось схватить обоих остававшихся в Африке сыновей Мусы и засадить их в тюрьму по обвинению в различного рода преступлениях. Учинить такую же короткую расправу над Абд Аль-Азизом было не совсем-то легко; он продолжал твердо править в отдаленной Испании, но уже под конец 97 (716) он пал под ударами сабель горсти недовольных арабов. Над халифом тяготеет серьезное обвинение, что им именно направлены были стальные лезвия убийц.

Поистине трагична судьба великого завоевателя, невзирая на все пятна, искажающие характер Мусы. В тот самый момент, когда, казалось, ему удалось сплотить для себя новое громадное государство, он был низвергнут с вершины могущества, а за ним подверглись той же гибели предполагаемые наследники всего его величия. Временно осуществлялись планы халифа, авторитет его на некоторое время утвердился на западе, и прежде всего почувствовал это главноначальствующий в Кордове, куда перенесено было управление Испанией по смерти Абд Аль-Азиза; там твердо памятовали свою зависимость от государя, проживавшего в Дамаске. Новый наместник двинулся в 718 (99) за Пиренеи; по ту сторону горной цепи быстро наступал конец владычеству готских герцогов Аквитании, равно как и дома Меровингов, благодаря необычайной запутанности всех тамошних отношений. Особенно неприязненно стояли друг к другу Эудо, герцог Аквитанский, и майордом Клотара IV, Карл Мартелл; между тем национальное несходство вестготов и галлов южной Франции расстраивало окончательно всю силу сопротивления ввиду наступавшего внешнего врага. Поэтому дикий Аль-Хурр, или Алахорт, как его прозвали трепетавшие перед ним христиане, мог беспрепятственно предпринимать снова и снова свои разбойничьи набеги, врезываясь каждый раз далеко в глубь страны и широко разбрасывая свои полчища во все стороны. Правда, в тылу его, в Астурийских горах, умножались толпы Пелагия. Сильно тревожили они войска берберов, предводимые Мунузой, неустанно продолжая на испанский лад и с большим искусством вести партизанскую войну. Аль-Хурр не придавал, однако, большого значения этим относительно маловажным движениям; так же поступал и лучший из его преемников, Самах, управлявший Испанией с 100 (718) от имени благомыслящего Омара II. При нем началась правильная война с Зудом. В 102 (720) занята была им Нарбонна и по его приказанию сильно укреплена. С того времени эта крепость служила постоянно сборным пунктом для мусульманских войск; десятки лет силы франков тщетно ломались о твердыни ее (до 142=759). Уже со следующего года могла она служить надежным оплотом для сарацин. Когда 9 Зу'ль Ка'ды 102 (11 мая 721) Самах, воевавший с Зудом, пал под стенами Тулузы, то помощник павшего, Абдуррахман Ибн Абдулла, был в состоянии укрыть остатки войск в новой крепости. Из нее же выступил следующий наместник 'Амбаса в 107 (725), занял Каркассону и Ним. Ему даже удалось разграбить Отэн.

На несколько лет и здесь наступило затишье, происшедшее от возникших внутренних смут, становившихся все опаснее и опаснее для мусульманского господства на Западе. Раздоры между арабами и берберами уже и тогда без перерыва стали усиливаться как в Африке, так и Испании. Одни, почитая себя господами, позволяли себе обращаться с подчиненными презрительно и грубо; последние встречали всякое оскорбление с ревнивой щекотливостью. Особенно на полуострове берберы считали себя обделенными по распределению завоеванных земель. Отобрав пятую часть завоеванной страны в пользу казны и выделив по особым капитуляциям некоторые округа христианам, арабы распорядились так: сами заняли плодородную Андалу-зию, а берберам предоставили поселиться в пустынных округах Кастилии и северных провинциях. Когда же сверх того стали до берберов доходить все чаще вести о всевозможного рода произволе и гнете, претерпеваемых* единоплеменниками в Африке от главного наместника, распоряжавшегося самовластно из Кайрувана, в их душах закипел гнев. Следивший внимательно из-за гор за событиями герцог Эудо сумел воспользоваться этим раздражением. В этом помогла ему дочь. Он выдал ее за предводителя берберов, Манузу, и таким образом привязал его к

интересам христиан, подготовляя совместный с ним поход на арабов. Когда, однако, Мануза восстал открыто (111 или 112= 729— 730), ему не удалось вызвать всеобщего восстания среди своих земляков. Преследуемый по пятам войсками наместника, он был вынужден покончить с жизнью, бросившись с отчаяния со скалы. Раздоры происходили в то время не только между берберами и арабами, но даже и в среде последних; чуть ли не ежедневно вспыхивали они в Испании, поддерживаемые быстрой сменой ряда неспособных наместников. Наконец энергичный халиф Хишам решился раз и навсегда пресечь зло и вручил управление доблестному Абдуррахману (112=730). Последнему удалось снова восстановить порядок. Но его новый поход во Францию в 114 (732) должен был стать роковым для дела дальнейшего распространения ислама. Сарацины проникли почти до самой Луары, уничтожив предварительно на Дордони войско герцога Эуда. Но тут у Тура и Пуатье Карл Мартел со своими франками стал им поперек дороги. О ходе сражения до нас дошли лишь скудные и противоречивые известия. Во всяком случае, к концу битвы мусульмане понесли страшное поражение, завершившееся смертью Абдуррахмана; с обеих сторон, по-видимому, бились с величайшим упорством. Она имела значение мировое, хотя мгновенное

* Ranke (Weltgesch. V, 1, 220) упоминает именно относительно этого самого периода, что в «Африке уже несколько лет продолжалась борьба». Мне не удалось узнать, откуда почерпнуто это известие; нигде его не мог я найти, а потому должен оставить факт под сомнением. Непродолжительные же беспорядки, происходившие в 103 (721/2; Fournel, Les Berbers. I, 175), не могут быть никак отнесены сюда.

смущение, охватившее было весь мусульманский Запад, продолжалось недолго. Возмущение христиан к северу от Эбро было ими подавлено, хотя, конечно, потребовало некоторого напряжения сил. Управлявший с 116 (734) в Испании Укба Ибн Хаджжадж мог уже в этом же самом году, столковавшись с князьями южной Франции, устрашенными* возрастающим могуществом Карла Мартела, распространить мусульманское влияние снова по ту сторону Пиренеев до самого Лиона. Если же нередко высылаемые им подчиненные генералы и были разбиваемы, начиная с 119 (737), все же Нарбонна оставалась долгое время во власти арабов. Вскоре, конечно, дальнейшие предприятия, направляемые обыкновенно из этой крепости, стали невозможны. Страшное восстание берберов, начавшееся в 123 (741), значительно повлияло на всю позднейшую историю мусульманского Запада и ослабило на долгие годы силы ислама не только во Франции, даже и в Испании. Таким образом, Пипин мог в 759 (142) отвоевать даже Нарбонну у сарацин. Еще более роковое время настало для ислама, когда зять и второй преемник Пелагия, Альфонс I, успел во время возникшей среди правоверных междоусобной войны не только соединить свое княжество басков с небольшими остатками христианской Астурии, но даже оттеснил далеко на юг берберов северной Испании, очутившихся неожиданно под перекрестным огнем, с одной стороны, неприязненных арабов, а с другой — вновь возникшего христианского государства. Тем более трудно было защищаться несчастным, что их посетил в 132 (750) страшный голод. С этого самого времени возникли главнейшие пограничные крепости у арабов на севере (тянувшиеся с запада к востоку — Коимбра, Кориа, Талавера, Толедо, Гвадалахара', Тудела и Пампелуна. Между ними и вновь возникшим королевством Асгурийским легла широкая полоса

* Имя это арабского происхождения и значило первоначально Вади-аль-Хиджара — «каменный поток». Вообще следует признать, что все начинающиеся слогом Gvad — испанские названия рек и городов — происхождения арабского от Вади — «ручей», «река». Так, например, Гвадалквивир=Вади-аль-кебир, «большая река» и т. д.

заброшенной земли, покинутой берберами и вновь более никем не возделываемой.

Таким образом, к концу эпохи Омейядов арабское мировое господство достигает наибольшего своего расширения, а с момента почти одновременных поражений под стенами Константинополя и Пуатье устанавливаются границы, никогда снова не переступаемые молодыми завоевателями. Но и здесь Аякс же подкосил силы Аякса. Не греческий огонь и не меч франков обусловливали разрушение могучего здания халифата и положили предел героическому и завоевательному периоду арабской истории. Было это дело старинного наследственного порока в высшей степени подвижного, беспокойного народа. И тут сыграла главную роль племенная рознь.

ГЛАВА IV

ТРЕТЬЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА И ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ

Религия воздействует на народ в двояком направлении. Составляя, в сущности, проявление высших стремлений национального духа, определяющее их форму и дарующее содержимому потребное ограничение, она одновременно носительница иррационального, так сказать, элемента нового идеала, приносящего с собой новообращенным безусловное обещание разрешения всех задач грядущего про-

гресса. Таким образом, каждая вера служит неизменно образовательным целям народа, серьезно к ней относящегося. Едва ли какая-либо другая религия по сравнению с исламом имеет больше прав на это. И какой успех! Нечто необычайное — на первый взгляд. Аравия всем обязана своеобразному очарованию личностью и пылом религиозного одушевления Мухаммеда, горсти отважных и выдающихся голов.

Вместе с победой вероучения как бы чудом снято было сразу древнее заклятие, препятствовавшее доселе арабам приобщиться к высшей цивилизации и занять подобающее им место среди остальных народов. Расщепленность нации на сотни племен и отделов, завистливо пожирающих друг друга, не подвигавшейся ни на шаг вперед по целым столетиям, устранено единым условием — всеобщего подчинения абсолютному властелину веры — Аллаху. Перед ним не было высших, никто, стало быть, не имел права косо взглянуть на другого. Хрупкие стрелы собраны сразу в могучую связку не поддающегося излому целого, и с насмешкой поглядывает молодой народ на бессильные попытки состарившихся наций сломить их совокупность. Но от подобного воспитания, произведшего столь великие чудеса, солоно иногда приходилось человеку простому. Беспокойная юная нация бежала из школы при первой возникшей междоусобной войне. Пришлось тогда поневоле отложить на время нравственное влияние катехизиса, не послушали бы все равно; прибегли к иным мерам — бисквитам и розге, дабы заставить, по крайней мере, учеников смирно сидеть. А что думала про это толпа, лучше всего показала вторая междоусобная война. Новые повторения насильственных поползновений прямо грозили, что все разлетится в прах, если не погулять хорошенько палкой по непокорным спинам. И действительно, тогда только, когда установленная по персидским образцам полиция стала посредницей, успокоилась наконец юная нация. И вот, во времена Аббасидов мало-помалу спасительное учение начинает действительно овладевать умами. Между тем сколько драгоценного времени было потрачено даром; воспитанники слишком постарели. Они ищут себе места, которое по их природным дарованиям могли бы занять в мире, и должны удовольствоваться в конце концов ролью помощников другим для проведения своих запоздалых планов.

Мы видели, как Омейяды, при всем своем мирском настроении, из-за тонкого расчета продолжали неустанно покровительствовать людям, принадлежавшим к умеренной партии правоверных. Немало, кажется, трудов положили Зияд и Хаджжадж, дабы «привлечь веру в страну» для своих добрых принцев. Но по приказу, понятно, она не так-то легко водворяется. Из любви к мирским интересам современные властелины самовольно отвернулись от веры старинных сподвижников пророка, стали гнать их и преследовать: и вера по всей справедливости не пожелала им служить. К тому же при подобных обстоятельствах, в главнейшей, а пожалуй, в сущности, и единственной подпоре династии — Сирии, слишком хорошо знали друг друга, чтобы можно было рассчитывать чего-либо добиться притворной набожностью. Поэтому все зависело от того, как бы опять не сцепились кайситы с кельбитами, подобно тому, как это случилось по смерти Язида I. Устранить же этот взрыв страстей после битвы на «луговине Рахит», когда все сильнее внедрялась ненависть между обеими партиями, могло только личное влияние и прозорливая мудрость самого халифа. Таким образом, всякий раз при появлении у кормила правления слабого властелина или же непредусмотрительного политика неприязненные племенные группы неизбежно должны были прийти в столкновение. А так как совокупность обеих партий и составляла собственно ту силу, которая необходима была для сдерживания религиозных и национальных контрастов, то за их разладом естественно следовало постоянно и неизбежно усиление смут, в заключение же вспыхивали злокачественные восстания хариджитов и шиитов, персов и берберов. Во всех частях государства эти разлагающие элементы мало-помалу множились, и попутно с ними с головокружительной быстротой падало сирийское владычество, увлекая за собой и династию Омейядов.

Возможности бороться со столь великими трудностями прежде всего обязан царствующий дом главным образом Абд-аль-Мелику, из пятнадцати его сыновей четверо были халифами; Маслама, один из братьев, признаваемый всеми за замечательнейшего полководца ислама, при всех четырех тоже играл выдающуюся роль. Не следует также упускать из виду, что двое из упомянутых четырех халифов, Ва-лид и Хишам, принадлежали к самым замечательным властелинам изо всех, какие только вообще появлялись на Востоке. Однако даже и в подобной семье, располагавшей таким изобилием личных дарований, должны были попадаться более слабо одаренные лица. Между тем отношения йеменцев к кайситам становились чересчур обостренными, так что первая встречная ошибка могла стать вместе и роковой. Второй сын Абд-аль-Мелика, Сулейман, и совершил ее. От него начинается если не по внешности, то в сущности упадок владычества Омейядов. Отец его с самообладающей мудростью, что составляло вообще выдающуюся черту его характера, старался всеми мерами уравновешивать отношения между кельбитами и кайситами. Невзирая на то что последние и после битвы на луговине проявили еще раз у Хазиры свое враждебное настроение и подготовили власти довольно значительное затруднение, халиф вверил управление всем востоком кайситу Хаджжаджу; тот в свою очередь постарался насовать всюду своих родственников, положим, нисколько не в ущерб государству, и по-вытеснить отовсюду старейшин йеменцев, особенно же членов семьи Мухаллаба. Арабы юга выказали живейшее негодование, горько стали жаловаться на неблагодарность властелина, обязанного им троном, но в конце концов успокоились, когда халиф предоставил им завоевания и управление на западе. Как ни беззаветно продолжал Валид держаться Хаджжаджа, все-таки и он поостерегся что-нибудь изменять в сложившихся порядках. Халиф этот скончался внезапно далеко еще не старый*. По воле отца покойному

наследовал брат Сулейман. Он не умел жертвовать своими личными побуждениями благу государства, не обладал ни хладнокровием, ни мудростью своих предшественников. Изо всех качеств своей семьи новый властелин унаследовал опаснейшее — надменность; он не был в силах побороть в себе страсти к наслаждениям и проявления внезапных прихотей. С Валидом был он не в ладах уже потому, что этот халиф, как и его предшественники, питал на-

* По различным известиям, было ему перед смертью 43, и во всяком случае не более 50 лет.

дежду лишить его преемства и передать наследие своему собственному сыну Абд аль-Азизу. Недовольные йеменцы, и во главе их Язид ибн Мухаллаб, не могший никак переварить потери управления богатой провинцией Хорасаном, примкнули, понятно, к грядущему властелину. Для Хаджжаджа слишком достаточно было поводов содействовать секретным планам Валида, но предусмотрительный властелин считал возможным привести их в исполнение, ввиду общей напряженности положения, лишь постепенно, не торопясь. Между тем вице-король сильно тревожился, он нисколько не сомневался, какая судьба ждет его, если Сулейман вступит на престол. Единственной молитвой в последние его годы было, вероятно, чтобы Аллах ниспослал ему смерть раньше кончины повелителя правоверных. Желание его было услышано: не прошло и полугода, как последовал за ним и Валид. Мщение нового владыки, от которого успел ускользнуть состарившийся вице-король, разразилось, как гром. Наступившее преследование единоплеменников покойного было тем беспощаднее, что неприязненные йеменцы слишком охотно напрашивались стать орудиями мести. Назначение Язида ибн Мухаллаба наместником Ирака не только уничтожило навсегда поддерживаемое до сих пор с таким трудом равновесие между кайситами и йеменцами, оно подало сигнал к гонению на самых уважаемых и заслуженных лиц, принадлежавших еще недавно к господствовавшей партии северян, притом в неслыханных доселе размерах, чего никогда не случалось и при забрасываемом несправедливо грязью Хаджжадже. Даже и этот неумолимый правитель ограничился только смещением сына Мухаллаба, а осторожный Абд аль-Мелик долго медлил утвердить решение своего наместника. Теперь не постеснялись даже с таким человеком, каким был Мухаммед ибн Касим, обновивший славу исламского оружия и только что приобщивший на дальнем востоке новые провинции к государству; с ним обошлись, как с заурядным преступником: выданного на руки личных врагов дома Хаджжаджа, его замучили в страшных пытках. Подобная же участь грозила и Кутейбе ибн Муслиму; тот умер, по край- ней мере, с мечом в руках, обороняясь как умел от внезапно нагрянувшего несчастия (96=715). Это послужило гибельным примером для всех тех, которые могли опасаться при новой перемене правления торжества угнетенной до той поры партии. Вообще редко случается, чтобы правление партии было благотворно; но при данных обстоятельствах было оно худшим из зол, ибо растущее ожесточение между обоими племенами неотразимо быстро передалось в средоточие центрального управления. И здесь также вскоре нижние слои вытеснили бывших верхними.

Все зло подобных отношений усугублялось еще кратковременностью царствования каждого из халифов. Сулейман (96-99=715-717) и Омар II (99-101=717-720) скончались на третьем году своего управления; Язид II (101 — 105=720—724) — на пятом; Валид II, сын Язида II (125—126=743—744), — на втором, а Язид III, сын Валила I (126—744), лишь полгода процарствовал. Один Хишам (.105—125=724—743) управлял 19,5 лет. Каждая перемена правления начиная с Сулеймана, смотря по различным семейным связям каждого халифа с обеими партиями или по другим каким-либо личным мотивам, неизменно сопровождалась переменой внутренней политики, поэтому и оказалось, что в промежуток времени между 101 и 127, т. е. в течение всего 26 лет, пять раз переходила власть от одной племенной группы к другой. Между тем всякая перемена правления сопровождалась постоянно ожесточенным преследованием бывших доселе влиятельных личностей, поступавших с своей стороны прежде точно так же нисколько не лучше. Таким образом, в короткий период погибло, по большей части ужасным образом, множество почтенных личностей, а взаимная вражда между северянами и южанами возросла до необычайных размеров. Всякий, кто только рассчитывал на свое влияние, грозил прямо открытым возмущением, если только новый халиф казался ему и его друзьям опасным. Так, по смерти Омара II, в 101 (720), когда с воцарением Язида II кайситы снова стали у кормила правления, в Басре взбунтовался Язид Ибн Мухаллаб. Бунт широко раскинулся по преданным большей частью наместнику восточным провинциям, и, казалось, теперь же наступал уже конец сирийской гегемонии. На этот раз, однако, Масламе, надежнейшему мечу семьи Абд Аль-Мелика, удалось потушить мятеж. 14 Сафара 102 (24 августа 720) пал княжески надменный сын Мухаллаба в упорном бою поблизости Куфы, на берегу Евфрата. С его смертью было восстановлено вскоре спокойствие также в Басре и во всей Персии. Но когда Валид II осмелился казнить самым бесчеловечным образом заслуженного наместника Хишама, йеменца Халида Ибн Абдуллу Аль-Касрия, единоплеменники последнего восстали, провозгласили Язида III, двоюродного брата Валида, властелином и умертвили халифа. Вот когда действительно наступило начало конца. Отныне каждая из партий стала выставлять своего собственного халифа; сирийцы резались поминутно в открытой междоусобной войне, пока соединенные силы восточных провинций не нагрянули на них и не раздавили разом обе партии.

Неизбежным последствием усиления в высокой степени всех этих вечных раздоров была полная непригодность к управлению большинства халифов последнего периода. Уже среди сыновей Абд аль-Мелика замечается большое неравенство. Подобно Сулейману, и Язид И утопал в роскоши, которой он придавал, положим, некоторого рода благородную прелесть, ревностно предаваясь занятиям поэзией и музыкой, но, увы, едва вспоминал при этом о своем долге властелина. По смерти же Хишама стало совсем худо. Валид II был человек вполне ограниченный и помимо своего пристрастия к поэзии вовсе не казался даже милым бездельником. Был он попросту сладострастным и жестоким деспотом — так, например, в основание своей семейной жизни положил он отвратительное учреждение евнухов. Насильственная смерть, закончившая его кратковременное управление, вполне им заслужена. Своим возмущением против законного главы семьи преемник его, Язид III, нарушил последнее, что могло еще служить во спасение: единство династии, так заботливо ограждаемое доселе в роде Абд аль-Мелика. И у него ни разу толком не хватило сил хотя бы беззаветной энергией поддержать свою узурпацию: новое восстание неприязненного ему наместника Армении, Мервана ибн Мухаммеда, и кайситов было немедленным ответом на его беззакония. Подобного пошиба люди были вообще неспособны справляться с необычайными трудностями положения; а положение к тому же было безнадежное. Два халифа, лучшие из Омейядов, страшно запутали его своими роковыми мероприятиями; оно усложнялось, кроме того, гибельными предшествовавшими событиями в провинциях. Положительно не стоит описывать в отдельности все превратности, постигавшие отдельных правителей, равно и гнусную борьбу кайситов с кельбита-ми. Остановимся с большим вниманием на царствовании лишь двоих — Омара II и Хишама.

Омар II был сын брата Абд аль-Мелика, Абд аль-Азиза, того самого, которого ранняя смерть избавила от унижения быть устраненным насильственно от престолонаследия. Дабы склонить на свою сторону йеменцев, Валид назначил в 87 (706) Омара, постоянного их заступника, наместником в Медину. Человек глубоко и искренне набожный, образцового поведения по примерам пророка и его первых сподвижников, новый правитель сдружился с правоверными Медины, постоянно оскорбляемыми и угнетаемыми всеми остальными Омейядами. Эта дружба прежде всего возбудила живейшее неудовольствие Хаджжаджа. Из десяти набожных знатоков преданий Омар образовал возле себя совет, к которому постоянно обращался за всевозможными разъяснениями; этому же совету поручено было наблюдение за действиями чиновников из мирян. Вообще Омар управлял, руководясь кротостью. Понятно, слухи об этом распространились повсюду. Вскоре многие, имевшие основательные причины бояться гнева Хаджжаджа, бежали из Ирака в город пророка и находили безопасное убежище под сенью этого божьего человека. Беспощадный вице-король востока и не подумал с ним церемониться. Вследствие неоднократных жалоб Хаджжаджа халиф сменил в 93 (712) этого выродка семьи, своего двоюродного братца. Именно с этой самой поры ортодоксы начинают чуть ли не молиться на Омара, признавая в нем единственное и последнее упование на восстановление веры. Когда Сулейман заболел, то почувствовал потребность общения с набожным духовником, в надежде как-нибудь примирить совесть с предстоящим ему неизвестным будущим. Он призвал Омара, и этот последний не преминул раскинуть искусную сеть интриг. Кумир всех правоверных добился-таки своего назначения и признания преемником вместо ближайшего сына Абд аль-Мелика. Дать правильную оценку правления (99—101=717—720) этого достопримечательного человека не так-то легко. Обладал он, в сущности, характером весьма почтенным и стремился неуклонно поступать справедливо. Быть может, если бы власть его протянулась долее, он был бы в состоянии, усердно проводя в жизнь свои принципы, исправить гибельную ошибку, совершенную Сулейманом, который позволил себе жестоко преследовать кайситов. Во всяком случае, когда Омар сменил Язида ибн Мухаллаба с хорасанского наместничества, наказывая по заслугам этого великого расточителя государственных сумм, он не выдал его личным врагам на поругание и пытку. Нисколько не желал новый халиф выступать отъявленным врагом йеменцев, так что вверил, например, способному Самаху важный пост наместника в Испании. К сожалению, вследствие своего преобладающего благочестивого настроения все, касавшееся области политической проницательности, оставалось для него как бы замкнутым. И если нельзя оспаривать, что некоторые из его распоряжений оказали делу ислама важные услуги, зато почти все остальное, что только он ни делал, клонилось лишь к тому, чтобы расшатать в корне владычество арабов, царство которых стало, в общем, неоспоримо мирским. Недаром же римляне, самый опытный народ в делах широкой политики, считали основным положением, что каждое государство может быть поддерживаемо теми лишь средствами, которыми пользовалось с начала своего существования. Омар же захотел заменить самые существенные основы управления преемников муавии сентенциями, понадерганными им из корана и преданий. И если бы еще это в сущности похвальное намерение применяемо было осторожно к делу, с по- ниманием истинного смысла существовавших тогда обстоятельств! Но набожный халиф так зарылся в излюбленных изречениях окружающих его ортодоксов, что ни разу не подумал о необходимости проведения в этот греховный мир руководящих идей корана хотя бы с некоторой рассудительностью. По его безыскусной логике выходило так: Богу угодно, а потому и следует этого же самого добиваться. А как желательно было Богу, чтобы был управляем халифат, показал Он правоверным слишком осязательно, когда через посредство рабов своих, Абу Бекра и Омара, подчинил исламу сначала взбунтовавшихся арабов, а вслед затем всю Персию, Сирию и Египет. Идеалом халифа, стало быть, сделалось чисто рабское подражание организации, которую даровал государству первый Омар, а недостойные его преемники исказили в

главнейших ее чертах нечестивыми своими изменениями. Если вспомнить, однако, что все эти отмены нисколько не зависели от личного произвола, а вызваны были настоятельной силой обстоятельств, легко будет понять, что старинные законоположения подходили к государственному устройству Абд аль-Мелика и Хаджжад-жа все равно как корове седло. Но ни одной искоркой подобного сознания не освещалась, понятно, трогательно набожная уверенность этого странного человека. Вот и обнародовал он вскоре после своего вступления на трон приказ об отмене введенного при Хаджжадже предписания, по которому вновь принимавшие ислам союзники обязаны были уплачивать казне по-прежнему подушный налог. Снова иноверцам становилось теперь весьма выгодно переходить в ислам, и набожный халиф, организовавший одновременно по всем провинциям бойкую миссионерскую пропаганду, мог духовно возликовать при виде возраставшего числа правоверных и на востоке и на западе; в самый короткий срок прибыло мусульман миллионы. Сперва было это, конечно, не искреннее по большей части обращение; но не следует упускать из виду, что вероотступничество наказывалось по первоначальным мухаммеданским законам смертью, поэтому раз примкнувшим к корану отрезывалось всякое отступление. Таким образом, через два поколения, во всяком случае, все новообращенные становились настоящими муслимами, поэтому перевес исповедников Аллаха над иноверцами благодаря эдикту Омара действительно значительно стал преобладать, а попутно государственная касса страшно пустела. Второе новое распоряжение еще значительнее увеличило недобор. Однако даже и сам Омар понял, что восстановление старинного запрещения правоверным владеть недвижимым имуществом ныне невозможно, по форме по крайней мере, ибо нельзя же было потребовать земли назад от всех владевших в провинциях уже более 70 лет имениями. Осуществление такой меры по многим причинам было немыслимо; вот почему к этому в высшей степени опасному эксперименту даже и не приступали. Между тем постановлено было все-таки, начиная с 100 (718/19), воспретить мусульманам всякую дальнейшую покупку земель. При этом ортодоксальному халифу показалось необходимым отменить непристойное в его глазах равенство перед законом правоверных и союзников, и он повелел отныне не взимать более хараджа с имуществ, все же неправильно приобретенных прежде мусульманами, а обложить их значительно меньшей десятиной с доходов. Это произвело, несомненно, еще большее умаление государственных доходов и было, кроме того, в высшей степени непрактично, даровав характер ненавистной привилегии имущим по отношению к тем, кто никогда не обладал имуществом. Что же касается некоторого вознаграждения последних упорядочением системы распределения годового дохода, оно не имело существенного значения, ибо это содержание было относительно невелико, хотя стоило правлению громадных сумм, принимая во внимание массы новообращенных. Ко всем этим мероприятиям, страшно истощавшим общественную кассу, присоединялось еще новое повеление, хотя и продиктованное человеколюбивым побуждением, но оказавшееся в высшей степени безумным. Предписывалось все суммы, оказавшиеся излишними, незаконными поборами с подданных, возвращать потерпевшим. Случались ли отдельные применения закона на практике, нам неизвестно, одно можно заметить, что едва ли могло бы прийти в голову самому бесчестному чиновнику лучшее средство для безнаказанного грабежа общественных касс.

Нетрудно, кажется, понять, что многие из этих распоряжений возбудили неудовольствие в широких слоях, а каждое отдельно и в совокупности должны были повести к полнейшему упадку финансов. И действительно, каким-то чудом стали исчезать государственные суммы. Так, например, до нас дошло, что податные доходы Ирака сразу упали, так что эта богатейшая провинция не была более в состоянии покрывать расходов на собственное управление и потребовались на этот предмет добавочные суммы из государственной казны в Дамаске. При подобном ведении дел и та вскоре опустела. Между тем наступила неотложная потребность в деньгах, приведшая к самым гибельным последствиям, о чем будет сказано ниже.

Пожалуй, еще грознее для существования династии было ослабление строгости в управлении, сдерживавшей доселе различные религиозные и национальные противогосударственные стремления. Что делать! Существовал неопровержимый факт, что сабля представляла необычайно острое доказательство, когда приходилось убеждать отщепенцев. Не следует поэтому добродетельно громить Хаджжаджа и его приверженцев за то, что они так часто прибегали к этому всеразрешающему способу. Оно и поныне обычно на Востоке, да и у нас долгое время повсеместно пускалось в ход. К сожалению только, все представители подобного воззрения упускают из виду одно, что идеи невещественны и голову им снести невозможно. Добились правоверные властелины одного, что никто более уже не осмеливался громко исповедовать мысль о верховной власти общины, никто также публично не признавал более себя защитником прав Алидов* на халифат. Но идеи не вымерли, пока еще в демократических слоях Ирака тлелась искорка старинного гордого арабского духа, а у персов коренилось еще национальное нерасположение к чуждым

* Потомков Алия.

им завоевателям. И вот, едва только успел ослабнуть тяжелый гнет, сдерживавший в покое до кончины Валида хари-джитов и шиитов, обе партии почти одновременно подняли снова головы. Уже при Сулеймане начало подготовляться брожение в различных местах. Его наместник в восточных областях, Язид Ибн Мухаллаб, был слишком аристократичен, чтобы пускать в ход бывшие в моде

при Хаджжадже мелочные полицейские меры, а при Омаре старинная строгость не имела уже более места. Неудивительно поэтому, что в 100 (718) появился в Ираке, на восток от Тигра, человек по имени Вистам, другие называют его Шаузеб, и стал снова проповедовать учение о несуществовании иного решения вне Божеского. Набожный Омар нарочито писал к своему наместнику в Куфе, чтобы он не трогал проповедника, пока тот не прольет крови. Новому харид-житу в короткое время удалось собрать множество приверженцев, неоднократно разбивал он высылаемые теперь против него войска. Только при вступлении на трон Язида и удалось рассеять мятежников (101=720) и восстановить на некоторое время спокойствие в Ираке.

Осторожнее хариджитов держались, и тем более были опасными, алиды. С тех пор как палачи Мус'аба постарались жесточайшим образом выбить из голов шиитов их ошибочную мысль, будто бы было возможно на место арабского владычества Омайядов воздвигнуть новое персидское государство под знаменами Алия, секта прикинулась мертвой. Лишь там и сям попадались изредка слишком убежденные люди, которые отказывались от проклятия памяти Алия, требуемого настоятельно Хаджжаджем от некоторых наиболее подозрительных шиитов. За это заплатили эти несчастные жизнью, а остальные стали еще боязливее и сосредоточенней. Тем не менее по всем восточным провинциям мало-помалу стал разветвляться тайный союз всех тех, кои взирали с благоговением на дом Алия как на единственное прибежище веры и единственную надежду на освобождение из-под арабского ига. Кое-где в незначительной какой-нибудь деревеньке, поблизости священных городов Мекки, Медины либо Кербелы проживали в полной безопасности внуки, а то и правнуки боготворимого зятя пророка, на которых по предначертанию Аллаха перешло наследие сана имама, истинного духовного главы. Одному Господу Богу была, вероятно, известна личность избранника, равно день и час, когда он выступит из непроницаемой для человеческого глаза сокровенности в качестве Махдия*, призванного для восстановления царства Божия на земле. А пока достаточно было пребывать в твердой уверенности, что к тому времени чистое учение непрестанно будет распространяться в тиши и в день освобождения верный народ воспрянет и одним ударом истребит безбожных. Таинственный мрак, в котором скрывались руководители движения, только подстрекал еще пуще романтические головы арабских шиитов, особенно же сильно воздействовал на персов индо-германского происхождения, исстари пропитанных в большинстве мистическими грезами. Быть может, сами алиды имели весьма слабое и неясное представление об объеме и значении пропаганды. Без сомнения, встречались между ними и настоящие заправилы движения, поддерживавшие связь с одной из личностей семьи пророка, которую готовились поставить во главе предприятия, когда наступит подходящее время для открытого восстания. Сомнительно, однако, чтобы алиды держали когда-либо в руках все нити тайного союза. Казалось, что та нерешительность, тот недостаток политической прозорливости, которые погубили Алия и его сыновей, унаследованы были и их потомками. Насколько плодовито было по внешности их поколение — у Алия было детей 31 человек, а его потомки продолжали размножаться в подобных же размерах, — настолько же ощущался исконный их недостаток в выдающихся личностях. Притязания на почитание правоверными семьи не были ими ни разу, правда, выпущены из рук. Но лишь только наступал в течение десятилетий благоприятный момент, представлявший для смелой и сильной личности повод к решительным действиям, обыкновенно не находилось никого среди них, кто бы сумел им воспользоваться. Если же

* Аль-Махдий — покровительствуемый (Богом).

какой-либо из необычайно отважных алидов и решался, то это происходило постоянно в самое неподходящее время. Таким образом, за редкими исключениями, история этой семьи почти во все эпохи представляет печальное зрелище пропущенных моментов и бесцельных восстаний, бесполезного пролития крови, сопровождаемого глубоко проникающим потрясением всего исламского мира. Несчастный род! Самым выдающимся его делом, казалось, было послужить вывеской лет двести спустя для одного дерзкого искателя приключений. Прикрываясь шиитизмом, ему посчастливилось смастерить один из удачнейших обманов, когда-либо совершавшихся во всемирной истории. Таковы были люди, в пользу которых со времени перемены духа управления еще ревностнее стало выказываться влечение многих в восточных провинциях. Поистине трудно было придумать более странную и вредную для выгод династии выходку, чем та, какую добродушно набожное настроение Омара II изобрело: он распорядился в 99 (717—718) прекратить везде во время пятничного богослужения обычное проклятие Алия с кафедры. Очень понятно, что шииты отныне стали открыто исповедовать почитание своих святых; а по сложившимся тогда обстоятельствам это сопровождалось, само собой, и отрицанием власти Омейядов. Дальнейшие объяснения, кажется, излишни для того, чтобы понять, какой ущерб нанесен был уважению к династии благодаря этому повелению и вообще чрезмерному пристрастию, не раз выказываемому Омаром к алидам; для тех же, кто прилагал все старания к распространению учения шиитов, задача была значительно облегчена. Всего гибельнее оказалось для дома Абд аль-Мелика то обстоятельство, что в эту самую пору возник кружок прозорливых и не особенно добросовестных личностей, сумевших воспользоваться для своих целей существующей тайной организацией; эти лица вдохнули в шиитов непоколебимую энергию, чего именно и недоставало у потомков Алия. Мы уже ранее упоминали, что Аббасу (т. I), этому дальновидному и осторожному дяде пророка, посчастливилось передать своим потомкам весь свой своеобразный склад ума. Сын его, Абдулла, находился в пер- вую междоусобную

войну на стороне Алия. Когда же дела этого халифа ухудшились, Абдулла удалился в Мекку, а затем в Таиф, но не забыл при этом захватить с собой из бывшего своего наместничества Басры и государственную казну. Впоследствии он успел помириться с Омейядами и с жаром набросился на теологию. Он был первый богослов, подготовивший систематический материал для объяснения корана, и пользовался у современников великим личным почетом. Жаль только, что, гоняясь за славой, он возомнил, будто все ему доступно. Вот почему для многих трудных мест священной книги, самому ему непонятных, он придумал непозволительно сумасбродные объяснения, с которыми и до сих пор приходится поневоле считаться. Сын Абдуллы, Алий, выставлял напоказ в Дамаске и других местностях доходящую до пределов невероятия набожность; собственно говоря, он проводил на молитве целый день. Это нисколько не мешало ему, однако, подкапываться тишком под Омейядов. Но Валид не любил шутить; между ними возник открытый разлад, кончившийся для неосторожного высылкой из столицы. Изгнанник переселился в маленькое местечко, на юг от Мертвого моря. Именно здесь, по позднейшим преданиям, во времена халифа Сулеймана Абдулла, сын Мухаммеда ибн аль-Ханафия, — стало быть, внук халифа Алия — торжественно передал свои и своего дома права на имамат Мухаммеду, сыну этого Алия аббасида. Все это, понятно, лишь измышление аббасидских придворных историографов с целью убедить почтеннейшую публику в несомненном праве своих господ восседать на халифском престоле. Истинным остается только одно, что именно этот самый Мухаммед, отец родившегося в 104 (722) первого халифа аббасидов Саффаха, напал на благую мысль воспользоваться для своей семьи великим личным влиянием али-дов. С этой целью он добился соглашения между обеими ветвями семьи пророка, но аббасиды, разумеется, поступали так с предвзятой мыслью. Они задумали оттеснить потомков Алия, как только падет владычество Омейядов, дабы самим овладеть освободившимся наследием посланника Божия. Аббас и его сыновья, пользуясь всевозможными обстоятельствами, сумели скопить громадные суммы, меж тем как алиды были сущими младенцами в деле накопления богатств; им и показалось выгодным согласиться на предлагаемый договор. С тончайшим поистине коварством сумели аббасиды устроить так, что вновь открытая общая пропаганда приняла девизом неопределенно широкую формулу «владычества для семьи пророка». Таким образом, везде стали тайно вербовать прозелитов для хашимитов, т. е. потомков предка пророка Хашима: шииты, само собой, продолжали под этим понимать алидов, а аббасиды работали, собственно, для себя. Таким образом, пока шиитское ожидание переворота, а затем и стремление к нему все более и более распространялись тайком во всех их кружках, тем временем из года в год рыскали посланцы аббасидов по всему Востоку. Под купеческой или другой подходящей личиной проникали они и в кружки не шиитов, сея повсюду недовольство; особенно хлопотали эти люди о том, чтобы не прекращались раздоры между арабами северянами и южанами, по преимуществу же среди племен Мудар и Раби'а. С течением времени благодаря своим вероломным происками посланцы эти успели вооружить против существующего правительства не только персидское население, но и большую часть арабских гарнизонов, примиряя их постепенно с мыслью о необходимости перемены династии.

Все это находилось, конечно, пока еще в зачаточном состоянии, когда после преждевременной смерти Омара* и кратковременного управления Язида II вступил на престол четвертый сын Абд аль-Мелика Хишам (105—125=724— 743). Властелин одинакового пошиба со своим отцом, он не преминул укротить усилившуюся распущенность, исправить последствия неподходящих мероприятий Ома-

* Разумеется, его преемника Язида обвинили в отравлении. Омейяды имели полное право быть недовольными Омаром: все, что он ни делал, подкапывало власть династии. Но с другой стороны, все вообще, что известно об Язиде II, этом милом, легкомысленном, беспечном человеке, не дает никакого повода признавать его ни с того ни с сего за отравителя. Весьма возможно, что Омар погиб неестественной смертью. Между Омейядами было много способных на подобное деяние.

ра II и, что важнее всего, прекратить расхищение государственных сумм, растрачиваемых одним халифом на богоугодные дела, а Язидом — на развлечения. Тотчас же в 105 (724) он назначил Халида Ибн Абдуллу Аль-Касрия наместником Ирака. Хотя это был йеменец, но по способу управления мало чем отличался от кайсита Хаджжаджа. В течение 14 лет он успел совершить трудный подвиг, сохраняя все время внутреннее спокойствие в этой непокорной провинции. Менее счастлив был выбор халифом наместников на дальний восток. Ни брат Халида, Асад, ни его преемник не смогли бороться одновременно с мятежными тюркскими племенами, с раздорами среди арабских неприязненных племен и одновременно успешно следить за аббасид-скими соглядатаями. Без перерыва вспыхивали бунты, велись открытые войны, а между тем хашимитская пропаганда продолжала успешно свою подпольную работу. В то время как здесь почти без исключения назначались наместниками йеменцы, так точно с 110 (728) наступило в Африке правление кайситов. Из этого видно, что Хишам усвоил правильную точку зрения, стараясь восстановить равновесие между обеими партиями. Одного только различия склада ума своих восточных и западных подданных, к сожалению, он не принял в расчет. Для Персии потребен был деспотический образ управления, другого от начала ее исторического существования и не бывало, а свободолюбивые и демократические берберы требовали внимательного и снисходительного обращения с собой. Между тем существовало значительное различие в образе управления йеменцев и способе действия кайситов. Первые, подобно семье Мухаллаба, знатные, щедрые и сравнительно мягкие, бывали нередко нерадивы, беспечны и расточительны. Кайситы же, наоборот, старались, подобно Хаджжаджу, строгостью, доходящей до жестокости, восстановлять везде внешний порядок и его

поддерживать; особенно любили они беспощадно выжимать налоги. Первые становились популярными, последних боялись. Все шло бы еще сносно, если бы предоставить управление берберами кельбитам, а восточными провинциями — кайситам. Хишам сделал как раз наоборот: сыновей Касрия послал в Ирак и Хорасан, а Убейду ибн Абдуррахмана, северянина из племени Сулейм, к берберам. И выходило, что, за исключением Халида, ни один йеменец не оказывал влияния на персов, а Убейда в Кайруване очутился именно не на своем месте. Не довольствуясь своим необычно грубым обхождением с берберами, он стал с первого почина дурно обходиться и с кельби-тами. Таким образом, в арабском населении Африки, и без того не особенно многочисленном, был вызван раскол, который, во всяком случае, послужил ко вреду безусловно необходимого завоевателям обаяния. Во всяком случае, Убейда был удален в конце концов вследствие возникших громких жалоб со стороны обиженной партии, но его заменил опять кайсит, Убейдулла ибн Хабхаб (116=734). Была это в своем роде весьма почтенная личность и притом человек энергический. На ином поле деятельности его солидные качества ручались, несомненно, за блестящий успех. Хотя он положил конец злобному преследованию йеменцев, но с берберами стал поступать еще жестче; особенно упорствовал наместник в выжимании с них обильных податей.

Побуждали его к этому также и чрезмерные требования Хишама, вечно напоминавшего наместнику о высылке новых денег в столицу. У этого халифа дарования правителя, передают современники, портила чрезмерная скупость; в преданиях сохранились о ней презабавные образчики. Однажды, рассказывают, получил он от своего сына Сулеймана записку с просьбой заменить ставшего негодным лошака другим животным под верх. Хишам положил следующую резолюцию: «Повелитель правоверных осведомлен из твоего письма об упоминаемой в нем слабости твоего животного, но он полагает, что это случилось от недостаточного присмотра твоего за кормлением, вследствие чего и произошла незаконная растрата фуража. Пожалуйста, присматривай сам, может быть, тогда повелитель правоверных и сделает что-нибудь для твоей обстановки». Быть может, главной побудительной причиной скупости халифа была настоятельная потребность в мудрой бережливости. Расшатанные вследствие превратных распоряжений Омара и беспорядочного хозяйствования Язида II финансы требовали особенного внимания, тем более что бунты и войны, опустошавшие восток, поглощали почти все текущие средства и, вероятно, даже требовали значительных сверхсметных сумм. Как бы там ни было, государственная касса требовала от областей почти невозможного, и весьма вероятно, что денежные соображения имели главное решающее влияние в деле назначения кайситов на запад. Все же мероприятие это оказалось на деле в высшей степени роковым. Следует заметить, что миссионерские стремления Омара II встретили особенно блестящий успех среди берберов. Между тем новое правление потребовало теперь, опираясь на известное предписание Хаджжаджа, от новообращенных уплату поголовной подати, которую, собственно, по общим государственным законам следовало взимать лишь с иудеев и христиан. Не довольствуясь этим, поставленные кайситами должностные лица начинают производить всевозможного рода вымогательства, и самого вдобавок ненавистного свойства. Можно себе представить, как глубоко были возмущены африканские племена, привыкшие к гордой независимости, когда их стали понуждать для подарков влиятельным лицам в столице доставлять прекраснейших дочерей и отбирали из их стад лучшие образцы животных. Глухое ожесточение охватило сразу весь народ, а с ним вместе, по роковому стечению обстоятельств, началась и религиозная агитация. Словно по заказу сложилась она как раз под стать характерным особенностям нации, хотя, собственно говоря, была естественным продуктом всей истории омейядско-го халифата. Более 30 лет уже прошло, как началось преследование хариджитов. Словно за дикими зверьми гонялись за ними по всем восточным и центральным провинциям государства. Арабы нисколько не походили на персов. Секта почти исключительно вербовалась из рядов свободомыслящих бедуинов; не по ее характеру, да и бесполезны были эти деятели, молчаливо подстерегающие, копошащиеся по извилистым подземным путям тайных обществ. Поэтому всякий, кому неохота было, стиснув зубы, принижаться, должен был бежать на границы государства, а там, среди сражающихся с неверными войск ислама, не столько требовался катехизис, сколько искусство ловкого владения саблей. Вот почему и в северной Африке встречалось немало хариджитов, а гордое, свободное учение о верховенстве общины как раз подходило к демократическому самочувствию берберских племен. С поражающей быстротой учение хариджитов распространилось по всей стране, а с ним и мятежный дух против правительства, образ действий которого слишком ярко согласовался с нечестивостью его происхождения. Начались вскоре волнения, вспыхивали маленькие восстания, прежде всего в тех местностях, где сборщики податей вели себя чересчур без стеснений. Их, разумеется, подавляли, и Ибн Хабхаб нисколько не подозревал, что стоит на вулкане. В 122 (740) предпринята была большая экспедиция в Сицилию под предводительством Хабиба, внука знаменитого Укбы. Не раз и ранее этого мусульманскому флоту удавалось грабить на остро.ве, а теперь предполагалось совершить более основательный набег. Но едва войска удалились в поход, как вспыхнуло возмущение на крайнем западе, с необычайной быстротой охватившее одно племя за другим. Ибн Хабхаб послал сына Хабиба, Халида, со всеми находившимися под рукой войсками в Тангер, но численность отряда оказалась слишком недостаточной. В неравной борьбе пал Халид со множеством храбрейших и наиболее именитых предводителей. Возмущение беспрепятственно распространилось до Тлемсана. Здесь остановлено было оно на время подоспевшими из Сицилии обратно войсками Хабиба. На протяжении всего пространства,

занимаемого ныне империей Марокко, берберы уже не признавали более власти арабов; отрезана была также от остальных частей государства и Испания. Там по-прежнему продолжались раздоры между арабами и берберами и все более дело клонилось к наступлению нового вооруженного столкновения. Всем этим поторопились воспользоваться немедленно влиятельнейшие люди этой отдаленной страны. Ухватившись за благовидный предлог тяжкой болезни наместника, действительно вскоре скончавшегося, они выбрали на его место из своей среды старца Абд аль-Мелика ибн Катана. Отныне продолжал он управлять именем Хи-шама, а на самом деле вполне независимо (123=741).

Когда вести о происшедшем пришли к Хишаму, он сразу понял, что следует напрячь все силы, дабы не потерять сразу совокупности владений на западе. Он направил 27 тыс. отборных сирийских войск* прямо в Кайруван, к ним по пути примкнули в Египте еще 3 тыс. Столько же приблизительно оставалось еще и в Африке**, поэтому, казалось, армия была достаточно пополнена на всякий возможный случай. Но новые усложнения показали, что даже для энергии подобного Хишаму правителя бьшо не под силу побудить к единодушному действию все противоположные партии, сталкивавшиеся во внутренней жизни халифата. Рядом с кельбитами и менее многочисленными кайситами в старинных гарнизонах Африки и Испании находилось почти столько же лиц мединского происхождения. Со времени катастрофы 63 г. сыновья бывших союзников Мухаммеда (ансары, I т.) бежали толпами на запад. Здесь, при снисходительном управлении йеменских наместников, они могли избегнуть тех обид, коими грозил им Хаджжадж и его клевреты. С тех пор прошло 60 лет, они значительно размножились и представляли собой часть арабского элемента жителей, с которой необходимо бьшо считаться. Прибытие огромного войска, составленного исключительно из сирийцев, потомков тех, которые некогда так бесчеловечно хозяйничали в их давнем отечестве, ожесточенная злоба против которых и до сих пор не угасала в их сердцах, весьма понятно, должно бьшо их раздражать. Со своей стороны и сирийцы вступили во второй половине 123 (741) на африканскую почву с нисколько не скрываемым презрением к туземному гарнизону. Полуди-

* По другим же известиям, только 12 тыс.; но так как все источники принимают совокупность войска в 30 тыс. и едва ли можно допустить, чтобы в Египте, Барке и Триполисе нашлось свободных сил 18 тыс. для службы вне страны, то я предпочитаю число, приводимое в тексте (Dozy. Histoire des Musulmans d'Espagne[2] I.,244; Fournel. Les Berbers, 1,291).

** Общее количество в 7 тыс. (Fournel и др.) несомненно преувеличено. Едва ли можно было собрать и на всем западе 40 тыс. после поражения Халида.

кие, презренные берберы, и те их победили — вот и приходится, чтобы поправить дело, тянуться в провинцию самой гвардии повелителя правоверных, ворчали они. На место попавшего в немилость Ибн Хабхаба назначен был наместником всей провинции и главнокомандующим войск тоже, конечно, кайсит, Кулсум ибн Ияд. Был он старый, испытанный воин, к тому же считался человеком весьма рассудительным. Племянник же его, Балдж, уполномоченный в случае смерти главнокомандующего занять его пост, и теперь уже довольно самостоятельно командовал авангардом. При неоспоримой храбрости помощник военачальника отличался необдуманностью и надменностью, что еще более раздувало заносчивость сирийцев и повело вскоре к раздорам в африканском лагере. На первых порах Кулсум поселился в Кайруване и выслал Балджа с частью войск на соединение с Хабибом, остававшимся все время в Тлемсане. Вскоре затем получено бьшо от последнего послание к наместнику, преисполненное горькими жалобами на грубость и заносчивость сирийцев; со дня на день можно бьшо ждать в армии серьезных беспорядков. Сам Кулсум отправился теперь к войску. К сожалению, он поверил наговорам племянника на Хабиба, дошло дело до взаимных ругательств, чуть не превратившихся в открытую схватку обоих отрядов. Напутствуемая такими печальными предзнаменованиями, двинулась огромная армия, какую доселе Африка еще ни разу не видала, в глубь взбунтовавшейся страны. Берберы дозволили арабам двигаться беспрепятственно далеко на запад, до долины реки Себу. Здесь берберы обступили армию со всех сторон. Знакомый со страной и жителями Хабиб вместе с другими советовал окопаться; берберам пришлось бы тогда пробивать безуспешно стены головой. Балдж и тут оказался, понятно, всех рассудительней. С презрением отнесся он к такому бабьему ведению войны. Берберы казались ему сволочью, плохо вооруженной, полураздетой, с которой расправиться было легко одним натиском. Мятежники в самом деле не щеголяли одеждой, и вооружение их могло бы быть гораздо лучше, но их было столько же, сколько песку на берегу морском, и воодушевлены были они отчаянной отвагой, подстрекаемые свободолюбием, религиозным фанатизмом и ненавистью к притеснителям. Не забывший еще своего горячего спора с Хабибом Кулсум и здесь совершил последнюю глупость, отняв у него команду над африканскими войсками и поручив ее нескольким сирийским офицерам, чуждым, а отчасти и неприятным местным солдатам. Сражение началось наобум; вперед сунулся, понятно, опрометчивый Балдж во главе сирийской кавалерии. Оказалось, не так-то легко было смять берберов; только после вторичной атаки удалось ему прорвать ряды неприятеля. Вслед за устремлявшейся все далее конницей брешь мгновенно замыкалась в этой необозримой толпе мятежников; а когда кавалерия вздумала повернуть назад, она была отрезана от своей пехоты плотной массой неприятелей, рассеять которую более уже не было никакой возможности. Между тем тысяча за тысячей полезли на арабскую пехоту, напирая всеразрушающей своей тяжестью. Отделы африканские, сражавшиеся вяло, были отброшены и обращены в бегство, а стойко бившихся сирийцев буквально задавили. Тут же на месте легла костьми треть могучего войска. Кулсум и другие сирийские военачальники вместе с оставшимся верным Хабибом пали геройской

смертью, другая треть взята была в полон. Это было величайшее поражение изо всех когда-либо нанесенных иноверцами арабам. Повлекло оно за собой наибольшие бедствия и потому еще, что после случившегося под стенами Константинополя и Пуатье было это третье счетом, в котором Омей-яды терпели поражение от внешнего врага: к тому же оно произвело в рядах верных сирийских войск, единственной, можно сказать, силы династии, страшные опустошения.

По двум противоположным направлениям бежали избегнувшие смерти и плена. Пехотинцы, большей частью африканское войско, устремились к Кайрувану, валы которого предоставляли им временное убежище. Балдж со своей сирийской конницей бросился вперед через неприятельскую страну к морю, так как победитель отрезал ему путь к отступлению. Ему удалось укрыться в Цеуте и под защитой стен маленькой крепости отбивать атаки берберов. Когда же они поняли, что силой ничего нельзя сделать, то обложили кругом город и выжидали терпеливо, когда голод принудит арабов сдаться. Тщетно посылал Балдж посла за послом к наместнику Испании Абд аль-Мелику ибн Ката-ну, прося о присылке кораблей для переправы чрез пролив. Недаром наместник был по происхождению ансар. Тому назад 58 лет был он еще юношей, когда пришлось ему биться с сирийцами при Харре; своими собственными глазами лицезрел он опустошение Медины и все зверства, совершенные победителями. Теперь пробил час возмездия и для сирийцев; он наотрез отказал спасать от голодной смерти запершихся в Цеуте. Между тем берберы постарались разослать всюду гонцов с известием о своей великой победе; их испанские земляки тоже приободрились и заволновались: несколько позже и они восстали против своих неудобных господ. И здесь арабы оказались в меньшинстве. В короткое время их стали теснить, разбивать, прогонять; и Абд Аль-Мелик, несмотря на всю свою глубокую ненависть к сирийцам, вынужден был наконец перевезти Балджа со всеми его войсками ради спасения арабского владычества на полуострове. Действительно, совокупными силами удалось теперь осилить берберов. Но тотчас же после победы возгорелась новая междоусобная война между сирийцами и ансарами; в ней погибли сначала Абд аль-Мелик, а затем и Балдж (124=742), но в конце концов сирийцы одержали верх и стали жестоко хозяйничать в несчастной стране.

Поистине задача, перед которой внезапно очутился кельбит Ханзала Ибн Сафван, оказывалась почти невыполнимой. Разуверившись окончательно в пригодности кайси-тов в Африке, Хишам назначил его наместником в Кайруван (Раби II 124=февраль, март 742). Военачальник доказал, однако, что умеет стать на высоте положения. Две большие армии берберов надвигались с запада, когда он принял начальство. Неприятель собирался уже соединить силы своих отделов под стенами города. Ханзала задержал обоих предводителей на расстоянии дневного перехода от ворот города, завязав с ними переговоры, а сам между тем напал внезапно на слабейший из отрядов и рассеял его. Много труднее было сломить несколько позднее другую часть неприятельского войска, но арабам приходилось отстаивать свое существование; в случае поражения Кайруван не мог выдержать осады. Все население вооружилось. Наступил самый упорный из всех происходивших в Африке боев у деревни Аснам, в расстоянии не более мили от Кайрувана. Он кончился решительной победой Ханзалы, и власть наместника на некоторое время упрочилась в Африке (середина 124=742). Подобный оборот дел должен был повлиять и на Испанию. Тем более невыносимой становилась продолжавшаяся там междоусобная война, что с самого начала восстания берберов зашевелились также и христиане Астурии. Благоразумные люди обеих партий обратились по собственному почину к Ханзале, и в 125 (743) мог уже посланный им подчиненный наместник, тоже кельбит, Абу'ль Хаттар, переправившись через пролив, совершить торжественный свой въезд в Кордову. Его справедливое и умеренное отношение ко всем партиям и здесь дало возможность установиться на некоторое время сносному положению вещей.

Подобно тому, как на западе кайситы, так же точно и йеменцы на востоке наконец надоели Хишаму. Хорасан все еще не успокоился даже на время, и в самом Ираке не мог Халид сдерживать долее порядка. В различных местах вспыхнул в 119 (737) целый ряд возмущений хариджитов. Халифу показалось, что наместник не достаточно энергически поступает при усмирении их, а потому он был смещен и снова восток перешел к кайситам. Наср ибн Сейяр (120=738), получивший Хорасан, выказал действительно старинные племенные доблести: соединяя целесообразную энергию с мягкостью, он сумел поставить дело так, что не только арабы, но и турки снова подчинились и повиновались временно правительству. К сожалению, нуждаясь в надежных лицах, наместник вынужден был заместить все высшие посты своими единоплеменниками, мударитами, что сильно не понравилось не только йеменцам, привыкшим доселе везде выступать впереди, но и северянам из племени Раби'а. Так и осталась по-прежнему непогашенной старинная рознь, готовая снова при первом благоприятном случае пробиться наружу. Все же и здесь кое-что было достигнуто, внешнее спокойствие, по крайней мере, было восстановлено. То же самое совершено было и в Ираке в 120 (738) вновь назначенным наместником, кайситом Юсуфом ибн Омаром. Необдуманный и, во всяком случае, не широко еще распространенный заговор одного алида по имени Зейд ибн Алия, внука Хусейна, был подавлен (122=740) без особых усилий, а претендент умерщвлен. Таким образом, на 19-м году постоянной борьбы Хишам успел наконец отвоевать себе относительное спокойствие. Незадолго перед наступающей смертью, когда даже Испания подчинилась наместнику халифа, опять все обширное государство воссоединилось под скипетром Омейядов.

Недолговечно было, однако, это единство. Сдерживаемые доселе твердой рукой Хишама кайситы при вступлении на трон Валида II (125=743) сразу же набросились на йеменцев, а те в свою очередь

ответили им умерщвлением халифа (126=744). Этим злодеянием подан был всем партиям по провинциям сигнал к беспощадному истреблению друг друга. Поставленный йеменцами Язид III почти нигде не был признан. Кайсит Абдуррахман, горя местью к Омей-ядам за дурное обращение и смерть отца своего Хабиба, восстал в Африке в 127 (745). Смелым налетом выгнал он старого Ханзалу из Кайрувана, затем продолжал неустанную борьбу с берберами и арабами, пока постепенно не овладел всей провинцией. В том же году, благодаря неосторожности Абу'ль Хаттара, возгорелась и в Испании междоусобная война между арабами севера и юга. Так как конец ее наступил спустя долгое время после продолжительного отделения провинции от халифата, мы отнесли ее к последней части нашего сочинения, в которой рассказана будет история самостоятельного развития арабского халифата на полуострове. Здесь достаточно будет только отметить, что начиная с 127 (745) и далее авторитет халифа не признаваем был более в землях за Триполи. Со времени сражения на Луговине (64=684), т. е. более чем 50 лет, в Сирии никто и не помышлял восставать против дома Омейи: теперь же отовсюду проносились клики: «держись, кайсит, прочь кельбита!». Снова двинулись от Химса оседлые в северной Сирии кайситы и обложили столицу. Недолго пришлось защищаться Язиду III (126=744) со своими йеменцами. Уже подходил с северо-востока Мерван Ибн Мухаммед, наместник Армении и Азербайджана, со значительным войском: оно росло по пути, кайситы примыкали к нему отовсюду толпами. Внук Мервана I, двоюродный брат Хи-шама, он управлял северными провинциями с 114 (732). Приходясь племянником Абд аль-Мелику и двоюродным братом четырем следующим халифам, он глядел спокойно до сих пор на чередование предыдущих властелинов. Теперь же наместник счел своей обязанностью устранением узурпатора восстановить единство дома Омейи, дерзновенно попранное через умерщвление Валида II. Но прежде чем он успел достичь пределов Сирии, Язид уже скончался (к концу 12б=осень 744), оставляя престол брату своему, Ибрахиму. Ни Мерван, ни кайситы, понятно, не захотели признать его. Химс снова заволновался. В 127 (конец 744) 80 тыс. приверженцев Мервана выстроились перед 120 тыс. йеменцев, занявших позицию у Айн Аль-Джарр, между Ливаном и Антиливаном, прикрывая собой столицу. Несмотря на значительный перевес предводимых сыном Хишама, Сулейманом, полчищ южан, Мерван одержал решительную победу благодаря несравненной стойкости своих солдат, а отчасти также неожиданному маневру посланной в обход неприятеля конницы (7 Сафар 127=18 ноября 744). Путь к Дамаску был очищен. Вскоре затем, когда слабодушного Ибрахима успели убедить отречься от престола, Мерван принял присягу жителей столицы (127—132=744—750).

Мерван II имел по всей справедливости полное право занять в ряду дамасских халифов место последнего из них. Хотя ему удалось, в сущности, разыгрывать роль властелина лишь в незначительной только части государства, но он держался своего титула с замечательной энергией и упрямством, даровавшими ему прозвание «аль-химар» — осел*. Поч-

* Ср. образное представление того же уподобления по отношению Аякса Теламона, Илиада XI, 558.

ти шесть лет подряд боролся он во всевозможных концах государства с каждым вновь появляющимся неприятелем, и его отважная настойчивость достойна во всяком случае величайшей похвалы. Нашелся же наконец после ряда глупых и порочных ребят хоть один поистине человек, и династия Омейядов угасла, преследуемая несчастьем, но с почетом. Спасти ее не было уже никакой возможности, как только силы отчизны раздвоились в кровопролитной междоусобной войне. После того как силы йеменцев были временно сломлены, стали вспыхивать одно за другим восстания хариджи-тов и алидов. Ни на минуту не было Мервану покоя, а в беспрерывной борьбе мало-помалу изнемогли и его кайситы. Бесполезно описывать подробности каждой отдельной войны; достаточно наметить главнейшие события по порядку, со времени вступления Мервана в Дамаск в 127 (745), для характеристики тогдашнего положения государства. Испания и Африка были уже окончательно потеряны. В Сирии восстали жители Химса, окрестные йеменцы осадили Дамаск, в Палестине вспыхнуло возмущение, в Киннесрине взбунтовался Сулейман Ибн Хишам, Тадмор (Пальмира) тоже оказывал неповиновение, в Ираке возникли раздоры между племенами йеменцев, Мудар и Раби'а, сопровождаемые восстанием шиитов в Куфе и весьма опасным бунтом хариджитов под предводительством Дахака — в Месопотамии; в Персии овладевают несколькими городами шииты; в Хорасане идет упорная борьба Наср Ибн Сейяра с йеменцами, замаскированными приверженцами аббасидов. Из приведенного перечня легко усмотреть, что с самого момента вступления нового халифа на трон почти не было места, где бы не бушевал бунт. Мерван тем не менее держался бодро. Одно за другим усмирил он восстания в Сирии, разбил и умертвил Даххака, подавил целый ряд дальнейших вспышек хариджитов в Ираке и Аравии. К 130 (748) он стал в достаточной мере властелином этих провинций, как вдруг произведено было нападение с другой совсем стороны, и силе этого напора он уже не был в состоянии более противостоять.

Пока еще Насру ибн Сейяру приходилось бороться, в особенности со времени возникновения восстания берберов (123=741), с арабами, подбиваемыми эмиссарами аб-басидов, становившимися все дерзновеннее, настоящие коноводы движения до самого 129 (747) укрывались где-то вдали; их личности и цели никому не были хорошо известны. Главнейшими приспешниками хашимитов, как оказывается, были Абу Муслим, неизвестного — вероятно, персидского — происхождения, и Абу Салама Хафс ибн Сулей-ман, вольноотпущенник. Во главе же всего заговора стоял вначале, после кончины аббасида

Мухаммеда, последовавшей между 124 и 126 (742, 744), сын его Ибрахим. Когда же Мервану удалось захватить последнего в плен (130=748), делом стали руководить братья его, Абу'ль Аббас Абдулла и Абу Джа'фар Абдулла*, будущие первые халифы из дома пророка. Оба бежали в Ирак после пленения брата. Там же, где пребывал временный глава семьи, неизменно шныряли между ним и Хорасаном Абу Муслим и Абу Салама, подготовляя восстание всех врагов династии Омейядов. По мановению их работало 70 апостолов и разносились по самым незначительным местечкам через особых посланцев призывы: «к книге Божьей и к дому пророка!». Если же кто из шиитов спрашивал, действительно ли дело идет о потомках Алия, ему отвечали: «Нечего торопиться, сначала победа, а там сам Бог дарует владычество тому, кому надлежит». Между тем алиды не высказывались, напуганные примером несчастного их родственника, Зейда Ибн Алия, и по своему обыкновению не умели стать и теперь на высоту положения. Все более и более забирали аббасиды в свои руки все нити заговора. Наконец в 129 (747) все было готово. Наср Ибн Сейяр, втянутый в продолжительную войну с Джудией аль-Кирманием, главой йеменцев, вдруг узнает, что неподалеку от царского Мерва, столицы провинции, в городке Сефизендж вырос новый и опасный враг. Там Абу Муслим развернул 25 Рамадана 129 (9 июня 747) черное знамя, отличительный знак Аббасидов", в противополож-

'Оба, одинаковые по имени, отличаются только по прозвищам.

" Отныне характеризуются партии различной окраской мундиров и значков; сверх вышеупомянутых двух вскоре выступают — красное хариджитов и зеленое алидов.

ние белому цвету Омейядов. Со всех сторон стекались в лагерь мятежников подбитые за последние годы арабы йеменцы и шииты персы. Посланный Насром второпях небольшой отряд с целью потушить движение в зародыше был разбит тоже невдалеке от Мерва у Алина. С удвоенной быстротой стало распространяться возмущение. Пробовали было возбудить против хашимитов национальное чувство, указывая на их союз с персами, но и это не помогло. Раби II или Джумада I 130 (декабрь 747 или январь 748) принужден был Наср отступиться от Мерва ввиду превосходящих сил соединенных мятежников. Наместник поспешил через Серахс и Туе к Нишапуру, стягивая по пути оставшиеся верными отряды. Но полководец Кахтаба ибн Ше-биб, которому поручено было Абу Муслимом преследовать Насра, действовал энергически. Он нагнал и разбил наместника у самого Нишапура, так что последнему пришлось спасаться далее на запад. Только в Джурджане встретил он войска, шедшие из Ирака: несмотря на его настоятельные требования, они не могли ранее выступить, занятые все время подавлением смут у себя на месте. А теперь было слишком поздно. Храбрый наместник Мервана был разбит еще раз мятежниками 1 Зу'ль Хиджжы 130 (1 августа 748), а спустя три месяца этот мужественный человек скончался (12 Раби I 131=9 ноября 748) на пути в Хамадан, в мидий-ском городе Сава. Между тем и халиф, и наместник его в Ираке, Язид ибн Омар ибн Хубейра, поняли наконец всю великость надвигавшейся на них грозы. Все войска, какие только можно было собрать, все было двинуто навстречу Кахтабе. Но счастье окончательно повернулось спиной к Омейядам. Неудержимо двигались вперед войска хашимитов, у Испагани отбросили они войско сирийцев, взяли укрепленный Нихавенд (Шавваль 131=май—июнь 749) и в то время, как особый отряд мятежников под предводительством Абу 'Ауна успел вторгнуться в Хузистан, Кахтаба прошел мимо стоящего лагерем у Джалулы Язида и направился прямо на Куфу. Последнему, однако, удалось нагнать форсированными маршами ускользавшего было неприятеля (Мухаррем 132=конец августа 749). Вскоре в одной из завя- завшихся стычек пал Кахтаба, но сын и преемник полководца Хассан разбил Язида и отбросил его к Васиту. Тут аббасидский полководец оставил наблюдательный за ним корпус, а сам поспешил к Куфе, которую сдали ему взбунтовавшиеся йеменцы (10 Мухаррем=29 августа). Отныне и далее этот город делается местопребыванием аббасидов. Они нашли теперь как раз подходящим выступить наконец из мрака и подготовить решительные шаги к своему преобладанию. Между тем в Хузистане появились посланные Хассаном отдельные летучие отряды, и Абу 'Аун мог беспрепятственно подняться вверх по Тигру туда, где около Мосула, опираясь на старинное свое наместничество на севере, Мерван еще раз успел стянуть большие массы войск. Язид Ибн Омар и не думал к нему присоединяться: получив только что строгий нагоняй, он опасался за личную безопасность в случае, если попадется в руки к халифу; впрочем, войск у властелина было больше чем достаточно, но они состояли отчасти из племен Куда'а, т. е. южан, и в решительный момент, когда дело дошло до сражения у великого Заба, они оказали неповиновение. Мерван был разбит (11 Джумада 11=25 января 750). Всякая дальнейшая надежда на благоприятный поворот судьбы была окончательно потеряна. Направляясь на Харран, где несколько дней тому назад угас в темнице аббасид Ибрахим, бежал халиф в Сирию, а за ним по пятам следовал неприятель, которому никто уже более не был в состоянии сопротивляться. 10 Рамадана (22 апреля) сдался Дамаск дяде Абу'ль Аббаса, Абдулле ибн Алию. Из исконной резиденции семьи своей Омейяд спешил дальше через Палестину в Египет. Но и эта доселе спокойная страна охвачена была всеобщим брожением. Мер-вану не удалось набрать значительных сил. Раз еще наседающий неприятель разбил халифа при Бусире, в верхнем Египте, невдалеке от Ушмунейна. Выслеженный изменой властелин был выдан и умерщвлен (26 Зу'ль Хиджжа 132=5 августа 750). В какие-нибудь несколько месяцев последовали за ним в могилу почти все остальные Омейяды. Победоносные Аббасиды повелели разыскивать их всюду и немилосердно истреблять там же на месте, где они будут найдены. В самое короткое время весь многочисленный род могучих некогда властителей исчез до последнего человека.

Ужасно, словно ударом землетрясения повергнута была во прах столь могущественная еще так недавно династия. Искренне верующие в ислам должны были узреть в этой катастрофе правосудное веление Аллаха. С лицемерным окриком: «мщение за Османа!» лукавые и необузданные сыны Абу Суфьяна лишили дом пророка наследия, прогнали старинных сподвижников Мухаммеда с места их родины, священной свидетельницы стольких подвигов веры. И вот снова раздался клич: «мщение за Хусейна!», и опять вступили в свои права потомки посланника Божия и его досточтимого дяди. Нечестивыми мирскими воззрениями вздумали Омейяды заменить набожное воодушевление к исламу. Они же сами устранили влияние веры на правоверных, и по всей справедливости преследуемые прародительским грехом арабского язычества погибли, возбудив взаимное мщение и племенную смуту между кайситами и кельбита-ми. История, однако, не отмеривает вину людскую по масштабу догмата. Она старается уразуметь как причины, так и размеры противоположных направлений, в борьбе которых совершается поступательное движение хода развития человечества. Падение Омейядов открыло исламу свободный путь — величие, которым обладала арабская нация в неподдельной своей чистоте, отныне спешно клонится к закату. Но арабизм и самое гордое поколение старинной Мекки не исчезают окончательно: ярости аббасидских преследований избег молодой отпрыск семьи угасших властелинов. Он предназначен подготовить на дальнем Западе возрождение и дома своего, и народа. Прежде, чем мы, однако, повстречаемся с новой династией Омейядов в Испании, нам следует пока проследить дальнейшие судьбы народов Востока, подчиненных отныне потомкам и родственникам пророка.

Книга четвертая

ХАЛИФЫ БАГДАДА

ГЛАВА I

БОГОМ БЛАГОСЛОВЕННАЯ ДИНАСТИЯ

«О люди Ирака, неусыпный предмет любви нашей и расположения. Вы те, мысли коих никогда не изменял и не отклонял напор злодеев. Вы дожили неизменные до наших дней, и Бог даровал вам династию нашу. И станете вы счастливейшими из людей через нас, чего вы и заслуживаете вполне за вашу к нам преданность. Жалуем вам еще по 100 дирхемов годового содержания сверх положения. Будьте, однако, всегда в готовности, ибо, объявляю вам, я тот, который станет проливать кровь беспощадно, пагубу несущий мститель», — так окончил свою вступительную речь в большой мечети Куфы первый аббасидский халиф Абу'ль Аббас, 13 Раби Г 132 (29 октября 749), приняв предварительно присягу войск и всей собравшейся общины. И он сдержал свое обещание. Сама история свидетельствует, громко признав за ним избранное им же самим прозвище — Аль-Саф-фах — «кровопийца». Поистине почти невероятны те человеческие жертвы, которые он со своим братом Абу Джа'фа-ром принес для удовлетворения своего властолюбия. Казалось, один и тот же дух сковал обе личности для достижения задуманных ими целей. С необычным для их нацио-

' Дата несомненна, хотя иные относят событие к Раби II и даже Джумаде I. Приводимое в тексте число вполне достоверно. Присяга принесена была вечером 29, а не 30, так как на Востоке день считается с 6-го часа предшествующего ему вечера.

нальности единодушием они действовали одинаково как против своих врагов, так равно и приближенных лиц. Следует по всей справедливости признать, что Абу Джа'фар, или же Аль-Мансур*, как он позднее именовался в качестве халифа, в короткое правление Саффаха уже был всецело душой нового управления. Оделенный высокими дарованиями властителя, не меньшими, если не превышавшими типы, подобные муавии и Абд аль-Мелику, Абу Джа'фар отличался сверх того по характеру полнейшею бессовестностью и извращенностью, превосходящими, быть может, даже образ Людовика XI. И в отвратительном лицемерии, сопровождавшем нескончаемый ряд убийств и клятвонарушений, укрываемых под наружным видом глубочайшей набожности, он нисколько не уступал страшному зиждителю французского государства. Во всяком случае, подлежит великому сомнению, чтобы менее злокачественный и гениальный негодяй мог бы справиться вообще с задачей восстановления порядка в том хаосе, который представляли собой страны ислама при восшествии на престол Саффаха. Персы и арабы, шииты и хариджиты, ортодоксы и неверующие, приверженцы Омейядов, Алидов и Аббасидов, — все это крутилось вихрем во всеобщей революционной ломке. В момент падения Омейядов один лишь террор

мог сдержать временное единство разнородных элементов, стремившихся пожрать друг друга. Занятие Куфы, старинной резиденции Алия, исконного врага Сирии, должно было естественным образом завершиться торжественной присягой новому властелину, имаму и мстителю из дома пророка. Все сомнения о сокровенной его личности исчезали сразу для многих тысяч, посвятивших себя святому делу. Хотя нам и неизвестны дальнейшие переговоры между алидами и аббасидами о разделении между ними власти, не подлежит, во всяком случае, никакому сомнению, что первые вовсе не ради прекрасных глаз своих милых двоюродных братцев добровольно отказались от своих притязаний на обладание всем Востоком. Если бы даже убедительные в подобном роде

* На западе принято произносить это имя Альманзор.

представления придворных аббасидских историографов и были справедливы, все же относились они лишь к младшей линии, а именно к потомкам Мухаммеда Ибн Аль Ханафия; старшая же ветвь, настоящие внуки Мухаммеда от Фатимы, во всей этой истории переговоров ни разу не упоминаются. Но именно они и были теми, которых персы почитали за законных имамов. А что они не действовали заодно с Аббаси-дами, явствует уже из упомянутого раньше отдельного восстания Зейда Ибн Алия. Само собой разумеется, что после неудачного восстания они должны были искать поддержки в аббасидах, и это становится очевидным из изложения последующих событий. Без положительного, однако, договора между обеими сторонами нельзя никак допустить, чтобы зейдиты — так отныне зовется по имени упомянутого только что претендента строго легитимная партия старшей линии — согласились действовать заодно с Абу Муслимом и его сторонниками. Об условиях переговоров ничего неизвестно, но надо полагать, что настоящий руководитель всего движения, аббасид Ибрахим, всюду звавшийся «имамом», признан был за главу семьи пророка. При этом, так по крайней мере я полагаю, было положено, чтобы ему наследовал один из алидов. Только этим и можно объяснить, что Абу Са-лама, действовавший до сих пор единодушно с Абу Муслимом с момента смерти Ибрахима в харранской тюрьме, начинает подготовлять вручение имамата одному из алидов. Алиды, однако, не выказали мужества и здесь. Напугал ли их знаменательный пример Зейда либо поджидали они более благоприятного случая для окончательного разъяснения положения вещей, так или иначе, они или совсем не отвечали на письма и послания Абу Саламы, или же писали уклончиво. Между тем Абу"ль Аббас с Абу Джа'фаром вовсе и не помышляли упускать власти из своей семьи; все изворотыы чересчур ревностного «визиря дома Мухаммеда», как величали обыкновенно Абу Саламу, вскоре стали им ведомы. Приверженцы принцев набросились на «введенного в обман» и заставили его совершить обряды рукоприкладства пред Саффахом. Этим временно упрочивалась присяга и всех остальных.

Большего нельзя было пока и достигнуть. Не такой человек был, однако, Абу Салама, чтобы позволить с собою играть. Следовало поэтому при озлоблении отстраненных алидов и возбуждении сомнений у зейдитов опасаться в будущем весьма серьезных осложнений. Сверх того харид-житы, хотя и распавшиеся к этому времени на множество отдельных сект, все еще продолжали единодушно отрицать всякое мирское владычество; также и кайситы Месопотамии и северной Сирии начинали понемногу приходить в себя после первого погрома; к тому же Язид ибн Омар ибн Хубейра все еще держался в своей грозной фланговой позиции у Васита, опираясь на Басру, управляемую тоже пока Сельмом, сыном Кутейбы Ибн Муслима.

Какой-нибудь энергический Омейяд легко мог еще отважным движением в самый последний момент заставить усомниться в окончательном успехе. Даже Персия, откуда возник весь переворот, не была вполне надежна; средние же провинции, где зейдиты были преобладающим населением, находились в руках наместников, поставленных Абу Са-ламой, а в Хорасане, на самой тюркской границе, возникло опасное брожение. Недаром же в свое время аббасид Ибрахим извещал Абу Муслима, что все владеющее арабской речью в восточных провинциях должно быть предано мечу. И если этот фанатик, жертва свойственного Аббасидам умения очаровывать, и не исполнил буквально приказания, если приписанное ему позднейшими историками избиение 600 тыс. и сильно преувеличено, все же кровь всех тех, кто держался Омейядов, полилась в Персии потоками. Вот естественная причина того сильного озлобления, которое забушевало среди сторожевых арабских постов, разбросанных за Оксусом. И поработал же вволю Саффах: в благодарность за все оказанные услуги династии Абу Салама был устранен подосланными Абу Муслимом убийцами, наместники его в Фарсе смещены были также с постов и умерщвлены йеменским офицером Мухаммедом Ибн Аш'асом (в конце 132=750); в то же время кайситы, бунтовавшие в северной Сирии и Месопотамии, частью были перебиты, частью умиротворены обещаниями; убедили также сдаться и Язида ибн Омара, а вскоре затем его умертвили, невзирая на торжественные заверения. И Басра с Сельмом сдалась, причем сверх всякого чаяния договор не был нарушен коварным победителем. Под личным наблюдением обоих дядей Саффаха, Аб-дуллы и Да'уда, сыновей Алия, было совершено истребление Омейядов; при этом употреблены были самые отвратительные приемы: членов старинного владетельного дома, избегших ножа убийцы, заманили обещанием полной амнистии и перебили их 70 человек на пиру, устроенном нарочито для них. Само собой, что и те из них, которые понадеялись на право убежища в Мекке, обманулись в своих упованиях. Восстание за Оксусом усмирил Абу Муслим (133=750/1); он

продолжал управлять почти независимо всеми восточными провинциями; за то именно, а также и за все вообще свои притязания на благодарность Аббасидов, вполне им заслуженную, он становился час от часу тягостней для страшной пары братцев. Весь 134 (751/2) поневоле приходилось посвятить усмирению восстаний хариджитов в Ираке и Аравии, но с 135 (752/3) можно было наконец попристальнее заняться судьбой Абу Муслима, этого сделавшегося неудобным поставщика королей, «доверенного лица семьи пророка», как его титуловали официально, на манер того, как уже расправился недавно этот благодарный дом со своим несчастным «визирем». Над Аббасидами тяготеет сильное подозрение, что возвышение Зияда ибн Салиха, подчиненного наместника Абу Муслима за Оксусом, случившееся именно в этом году, было всецело делом их рук. Но такой легкой ценой невозможно было отделаться от могучего главнокомандующего на востоке. Еще крепко держал он в руках своих всю организацию, им же созданную. Подчиненные Зия-ду офицеры изменили и выдали труп нового наместника главнокомандующему. Решено было наконец заманить последнего под благовидным предлогом в Куфу. Абу Муслим явился, но его сопровождал сильный конвой, а на границе Ирака оставлен был им еще более многочисленный резерв. Оказалось неудобным действовать открытой силой. Ему предоставлена была честь сопровождать набожного Абу Джа'фара в паломничестве, предпринятом им в 136 (754).

Не успели вернуться оба пилигрима назад, как Саффах скончался в Амбаре, на берегу Евфрата, от злокачественного недуга (вероятно, оспы) 13 Зу'ль Хиджжа 136 (9 июня 754), имея едва 30 лет от роду. Чувствуя приближение смерти, властелин позаботился утвердить за братом право на халифат. Заранее заставил он всех присягнуть ему, чтобы при возвращении брата не возникло какого-нибудь недоразумения; халиф заставил также присягнуть в качестве второго наследника престола и своему двоюродному брату, Исе Ибн Мусе, которому были подчинены войска Ирака. Благодаря этому распоряжению можно было рассчитывать, что Иса ради личных своих выгод почтет необходимым отстранить всех других претендентов. Таковым и оказалось настроение Исы. Итак, по окончании своего богоугодного путешествия Абу Джа'фар мог беспрепятственно вступить на трон властелина. Конечно, спокойствие не долго продолжалось.

По общепринятому преданию, Абу Джа'фар был старше Саффаха, но по неизвестным причинам предоставил ему первенство. Все же новый властелин был далеко не самым старейшим среди всех остальных членов семьи, считавших себя вполне достойными этого высшего сана. Значительнее, чем у этих обоих, были заслуги их дядей, Абдуллы и Да'уда, сыновей Алия, в особенности первого. В сражении при Забе Абдулла командовал войсками и способствовал вообще своим примером и распоряжениями неустанным и решительным успехам Аббасидов. Конечно, он мог рассчитывать, что веские заслуги дают ему полное право занять первое место в государстве, и, по-видимому, решился твердо отстаивать свои притязания. До сих пор он все еще стоял во главе значительного войска, занятый восстановлением пограничной линии на севере, сильно отодвинутой византийцами во время междоусобной войны. В конце концов, он отказался присягнуть своему племяннику Абу Джа'фару и это обстоятельство становилось в высшей степени опасным, ибо всякая домашняя распря еще не совсем окрепшего могущества династии должна была неминуемо повлечь за собой возмущение сирийцев и возбудить новые надежды в алидах. Ничего не оставалось более Абу Джа'фару, как снова протянуть руку к тому же самому «поставщику» королей, само собой, с предвзятой мыслью воздать ему сторицей за новые благодеяния. Абу Муслим понимал хорошо, что ему сулил благодетель, но он находился в безвыходном положении. Аббасиды завладели всецело его душой и телом, назад было некуда отступать. Для этой неблагодарной династии он обременил свою совесть, воображая, что служит суровому богу ислама, неискупимым ничем бесконечным рядом душегубств. Он уже не был более в состоянии допустить ее падение, не принося в то же время и себя самого в жертву. К этому решению побуждали Абу Муслима настоятельно даже внешние условия. Одно предположение, что он и вся страна обманулись в его миссии восстановителя дома пророка, лишало его сразу власти в Хорасане. Он стал бы бессилен, посмешищем для всех, должен бы был страшиться и друзей, и недругов. Уж если пошло на то, что Аббасиды восстают на Аббасидов, приходилось предпочесть все-таки Абу Джа'фара, и, быть может, он был прав. При первом же известии, что Абу Муслим принял сторону племянника, восставший дядя халифа приказал перебить всех хорасанцев, находившихся в его войске, которых, как говорят, было 17 тыс. человек. Абдулла знал, что они не обнажат меча против главы своей страны. Кровавая мера не привела, однако, к желаемой цели. Армия Абдуллы, состоявшая по большей части из сирийцев, была еще раз разбита персами и иракцами при Низибисе (6 Джумада II 137* = 27 ноября 754), а надежды дядей халифа рухнули от одного удара. Пока еще не посмели касаться глав виновников. Значительно позже, в 147 (764), по особому повелению племянника погиб под развалинами заранее подрытого дома Абдулла ибн Алий, самый даровитый из дядей, а потому и наиболее опасный. Теперь халиф сгорал от нетерпения, как бы поскорей разделаться с Абу Муслимом. Пока тот сражался за своего властелина, халиф у него за спиной — отсутствующие, как

' Касательно времени события ср. Ranke, Weltgesch. V, 2, 72, прим. I. По другим источникам, борьба родственников происходила в 136=753, в таком случае распря дядей с племянниками разыгралась еще в управление Саффаха. Вероятно, она и подала повод к назначению в том же самом году Абу Джа'фара преемником халифа.

известно, всегда неправы — склонил на свою сторону многих из его подчиненных в восточных провинциях. И вот, когда счастливый полководец, одержав победу, колебался долго по многим причинам принять дружеское приглашение милостивого своего властелина пожаловать к нему в Ку-фу, он узнает, что ему изменили и что на Хорасан рассчитывать более нельзя. Тогда военачальник отважно двинулся в резиденцию, громко жалуясь на несправедливость, оказываемую той самой семьей, ради которой он взял на свою душу сотни тысяч убийств. Быть может, он надеялся дорого продать свою жизнь во главе своего сильного отряда телохранителей. И тут измена предала его в руки халифа. Между обоими произошла горячая перебранка, тот и другой выказали в споре глубокое взаимное отвращение, и «доверенное лицо дома пророка» изрублено было тут же в приемной (24 Ша'бана 137=12 февраля 755).

Только теперь трон был огражден от всякой опасности и Абу Джа'фар мог по всей справедливости носить присвоенный им при самом вступлении на трон пышный титул Аль-Мансура — «Победоносного» (точнее: Боговспомоществуемого). По его примеру каждый Аббасид, по принесении ему присяги как будущему наследнику, принимал особый титул. Встречались и при Омейядах отдельные стремления халифов через посредство подобной вынужденной присяги закрепить за своим собственным сыном владычество, отстраняя имевшего на это законное право брата, но при Аббасидах это злоупотребление властью становится постоянным правилом. Необходимые последствия подобного злоупотребления присягой*, никогда при Омейядах до 126 не освобождав-

' Весьма характерен и довольно правдоподобен рассказ Харсамы Ибн А'яна. Когда Хади потребовал от него присягнуть сыну Джа'фару вместо признанного раньше наследником Харуна, тот отвечал: «Моя правая дана тебе в знак присяги, левая — Харуну; чем же прикажешь совершить рукобитие?» А когда халиф стал объяснять, что ему следует именно отказаться от присяги Харуну, отважный полководец воскликнул: «Если сегодня откажусь от Харуна, завтра могу отвернуться и от Джа'фара». Так и настоял он на своем отказе. Увы, такой нашелся, понятноо, один только во все время владычества Аббасидов!

шей от обязательств, были ужасны. Совершенное Мансу-ром вероломство по отношению к ближайшей родне указывало наперед на будущее широчайшее развитие эгоизма, доводимого до крайних пределов, не принимающего в расчет общих интересов владетельного дома. И в самое короткое время почти каждая перемена правителя становится поводом для самой злокачественной дворцовой интриги, отвратительных убийств, даже открытой междоусобной войны, значительно способствуя быстрому ослаблению династии, выступившей вначале со столь необычной энергией.

Таков был дом Аббасидов, таковы его деяния. Придворные историографы изливают полной чашей свое благонравное негодование на нечестивых и преисполненных пороков Омейядов, а этих зовут «благословенной Богом династией». Это — дело вкуса, но спор становится немыслим при оценке величественного правительственного дарования этого недоброго Мансура. Установленная им государственная организация даровала исламу полный простор для решения насущной политической задачи сплотить наивозможно прочнее арабов с персами, и не так, как это было при Омейядах. Она давала к тому же возможность лучшим элементам обеих наций помочь созреть расцвету цивилизации через посредство взаимного обмена и споспешествования; лишь в немногих стадиях средневекового мира распустилась она совершеннее; скажу более, арабская цивилизация стала благословенным плодом для всего человечества. Попытаемся же в общих чертах изобразить это замечательное развитие.

ГЛАВА II

МАНСУР И БАРМЕКИДЫ

Задача, которую так гениально решил Мансур в течение своего 21 -летнего управления (14 Зу'ль Хиджжа 136—6 Зу'ль Хиджжа 158=10 июня 754—7 октября 775), вытекала из самой сути данных отношений. Владычество арабов над персами становилось просто невозможным, о том же, чтобы подчиненные сделались господами, не могло быть, конечно, и речи; стало быть, оставалось попытаться спаять умеренные элементы обеих наций для дальнейшей совместной деятельности. Выяснившееся раз и навсегда взаимное нерасположение обоих народов могло быть сдержано лишь благоразумной терпимостью и успокаивающим добровольным взаимным содействием, которые едва ли можно было вдохнуть в массы; поэтому ничего не подходило более, чем применение управления так называемого просвещенного абсолютизма или, как на востоке понимают, — благоразумного деспотизма. Владычество Омейядов во многих отношениях было ограничено, так как приходилось постоянно считаться с свободолюбием и традициями сирийских племен, но более или менее велось оно в народном духе. Династия пала, как только группы племен вступили друг с другом в ожесточенную борьбу. Аббасидам поэтому нужно было приноравливаться и стараться, чтобы правление их казалось благодетельным, дабы по возможности опереться твердо и как можно шире на народные массы. В известных размерах им это и удалось, но спаять цельную нацию из семитов и индогерманцев и в наше просвещенное столетие представляется

бесконечно более трудным, чем это кажется на первый взгляд, притом лишь в теории, достославному чистому разуму. Возникавшие, однако, постепенно столкновения между обеими народностями вместе с быстро наступившим упадком сил династии повлекли за собой в конце концов снова разобщение. Но это наступило, когда обе нации успели взаимно перенять друг от друга так много, что и в новом государственном строе каждая из них получила возможность к дальнейшему самостоятельному развитию, огражденная от насильственной ломки своего прошлого. Таким образом, собирание и сплочение податливых людей из умеренных партий, насильственное подавление, а не то и по возможности истребление крайних религиозных и национальных стремлений — вот те простые, но не так легко выделяемые из всеобщей путаницы основы, какими руководилась правительственная власть Аббасидов в течение ближайших 50 лет. Средствами к этому послужили: наивозможная государственная централизация, приспособление ислама, в более или менее сносной форме, для усвоения его просвещенными персами, воспитательное подготовление арабов к высшей ступени цивилизации и, наконец, создание нейтральной почвы, на которой принадлежащие к обеим нациям могли бы друг с другом столковаться. А чтобы этого добиться, арабским Аббасидам понадобилось персидское содействие. Они нашли его в семье Бармекидов, одно время ставшей почти равноправной с домом халифа.

Позднейшие историки, доставившие нам сведения о главных событиях, жили в такое время, когда считалось особенно почетным принадлежать вместе с домом халифа к арабской расе. Вот и постарались они с помощью косой поперечины примостить и Бармекидов к арабскому генеалогическому древу. По их объяснениям, этот род связан с братом Кутейбы, знаменитого завоевателя стран за Оксусом. На самом же деле потомок старинной семьи жрецов, Бармек, родом из Балха, был отцом Халида. Сын последнего, Яхья, совместно со своими четырьмя сыновьями, Джа'фаром, Фаллом, Мусой и Мухаммедом, заправлял длинный ряд лет почти неограниченно делами государственными при халифе Харуне (170—193=786—809). В то же время и другие члены семьи, братья Халида, Хасан и Сулей-ман, и его второй сын Мухаммед, занимая хотя и менее выдающиеся посты, равно считались довольно влиятельными людьми той эпохи. Сам Халид же почитался одним из наиболее уважаемых среди апостолов Абу Муслима. Вскоре после победы Аббасидов и смерти Абу Саламы он был призван в качестве предпочтительного советчика ко двору Саффаха и почти без перерыва занимал и при Мансуре важные должности. При Махдии (158—169=775—785) доверено было Яхье важное место воспитателя Харуна, любимейшего сына халифа. Он сумел возвести своего воспитанника, при содействии матери его Хейзураны, на трон. Насколько нам известно, это единственный пример на Востоке, да и везде составляет большую редкость, чтобы одна и та же семья состояла на государственной службе и при дворе одного и того же владетельного рода в течение более чем 50 лет, если не принимать в счет нескольких случайных размолвок Прежде всего это может служить лучшим доказательством, что Бармекиды были хорошими царедворцами, а также людьми способными и отличными служаками. Во всяком случае, действовало успокоительным образом на широкие слои персидского народа то обстоятельство, что представители родной их национальности очутились непосредственно возле самого трона чуждого им владетельного дома и им же поручено было блюсти высшие интересы государства. Вот и воскресает теперь в государственном устройстве Мансура снова старинная персидская система в главных чертах, а далее, при Махдии и Харуне, опять, конечно, выступают на первом плане сыновья Бармека; поэтому не будет никакого преувеличения приписывать всецело этому знаменитому роду все дальнейшие успехи династии. Благодаря именно его влиянию вызван был быстрый расцвет халифата Аббасидов, имевший такое выдающееся значение для всей Малой Азии. Конечно, трудно приписать прямо Халиду то устройство, которое стало образцом для управления его времени и продержалось потом столетия. Мансур был слишком самодержавен; нельзя же предполагать, чтобы его указы продиктованы были ему другим. Но этот великий государственный человек, с виду такой ужасный деспот, сумел старательно воспользоваться всеми сведениями о старых персидских порядках от бармекидов и его земляков, и это, во всяком случае следует признать за вполне достоверное.

Уже при Омейядах, как мы видели, чувствовалась потребность позаботиться об уменьшении невыгод, происходящих от громадных расстояний, отделяющих столицу от пограничных провинций в их широко раскинувшемся государстве. Восстановлены были тогда и почтовые перегоны по образцам государственной почты древних персов и византийцев. Первой заботой Мансура также было учреждение вновь подобной же организации и доведение ее до возможно высшего совершенства. Но для того чтобы исполнение службы действительно удовлетворяло цели, надо было позаботиться поставить в полную независимость от наместников и их подчиненных все получаемые этим путем политические известия. Поэтому почтовое начальство изъято было из-под влияния местных управлений и подчинено непосредственно центральному управлению. Оно стало ответственным исключительно перед высшей властью за точность и полноту посылаемых им известий и тем самым было поставлено в положение внушающих страх, но для блага государства необходимых наблюдателей за управлением местных сановников. Дабы пользоваться постоянно запасом свежих текущих сведений, заведывавшие почтовыми пунктами должны были, понятно, везде завести шпионов. Таким образом сложилась деятельная, настоящая тайная полиция, в деспотическом правлении более, чем во всяком другом, необходимая. Даже впоследствии, когда полновластие халифата уже значительно ослабло, эти доверенные люди продолжали составлять разряд действительно ревностных и добросовестных

чиновников; так, например, мы видим, что начальник почт в Мерве, столице Хорасана, посылает в 207 (822) в Багдад курьера, извещая правительство в самый день события о намерении управлявшего неограниченно этой провинцией наместника Тахира отложиться от метрополии. И поплатился бы усердный чиновник неминуемо жизнью, если бы могущественный мятежник не умер внезапно на другой же день. Благодаря тому же стремлению к усилению надзора центрального управления были предприняты при Мансуре и доведены до конца при Мах-дии меры для безопасности пути, по которому следовали паломники в Мекку; раскинута по дороге целая сеть сторожевых постов и маленьких укреплений. Военные отряды охраняли караваны пилигримов от разбойнических шаек бедуинов, шнырявших беспрепятственно по безлюдным путям Аравии, а ныне, когда пришел конец дамасскому великолепию, значительно усиленных толпами сразу обедневших сирийских племен. Важнее же всего было в данном случае сохранить связь между столицей и святыми местностями; иметь их в своем распоряжении Аббасидам было необходимо, ибо они искали опоры среди набожных иракцев, а не у равнодушных к вере сирийцев.

Прямое влияние Халида мы можем, собственно, признать в переустройстве финансового ведомства, которым этот мудрый Бармекид управлял при Мансуре. К сожалению, об отдельных подробностях до нас дошло мало сведений; одно только известно достоверно, что в столице учреждено было множество приказов, заведывавших более точным контролем доходов и расходов, и не одних только областных управлений. Конечно, было невозможно, да и не следовало устранять сосредоточившуюся в лице наместников децентрализацию политического управления, ибо мельчайшие подробности неминуемо ускользали от внимания центрального управления; но для достижения наивозможно большего контроля заведена была при Махдии Яхьей Ибн Халидом высшая счетная палата.

Для усиления могущества правления громадного государства и расширения его влияния не существует другого более действенного средства, как приложить старание к возвышению общего благосостояния совместно со стремлением взаимного сближения различнейших классов населения. Как ни естественна подобная мысль, а между тем именно такие, казалось бы, сами собой понятные основы, равно как и все вообще, прямо вытекающее из спокойного обсуждения, применяются весьма редко к настоящей жизни, особенно же на Востоке. Этого, однако, нельзя сказать о правлении первых Аббасидов; они по крайней мере пытались делать в этом направлении соответствующие опыты, и за это нельзя не быть им признательным, хотя, конечно, они преследовали при этом свои особые цели — поднять податную правоспособность народа и охранить внешний порядок от всевозможных потрясений. Заботы правительства обращены были прежде всего и особливо на срединные области, которые благодаря своим богатствам и нерасположению их жителей к только что свергнутой династии сделались местопребыванием и главным оплотом новых властелинов: был это Ирак. Подобно Египту, своим необычайным плодородием обязано было Двуречье пользованию излишком вод, доставляемых Евфратом и Тигром. С давней уже поры, еще при существовании вавилонской монархии, проведена была по всем направлениям страны великолепная сеть искусственной канализации. При позднейших Сас-санидах, во время начавшихся междоусобных войн, во многих местах каналы и плотины пришли в негодность; на широких пространствах затянуло обработанную землю песком и болотом. Мы уже видели, что кое-что по осушке и восстановлению прежних пашней делалось и при Омейя-дах. Теперь же предприняты были работы в более широких размерах и в то же время заменен был харадж весьма целесообразной подоходной податью, дабы насколько возможно устранить неравномерность податного гнета. Впрочем, оставлен был все тот же размер налога — половина, потом две пятых дохода — по-прежнему слишком высокий. Тем не менее действие арабской системы высасывания значительно было, так сказать, замедлено, и благосостояние населения несколько поднялось, так что снова стали получаться с Ирака доходы свыше 100 млн дирхемов. Только с наступлением позднейших междоусобных войн они с необычайной стремительностью упали снова.

Одновременно Мансур задумал обосновать свое владычество на содействии добровольных элементов, подбираемых им из арабов и персов. В ряду первых стояли, конечно, йеменцы, помогшие Аббасидам завоевать халифат; но и многие северные арабы, в особенности все жительствующие в Басре, вскоре пошли на мировую с правительством. Таким образом, часть войска, находившаяся в Ираке в непосредственном распоряжении халифа, была составлена из обеих этих арабских групп, а также персидских солдат. Они размещены *были* по отдельным кварталам, взаимно уравновешивая друг друга на случай, если бы в одном из трех отделов замечена была склонность к неповиновению; таким образом главнокомандующий мог вполне рассчитывать на равномерное послушание всех их. Подобная организация, конечно, обостряла в некоторой степени национальную рознь, что и возымело гибельные последствия при более слабых правителях, но осторожная политика Мансура и Бармекидов старалась ослабить это чувство и действовала не без успеха и во всем остальном. В том же направлении работало правительство, стараясь укрепить и оживить всеми признанное исламское вероучение, споспешествуя при этом взаимному усвоению знаний и искусств, сближению нравов и обычаев, наконец, покровительствуя торговле, промышленности и обмену. Для всего этого быстро достигший процветания и благосостояния Ирак представлял в течение не нарушаемого ничем пятидесятилетнего спокойствия самую благоприятную почву. Полный мир царил, конечно, лишь в центральных провинциях, далее, вглубь государства, было далеко не так спокойно, как, например, в лучшие годы при Омейядах. Но дело шло главным образом именно о Басре, Куфе, а несколько позже Багдаде;

местопребывание двора Аббасидов и было тем пунктом, где могло совершиться в самой благодатной форме полное развитие новой культуры.

Хотя, конечно, Мансуру нельзя зачесть в заслугу то обстоятельство, что со времени уже Хаджжаджа стали все более и более распространяться вширь и вглубь в Басре и Куфе зачатки исламской науки; но, несмотря на свою пресловутую скупость, халиф, во всяком случае, много содействовал высокому процветанию не им начатого дела; теперь именно стало необыкновенно быстро развиваться занятие науками. Вообще было невозможно переводить Коран на иностранный язык, благодаря особенностям его стиля, и вначале это даже не дозволялось. По теории откровений "Мухаммеда, выставлявшей их как буквальное, механическое повторение пророком слов Божиих, малейшие отклонения от первоначальных значений отдельных слов почитались за великий грех. Поэтому арабский язык становился неизбежным не для одних только теологов, но также и прежде всего для юристов, а следовательно, должен был стать государственным языком для всего халифата. Его изучение было непременным условием успешного общения между обоими народами, а также вообще для дальнейшего распространения знаний. И мы видим, что первые настоящие арабские филологи — перс Сибавейхи и араб Халиль в Басре, а Аль-Киса'и в Куфе, тоже араб, — жили при Майсуре. Как высоко ценились труды этих людей, лучше всего доказывает назначение последнего наставником к сыновьям Махдия, а прекрасная черта неподдельного восточного характера — благоговейное почитание учениками своего учителя — усугубляла честь этого отличия. В ту же самую эпоху предпринял филолог Асма'и собрание стихотворений и легенд древнеарабской героической эры, снабдив их грамматическими и объясняющими смысл толкованиями, а другой ученый, Халеф Аль-Ахмар, до такой степени проникся их духом, что его подражания легко стали смешивать с оригинальными древнейшими произведениями. Попутно с распространением подобных сочинений, знакомивших персов с особенностями семитского стихотворного искусства арабов, перс Рузбех, более известный под арабским прозвищем Ибн аль-Мукаффы, положил начало обширной литературе сказок переводом на арабский язык занесенного из Индии в Персию «Зеркала царей», Калилы и Димны*. Цикл их заканчивается в позднейшие времена сборником, известным под названием «Тысячи и одной ночи»; эти остроумные рассказы начиная со Средних веков и поныне доставляют неисчерпаемый источник истинного наслаждения сынам Востока, а с крестовых походов европейские сказки и новеллы Ариосто и Боккаччо, вплоть до братьев Гримм, переполнены заимствованиями из того же самого

* По-персидски Калилах и Дамнах — переделка индийских имен Каратака и Даманака. Эти последние присваиваются двум шакалам, главным действующим лицам индийского животного эпоса.

источника. Он же, аль-Мукаффа, перевел на арабский язык и Книгу Царей (Шахнамэ), содержащую легенды про иранских царей и героев, ставшую позднее канвой для великого эпоса Фирдоуси. Одновременно вторгается персидский дух и его утонченность выражений в пределы арабской поэзии. Вместо грубой силы, непреклонной гордости, едкой насмешки все чаще и чаще слышится в новых произведениях грациозное изящество, тонкая придворная изворотливость, приятное остроумие. Придворный поэт Харуна, Абу Нувас, пробует свои силы, воспевая исключительно вино и любовь. Но не одна только подчас ветреная болтовня рассказчиков и поэтов доставляла Мансуру стоящий внимания досуг после его государственных трудов и умственного напряжения; в его же правление подводились первые итоги серьезным теологико-историческим и юридическим работам. Этому бесстыдному властелину трудно, конечно, приписать чувство неподдельной набожности, но он, как и его преемники, умел с большим искусством прикрываться подобием ее ради лучшего достижения мирских целей. И в этом, как и во всем, Аббасиды сильно отличались от Омейя-дов, сердца которых редко когда превращались в непроглядный разбойничий притон. Все Аббасиды, например, старательно отправлялись на паломничество в Мекку и не забывали при этом являть народу назидательное зрелище, а там, внутри дворца, сокровенно происходили не раз дела многим ужаснее, чем что-либо случавшееся при испорченных халифах Дамаска. И это лицемерие носит опять-таки явно персидский штемпель. Недаром же мудрому визирю Харуна, Яхье, приписывают следующее благоразумное наставление, обращенное к слишком неосторожно предававшемуся наслаждениям сыну своему Фадлу: «Пользуйся днем для удовлетворения дел чести и терпеливо сдерживай порывы влечений своих к возлюбленной — жди ночи, которая набросит свой покров на все греховное — сереющую мглу ночи посвяти тому, что тебе приятно; помни, вместе с ночью наступает для мудреца день — сколь многих почитают люди воздержными, в то время как они посвящают ночь преудивительным занятиям — ибо ночь опустила над ними свой непроницаемый покров; пусть себе проводят они ее в играх и излишествах — но помни, жизненные утехи глупца не прикрыты, каждый наблюдающий за ним враг легко может на этом его словить». Аббасиды вообще слишком строго блюли официально свой духовный характер сана имама и тем настойчивее требовали, чтобы как арабы, так и персы глубоко были проникнуты убеждением в правоте их притязаний на повиновение всех правоверных. До той поры ислам почти нигде еще не успел глубоко привиться среди персов. Для более основательного воздействия на склонный большей частью к вольномыслию, а также и мистицизму народ придворной теологии приходилось более чем где-либо остерегаться крайностей и облачиться по возможности в броню рационализма. Из этого уже видно, что школа Му'та-зилитов должна была неминуемо снова выступить на сцену, а она, невзирая на нерасположение к ней Омейядов, еще не

совершенно вымерла в Басре. В первые годы новой династии родился Абу'ль Хузейль аль-Аллаф, будущий «шейх мутазилитский», выразивший довольно определенно учение о свободе воли и идеальном представлении сущности божества (т. I, с. 209) и подготовивший временное торжество этой школе. Подобного рода умозрениям способствовало и то обстоятельство, что при Мансуре положено было также начало переводам сочинений греческих философов и естествоиспытателей. Давно уже переводились они в христианских монастырях Сирии и Месопотамии на сирийский язык, теперь же сделаны были с этого языка переложения и на арабский, и тут встречаемся мы снова с Ибн аль-Мукаффа; он пытался снабдить комментариями некоторые отделы логики Аристотеля, да и сам Аллаф, по-видимому, заставлял сильно потеть ортодоксов над своей заимствованной у греков диалектикой. Но и правоверные не сидели сложа руки: они продолжали усердно собирать и приводить в порядок все, касавшееся объяснений Корана и преданий. При дворе Мансура закончил жизнеописание посланника Божия некто Ибн Исхак и этим трудом положил начало исторической литературе арабов. Одновременно упорядочивалась система права: делом этим занимались свободомыслящий Абу Ханифа в Багдаде и ортодокс Малик ибн Анас в Медине; вместе с позднейшими Шафи'ийем (при Харуне) и Ахмедом ибн Хамбалом (при Ма'муне) они остаются классическими писателями по этому предмету для всех времен и народов ислама.

Более еще, чем Куфа, способствовала развитию умственного обмена между арабами и персами находившаяся в самой Персии Басра, доставившая этим громадную пользу всему исламу. Редко где выступало с более определенной ясностью настойчивое проникновение персидского элемента в чуждую ему сферу, так что отныне придется упоминать не об арабской, а скорее исламской литературе, излагаемой по-арабски. По-прежнему арабы не забросили, конечно, умственного труда; наоборот, словно теперь только занялись им серьезно, но работа уже шла совсем иначе. Особенно в области поэзии и грамматики, так же как и специальной теологии, обнаружилась неразрывная связь с персидскими воззрениями, и участие персов в этом плодовитом движении пройти молчанием невозможно. Вскоре, однако, и Басра была оставлена позади; образовался новый пункт, в котором сосредоточилось общение и взаимное соревнование между обоими народами. После падения Омейядов не могло быть и речи об оставлении резиденцией Дамаска; столице Аббасидов следовало находиться на границе Аравии и Персии, там, где династия могла бы равномерно опереться на обоюдодружественные элементы обеих наций и сдерживать одновременно могущие возникнуть неприязненные порывы. Даже Куфа почиталась слишком арабизиро-ванной; представители персидской народности встречались здесь только в среднем и низшем классах. Мансуру необходим был новый город, где бы жители востока и запада равно могли лицезреть блеск нового двора. Из множества его* замыслов побуждение заложить город вблизи пришедшей в упадок резиденции Сассанидов, Мадайна (Ктези-

* Или же бармекидов. По преданию, Халид играл первенствующую роль при закладке города. Была ли это его личная инициатива — не вполне доказано.

фона), у Тигра, было, быть может, самым гениальным. Находясь в средоточии житницы государства, на берегу громадной, еще далеко выше судоходной реки, почти у пункта пересекающихся дорог из Сирии, Армении, Аравии и Персии, он обязан был своему положению тем, что стал, как и за тысячу лет раньше великий Вавилон, всемирным городом. С того самого момента, как задумано было перенести местопребывание могущественного управления и требовательного двора, потянуло сюда же тысячами, подобно железным опилкам к магниту, деятельных купцов и ремесленников, увлеченных также силой притяжения внешних сношений. Основан был Багдад почти что сызнова; там, на правом берегу Тигра, находилось маленькое местечко, о котором не стоило бы в сущности и упоминать. Одно лишь сулящее счастье имя его Багдад «Богоданный» могло оправдать отчасти выпавший на его долю почет, продолжающийся и по сие время, а в прежние столетия доставивший ему удивление всех современников как Запада, так и Востока. В 145 (762) положен был первый камень, из которого в 149 (766) вырос «город Мансура» — как прозывали в народе, «град благоденствия» — как любил его называть сам халиф. Он был разбит по кругам, в середине высились замок и главная мечеть, а далее размещались кварталы, отделявшиеся по образцу восточных построек друг от друга стенами и воротами. В каждом помещался укрепленный замок — местопребывание начальника гарнизона. За всем наблюдал Мансур самолично и до такой степени входил во все мелочи, что раз указал одному чиновнику, на обязанности которого лежала постройка целого квартала, на ошибку в счете в 15 дирхемов; виновного заключили в темницу, и он должен был уплатить эту незначительную сумму. Положение дворца впоследствии, однако, не совпало со вкусами властелина. Этот вечно подозрительный деспот чувствовал себя неуютно, очутившись окруженным со всех сторон необыкновенно быстро возросшим населением. По его повелению построен был в 157 (774) новый укрепленный дворец на самом берегу Тигра; здесь он поселился в следующем 158 (775) году. Замку дано было пышное наименование Дар аль Хульд — «дома вечности», совершенно несоответственное его назначению, ибо каждый муслим понимает под этим предстоящее лучшее на том свете. Одновременно рынки были вынесены за стены города в предместья, так как показалось опасным дать возможность иностранным купцам знакомиться близко с расположением резиденции халифа. Для лучшего же надзора извне за жителями и гарнизоном приказал Мансур заложить в 151 (768), на противоположном восточном берегу Тигра, казармы для войск и замок для на-

следника, Махдия. Вскоре вследствие быстрого притока жителей отовсюду выросло множество предместий на обоих берегах. Три понтонных моста поддерживали беспрерывное сообщение между обеими частями города. Глубокие судоходные каналы протянулись во все стороны до самого Евфрата и Персидского залива. Служившая и прежде исходным пунктом морской торговли с Индией, Дальним Востоком и берегами Аравии, Басра получила более широкое развитие, став гаванью резиденции. Представление о размерах и процветании обоих городов едва ли мы можем достаточно переоценить, хотя о числе жителей нет решительно никаких удовлетворительных сведений. Мы знаем только, что сюда стекались продукты со всего мира: пряности, черное дерево для художественных поделок, алоэ и сандал как курения, стволы тика на корабельные постройки, драгоценные камни, металлы, краски и всякого сорта минералы из Индии и Малайского архипелага. Из Китая привозился шелк, фарфор и так необходимый для всякого жителя Востока мускус; из тюркских земель и России шли пушной товар и невольники; из восточной Африки — слоновая кость и негры-невольники. Все это свозилось купцами и матросами сюда на родину, из их дальних отважных морских странствований, а также и караванным путем. Взамен открывали они же прибыльный сбыт для местных произведений стран халифата: фиников, сахара, стеклянных товаров, хлопчатой бумаги, железа, проникая вплоть до Китая. Еще оживленней, понятно, производился обмен между отдельными внутренними провинциями, тоже сосредоточивавшийся в столице. Все находило здесь сбыт: египетский рис, овощи, лен, бума- га; сирийские стеклянные и металлические товары; аравийские москотильные продукты, жемчуг и оружие; хузистан-ский сахар; железо из Кирмана и Ферганы; персидский шелк, благоухания и садовые произведения. Все это отсылалось большей частью дальше, вместе с собственными произведениями плодородного Ирака. Но самым распространенным почти во всех частях государства, выгодным и сподручным ремеслом было с древнейших времен, а также и при халифах, выделывание тканей и материй. Всем известно пристрастие жителей Востока к великолепным и дорогим одеяниям и проистекающий отсюда обычай одарять парадными костюмами за заслуги, оказанные государству, или, скорее, царствующему дому. И нельзя не сознаться, что эти знаки отличия гораздо целесообразнее, чем наши ордена. Небезызвестно также, что уже у древних персов искусство коврового производства доведено было до высокого совершенства. Арабские завоевания слегка лишь подорвали предания векового производства, а когда наступила эпоха Аббасидов и арабы серьезно стали усваивать персидскую цивилизацию, оживилась снова и получила новое широкое развитие и тканевая выделка; в течение всех средних веков ей отдавали безусловное предпочтение не только на Востоке, но и на Западе*; тонкие изящные изделия раскупались нарасхват. Почти каждая провинция, кроме того, выделялась своей особой специальностью, смотря по лучшего качества вырабатываемым ею продуктам: хлопчатобумажным, льняным, шелковым, шерстяным либо из волоса животных; но средоточием наиболее совершенного искусства

* И теперь еще можно встретить у нас в изобилии остатки образчиков восточных тканей, в особенности в ризницах при церквах и монастырях; да и где же было найти более великолепные материи на напре-стольные пелены и священнические ризы. Другим ярким доказательством могут служить, положим, уже пережившие свою славу, персидские ковры. Возьмите самые слова, вошедшие в наш язык: <-атлас» (гладкая шелковая материя), «дама» (тонкое полотно из Дамаска), «балдахин» (ткань, идущая из Балдаха, так называли на Западе в старину Багдад). Все это в совокупности достаточно свидетельствует о прежнем широком распространении восточных материй, попадавших в самые крайние пункты Европы.

в деле тканеводства неизменно оставалась Персия, в особенности же Багдад. Почти наравне с этим производством стояло также достигшее во многих местностях высокого совершенства садоводство. С возраставшей повсеместно роскошью особенно процветало разведение красильных растений, цветов из пород благоухающих, пальм и плодовых деревьев. Употребление вина, как известно, даже в эпоху самой разнузданной роскоши обставлено было строжайшими ограничениями, следуя неуклонно религиозным предписаниям. Надо же было взамен последнего дать возможность мусли му вкусить жизненные наслаждения. И вот, со времени самого пророка, искал он забвения в утехах любви и запахах благоуханий, а чудесные сорта фруктов не сходили со стола правоверного, так как жаркий климат южных стран возбуждал физическое отвращение к тяжелой пище, особенно же к мясным блюдам.

Таким образом, не только знания и искусства, но и материальные интересы в одинаково высокой степени создали из города Мансура и окружающей его богатой страны наиблагоприятнейшую почву для быстрого и блестящего развития. Поспособствовал этому в высокой степени и коренной поворот воззрений Аббасидов на дела внешней политики. Бывало, всякий раз, как только Омейядам не препятствовали какие-либо внутренние волнения, они систематически начинали преследовать завоевательные цели первых правоверных халифов. Даже Хишам и тот пользовался каждым свободным моментом и неотступно двигал вперед пограничных наместников. Теперь дело стало совершенно иначе. Примесь арабской крови и та даже не могла превратить персов в безусловно воинственную нацию. Между тем силы сирийцев были страшно надломлены последней междоусобной войной; к тому же ни одному Аббасиду и в голову не приходило направить кайситские войска на внешнего врага; с них было довольно и того, чтобы защищать свои собственные очаги от угрожавших нападением византийцев. Таким образом, лишь только присоединены были снова, приблизительно в прежнем объеме, отпавшие было во время борьбы с низвергнутой династией провинции, — от- носительно Испании и этого ни разу не удалось, — халифы стали воздерживаться, за редкими исключениями, от возобновления завоевательной

политики. Дальнейшее распространение ислама сразу приостанавливается. Лишь 200 лет спустя турецкие полчища снова пытаются возобновить его. Временами, конечно, возникают и на востоке и на севере столкновения с соседями, но в общем становятся возможными довольно сносные отношения, а за ними непосредственно завязываются постоянные торговые связи не только морем, но и сухопутьем при помощи прокладываемых новых караванных путей. Китай шлет свои продукты уже прямо через Туркестан, а царство хазар дает возможность обмена с волжскими болгарами, через последних и с русскими; оживленные сношения продолжаются с ними в течение более двухсот лет: об этом громко свидетельствуют и поныне ежегодно и часто в значительном количестве откапываемые клады аббасидских монет внутри России повсеместно, а также по берегам и островам Балтийского моря. Не удавались никак дружественные сношения единственно только с одной Византией; лишь окольными путями, через Армению на Трапезунд, возможны были, и то мельком, торговые сделки. Между тем на западе каждый захватываемый из Африки береговой город Сицилии, а позднее в южной Италии, служит ввозными воротами для распространения восточных тканей и утвари; также и с Испанией, несмотря на отдаленность расстояния, вскоре восстановлена была оживленная каботажная торговля.

Значение такого могущественного развития торговли и промышленности, естественно, не ограничивалось в истории всего Востока одним временным повышением всеобщего благосостояния и государственных доходов. Впрочем, все эти доходы, получаемые центральным управлением, достигавшие ежегодно при Мансуре 400 млн дирхемов, за вычетом всех издержек на провинциальное управление, продолжались недолго. В начале III (IX) столетия доходы государственные успели понизиться до 370, а 30 лет спустя — до 290 млн; между тем громадные выдачи на двор, издержки на содержание войск, расходы, все становящиеся многочисленней, по ведению внутренних войн должны были вскоре окончательно поколебать финансовый баланс. И тем не менее, если при сложившихся подобных обстоятельствах не произошло всеобщего хозяйственного краха, а напротив, постепенно отделявшиеся части государства чаще всего начинали еще более процветать, этим арабы были обязаны главным образом богатству промышленного производства и обилию притока доходов, получаемых с заграничной торговли. Итак, по мере того как халифат слабел в качестве военной державы, в хозяйственном отношении оставался он в некотором роде в весьма удовлетворительном положении, пока монгольское нашествие не опустошило земель ислама, а крестоносцы не расчистили места для левантских колоний. Купцы Генуи, Пизы, Амальфи, а позднее Венеции дали возможность возрождавшемуся Западу и в этом отношении подорвать постепенно слабеющие силы Востока.

Слагался, как видите, совершенно новый государственный облик; прежний халифат Омейядов преобразовывался с необычайной быстротой. Как ни велика была перемена, которая только что прослежена нами умственным взором, но ни в чем она не проявлялась более отчетливо, как в тех отношениях, в каких находился ставший во главе государства властелин к своим подданным. Мы уже видели прежде всю невозможность для Аббасидов сделаться народными властелинами в широком значении слова. Ни для араба, ни для перса династия не была национальной, стало быть, власть, воплощенную в прежних халифах, следовало усилить. Потребность эта как раз совпала с выдвинутым барме-кидами стремлением снова заставить уважать древнепер-сидские основы управления. Нет ничего поэтому странного, что вскоре Аббасид начал походить скорее на Сассанида, даже великого царя по образцу Дария или Ксеркса, чем на главу свободных арабов, представителями которых принуждены были считать себя даже самые могущественные из Омейядов. Когда были приняты персидские воззрения на божественное происхождение главы государства (т. I, с. 362), то явилась непосредственно необходимость поставить владыку, за исключением разве редких случаев, по воз- можности в недосягаемой дали от народа. Всякое его появление обставлялось необычайной пышностью, блеск двора доведен был до крайних пределов, а главнее всего, появился посредник для необходимого постоянного общения с народом; он избавлял потомка Бога от столкновения с толпой. Сам по себе Мансур отличался бережливостью, но его преемники оставили по себе такие образцы роскоши, которые даже и в наше время не могут быть названы иначе, как только восточной. И сановники государства стали подражать насколько умели; кое в чем проявлялась, правда, и утонченность цивилизации, но следом за ней шла также испорченность, вырождение правящих кружков, а что всего хуже — безмерное расточение государственного имущества. Еще более тяжкие последствия повлекло за собой отчуждение властелина от народа передачей настоящего управления в руки высшего министра. Невольно с нашим представлением о халифах багдадских и вообще властелинах Востока неразрывно связано понятие о визире*. В действительности же это представление есть не что иное, как верное отражение тех самых восточных воззрений, которые вырисовываются в каждой главе литературы рассказов и сказок в стереотипных фигурах могущественного султана и его мудрого визиря. А ум визиря и состоял, собственно, в том, чтобы успешно играть свою трудную роль и все неприятное отстранять от сына Бога, в будничной же жизни поддерживать доброе расположение баловня судьбы. Внизу визирь всесилен, но легкий кивок всемогущего низвергает его с высоты величия в тюрьму, а оттуда слишком часто прямая дорога на эшафот. Этот перворазрядный делец прежде всего должен был обладать в высокой степени финансовой гениальностью; у него всегда есть кое-что в запасе для удовлетворения малейшего каприза монарха и его любимцев, но до ушей

* Вазир почти буквально значит «поверенный в делах». В Персии издревле существовали подобные должности. Приводимые греческими писателями выражения «око или ухо царское», когда говорится о приближенных особах, ясно указывают на то, что уже при Ахеменидах главной обязанностью высших придворных было поддержание полного разобщения между народом и властелином.

властелина никогда не должны достигать жалобы подданных на увеличивающиеся вымогательства податных чиновников. От него требуется также как можно более остроумия, ему надо уметь ежечасно рассеивать дурное расположение духа властелина. И обо всем-то он должен знать, о чем бы ни спросил повелитель, каждую трудность разрешать быстро и вразумительно, но при этом никак не неприятным советом. Днем он работает как вол, а вечером и добрую половину ночи коротает с приближенными властелина в пении, игре, танцах и остроумной беседе, при этом ежеминутно подстерегает все подкопы подводимых под него бесчисленных интриг, затеваемых со всех сторон этими придворными офицерами и чинами, этими дамами гарема и их евнухами. Не правда ли, какое неопровержимое доказательство блестящих дарований семьи Бармекидов! Члены ее почти без перерыва более 50 лет исполняли свою задачу безупречно. Но и положение этого халифа, от прихоти которого зависело заставить дрожать* с головы до пят некогда могущественного визиря, нисколько не безопасней. Страшно карает гнев высшего повелителя того несчастного, которому приходится скользить по гладко вылощенным доскам двора: но женское коварство тайком приготовляет яды, подговаривает потерявших совесть служащих и подготовляет насилия придворных офицеров, совершаемые бесшумно под покровом мрака ночи. Опускают в гроб с лицемерными завываниями труп того, кто вчера еще был халифом. Ни единого знака на бездыханном теле после страшно утонченного убийства, совершенного, быть может, по повелению брата либо сына свергнутого. И вот он занимает окровавленный трон с тем, чтобы самому, по всей вероятности, пасть в короткое время жертвой мщения или вожделения соперника. Народ редко когда и видел умершего, никакие узы ни любви, ни уважения не связывают его с ним. С немым страхом прислушивается он к темным слухам, передаваемым шепотком, все молчат, никто и пальцем не пошевелит. Прибавьте

* Классическое изображение восточного царства помещено в сочинении A Erman. Aegypten u, agiptisches Leben in Alterth. Tubingen, 1885. C. 84.

к этому несчастную форму избирательного правления и все беспорядки, происходящие при присягах и переприсягах: просто почитается за чудо, если какой-либо из Аббасидов умирает своей естественной смертью.

Нигде более, чем в подобной форме деспотизма, не зависит все отличных свойств каждого отдельного властелина. Не такой был, однако, человек Мансур, чтобы позволить своему визирю мудрить над собой, да и Халид с Яхьей не были настолько глупы, чтобы раздражать его своим самодовольством либо питать надежды на какую-либо иную роль, кроме разумных помощников высочайшей воли. Со своей стороны и халиф обладал слишком возвышенным настроением, чтобы искать утех владычества вне безустанной работы правителя. Мало имели сходства с этим мощным человеком те, кому предназначалось продолжать его творение. Уже при первых его преемниках обнаружилось все зло механизма придворного правления. Ближайшим повелителем был его сын Мухаммед, прозванный аль-Мах-дием (158—169=775—785). Отец заставил присягнуть ему еще в 147 (764), склонив Ису ибн Мусу временно отказаться от своих прав с тем, чтобы стать халифом по смерти сына. Не обладая неутомимостью и прозорливостью своего отца, все же Махдий перенял кое-что у него. Хотя новый халиф ценил бармекидов и держал их постоянно на высоких постах, но ни одного из них не сделал своим визирем; зачастую он менял последних, и на первых порах управление велось твердо, но никоим образом не жестоко. Мало-помалу, однако, халифа опутали сети гарема, и он был не настолько проницателен, чтобы прозревать все интриги своих приближенных. Падению визиря Абу Убейдуллы в 161 (778) поспособствовал, например, камердинер Раби с помощью самой незатейливой интриги; так пошло и дальше; до самой смерти повелителя (169=785) во всех превратностях высшей политики участвовал этот хитрый интриган. И доблестный Я'куб ибн Да'уд, долгое время пользовавшийся особым доверием монарха, пал тоже в 166 (782/3) за то, что осмелился сделать представление халифу о его излишней расточительности; другие же полагают, за то, что он оказал недозволительное по отношению к одному из бедных алидов сострадание. Между тем подобное увещевание было на самом деле слишком основательно. Начиная с Махдия расточение государственного имущества усиливается, доходя до самой утонченной, иногда поистине безумной роскоши, а при Харуне достигает апогея. Это и было скорее, чем все остальное, причиной быстрого расстройства финансов. А с 40 г. Махдий, погрязая все более и более в чувственных развлечениях, потерял собственную волю и окончательно подпал под влияние жены своей, Хейзураны. Была это невольница, которую вслед за своим вступлением на трон 159 (775/6) он сначала освободил, а потом женился на ней. От нее родились два сына, Муса и Харун. Первому тотчас же дано было прозвание Аль-Хади (руководящий), ему присягнули как наследнику и принудили снова отречься вечного кандидата на престол Ису (Сафар 160=ноябрь-декабрь 776)*, а в 166 (782) Харун был объявлен будущим преемником Хади и отличен почетным титулом «Ар-Рашид» (прямоидущий).

Хейзурана предпочитала своего младшего сына Харуна, а так как он приходился молочным братом Фадлу, сыну бармекида Яхьи, то его стороны придерживалась и вся эта влиятельная семья. Находясь под влиянием жены, все более и более отвращался Махдий от Хади и решился в 168 (785) лишить его наследия в пользу Харуна. В это время Хади был в отсутствии, участвуя в военном походе в Джурджане; на послание отца, требовавшее от него согласия, он ответил холодно отказом. Махдий тотчас же пустился в путь, чтобы лично переговорить с непослушным сыном, но в дороге внезапно скончался у Мазеб-дана, в окрестностях Хульвана, в Мидии. Одни говорят, что ему не посчастливилось на охоте, другие — будто был нечаянно отравлен ревнивой невольницей, приготовившей яд для своей соперницы (22 Мухаррем 169=4 августа 785). Государство обязано, во всяком случае, бармекиду Яхье тем,

* Иса умер в конце 167=784. Был это тип истого Аббасида и едва ли заслуживает принимаемого в нем некоторыми историками особого участия по поводу его постоянных неудач.

что на этот раз устранен был самый подходящий повод к борьбе братьев. Сам Махдий в 161 (778) назначил его секретарем, иными словами, воспитателем 12-летнего* Хару-на. От имени молодого принца заведывал он управлением западной половины государства, т. е. Азербайджаном, Арменией, Сирией и Африкой. Будучи сам персом, он не посмел и думать, опираясь на эти провинции, противопоставить Хади своего воспитанника; к тому же он понимал, что немедленно же арабы снова возьмут перевес. Мудрый министр посоветовал своему принцу без дальних околичностей присягнуть брату. Харун был еще молод, а долго ли проживет Хади, кто же мог это знать? О характере последнего до нас дошли описания лишь позднейших историков, которые обоготворяли Харуна, поэтому и не могут считаться беспристрастными судьями. Впрочем, то, что известно о нем достоверно, отчасти располагает в его пользу. Историки, положим, рассказывают, будто он заботился только о своем гареме; но это никак не согласуется с его первыми энергическими действиями. Привыкшая за последние годы Махдия вмешиваться в управление Хейзурана пожелала поступать таким же образом и теперь. Халиф строжайше запретил ей показываться где-либо вне своего гарема и иметь какие-либо прямые сношения с офицерами и служа-

* Во всяком случае, не совсем достоверно, что Харун родился в начале 149 (766). Табарий (III, 599, 739) приводит неоднократно 145 г., а на 149 указывает как только на соответствующий мнимым притязаниям бармекидов; таким образом, по его заверениям, вся эта история молочного братства с Фадлом, родившимся к концу 148 (765), вымышлена для того, чтобы увеличить уважение к семье. Между тем в 187 (803) случилась известная катастрофа с бармекидами, т. е. в такое время, когда истинную суть обстоятельств многие еще лица помнили, а потому подобного рода выдумка едва ли возможна. К тому же и впоследствии Харун имел обыкновение, обращаясь к Яхье, называть его «отцом» и таким самым непринужденным образом заявлять о своих братских отношениях к Фадлу. Наконец, сам Табарий в обоих приводимых местах оставляет без всяких замечаний возраст Харуна при его вступлении на трон (170=786) — 21 или 22 года. Приходится поэтому признать год его рождения 149. Не поможет в данном случае и дата его смерти (193=809). И тут возраст скончавшегося халифа, по различным источникам, колеблется между 45 и 47 годом.

щими, одним словом, дал ясно понять, что он не нуждается ни в чьей опеке. Понятно, Хейзурана из себя выходила. Как рассказывают, несогласия между матерью и сыном дошли до того, что Хади, этот арабский Нерон*, пытался отравить свою мать, а Харуна казнить. Было ли в этом обвинении нечто достоверное, трудно решить. Вот одни голые факты. Конечно, Хади, как это постоянно водилось в семье, намеревался лишить брата наследия в пользу своего собственного сына Джа'фара и уже наметил подготовительные меры. Яхья бармекид, благодаря сложившимся обстоятельствам, понятно, впал в немилость и был арестован. А затем, в ночь на 16" Раби I 170 (14—15 сентября 786) по общерас-пространенному преданию"", халифа задушили в постели подушками невольницы его матери. Тотчас же, как только наступила смерть повелителя, Хейзурана лично сообщила об этом Яхье, и в ту же самую ночь один из высших сановников взял с постели маленького Джа'фара и заставил его под угрозой смерти признать Харуна. Таким образом, произошла, во всяком случае, дворцовая революция, и в такой острой форме, которую для династии, едва просуществовавшей 50 лет, нельзя было не признать в будущем многообещающей. Конечно, непрерывность правления была сохранена, но истинными представителями ее теперь становились бармекиды, а не владетельный дом. Харуну

' V. Kremer. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Bd. II. 5.62. Действительно, нельзя оспаривать, что приводимые в тексте сведения, как выражается г-н Кремер, заключают в себе «сокровенную достоверность», но я не премину заметить, что Харсама Ибн А'ян, разыгрывающий в данном случае доверенное лицо, известен впоследствии как один из самых дельных и надежных полководцев Рашида, поэтому свидетельство его не более как пустая болтовня. Если же я был прав, когда приводил довольно правдоподобный анекдот про это же лицо, в таком случае все его соучастие при подобной обстановке становится просто немыслимо.

" По общепринятому преданию, 14 или 15, но вообще неделя у му-хаммедан начинается с пятницы, и потому более правильно 16, которое приходилось с 14 на 15 сентября 786.

"* Некоторые передают, что он умер после трехдневной болезни. И это нисколько не противоречит событию: он мог быть умерщвлен в кровати, слегка больной.

(170—193=786—809) было при восшествии на престол 21 или 22 года, но он уже привык, чтобы за него действовали мать и «отец» его, Яхья, к тому же им обоим был он обязан властью. Понятно, и дальше он разрешал им управлять. Хейзурана скончалась в 173 (789/90), но Яхья и его сыновья, в особенности Фалд, молочный брат, и Джа'фар, друг, а вскоре всеми признанный любимец халифа, вознеслись теперь на высшие ступени. В 178 (794) Рашид передал формально управление всеми делами Яхье; в 176 (792) назначен был Фадл генерал-губернатором Армении, Азербайджана, Мидии и Каспийских провинций, а в 178 (794) также и наместником Хорасана. Джа'фар же находился постоянно, за исключением случайных отдельных поручений, непосредственно возле своего царственного друга. Общением с этим милым и остроумным молодым человеком халиф особенно дорожил.

Наступило начало 187 (803). Халиф только что вернулся из паломничества в Мекку. По своему обыкновению, повелитель поселился далеко от Багдада, — он не мог выносить шума и копоти большого города, — в замке у Амбара, на Евфрате. Несколько уже дней нездоровилось повелителю или же какая-то тяжкая забота грызла его душу. Сирийский врач, христианин Гавриил, покачивал задумчиво головой — ничего не пьет, не ест. Через курьера вызван был ко двору глава полицейских в Багдаде. «Если застежка рубашки моей, — сказал ему Рашид, — узнает, зачем тебя вызывал, я швырну ее в Евфрат». Затем должностное лицо поспешило с тайным поручением обратно в Багдад. Всем при дворе стало как-то не по себе, но никто и не воображал того, что предстояло. Незадолго пред тем перешептывались один-другой, что с бармекидами что-то неладно. Халиф стал явно выказывать неудовольствие Яхье: сам же повелитель приучил его в обращении с халифом допускать иногда более откровенности, чем благоговения. Некоторые смутно стали догадываться, что властелину, уже почти достигшему сорокалетнего возраста, пожалуй что надоело быть вечно под «отеческой» опекой визиря. Но этому слуху являлся живым противоречием находившийся неотлучно при властелине Джа'фар, ибо более чем когда-либо сыпались на него милости. Если же один из его друзей и предостерегал его, укоряя в неосторожности, когда он выстроил тут же на глазах у повелителя дворец, стоивший 20 млн дирхемов, то и это замечание в настоящее время, казалось, не имело никакого смысла, и вот почему. В предпоследнюю пятницу Мухаррема (27 января 803) халиф отправился со своим любимцем на охоту. Все видели, как они возвращались обратно рука в руку. Повелитель распрощался с Джа'фаром, нежно обняв его, а сам пожелал провести вечер наедине со своими женами. С внимательной заботливостью приказал халиф врачу своему Гавриилу сопровождать бармекида в его жилище и составить ему веселую компанию. Кубки осушались усердно, а веселое настроение как-то не приходило. «Обрати внимание, — проговорил Джа'фар гостю. — Повелитель правоверных ничего не кушает, я боюсь, не начало ли это какой-нибудь серьезной болезни». Тут же на пиру восседал и Абу Саккар, знаменитый слепой певец, готовый песней усладить попойку. Но расстроенный хозяин ничего не хотел слышать, кроме одной меланхолической строфы: «...и туда поспешили Мунзира сыны*: (т. I), где монах христианин святую обитель воздвиг". И ее не боится тревожный и не ищет, даров ожидая». Так коротали они время, пока не наступила вечерняя молитва. Вдруг врываются в зал Месрур, глава евнухов, и адъютант халифа, Харсама, начальник телохранителей. «Встань, негодяй!» — раздается его громовой голос, обращенный к Джа'фару. С ужасом глядит доктор, как всемогущего так недавно любимца повелителя волокут, словно заурядного преступника. Полчаса спустя позвали врача к Ха-руну. Перед властелином стояла голова Джа'фара на блюде. «Не хочешь ли меня спросить, — заговорил повелитель, — о причине моего недавнего отвращения к еде и питью? Знай, мысли о том, что ты видишь здесь, были к тому истинным поводом. Теперь я похож на выздоравливающего, прикажи, чтобы мне дали есть!» Тем временем начальник полиции в

'Цари Хиры.

" Именно в Хире, где жили большей частью христиане.

столице окружил жилища, занимаемые бармекидами, и всех их арестовал. Разосланные по провинциям курьеры хватали доверенных лиц и агентов могущественного семейства, имущества конфисковались. Впрочем, по тогдашним понятиям с отдельными личностями поступили вовсе не жестоко. Удовлетворились довольно снисходительным заточением Яхьи и его сыновей, и лишь некоторое время спустя усилились строгости, навеваемые вспышками подозрительности, хотя никого больше уже не казнили.

Внезапная немилость, постигшая первую семью в государстве, должна была неминуемо произвести повсеместно удручающее впечатление. Разнообразнейшие предположения о настоящей причине опалы, передаваемые от одного к другому, дошли и до нас в различных версиях, доказывая, насколько интересовались этим событием как современники, так и позднейшие потомки. Существуют два противоположных мнения, которые повторялись историками и тогда и теперь. Одни уверяли, что причиной падения Джа'фара была женщина. У Харуна была сестра, Аббаса, которую он любил, как передают, так нежно, что никак не мог с ней расстаться. И участие Джа'фара в вечерней беседе было халифу приятно, но обоих вместе видеть у себя запрещали ему, однако, обычаи гарема, ставшие с некоторого времени особенно строгими: не дозволялось чужому мужчине видеть сестру повелителя без покрывала. Один только и был исход: Джа'фара следовало женить на Аббасе. Для того же, чтобы сохранилось резкое отличие владетельного дома от слишком могущественной и без того семьи бармекидов, брак заключен был фиктивный. Недолго, однако, так продолжалось: родилось вскоре двое детей. Тайно воспитывались они вда-

леке от двора. Несколько времени спустя донесли халифу об их существовании, и ему пришлось пожертвовать любимцем. Большинство, однако, искало понудительных причин совсем в ином. Замечали, что у властелина с каждым годом медленно, но постоянно растет чувство недовольства на свою зависимость от гордого рода. Хотя и в самой привлекательной форме, бармекиды предоставляли ему, однако, лишь тень могущества, а себе, собственно, сумели присвоить истинную власть. По настоящему следовало бы отнестись с полнейшим недоверием к первому приводимому выше сказанию, как это делается вообще с так называемыми историческими анекдотами, и принять безусловно последнее объяснение, если бы только из хода событий не вытекало, что Харун имел какой-то повод питать к Джа'фару особливую неприязнь. В самом деле, если бы халиф домогался только уничтожения влияния бармекидов на государственное управление, Яхья первый должен был бы пасть от меча: в кабинете его сходились все нити управления; настоящим правителем был ведь он, а не Джа'фар, который лишь изредка, по специальным поручениям, принимал участие в общественных делах. Как бы там ни было, сколь ни возмутительно коварство аббасида, поражающее намеченную жертву в момент оказания лицемерной дружеской ласки, тем не менее не следует упускать из виду, что то положение, которое заняла великая министерская семья по отношению к своему монарху, шло вразрез с личным правом пользования властью последнего. Сугубо невыносимым стал для халифа установленный порядок, когда в течение 180— 186 (796— 802) вследствие многочисленных неудач внешних и внутренних, происшедших в управление бармекидов, он представился ему в менее благоприятном свете, чем было это прежде. Безграничную признательность заслуживала бы поэтому почти невероятная кротость внука Мансура, с которой он удовольствовался, не истребляя в корень семьи, низвергнуть чересчур высоко поднявшийся род, если бы притом халиф обладал способностями пользоваться с осмотрительностью и искусно единодержавием, так счастливо им добытым.

Про него же этого никоим образом сказать нельзя. Сила дома Аббасидов как бы на долгое время исчерпалась, всецело воплотившись в мощном Мансуре. Только в сыне Раши-да, Ма'муне, проявляются снова некоторые качества, так необходимые монарху исполинского государства. Не ранее 100 лет после смерти основателя династии появляется действительно достойный ему преемник В этом и состоит исконное проклятие деспотизма; оно выслеживает властелина на головокружительной выси неограниченной власти, вдыхая в него забвение всякой меры и необходимости самоограничения: то низвергается им повелитель в пропасти неистовой тирании, то погружается в обессиливающее болото вечной погони за наслаждениями. Над преемниками Аббаса разразилось оно в широчайших размерах*. Не следует, разумеется, забывать, что ту необдуманную быстроту назначения самых жестоких наказаний, какую мы встречаем с ужасом даже у лучших из этой семьи, лишь на половину следует приписывать личным наклонностям: персидские влияния, увы, и в этом отношении становятся неизбежным законом". Во всяком случае, примеры подобного рода бесчеловечной жестокости были менее гибельны в общем для государственного блага, чем расслабляющая бездеятельность и боязнь труда — прямые последствия гаремной жизни и пресыщения всеми возможными наслаждениями. Мы уже видели, как силы Махдия были подорваны быстро в этом направлении. Вина Харуна и состояла, собственно, в том, что, низвергнув бармекидов, он не обладал ни энергией, ни политическим разумением для продолжения образа их управления. Единственная значительная мера, выдвинутая им еще перед 187 (803) и, по всей вероятности, задуманная по собственному почину, была

* Так далеко я не желал бы идти, чтобы вмести с Кремером (Culturgeschichte des Orients. Вд. II. 3.61) приписывать им наследственную нервную раздражительность, род кесарского безумия, замеченного будто бы уже у первых Аббасидов. Подобное предрасположение могло легко исчезнуть с помощью позднейшей примеси свежей крови. Мы видим, что оно не повело же к быстрому упадку семьи, наоборот, в Саффахе и Мансуре ничего подобного и следа нет, не были очень скверны и их потомки. К тому же ко всем россказням, указывающим на болезненные симптомы, следует относиться с самой внимательной осторожностью. Если сравнить, например, два известия из различных источников об одном и том же событии, попадающиеся на каждой странице арабских историков, сразу же поражаешься неопределенностью подробностей, рассеянных повсюду, даже и тогда, когда приводятся подлинные сообщения очевидцев.

" Как определенно влияла ужасная персидская традиция и в разбираемое нами время, лучше всего может подтвердить помещенная в Journal asiatique, IV serie, C. III, стр. 127, статья о методах казни, имевших применение, как оказывается, уже во времена Сассанидов, что легко проследить по книге Ардаи Вираф.

повторением совершенной уже Махдием ошибки. Он возбудил соревнование между двумя сыновьями своими, будущими преемниками власти; но когда халиф скончался, не нашлось более бармекида, чтобы устранить снова дурные последствия распри. Благодаря только их заслугам, озарившим за время управления Харуна блеском как внутреннее благосостояние государства, так и внешние отношения, а равно и резкому отличию последующего периода, имя этого властелина неизгладимо запечатлелось в памяти жителей Востока. Таинственно наброшен на него восхитительный покров вымысла поэзии, и слава Харуна вместе со сказками «Тысячи и одной ночи» разнеслась по всему дальнему Западу. Вот почему этот человек, не совсем злой по масштабу аббасидскому, скорее добродушный, но как халиф весьма посредственный, пользуется известностью в глазах большинства. Его считают представителем восточного величия власти, подобием Карла Великого, типом истого, доподлинного халифа багдадского. А в сущности при нем именно и начинается период упадка халифата: устранив от дел семью образцовых исполнителей, он поколебал вместе с тем и политику сохранения равновесия между арабами и персами,

правильное понимание и проведение которой в жизнь в течение пятидесяти лет и было исключительной заслугой Мансура и бармекидов.

ГЛАВА III

АРАБЫ И ПЕРСЫ

Стало ясно, как день, что обе преобладающие народности тогдашнего ислама, столь различные по характеру, если не возбуждать у них насильственного взрыва страстей, могли еще с помощью справедливого и осторожного управления не только мирно уживаться рядом, но даже постоянно находить друг у друга взаимную поддержку. Этим и пользовалось правительство до самой кончины Харуна (193=809), смело действуя как во внешних, так и внутренних делах государства. Вспомните только, в каком дурном положении очутился халифат при последних Омейядах по отношению к пограничным провинциям и своим соседям. В Испании и Африке вспыхнуло всеобщее восстание; границы Малой Азии были обнажены; северная Сирия, Месопотамия и Армения оставались незащищенные от вторжения византийцев; тюркские племена в стране хазар, за Оксусом и в Кабуле, снова успели стряхнуть гегемонию арабов — вот что получили в наследие Аббасиды, сами тоже поставившие государство на край гибели. И в этом направлении сумел, однако, Мансур изменить ход дел. Одно из замечательнейших зрелищ в истории представляет собой эта эпоха: раскол между римской церковью и исаврийскими иконоборцами Византийской империи, с одной стороны, а с другой — постоянно продолжающиеся волнения внутри халифата с самого времени падения Омейядов начинают связываться в нерасторжимый узел. Мировые происшествия складываются не так, как бывало: не одна только Византия, но весь Запад, а также и большое северное государство хаза-ров, казалось, сливались с судьбами ислама. Отныне противниками христиан становятся христиане, мусульман — мусульмане; наступает момент, когда известный исторический мир раскалывается на два непримиримых лагеря, и все живущие вокруг средиземного водоема народы, до самых крайних пределов востока и запада, начинают это заметно ощущать. На западе приходится бороться испанским арабам с франками, на востоке — византийцам с халифами. В то самое время, когда испанские арабы стали сразу во враждебные отношения к своим азиатским единоверцам, а союзники пап, Каролинги — к еретическим императорам Константинополя, должна была естественным путем возникнуть связь дома Карла Мартела с Аббасидами, насколько это было возможно, так как она, очевидно, могла доставить обеим семьям несомненные выгоды. С другой стороны, мы видим, что Лев Исаврийский берет в жены Ирину, дочь хакана хазаров. Рядом, с безмерными бедствиями, принесенными этим браком, византийцы заручаются по крайней мере поддержкой северного государства; отныне хазары еще грознее напирают через Дербентский проход на наместников халифа. Но слишком громадные расстояния должны были в конце концов одержать верх над взаимными интересами. Все сношения ограничились поэтому лишь изъявлениями приязненных чувств, посольством Пипина к Ман-суру (148=765), а позже обменом вежливостей и подарков между Карлом Великим и Харуном (797=180 и 801=184). Этим путем удалось франкам увидеть первого слона, быть может, выторговать также некоторые льготы для своих палестинских паломников — и только. Более важные задатки на мировом театре получались исключительно косвенным влиянием указанных выше дипломатических уклонений. Так, например, благодаря трудностям, которые встретил могущественный Константин V в продолжавшейся им упрямо иконоборческой политике, посчастливилось Мансуру в 139 (756) отвоевать Малатию с Мопсуестией и тем восстановить старинную пограничную линию с Византией. Большими потерями сопровождалась оборона арабов от хазар и турок. 145 год (762) прошел в безуспешной борьбе, так что в 147 (764) хазары очутились снова в Тифлисе, производя оттуда страшные опустошения и угоняя массы пленных. Возмущение каспийских прибрежных народцев в Дейлеме и Табаристане, потребовавшее особых походов в 141,142 и 144 (758, 759 и 761), умножало трудности действительного охранения северных границ. Когда же наконец явилась полная уверенность в замирении Табаристана и он был присоединен к государству, один весьма опасный бунт, возникший в 167—168 (783/5), показал, чего можно ожидать в будущем от этих горных стран, из которых одной предназначалось впоследствии судьбой положить конец мирскому могуществу халифата. Между тем на востоке Абу Муслим еще при Саффахе снова покорил страны за Оксусом до самых границ Китая (133— 134=750—751), а при Мансуре, после нескольких предпринятых набегов из Седжестана, князь Кабула согласился, как бывало и прежде, платить ара- бам дань. В пограничных индийских странах снова удалось занять Мультан и совершить новые завоевания в Пенджабе до границ Кашмира (151=768).

Положение дел на западе было несравненно хуже. Хотя Египет после истребления приверженцев Мервана по-прежнему сохранял, за редкими лишь исключениями, старинную свою склонность к покою, но за соседней Баркой авторитет Аббасидов временно не признавался никем. Аб-дуррахман ибн Хабиб, положим, не отказывался формально повиноваться Саффаху, но уже племена, кочующие за Тлем-саном, были неподвластны эмиру, а сидевших ближе на восток приходилось беспрестанно укрощать неоднократно высылаемыми против них отрядами. Мало-помалу и наместник стал действовать как

вполне независимый властелин. Удачные набеги его флота на Сицилию и Сардинию увеличивали еще более его надменность, а когда Мансур, враг всякой неопределенности, вздумал было понудить его выказывать большую подчиненность, он напрямик отказался повиноваться (137=754/5). Становилось это тем более опасным, что в том же году появились в Кайруване некоторые из Омейадов, избегшие кровавой расправы с их домом; их приняли здесь, конечно, с распростертыми объятиями. Тут очутились два сына Валида II и внук Хишама, Абдуррахман ибн Му"авия, а также множество женщин. Абдуррахман ибн Хабиб поспешил закрепить заманчивый союз с наследниками дамасского халифата, выбрав между беглянками жен для себя и брата своего, Илияса. Не наделай сыновья Валида множества глупостей, и тут могло бы дойти до попытки отнять от узурпаторов Аббасидов хотя бы часть их добычи. Омейяды начали необдуманно заявлять свои ни на чем не основанные высокомерные притязания на подчинение всех членам падшей династии и тем сильно раздражили сына Хабиба. Недолго думая, эмир устранил неудобных гостей, но и сам вскоре пал, сраженный кинжалом своего собственного брата, подстрекаемого к мщению супругой из дома Омейядов. По умерщвлении двоюродных братьев, не предвещавшем и ему ничего хорошего, Абдуррахман ибн Му'авия пустился снова странствовать. Блуждая от одного племени к другому, он достиг наконец Цеуты. Отсюда рискнул он переправиться в Испанию 138 (755). Без всяких средств, благодаря лишь безграничной отваге, бесстыдству и неслыханному счастью, этот удалец в течение какого-нибудь года, пользуясь смятениями междоусобной войны, успел стать властелином всей обширной страны и назло Аб-басидам основал новую династию Омейядов (139=756). Между тем в Африке дошло до полного разложения. Сын умерщвленного Абдуррахмана, Хабиб, из мести стал воевать со своим дядей (138=755/6), и это раздвоение арабских сил подало сигнал ко всеобщему восстанию берберов. Погиб Хабиб, а с ним рушилось и владычество арабов над этими странами (140=757). На западе оно более никогда и не возникало. В том же самом году Сиджильмаса, а в 144 (761) Тахерт (нынешний Такдемт) сделались столицами независимых берберских государств племен Бену Мидрар и Бену Рустем. До 144 (761) и Кайруван оставался в руках восставших племен. В это время Мансур был занят борьбой со своими дядями, войнами с византийцами, смутами в Табарис-тане и укрощением множества бунтов внутри государства; лишь в 142 (759) смог халиф поручить Мухаммеду ибн Аша'су попытаться снова завоевать африканские владения, выступив в поход из Египта. Первый опыт оказался неудачен. Вскоре затем снова возникли раздоры между берберами, они потерпели поражение и должны были очистить Кайруван (144=761). Этот пункт, укрепленный сызнова, остался на некоторое время в руках арабов. Так же точно и восточная половина Нумидии, так называемый Заб, с главным городом Тобна, была занята подчиненным полководцем Мухаммеда, Аглабом (144=761/2). Хотя позднее и возникали распри в среде самих арабов по старинному примеру кайситов и кельбитов (148=765,150=767), а через каждые несколько лет покой неукоснительно нарушался восстаниями берберов (150=767/8,154=771 и т. д.), но все-таки в этих странах продолжали еще десятки лет признавать, в сущности, авторитет Аббасидов. Дальнейшего расширения их власти нельзя было, конечно, добиться даже при всей энергии Мансура. Хотя по его повелению в южной Испании выса- дился Аль-Ала Ибн Мугис и организовал было опасное возмущение против омейяда Абдуррахмана, но прочного успеха не имел. Посланец аббасида обрел здесь смерть, и Испания со всей западной Африкой осталась по-прежнему вполне независимой от халифата.

В следующие десятилетия государство Мансура и барме-кидов проявило относительно почти везде свою достаточную способность к сопротивлению превратностям судьбы, хотя сила мудрого министра заключалась скорее в искусстве управления, чем в воинских доблестях. Нельзя было также упрекнуть Махдия в лучшие его годы в недостатке энергии, а отсутствие военных способностей у Харуна восполнялось в некоторой степени властолюбием, которое неоднократно побуждало его хотя бы по наружному виду* выступать самолично в походах против византийцев. Между тем, начиная с Мансура, почти без перерыва продолжается война халифата с Византией. Конечно, она велась, пожалуй еще более, чем прежде, в образе хищнических набегов. С обеих сторон беспощадно разоряли пограничные провинции; как те, так и другие старались увести как можно более пленных. Когда одно из обоих государств терпело от внутренних беспорядков, другое пользовалось благоприятными обстоятельствами и одерживало временный успех: так, в царствование Махдия сарацины одолевали в 159, 160, 165, 168 гг., при Харуне же в 172,174,175,177,178,181,182,187,188,190(776—806), а греки в 161 —164, 191 (778—781, 807). При этом, однако, арабы врезывались обыкновенно глубоко в Малую Азию — в 165 (782) достигли они Босфора, в 181 (797) при Харуне даже Анкиры и Аморіума, а в 182 (798) Эфеса — между тем как византийцы не проникали никогда далее Малатии и Мараша (Германикии). В общем, не получалось прочного прираще-

* Командованием заведовали, конечно, приставленные к принцу генералы, так, например, Хассан Ибн Кахтаба, Язид Ибн Мазьяд, Абд аль-Мелик ибн Салих и др. Что же касается встречающихся в летописях выражений «Харун предпринял поход» и т. п., они легко объяснимы сущностью положения дел. Один такой поход был предпринят, например, еще при Махдии в 163 (780), когда Харуну самое большее было 18, а еще вероятнее только 15 лет.

ния владений, но мусульмане пользовались тем преимуществом, что военные операции происходили большей частью в областях Византии. В первый же год вступления на престол Харуна (170=786) арабы позаботились о систематическом укреплении своих пограничных городов, начиная от Малатии до самого Тарса. Крепости эти, вместе с разбросанными между ними отдельными фортами, образовали под именем аль-'Авасим, «оборонительных линий», особо управляемый округ, род военной границы, организация

которой поддерживалась и впоследствии. Рядом с войной на суше сражались в 175 (791) и на море, близ Кипра. В 190 (806), когда жители этого никогда окончательно не арабизированного острова отказались платить дань, мусульманский флот высадил большое войско, произведшее страшные опустошения и захватившее 16 тыс. пленных. Ничего особенно замечательного не происходило в этот самый период и на севере; только упоминается еще раз о весьма неприятном вторжении хазар в Армению (183=799). Также и на востоке, *с* тех пор как влияние халифата усилилось перенесением столицы в Багдад, почти везде турки перестают тревожить мусульман. Индию же еще при Махдии (159=776) арабы посетили морем, завоевали и опустошили город Барвадж, у устья Нербудды: но флот их потерпел на возвратном пути крушение (160=777), а экипаж сильно пострадал от скорбута. Отважное предприятие не повторялось более арабами. И на других границах государства не оказывалось никаких существенных перемен, но незадолго до падения бармекидов выяснилось, что вследствие дальнего положения столицы на востоке и ослабления исконной силы Сирии самый Кайруван стал слишком отдаленным пунктом от средоточия государства и нельзя было поэтому рассчитывать владеть им постоянно. Даже при Мансуре становилось это трудным делом, теперь же достаточно было одного появления честолюбивого и энергического человека, чтобы окончательно воспоследовало отделение. До 174 (791) шло еще все довольно сносно, хотя, конечно, не особенно было приятно, когда в 172 (788) некто Идрис, алид, избегнувший аббасидских палачей, был радушно принят берберами на крайнем западе и основал в Валили* первое самостоятельное шиитское государство; в следующем же году подчинился ему также и Тлемсан. Таким образом, вся Мавритания окончательно отделилась от халифата и в ней возникли три самостоятельные династии — Бену Мидрары, Бену Рустемы и Идрисиды. Но это было только окончательным утверждением уже давно существовавшей на самом деле независимости. И в той же части западной Африки, где арабы распоряжались свободно, центробежные силы дали знать о себе чувствительнее, чем можно было ожидать. В 174 (791) сын бывшего наместника, питавший притязания на пост своего отца, выгнал из Кайрувана ставленника Харуна, но и сам в свою очередь погиб, усмиряя восстание тунисского гарнизона (178=794). Вслед за тем среди местных арабов возгорелась междоусобная война, которую на время только удалось потушить лучшему генералу Харуна, Харсаме Ибн А'яну (179=795). Он назначил Ибра-хима, сына павшего во время возмущения 150 (767) Аглаба, подчиненным правителем округа Заба, заведываемого прежде его отцом. По вторичном возвращении Харсамы в 181 (797) возник снова целый ряд смут и возмущений и вышеупомянутый аглабид много способствовал восстановлению порядка до самой Тобны; вскоре, однако, он напрямик объявил халифу, что готов, пожалуй, выплачивать ежегодную дань, а за то во всем остальном требует предоставить ему и его потомкам управлять страной в виде наследственного лена. Поглощенный борьбой с хазарами и с весьма упорным восстанием в Персии, Харун согласился на договор (184=800). Этим заканчивается первый акт нового зрелища — когда ставшее слишком великим государство постепенно дробится на ряд отдельных более или менее независимых политических организмов, управляемых новыми династиями. Нам придется вскоре изучать это новое явление в дальнейшем историческом его развитии.

Внутренние раздоры угрожали, однако, государству Мансура еще более, чем внешние враги. Видам правительства, поставившего своей задачей сближение персов и арабов

' Древний Волюбилис, невдалеке от нынешнего Феца.

в качестве равноправных элементов, одинаково противодействовали все более или менее ярко очерченные национальные кружки обеих народностей: и кайситские приверженцы свергнутой династии, и обойденные властью алиды, наконец, хариджиты, отвергавшие всякую чисто политическую форму правления. Представители всех этих различных стремлений, понятно, везде, где только приходилось им случайно сходиться в одном пункте, старались войти во всевозможные взаимные соглашения, между тем как в прежнее время они сами значительно были оттесняемы массой умеренных шиитов Персии, державших неизменно, под давлением могущественных бармекидов, сторону правительства. При этом внутри шиитской оппозиции одерживает ныне верх крайнее направление. Личности алидов отступают на задний план, выдвигаются разнообразные пантеистические и коммунистические толки, имевшие издавна в Персии еще при Сассанидах многочисленных последователей; отныне благодаря непрекращающемуся постоянному национальному отвращению к чуждому исламскому вероучению эти веяния опять входят в моду. Сами же алиды стремятся снова завязать сношения с арабами, и мы встречаем их приверженцев, зейдитов, до 170 (786) почти исключительно внутри Аравии, между тем как в Персии во всех многочисленных восстаниях политико-религиозных сектантов лишь изредка упоминается имя Алия. Теперь на историческую арену выступают главным образом четыре группы движений: сирийско-кайситская, хариджитов, алидов и национальная персидская. Не принимая в счет западной Африки, первая, понятно, господствует в Сирии, вторая — в Месопотамии, третья — в Аравии, а четвертая — в Персии, по преимуществу в Хорасане. Разберем каждое из этих направлений отдельно в общих чертах.

Кайситы так и не смогли окончательно оправиться после перенесенного ими сокрушительного разгрома, под конец владычества Омейядов. В течение первых 40 лет почти ничего не слышно о дальнейшем их существовании в Сирии, а позже они не могли придумать ничего лучшего, как с остервенением по временам схватываться в Дамаске и его окрестностях со своими исконными

врагами, южными арабскими племенами. Так, дрались они сперва в 174 (790), затем в 176 (792), 180 (796). Побоище стало настолько кроваво и беспорядки в стране так сильны, что Харун принужден был послать любимца своего, Джа'фара, дабы утишить распрю, потребовалось всеобщее разоружение; спокойствие наступило только на несколько лет, оно было нарушено снова в 187 (803). Остается еще упомянуть о бунте кайсит-ских племен в Египте (178=794); их успокоил Харсама, следуя по пути на запад, — вот и все. Упорнее вели войну с домом Аббаса хариджиты. В глазах их эта семья была не менее нечестивым гнездом, чем и сами Омейяды. Аббасидский генерал Хазим Ибн Хузейма должен был усмирять поочередно в 134 (751/2) Басама у Мадайна, а других в Омане, в 138 же (755/6) Мулаббада в Месопотамии. Затем, до кончины Мансура, наступает временное затишье. Но при Махдии сектанты снова зашевелились: в 162 (779) взбунтовался Абд Ас-Селлам в Киннесрине (Сирия), в 171 (787/8) Сахсах в Месопотамии. Это же гнездо тогдашних хариджитов становится снова в 178—179 (794—795) местом далеко не маловажного возмущения Валида, сына Тарифа. Оно кончается смертью зачинщика, падшего от руки Язида Ибн Мазьяда, но снова вспыхивает в 180 (796), руководимое Хуррашей. На этот раз Харун порешил покончить дело одним ударом. Он повелел срыть стены Мосула, особенно отличившегося во всех этих волнениях. С трудом отговорили халифа, намеревавшегося было истребить всех жителей поголовно. Действительно, долгое время после того в городе никто не смел и шевельнуться, но волнения сектантов продолжались прежним порядком в других местностях: возникали возмущения у Хулвана в 185 (801), даже в самом Ираке в 191 (807); в 190 (806) подобные же смуты охватили восточную Аравию, а в 191 (807) и Сирию. Если все эти взрывы не были настолько сильны, чтобы повести к действительному потрясению могущества династии, все же они свидетельствовали о жизненности арабского старинного демократического свободомыслия, вспыхивавшего по временам то там, то здесь. При благоприятных обстоятельствах мятеж легко мог разлиться повсюду, особенно там, где горделивое старинное арабское самосознание еще не погасло, убаюканное совместным сожительством, примесью персидской крови и роскошью, царившей в больших городах.

Этим обстоятельством, а также и отчуждением, которое высказывали притязательные кружки ортодоксов к мутази-литским тенденциям правительства, воспользовались али-ды: довольно серьезные возмущения возбуждены были ими на юге государства. Сыновья Абдуллы, внука Хасана — Мухаммед и Ибрахим, особенно почитаемые за опасных, подняли всю администрацию на ноги. Преследования шли, однако, безуспешно до 145 (762). От самых границ Индии до южной оконечности Аравии, по всем провинциям, всюду находили они себе убежище; спугнутые с одного места, они успевали укрыться в другом. Вдруг доносят Мансуру, что Мухаммед преспокойно живет в окрестностях Медины. Мухаммеду, сыну Халида Аль-Касрия, бывшему в качестве йеменца на хорошем счету у халифа и в то же время состоявшему правителем священного города, велено схватить беглеца. Мухаммеду, однако, не посчастливилось, и он должен был уступить пост свой северянину Рияху Ибн Осману, этот же последний так круто повернул дело, что вооружил против себя всех мединцев. Жители открыто приняли сторону внезапно появившегося алида и помогли ему овладеть особой сурового наместника Мансура (в середине 145=762). Мятеж быстро распространялся по всему Хиджа-зу, Мекка приняла наместника от Мухаммеда, ему присягнули как халифу, бедуины со всех сторон устремились под знамена претендента. Но алид не сумел воспользоваться благоприятствовавшими ему обстоятельствами, не понял необходимости соблюдать должное равновесие между кайситами и йеменцами и, видимо, чуждался первых. Со своей стороны и мединские начетчики, встретившие вначале с радостью потомка пророка, давно уже разучились действовать, по образцу старинных мединских союзников, одинаково хорошо мечом и кораном. Как только подошло войско Мансура, предводимое Исой Ибн Мусой и Хумей-дом Ибн Кахтабой (12 Рамадана 145=4 декабря 762), они разбежались. Окруженный немногими оставшимися ему верными, Мухаммед пал; этим был положен конец восстанию в Хиджазе. Тем временем Ибрахим затеял гораздо более опасную революцию в Басре (начало Рамадана=конец ноября); возмущение подготовлялось уже издавна, оно одновременно охватило соседние части Ирака, Хузистана и Персии. Бунт становился особенно страшным, потому что проживавший в Хашимие близ Куфы Мансур очутился вдруг окончательно разобщенным с восточными провинциями. Находясь между восставшей Басрой и неприязненно расположенной к нему Сирией, халиф не имел при себе вдобавок достаточного количества войск — большинство его армии тянулось по дороге в Медину, далеко от Ирака. Повелитель выказал при этом такую энергию и мудрость, которые даже в нем трудно было предполагать: рядом искусно рассчитанных мер он сумел сдержать в повиновении ненадежных куфийцев, в среде которых находилось немалое число зейдитов, пока не вернулись из мединской экспедиции Иса и Хумейд. Войска подошли как раз впору. При первом же известии о смерти своего брата Ибрахим, не ожидавший такой внезапной развязки в Хиджазе, быстро двинулся от Басры к Куфе. Немного уже миль оставалось ему до столицы, когда появились навстречу мятежнику только что подоспевшие аббасидские войска. Сначала победа склонялась на сторону алида, но личная энергия и храбрость Исы остановила бегущие толпы; в возникшей свалке пал Ибрахим, а с ним рухнуло и дело алидов (25 Зу"ль Ка'да 145=14 февраля 763). Люто, как и следовало ожидать, отомстил Мансур; алидов повсюду преследовали беспощаднее даже, чем при Хаджжадже; страшно пострадала Басра, а в Медине солдатчина так расхозяйничалась, что вскоре за занятием города вспыхнул опять новый мятеж Бушевала чернь, и подавление волнения не представило, конечно, больших трудностей. Замечателен только тот факт, что в возмущении приняли участие также рабы-негры, превеликое множество которых

понавезено было сюда из западных провинций. Случилось это впервые, и современники, понятно, не уразумели симптома предстоящей опасности от беспрерывного ввоза тысяч и тысяч военнопленных либо обмененных рабов из чуждых рас; они и не подозревали того, что может случиться при этом с государством, лишь только сила господствующих классов населения начнет мало-помалу слабеть.

Основательность пущенных в ход Мансуром приемов в данном случае, как и во всем, что он ни делал, повели к тому, что долгое время не слышно было ни о каких восстаниях алидов. Этот мрачный халиф, понятно, и позже продолжал неустанно следить за ними. Когда Махдий при своем вступлении на трон велел открыть переполненные сокровищницы своего покойного отца, то с изумлением увидел в одном громадном подземелье густые ряды набальзамированных трупов алидов. Тут были старцы, возмужалые и дети; у каждого в ухе торчал ярлык с обстоятельным обозначением имени, звания и происхождения отдельного лица. Новый повелитель распорядился убрать ужасную библиотеку, а трупы предать погребению. Тем не менее Мансур никогда не чуждался вполне разумных мер, дабы привязать к новой власти безопасных членов этой семьи; так, например, между 150—155 (767—772) находим мы одного алида на посту наместника Медины. Этой политики в главных чертах держался и Махдий. Лишь по временам, чтобы люди не очень-то зазнавались, казнили одного-другого, а со всеми остающимися обращались вполне благопристойно. Увы, при Харуне все пошло совсем иначе. Он не только отнял у некоторых из них годовое содержание, но повелел возобновить всеобщее преследование. Несчастные были доведены до полнейшего отчаяния. И вот один из них, Ху-сейн ибн Алий, правнук Хасана, рискнул в сообщничестве с двумя дальними дядями, Идрисом и Яхьей, взбунтоваться возле самой Мекки (169—786); мятеж оказался одним из наиболее неудачных, а сам Хусейн поплатился головой. Но Идрису и Яхье удалось бежать. Первый спасся на крайнем западе, где этому первому там алиду посчастливилось кое-что сделать; среди берберов он положил основание династии идрисидов. Брат же его Яхья укрылся у дейлемитов в недоступных прибрежных горах Каспийского моря. Не- трудно было и ему поднять против багдадского сюзерена этот вечно беспокойный народец; в 176 (792) горцы снова отложились от халифа. Тогдашний наместник этих провинций бармекид Фадл поспешил вступить в мирные переговоры и вручил Яхье охранную грамоту, засвидетельствованную весьма почтенными личностями; с ней и отправился он к халифу Харуну в Багдад. Здесь его встретили с величайшей предупредительностью. Несколько позже, однако, нашелся услужливый главный кади — честного человека звали Абу'ль Бахтарий, — который откопал ошибку в форме документа. По повелению Рашида Яхья был заключен в темницу и умер голодной смертью.

С гораздо более значительными затруднениями предстояло встретиться халифату Аббасидов в персидских восточных провинциях, поддержке которых владетельный дом обязан был троном. Разочарование и озлобление воздействовали здесь горячо на национальное чувство и произвели одинаковое влияние, подобно описанному выше влечению арабов к алидам. Эти округа подчинились исламу позднее других, в них сохранились в наибольшей чистоте персидские обычаи и верования. Тут, по зову Абу Муслима, поднялись все поголовно с необычайным пылом, сгорая нетерпением стряхнуть ненавистное иго арабов. Аббасиды тем временем забрались тишком на трон, жертвой их неблагодарности пал, наконец, Абу Муслим, ислам же нисколько не ослабевал и по-прежнему навязывал населению свою официальную религию в виде ничего не говорящих чувству обрядных артикулов богослужения, а отщепенцы перебежчики, которых слишком большое число бесчестило священную отечественную почву, предавали презрению и осмеянию досточтимые огнепоклоннические храмы древнего Ирана. Уныние и злоба все распространялись и разносились по Хорасану, Мидии и Персии. И в других провинциях, особенно в малодоступных горных долинах Азербайджана, до последнего времени укрывавших убежища огнепоклонников, сохранялось старинное учение Зороастра, а также других древних вероучителей, и страстно выжидали жители момента возрождения. С другой стороны, по мере более прочного утверждения ислама в этих странах и национальное содержание этих движений облекалось в более религиозные формы; мятежники начинают бороться не с арабами, а с муслимами; предводители их появляются скорее в роли проповедников новой религии, чем мирских властителей. Немало находилось персов и в Багдаде, притом занимали они выдающиеся посты. Против них-то, особенно тех, которые хотя бы с виду только признавали ислам, не менее как и против Аббасидов направлена была оппозиция в восточных провинциях. Да и алиды здесь оказывались непригодными; как и другие, были они истыми арабами и мусульманами. Какие же главари могли из них выйти для этих крайних направлений! Между тем по самому своему существу возникающие из данного настроения секты клонились к применению и в теории, и на практике широчайшей разнузданности мысли. Официальная же государственная церковь в деле открытой пропаганды едва ли владеет обыкновенно хотя бы наполовину способностью противодействия по сравнению с преследуемыми ею, частью скрывающимися в разветвлениях тайных обществ еретиками; поэтому прямые последователи учения Зороастра, того самого, которое составляло некогда государственную религию древней Персии, гораздо легче поддавались исламу, чем маздакиты, представители своеобразного религиозного коммунизма, почитаемые еще при Сассанидах в 528 или 529, с государственной точки зрения, за проклятых отщепенцев. Возникшие уже тогда против них жесточайшие преследования принудили их притвориться вымершими, но на деле они продолжали тайком существовать в течение полутора столетий никем не тревожимые. Попадалось здесь также немало сторонников буддийского учения о воплощении божества в царей и основателей религий: все они придерживались во времена Омейядов шиитов, а затем примкнули к пропаганде Абу Муслима, который не

преминул в угоду им распространять убеждение, что божество воплотилось ныне в семью пророка. Когда же впоследствии действительность не отвечала их упованиям, эти люди легко поддались различного рода порывистым, опасным волнениям.

Несколько лет выжидали спокойно огнепоклонники, маздакиты и буддисты исполнения своих заманчивых надежд, обещанных им эмиссарами хашимитов, а между тем все еще ровно ничего не осуществлялось. Когда же разнеслась повсюду страшная весть об умерщвлении Абу Муслима, в том же самом году (137=755), немедленно же, некто Сум-баз, из окрестностей Нишапура в Хорасане, отъявленный последователь учения Зороастра, никогда не принимавший ислама, стал проповедовать об отомщении за пролитую кровь именитого мужа Персии. Восстание, быстро распространяясь, сразу охватило часть Хорасана в направлении к Рею и Мидии. В кровавой стычке у Хамадана пал Сумбаз, и бунт был временно потушен. Несколько лет спустя наступил момент разрыва с Аббасидами и приверженцев учения о воплощении. Целые толпы персов стали одно время появляться вокруг дворца Мансура в Хашимие в 141 (758). Из Хорасана стекались люди взглянуть поближе на нового властелина. В нем, толковали они, признаем мы Бога своего, а двух вельмож почитали некоторые из них за Адама и ангела Гавриила — очевидное смешение исламских воззрений с учением о воплощении, почти то же самое, какое нередко случалось подмечать прежде и у крайних шиитов, а в данном случае при посредстве прежних сподвижников Абу Муслима перенесенное на современных представителей власти. Во всем этом выказывалось, собственно говоря, весьма благодушное отношение, но Мансур понял сразу, что невозможно долее потакать подобным сектантским фантазиям. Как можно, все благомыслящие люди, — а о сохранении их привязанности только и думал халиф, — будут этим страшно оскорблены! И повелел он тех, кто больше горланит, схватить, но многочисленные единомышленники — их было, вероятно, более пятисот человек — бросились к тюрьме, освободили узников и с шумом понеслись к замку. Пришлось изрубить на месте зачинщиков, а с ними и многих других. Так порвана была окончательно всякая связь между Аббасидами и персидскими националистами антиисламского направления. Конечно, возмущение в Хорасане бывшего наместника страны, Абд Аль-Джаббара, случившееся в том же самом или следующем году (142=759), ничего не имело общего с этим новым направлением; сами жители, негодовавшие на дурное его управление, помогли укротить мятеж. Зато в 150 (767) последовало возмущение настоящего перса по имени Устазсиса. Он выдал себя в окрестностях Герата за пророка и в скором времени взволновал целые близлежащие округа, соседний Седжестан и собственно Хорасан. Вооруженных его приверженцев насчитывалось вскоре до 300 тыс. человек С большим трудом одолел его, вероятно только в 151 (768), Хазим Ибн Хузейма; но и после того силы мятежника оставались еще настолько грозными, что пришлось волей-неволей прибегнуть к почетной с ним капитуляции. Со смертью Мансура эти движения принимают особенно тревожный характер. В 161 (778) возмутился на дальнем северо-востоке Ата, перс из Мерва, служивший некогда секретарем при Абу Муслиме, а теперь выступивший снова с учением о воплощении. Понятно, он учил, что Абу Муслим и сам он были теми, в которых воплотилось в последний раз божество. Для того, вероятно, чтобы укрыть* от глаз непосвященной толпы величественное зрелище своего лика, он выступал постоянно закутанный в златотканый покров, от которого и получил прозвание свое аль-Му-канна — «Покрытый». Настоящим его местопребыванием был замок Санам, возле Кеша за Оксусом. Отсюда восстание разлилось по всей провинции, а в соседнем Хорасане хару-риты" завладели тоже с необычайной быстротой значительной полосой земли. Многих генералов Махдия разбивал Муканна. Только в 163 (780), когда Язид Ибн Мазьяд успел осилить харуритов, мог Са'ид Аль-Хариший справиться

* Общепринятое предположение, будто он был до такой степени уродлив, что не решался появляться с открытым лицом, — очевидно, тенденциозное измышление. Томас Мур выбрал его в герои своей поэмы «Veiled Prophet of Khprassan» (Lalla Rookh, T. I). Известный мятежник при Мутасиме, аль-Мубарка, тоже носил покрывало.

" То есть хариджиты. Следует, однако, заметить, что во многих подобных разбираемому случаях историки применяют, по-видимому, это название, не обращая никакого внимания на историческую связь, ко всем вообще различного рода революционерам, когда они не подходят под обыденные категории шиитов, хуррамитов и т. п.

с этим замечательным пророком. Теснимый все более и более, он был вынужден наконец запереться в своем укрепленном замке Санам. Когда же держаться долее не было никакой возможности, он принял яд вместе со своими женами и приспешниками, в последнюю минуту поджег замок и погиб в пламени (163=780). Еще годом раньше, подобно тому как и в соседнем Табаристане, вспыхнуло в ненадежном Джурджане иного сорта восстание, возбужденное коммунистическими стремлениями маздакитов. Возмущение было подавлено, но снова повторилось при Харуне в 180 (797) в той же самой провинции и продолжалось с такой силой, что протянулось и на второй год. Упорство, с которым эти еретические движения постоянно возобновлялись, заставило правительство убедиться в необходимости вырвать зло с корнем. А опасность легко было усмотреть; она очевидно проистекала от продолжавших постоянно держаться тайных языческих воззрений, которые, отчасти даже под маской исламского исповедания, еще широко были распространены почти по всем областям востока. Маздакиты в Азербайджане и прикаспийских провинциях, пропитанные буддизмом огнепоклонники в Хорасане, манихейцы и родственные им секты в Месопотамии, особенно в Харране и окрестностях, в болотистых местностях южной полосы Евфрата до самой Басры и Хузистана, в одинаковой мере пылали ненавистью к истинной вере, хотя все эти различные учения сильно отличались друг от друга в отдельных подробностях. Тем опаснее

становились их основы, когда проникали в среду пропитанных вольномыслием арабов, на что неоднократно слышались жалобы уже во времена Мансура. Всех этих неверных и еретиков клеймили общим наименованием зендиков, что значило первоначально «колдуны»* — так, вероятно, величали всех еретиков уже в эпоху Сассанидов. Даже при Мансуре если попадались неудобные личности, то их казнили иногда по обвинению в зендикизме; возьмем хотя бы Ибн Аль-Мукаффу. Последствием возмущения Муканны было то, что это гонение при

* J. Darmesteter в Journal Asiatique , VIII serie, c. III, p. 562.

Махдии вошло в систему. Каждый зендик почитался государственным преступником, а в 167 (783/4) учреждена была должность великого инквизитора, носящего титул «палача зендиков». На его обязанности лежало расследование и наказание всех вольнодумцев. Мутазилиты теологи, дабы не ударить в грязь перед ортодоксами, всячески стремились избегать даже вида примеси хотя бы тени атеистического вольномыслия к собственному рационализму, а потому усердно предавались преследованию еретиков, но цели, понятно, не достигали. Признанные опасными для государства мнения исповедывались сокровенно и продолжали еще успешнее процветать и размножаться тайком. Посыпались, разумеется, постыдные изветы отовсюду, неразлучные спутники всякого деспотизма, будь он абсолютным либо радикальным — безразлично. Ведь обвинение в ереси — слишком сподручное и почти всегда действительное средство к устранению личного врага или же политического соперника. Дошло до того, что позорная смерть погубила многих сильных по характеру и во всех отношениях превосходных людей. Интеллигентные слои населения были запуганы, зато тайное подстрекательство необразованных классов против правительства развивалось все сильней. И вот после короткого перерыва (приблизительно от 168—178=784—794) насильственные взрывы революционных течений снова выступили с удвоенной силой. До нас дошли сведения о восстаниях в Хорасане, Табаристане и других местностях Персии в 166 (782/3), 180—181 (796—797), в Джурджане в 183 (799), 184 (800), 185 (801); и наконец, в 192 (808), как бы в предвкушении будущей тяжкой междоусобной войны следующего царствования, опустошавшей эти страны и соседние провинции в течение 22 лет, вспыхнули в Азербайджане волнения маздакитского характера.

Если даже правлению бармекидов стоило больших усилий справляться с подобными трудностями, то самодержавие Харуна повело, конечно, лишь к тому, чтобы еще пуще усугубить зло. До сей поры управление в восточных провинциях велось хотя бы в общих чертах недурно. Во время личного своего пребывания в Хорасане в 178 (794) Фадл упорядочил многое в этой области, по крайней мере все то, что могло быть улучшено попечением правителя. Благодаря этому позднейшие волнения ограничивались сравнительно незначительной распространенностью. Но с падением бармекидов наместник Хорасана, Иса Ибн Алий, принялся самым бесчестным образом грабить вверенную его управлению область. Начиная с 189 (805) громкие жалобы стали доходить до самого Багдада. Харун был настолько недальновиден, что во время благоразумно предпринятого им объезда восточных провинций он уже в Рейс позволил себя одурачить Исе, который поспешил к нему навстречу и задобрил его изысканной лестью и выдачей части награбленного в виде княжеских подарков. И вот, когда внук бывшего наместника Омейядов Насра ибн Сейяра, Рафи ибн Лейс умертвил из-за своих личных счетов второстепенного наместника в Самарканде, потерявшие всякое терпение местные жители провозгласили его своим предводителем. В союзе с некоторыми тюркскими племенами ему посчастливилось разбитьИсу, а в следующем неудачном сражении в 191 (807) пал и сам наместник. Возмущенный всем происшедшим, халиф отправил в Хорасан Харсаму ибн А'яна, и тот сумел весьма искусно нейтрализировать действия Алия, сына покойного наместника, только что его заместившего. Доверенный Харуна торжественно обещал народу на будущее время лучшее управление, но Рафи по-прежнему распоряжался неограниченно за Оксусом. Дела складывались до такой степени серьезно, что повелитель счел необходимым лично выступить в поход против мятежника. Он послал наперед в Мерв своего сына Ма'муна, а сам с главными силами тронулся вслед за ним. Халиф прибыл в Туе (нынешний Мешхед в Хорасане), но здесь настигла его скоротечная болезнь*, которую не мог перенести преждевременно истощенный постоянной беспорядочной жиз-

• Какая именно — неизвестно, описания симптомов болезни крайне разноречивы. Уверяют, будто бы, по наущению Амина, врач христианин Гавриил отравил повелителя, но это не доказано и едва ли справедливо, принимая во внимание характер принца-юноши, в высшей степени чувствительного и легкомысленного.

нью организм. Повелитель скончался, имея только 45 лет от роду*, 3 Джумада II 193 (24 марта 809), при угнетающем сознании, что его постель окружают шпионы обоих его сыновей, эгоистические происки которых угрожали уже теперь нарушить ежеминутно правильность престолонаследия, а вместе с тем и посягали на государственную безопасность. Это было прямой виной не по заслугам прославленного усопшего правителя, и опасность в скором времени должна была осуществиться в самых ужасных размерах. Трудным, почти невозможным, быть может, оказывалось достижение на деле целей политики Мансура и бармекидов — скрепления надолго единения арабов и персов при помощи

безусловного взаимодействия обеих наций; но преследование этого плана, не следует забывать, представляло единственную возможность сдерживать мирным путем оба народа под одним и тем же скипетром. Поэтому самым лучшим и наиболее ярким свидетельством полной политической несостоятельности Рашида может послужить его крайнее легкомыслие, допустившее исчезновение самой возможности единения народов благодаря размножившимся в его царствование гаремным интригам. Было у него трое сыновей: Мухаммед, Абдулла и Касим, и все они имели известные права на престолонаследие. Абдулла был самый старший, но прижитый от персидской рабыни. Хотя закон был на его стороне, но признание его наследником было бы оскорблением для столь известной из сказок «Тысячи и одной ночи» законной супруги халифа, Зубейды. Долгое время она полновластно управляла Харуном; в угоду ей халиф заставил принести присягу как наследнику в 173 (789) или 175 (791) второму своему сыну Мухаммеду, принявшему при этом титул аль-Амин («надежный»). Распоряжением же, сделанным позже (183=799), назначался ему в преемники Абдулла, прозванный Аль-Ма'мун — «доверия достойный». Временно первый управлял в качестве генерального наместника Ираком и Сирией, а второй — Мидией и восточными провинциями. В 186 (802) провозглашен был третьим наследником

* По другим известиям, 47.

Касим, получив прозвание Аль-Му'таман («уверенный»). Его управлению были поручены Месопотамия и «оборонительные линии». Между тем незадолго до катастрофы с бармеки-дами (186=802) халиф повелел закрепить это распоряжение, напоминавшее современникам подобное же разделение государства Людовиком Благочестивым, двумя документами: по одному из них буквально запрещалось Амину, под угрозой лишения трона, пытаться нарушать в чем-либо присвоенные Ма'муну права, а в другом обязывался, в свою очередь, Ма'мун торжественно сохранять верность по отношению к своему брату властелину. Обе грамоты, ради вящего освящения их содержания, сохранялись в Ка'бе в Мекке. Что думали касательно этих постановлений находившиеся еще тогда у кормила правления-бармекиды, нам ничего неизвестно. Едва ли, однако, могли они одобрять подобного рода распоряжения. Вероятно, эти дельцы опасались открыто выступить против интриг принцев и их приверженцев и верили в свою силу, полагая, что сумеют в предстоящих осложнениях стойко выждать, как это им удалось в былое время при Хади, не выпуская из рук, в общем, руководительства текущими делами. Падение их удаляло из среды соперничествующих принцев всякую нейтрализующую, уравновешивающую силу. Меж тем третье повторение акта присяги, совершенное по особому повелению в 189 (805), не приносило в сущности ровно ничего положительного. Как бы там ни было, одно уже отделение персидских областей от арабско-иракских нарушало единство государства. Если бы даже Амин и Ма'мун решились строго блюсти новое устройство, и в таком даже случае отдельно управляемая продолжительное время Персия привыкла бы, без сомнения, к такой широкой самостоятельности, что позже трудно бы было заставить ее жителей снова вернуться к прежней подчиненной зависимости. Но ведь сразу же становилось и теперь ясным, что дурные отношения, существующие между обоими наследниками престола, поставили их в положение в высшей степени неестественное, при всей их сдержанности с самого же начала оказывавшееся непрочным. И эта рознь между отдельными личностями становилась тем более опасной, что совпадала как бы намеренно с враждебным настроением обеих национальностей. Действительно, мы видим, что бывший камергер Харуна, Фадл ибн Раби, правая рука Амина, предан был всей душой арабским интересам, а доверенное лицо у сына персиянки, Ма'муна, Фадл ибн Сахль, бывший огнепоклонник, лишь в 190 (806), побуждаемый своим высоким покровителем, принял официально ислам. По его-то совету и выпросил 22-летний принц у Харуна взять его вместе с собой в Хорасан (193=809), чтобы на всякий случай находиться на персидской почве.

Совсем не схожая пара братцев — о подростке Касиме серьезно не могло быть, конечно, и речи — очутилась по смерти Харуна друг против друга на скользком пути к власти. Жаждущий развлечений, мечтательно настроенный Амин был юноша избалованный, а самостоятельная гордость властелина доводила его иногда до опрометчивости. Холодный, рассудочный Ма'мун обладал живым разумом: его в высшей степени интересовали науки умозрительные и точные. Ко всему этому бесстыдство его даже и для аббасида было поразительно; в этом он уподоблялся прародителю своему Мансуру. Между тем как Амин сразу же без всяких церемоний стал подкапываться под завещание покойного отца, более прозорливый брат его, при помощи своего Фадла, начал тайком заискивать у персов и выжидал терпеливо, придерживаясь, по-видимому, совершенно легальной почвы, момента, когда Амин совершит очевидное беззаконие. Новый халиф, правление которого номинально продолжалось от 193 (809) до его смерти, начала 198 (813), распорядился прежде всего вернуть в Багдад войска, выступившие в поход с Рашидом. При первом же известии о кончине отца Ма'мун тоже поспешил прибыть из Мерва в Туе и здесь с необыкновенной предупредительностью присягнул брату, а в распоряжения нового повелителя и не думал вмешиваться, уверенный по меньшей мере в преданности Харсамы и хора-санской своей армии. Старый генерал Харуна постоянно держался в сторонке от всякого политиканства — большого и малого, памятуя прежде всего, что ему следует оставаться верным слугой своего господина. Конец 193 (середина 809) он употребил прежде всего на одоление за Оксусом Рафи, успев загнать его в цитадель Самарканда. Харсама с подчиненным ему генералом Тахиром ибн аль-Хусейном, природным персом, обложил крепость. Меж тем опрометчивый халиф, подстрекаемый все более и более против брата Фаддом Ибн Рабием, вздумал

уже в 194 (810) обнародовать повеление, чтобы отныне упоминалось на пятничном богослужении имя его малютки сына, Мусы, ранее, чем Ма'муна. *А* это значило, что халиф вопреки последней воле Рашида признал ныне первого из них своим наследником. Ма'мун, конечно, возликовал; этим прямым нарушением его прав, скрепленных завещанием, Амин развязывал ему руки. Немедленно же он прервал почтовое сообщение между Мер-вом и Багдадом, согласился на почетную капитуляцию Рафи, через что заполонил сердца всех обитавших за Оксусом (начало 194=конец 809), стал выбивать собственную монету и принял, в расчете на содействие умеренных шиитов Персии, титул имама Аль-Худа «имама по Божескому произволению» (195=810). При этом он старался всюду, до самого Багдада, снискивать себе благорасположение и по мере сил заручиться соумышленниками, чему, конечно, послужило наилучшим средством открытое нарушение договора менее коварным его братом. Ничего не выиграл Амин, когда в 195 (начало 811) торжественно объявил об окончательном смещении с наместнического поста соперника-брата, а вскоре затем выслал на восток войско и серебряную цепь для зако-вания непокорного. Плохим свидетельством рассудительности халифа или, вернее, его советчика Фалла Ибн Рабия, было доверие, с которым они прислушивались к заверениям Алия Ибн Исы, что при первом же его появлении в Хорасане все решительно отступятся от Ма'муна. И этот пустой хвастунишка поставлен был во главе экзекуционного корпуса. Алий между тем умудрился так разбросать свое войско во время похода, что сам двигался только с 10-тысячным войском. Неожиданно атаковал его с 4000 воинов стоявший ближе всех Тахир, начальник гарнизона в Рее. В завязавшейся жаркой стычке пал Алий, а его войско обратилось в бегство. Той же самой участи подвергнулась и вторая 20-тысячная багдадская армия. Она была побита при Хамадане, а после нарушенного изменнически Тахиром перемирия и совсем истреблена (конец 195—811). Вся Мидия до Хульвана перешла в руки неприятеля. Снова набрано было еще раз 40 тыс. человек, но войско, к несчастью, состояло наполовину из арабов и персов. Эмиссары Тахира сумели посеять раздор в лагере у Ханикина; возникли опасные волнения: бушуя и горланя, вернулись ненадежные толпы назад в столицу (19б=конец 811). Одна оставалась еще надежда на привлечение вспомогательных сирийских войск, дабы дать иной оборот делу, но там, вокруг Дамаска и в самом городе, бились снова, с самого начала междоусобной войны, кайситы с кельбитами. Наконец удалось залучить несколько тысяч арабов в Ракку, на Евфрате, но и тут не посчастливилось. Они сцепились с близстоящими персидскими командами, высланными из Багдада; дело дошло до настоящего побоища, и сирийцы повернули обратно домой. А именно тут, в Ираке, все было рассчитано на равновесие между обеими нациями; раз оно было нарушено, весь государственный организм распадался, наступал невообразимый хаос. Дело в том, что войска, как известно, набирались и в столице и по провинциям наполовину из арабов и персов. В настоящее же время обе национальности здесь находились во враждебных отношениях. Организованный еще в 178 (794) и расположенный бармекидом Фадлом хорасанский корпус в Багдаде, ради усиления, конечно, персидского влияния, на беду несчастного халифа возмутился (11 Раджаб 196=28 марта 812). Бунт был подавлен на этот раз, но смятение вокруг Амина с каждой минутой становилось тревожней. Между тем с двух сторон устремлялись армии Ма'муна к задуманной цели. После неурядицы под Ханикином Тахир двинулся вперед, огибая с юга, а Харсама, принявший открыто сторону Ма'муна после нарушения Амином договора, надвигался со свежими полчищами по направлению через Хульван прямо на столицу. Без особых затруднений занял Тахир Хузистан и предпринял из Ахваза поход на Басру и Куфу. Все как-то неудачно складывалось для несчастного властелина в этот злополучный Раджаб. Арабы дальних провинций и тут оказались близорукими: они не понимали, что теперь ставятся на карту последние остатки их политического значения. К концу месяца (апрель 812) присягнули Ма'муну и священные города, после того как вся восточная Аравия покорилась без боя. Тем временем Тахир успел подойти к самому Мадайну, а к летнему солнцестоянию соединенные войска Харсамы и его успели обложить Багдад. Конец года и весь следующий (197=812/3) прошел в ожесточенных схватках между отдельными отрядами враждующих братьев; дрались персы с арабами, солдаты с дошедшими до исступления жителями столицы, и одновременно разыгрывались всевозможного рода интриги и измены. Как-то удалось Амину, задарив громадными суммами, переманить на свою сторону часть солдат Тахира (в конце 196=812). Но они вскоре же возмутились, а затем обещания персидского полководца, подкрепленные весьма настоятельно силой обстоятельств, возымели над ними более прочное воздействие. Искренней привязанности к династии уже нигде более не существовало. Вечные споры из-за престолонаследия, постоянные расторжения торжественно принесенных присяг, усиленная в подобных случаях раздача денег, чтобы заручиться расположением войска, привели к тому, что офицеры и должностные лица давно уже привыкли руководиться одними эгоистическими соображениями. Напрасно искали бы мы второго примера той бескорыстной верности, к тому же в ущерб себе, какую выказал единственно один только старый Харсама, к этой выродившейся семье. Конечно, прежде всего было прямой обязанностью населения столицы, превышавшего не одну сотню тысяч, выступить в защиту правительства; ведь именно ему и обязан был город всем своим блеском и благоденствием. Но роскошь жизни громадного города действует слишком расслабляющим образом: пресмыкающиеся пред силой, жители становились непокорными и заносчивыми при первых признаках слабости. Теперь же, когда халиф все более и более ощущал недостаток в деньгах и вынужден был прибегнуть к обиранию имущих, озлобление и негодование горожан росло и ширилось. А главный виновник всех бед, Фадл Ибн Раби, исчез вскоре после бунта хорасанцев. Стали понемногу уходить в лагерь Тахира один за другим и окружавшие Амина высшие офицеры. Честолюбивый перс, очевидно, стремился заложить первую ступень своего величия гибелью несчастного властелина. В то

время как Харсама неохотно исполнял свои обязанности, желая по мере сил смягчить судьбу сына покойного своего господина, Тахир неутомимо работал — подстрекал к измене генералов и слуг халифа и брал штурмом один за другим осажденные им кварталы. Столица страшно пострадала: целые части города превращались в груды щебня — никогда не суждено было впоследствии вернуться прежнему блеску, объему и процветанию Багдада. Наконец Амин заперся в замке Хулд, у осажденных быстро истощались жизненные припасы. Халиф завязал переговоры о сдаче с Харсамой, надеясь по крайней мере спасти хоть жизнь. Старый генерал обязался перевезти ночью властелина из дворца водою к себе в лагерь. Но Тахир не дремал: сторожившие по его приказанию люди ухватились за ладью и опрокинули ее. Харсама с Амином, однако, выплыли, но поджидавшие на берегу сторонники Тахира схватили халифа. По повелению перса в ту же ночь несчастный повелитель был умерщвлен (25 Мухаррем 198=25 сентября 813)'.

Ма'мун стал теперь (198—218=813—833) единодержавным властелином. Но волнения, в которые злополучная междоусобная война погрузила весь запад государства, не так-то скоро улеглись. Более шести лет продолжались они еще, прежде чем можно было халифу вступить наконец в столицу своего государства. И ему понадобилось при этом пустить в ход все коварство и беспощадность, свойственные его роду, дабы осилить всеобщее возмущение, вскоре разразившееся снова из-за совершенных им самим промахов, скорее, впрочем, визиря его, Фалла ибн Сахла. По пагубности последствий влияние этого человека едва ли уступит тому злу, которое принес тезка его араб Фадл ибн Раби при

* Исчисление даты Вейлем (Geschichte der Chalifen II, 194, прим. 2) подтверждается и приводимой у Табария (III, 916,15) параллельной сирийской датой (25 июля).

Амине. Казалось, все его заботы устремлены были на удовлетворение мести перса над всем арабским, блестящие же успехи первых советов значительно усиливали влияние Фадда на 28-летнего повелителя. Ему нетрудно было убедить халифа не трогаться пока из Мерва, а управление западом поручить брату его Хасану Ибн Сахлу. Пока Тахир возился с усмирением нескольких возмущений в Месопотамии, Хасан успел в самое непродолжительное время зарекомендовать себя так дурно пред арабами, что представился сам собой наиблагоприятнейший момент для алидов еще раз попытаться поднять народ против дома Аббаса. Случаем воспользовался некто Абу'с Сарайя, человек с весьма подозрительным прошлым. В битвах под Багдадом участвовал и он в качестве сторонника Ма'муна, когда же его уволили по окончании междоусобной войны, проходимец стал орудовать за спиной одного из алидов, проживавшего в Куфе, Мухаммеда Ибн Ибрахима, более известного по его прозвищу Ибн Табатаба; ему нетрудно было уговорить легковерного потомка Алия выступить в роли претендента (9 или ЮДжумадаП 199=25/26 января 815). Хотя вскоре после довольно удачной стычки с войсками Хасана внезапная смерть постигла Ибн Табатаба, а неоднократно разбиваемый впоследствии Харсамой Абу'с Сарайя был наконец схвачен и казнен 10 Раби I 200 (18 октября 815), но эмиссары зейдитов успели тем временем заручиться сочувствием многих в Басре и священных городах, где мало-помалу вскипало неудержимое негодование на хозяйничанье персов. В скором времени разлился бунт по всем провинциям, от Йемена до Хузистана. Между тем обнаружилось на первых же порах, что защитой интересов потомков Мухаммеда на этот раз прикрывались одни бесчинства анархических извергов: как в Басре, так и в Мекке свирепо распоряжались так называемые наместники алидов; дошло до того, что вскоре все население поторопилось от них отвернуться, а подчиненные генералы Харсамы успели без особого труда в течение первой половины 200 (815/1 б) восстановить снова порядок повсюду. Немало поспособствовало усмирению мятежников и то уважение, которое питали арабы к старинному сподвижнику Харуна. К концу 200 (816) отправился покрытый славой генерал в Мерв к новому халифу, вполне уповая, что его немаловажные заслуги подготовили ему, несомненно, самый радушный прием. Плохо же знал он натуру Аббасидов, да ему и некогда было ее изучить, беспрестанно сражаясь ради пользы этой семьи то в Африке, то в Египте, против византийцев и турок, участвуя на всех полях сражений, начиная с уступов Атласа до самых границ Китая. Цепко державшиеся за Ма'муна персы должны были позаботиться, чтобы устранить россказни старого болтуна перед халифом о безнадежной непопулярности настоящего управления в западных областях, они-то и постарались вдохнуть недоверчивому Ма'муну злую мысль, что вступающий во главе победоносного войска в Мерв военачальник готов при случае попрать авторитет властелина. Этого было слишком достаточно. Коварный аббасид повелел ввергнуть в темницу верного пособника в нужде; он допустил врагам его устроить так, что военачальник скончался в заключении «естественной смертью» (Зуль Ка'да 200=июнь 816). Одним словом, произошло нечто вроде повторения истории с Абу Муслимом, но как человек Харсама стоял неизмеримо выше свирепого «поставщика королей».

Когда весть о гнусном злодеянии распространилась среди гарнизона и жителей Багдада, они поняли, что ожидает их в будущем. Столица заволновалась. Заместителя Хасана ибн Сахла, жившего в то время в Басите, прогнали вместе со всеми его персами. Не пожелавший выступить в роли антихалифа сын покойного халифа Махдия Мансур стал во главе возмущения, провозглашенный толпой эмиром. «Долой огнепоклонника, исчадие обожателя огня!» — вопили жители Багдада, которые в пику персам все более и более чувствовали себя муслимами наичистейшей воды. Но Мансур не сумел справиться с движением. Чернь орудовала во всем, безусловно. С превеликим трудом удалось наконец нескольким смелым и честным личностям образовать милицию из среды наиболее почтенных классов населения. Мало-помалу, хотя и не вполне, устранена была всеобщая анархия. Казалось, наступал момент успокоения. Хасан уже

предпринял некоторые шаги ко взаимному полюбовному соглашению, после нескончаемых переговоров предвиделся в близком будущем успех. Договор почти уже был заключен ко взаимному удовольствию как гарнизона, так и жителей, и вдруг получается новая неожиданная весть из Мерва, и снова все взбудоражилось. Руководимый дурными советчиками, халиф порешил ради упрочения все еще оспариваемого у него могущества склонить на западе на свою сторону зейдитов. В народ проникла поразительная молва, что 2* Рамадана 201 (24 марта 817) повелитель выбрал себе зятем и преемником, с данным ему при этом титулом Ар-Риды *), алида Алия Ибн Мусу; одновременно черное аббасидское знамя заменялось зеленым алидов. Таким образом заключалось примирение обеих враждующих ветвей семьи пророка, с предвзятой, без сомнения, мыслью, подобно тому как и во времена Абу Муслима, отшвырнуть вторую отрасль снова на сторону, лишь только упрочено будет в должной мере собственное свое положение. Но последствия этой сделки получились самые плачевные. Багдад вовсе не желал слышать о каких бы то ни было шиитах; весь город восстал как один и провозгласил халифом другого сына Махдия, Ибрахима (28 Зуль Хиджжа 201=17 июля 817). Шииты же Ирака раздвоились, многие из них, и совершенно основательно, не доверяли Аббасидам. В это же время брат Абу'с Сарайя взбунтовался в Куфе. Пользуясь всеобщим смятением, генералам Ибрахима удалось занять этот город (5 Джумада I 202=19 ноября 817). Ободренные успехом, они напали внезапно на Хасана ибн Сахла в Басите, но предприятие не удалось. Тем не менее дела Ма'муна на западе подвигались туго, находясь в худшем чем когда-либо положении. И в Египте также подготовлявшиеся еще со времени смерти Амина волнения разразились поголовным восстанием при первом известии о предполагаемом назначении алида наследником. Хуже всего было то, что начиная с 201 (815/16) зашевелились снова в Азербайджане коммунисты, и волнения их вспыхнули в самой ужасающей форме.

*) По другим источникам — 7 (30 марта). " «Любимец» (собственно Аллаха).

Некто Бабек, перс по происхождению, стал проповедовать тут о воплощении божества в его семье, а по преемству и в него самого; при этом склонял он всех к общности иму-ществ и жен. Быстро удалось ему навербовать многочисленных последователей в среде сильных и всегда готовых к бунту против халифата горцев. И прежде, как, например, в 192 (808), находили у них постоянную поддержку коммунисты, или, как их называли тогда, хуррамиты*. Движение могло легко перекинуться и на восточную Персию, где воспоминания об Муканне еще не угасли, и в таком случае было бы потрясено истинное основание могущества Ма'муна. Тем более халифу приходилось выслушать внимательно доводы своего зятя алида. В виде исключения был это человек порядочный — или же находил нужным выпутать своего будущего тестя из тенет тогдашних его приближенных; преследуя односторонне одни персидские интересы, они с каждым днем все более и более подрывались под прочные основы государства. Ма'мун не лишен был прозорливости, он понял, наконец, что необходимо изменить направление политики. К тому же Рида представил ему доказательства, что Фадл Ибн Сахл утаивает от него самые дурные и важные известия с запада. Властелин решился отправиться самолично в Ирак (середина 202=конец 817). Не могло, конечно, ускользнуть от Фадла, что его влияние начинает ослабевать, хотя Ма'мун с неподдельным коварством аббасида в данный именно момент возобновил в высшей степени милостивым рескриптом его прежние почти неограниченные полномочия. Перс был настолько неосторожен, что выказал явно свое неудовольствие; чересчур усердные почитатели халифа напали на

*) Так звали этих сектантов по местечку Хуррам, находившемуся невдалеке от Ардебиля, в прибрежной цепи каспийских гор Азербайджана; оно и было, по-видимому, заповедным гнездом маздакитского учения; ср. Якут II, 427, 20. Одно это производство я считаю за истинное. Приводимое же Флюгелем (Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft 23, 531) без всяких комментариев — от персидского спиг-гат — «веселый» — не более как выходка школьного остроумия. Разве только в смысле новейшего жаргона — «развеселая компания» — может быть принят термин «веселость» в качестве основного тона как элемент «бесстыдного» и «разнузданного».

него и изрубили несчастного во время его поездки на воды в Сарахс (начало Шабана 202=февраль 818). Ма'мун, понятно, безутешно оплакивал потерю своего верного слуги и немедленно же повелел казнить убийц, в числе которых находился и его собственный шталмейстер. Тотчас же взял халиф в жены одну из дочерей Хасана ибн Сахла, брата убитого визиря, под командой которого все еще состояла порядочная армия в Басите. Подобная же своеобразная неудачная судьба постигла вскоре и остальных главных представителей его прежней политики. Отпразднована была вскоре свадьба Ар-Риды с дочерью повелителя. Но к концу Сафара 203 (август — сентябрь 818) во время продолжительной остановки в Тусе молодой супруг увлекся и покушал не в меру винограда; он умер после непродолжительной болезни с очевидными симптомами полнейшего несварения желудка. Смерть такого почтенного родственника, к тому же объявленного наследником, произвела потрясающее действие на чувствительного властелина. Все видели, как, стеная и всхлипывая, плелся он за гробом слишком рано угасшего, которого похоронили рядом с могилой Харуна Ар-Рашида. Но испытаниям повелителя, казалось, не предвиделось конца: когда он достиг Рея, пришла печальная весть о первых признаках умопомешательства Хасана ибн Сахла; окружавшая его свита принуждена была надеть на него смирительную рубашку. Общественные толки, ходившие, по крайней мере, в восточных провинциях, как тогда, так и позже, злорадно добавляли, что все эти

несчастия с халифом послужили ему же на пользу, чтобы отнять у добрых жителей Багдада всякий повод быть недовольными им. И действительно, окружающие Иб-рахима ибн аль-Махдия не видели уже более никакого основания после катастрофы с ненавистными сыновьями Сахла и со смертью Риды к дальнейшему сопротивлению приближавшемуся лично властелину. Это стало тем более для всех потребным, когда оказалось, что Ибрахим, хотя и великий знаток в поэзии и музыке и сам с немалым успехом упражнявшийся в обоих искусствах, не выказывал, собственно, ни тени уменья властвовать в течение всего времени своего номинального халифства. Итак, большинство покинуло претендента и искало примирения с его соперником. Последняя попытка вооруженного сопротивления 29 З^ль Ка'да 203 (28 мая 819) кончилась поражением, и 15 Сафара 204 (11 августа 819) мог, наконец, Ма'мун вступить в свой верный город; тут же он поспешил развернуть ставшее снова популярным черное знамя Аббасидов, а одновременно заслужил доброе расположение иракцев сложением с жителей податей.

И это доброе расположение было для него, так сказать, более чем необходимо. Вслед за отъездом Ма'муна вспыхнул в Хорасане мятеж харуритов; Тахир из-за личных счетов и зависти к генерал-губернатору Хасану ибн Сахлу все еще никак не мог справиться в Месопотамии с бунтовщиками, предводимыми Насром ибн Шебесом, а теперь могущество мятежника усилилось до такой степени, что только сыну Тахира, Абдулле, удалось к концу 209 (начало 825) принудить его сложить оружие. К этому присоединилось в следующие годы: волнения алидов в Йемене (207=822 и 212=827), где они мало-помалу все более и более крепчали, восстания в Мидии (около 210=824), в Месопотамии (214=829), в Кумме (в Персии, 216=831), продолжавшееся многие годы неповиновение наместника Синда (211 — 214=826—829). А параллельно со всем этим велись две большие войны, продолжавшиеся более десятка лет: одна в Египте (196—217=812—832), а другая против Бабека (201 — 222=815/6—837). Последняя весьма часто перекрещивалась в весьма опасных к тому же размерах со вспыхивавшей зачастую борьбой с византийцами.

Уже со 196 (812) возгорелась в Египте междоусобная война: из числа находившихся в стране арабов кайситы высказались за Амина, а йеменцы — за Ма'муна. Совершенно непредвиденное обстоятельство запутало еще более положение вещей. Дело в том, что в Испании, независимой со 139 (756) и находившейся под управлением новой династии Омейядов, вспыхнул в 198 (814) мятеж жителей Кордовы против Хакама I. По усмирении его жители южного предместья этой столицы изгнаны были все поголовно из страны. На кораблях переправились они частью в западную Африку, частью же в Египет, здесь высадилось их в 199 (814/5) не менее 15 тыс. человек, не считая женщин и детей. Сначала искали беглецы покровительства у йеменцев, обитавших в Александрии и кругом, но вскоре, пользуясь смутами междоусобной войны, они успели отстоять свою самостоятельность и, наконец, овладели даже Александрией. Непрерывный ряд опустошений, производимых в этой несчастной стране всеми этими ожесточенными обоюдными схватками партий, довел даже покорных коптов до отчаяния, и в этой провинции наступило вскоре полное разложение. Между тем только в 210 (825), после окончательного одоления в Месопотамии Насра, освободился Абдулла Ибн Тахир и мог быть послан в Египет. Сразу же принялся он задело с замечательной энергией; разбив настоящих мятежников, сумел нагнать такой страх на испанцев, что они предпочли очистить Александрию и снова пуститься в море под предводительством Абу Хафса Омара Аль-Баллутия. -По всей вероятности, они заранее наметили для себя остров Крит. Недаром же раздаются еще с 208 (823) жалобы греков на нападения сарацин. Во всяком случае, вся эта масса переселенцев обрушилась в 211 (826) на остров и отвоевала его у греков. Почти полтора столетия властвовали здесь потомки Омара в качестве независимых князей, пока византийцам не удалось снова прогнать арабов в 350 (9б1). Едва успел Абдулла Ибн Тахир по отплытии испанцев восстановить кое-какой порядок в Египте и получить новое назначение, как снова в 213 (828) сцепились кайситы с йеменцами. Пришлось брату Ма'муна, объявленному наследником, Абу Исхаку Мухаммеду по прозванию Аль Му"тасим биллах («обретший защиту в Аллахе»)* отправиться снова с войском в Египет. Но и его вмешательство подействовало не надолго. Уже в 216 (831) арабы и копты больших округов нижнего Египта восстали снова пого-

* Обыкновенно звали его просто Му'тасим. По общим правилам — биллах «в Аллахе» или же ала-ллах «на Аллаха» входят в виде связующего звена во все титулы Аббасидов. В обыденном же употреблении ради краткости они опускаются, так будем и мы делать. Мы станем отныне избегать их перевода. Почти неизменно значат они приблизительно: «ищущий или находящий в Боге силу, либо помощь, либо победу».

ловно. Проживавший в это время в Дамаске после похода против византийцев, халиф нашел нужным лично вмешаться. Мухаррем 217 (февраль 832) прибыл повелитель в Египет, и в то же самое время вступил сюда же Афшин, дельный военачальник тюркского происхождения, командовавший в Барке. Кровь потекла ручьями, и восстановлено было наконец спокойствие на продолжительное время. Теперь Ма'мун мог снова потянуться на север и возобновить свои походы против византийцев.

С 215 (830), собственно, открываются снова неприязненные действия вдоль «оборонительной линии» арабов с византийцами. А до той поры приблизительно 25 лет, за исключением отдельных случайных набегов, обе стороны были заняты улаживанием своих внутренних беспорядков. Ныне же правил в Византии энергический Феофил. Как кажется, — впрочем, наши сведения относительно именно этого исторического момента весьма неполны — он завязал сношения с хуррамитом Бабеком, власть которого, невзирая на ежегодные походы генералов Ма'муна (начиная с 204=819),

распростиралась на всю западную Мидию и восточную Армению. До нас дошло также известие, что один из сторонников Бабека, перс, которого греки прозвали Фео-фобом, сражался на стороне греков в возгоревшейся новой пограничной войне между сарацинами и византийцами. Кто бы, однако, ни был зачинщиком возобновления старинной вражды соседних народов, для халифа представлялось весьма опасным усложнением, когда сектанты стали действовать заодно с внешним врагом. Весь северо-запад Мидии до самой Киликии объят был как бы огненным кольцом. Ма'мун прилагал величайшие усилия прорвать его, но почти все отряды, высылаемые против выступавшего каждый раз из своей главной квартиры Аль-Баз на отпор Бабека, терпели поражения один за другим, а случайные незначительные успехи не приводили ни к какому осязательному результату. И если на пограничной оборонительной линии, благодаря исключительно воинским доблестям Му'тасима, удалось после переменного счастья годов 215, 216 (830, 831) занять византийскую пограничную крепость Лулуа у Тарса (217=832) и включить Тиану в круг мусульманских крепостей (218=833), все же, как оказалось, не хватало более сил у халифата одолеть победоносно настоящую опасность этой двойной войны. Воинская годность арабов быстро улетучивалась благодаря возраставшему вырождению воинов — последствию нескончаемых междоусобных войн и усиливавшейся распущенности, приобретаемой жизнью в больших городах; а смешанные команды с добавлением персидского элемента не представляли также ничего особенно прочного; поэтому нет ничего удивительного, что всякое новое предприятие давалось все труднее арабам, а в данном именно периоде грозило даже полным застоем. Чувствовалась потребность в коренных изменениях в организации, чтобы достигнуть действительного устранения всех выступивших въявь недостатков.

Неограниченной похвалы заслуживает Ма'мун за его стремления и в эту тяжкую годину изыскивать время и выказывать охоту на продолжение великих традиций Мансура. Мы уже видели раньше, с какой заботой относился усопший великий правитель к искусствам и науке. Относительно спокойный период истории дал возможность и Махдию с Харуном покровительствовать также поэзии и ученым работам; хотя оба эти халифа более интересовались первой и родственными с нею занятиями грамматикой и литературой. Ма'мун же стремился основательно руководить литературными и научными движениями своего времени, добиваясь сознательно цели и выказывая при этом необычайное понимание. Это именно качество и выделяло его из ряда всех остальных Аббасидов. Трудно быть беспристрастным к человеку, который не уступал даже наихудшим представителям своей семьи в коварстве и жестокости, именно тогда, когда дело шло о выгодах личных или семьи, а зачастую ради удовлетворения самолюбия или даже мимолетного каприза. Но он, несомненно, обладал необыкновенной восприимчивостью к умственным интересам; всегда был готов халиф поддержать серьезный научный труд — оделял охотно выдающихся ученых и милостями, и покровительством. Положим, нельзя умолчать, что многие выдающиеся художники и ученые его времени, неоднократно стоявшие в оппозиции против него, поощряемы были главным образом и прежде при блестящем дворе Харуна или же выдвигались благодаря собственному увлечению наукой. Таковы были: Абу Теммам, издатель Хамасы (т. I); его покровитель Абдулла ибн Тахир, генерал и поэт в одно и то же время; Аль Бухту-рий, тоже составитель новой Хамасы; Исхак ибн Ибрахим из Мосула, равно как и отец его, известный поэт и музыкант; то же самое можно сказать о юристе Шафие, теологе Ахмеде ибн Хамбале и знаменитом собирателе преданий Аль-Бу-харии. Но рядом с ними нельзя же пройти молчанием, что Ма'мун особенно отличал хотя бы, например, прекрасного историка Мухаммеда ибн Омар аль-Вакидия. По части хронологии на его изыскания полагаются и в новейшее время. Да и вообще халиф никогда не забывал ученых и поэтов. Особенно характерно было в повелителе его пристрастие к философии и точным наукам, имевшее глубоко проникавшие и в следующие столетия последствия. Конечно, нельзя сказать, чтобы арабы и персы Ирака не посвящали своих досугов и до него этим занятиям. Известно, что уже во времена Александра Великого Месопотамия и прилежащие страны представляли собой наиблагоприятнейшую почву для распространения греческого развития. За 53 года до Р. Х. при дворе парфянского короля Орода разыгрывалась, как дошло до нас, трагедия Эврипида, когда получена была весть о смерти Красса, а в V в. Сассанид Хосрой Анушарван основывает академию, процветавшую в течение 300 лет в Джундешапуре в Хузистане. Здесь разрабатывалась основательно греческая философия и медицина; последняя практиковалась также в больших благоустроенных госпиталях. Посредниками распространения греческих знаний были сирийцы Месопотамии благодаря географическому положению своей родины, а также исключительной наклонности к подобного рода деятельности. Этот спокойный, неповоротливого ума народ, со слабой изобретательностью, составлял яркий контраст с подвижными, можно сказать, беспокойными по темпераменту своими соседями единоплеменниками — иудеями и арабами. Но зато они неизмен- но отличались упорным прилежанием; столетия собирали усердно сирийцы в свои житницы плоды умственной деятельности других национальностей. Позаимствовав у греков христианское учение, они переработали, руководствуясь инстинктами своих прямолинейных понятий, наиглубочайшую проблему таинственного основного догмата религии в смысле монофизитском или же несторианском. Занимались они попутно и изучением творений старинных языческих философов, прежде всего Аристотеля, истины логики которого, хотя и неохотно, должна была признать даже сама церковь. С неменьшим жаром принялись эти труженики за изучение сочинений великих врачей и естество-испытателей — Гиппократа, Галена и Диоскорида; им помогли усвоить и применять эти познания многочисленные греческие врачи римского и византийского периода; наконец, известны им были и

Эвклид и Птолемеева Альмагеста* одним словом, все главнейшие результаты научных усилий греков, ставших на Востоке, как и везде, наставниками народов. Все это терпеливые монахи сирийских обителей, разбросанных от Антиохии до Мосула, перевели слово в слово на свой родной язык. Непреодолимые трудности, являвшиеся на каждом шагу при передаче греческих слов и мыслей сообразно семитскому складу языка, осиливали они не свободой творческого вдохновения, а мучительным процессом точности передачи, рабски подражая постройке периодов и отдельных оборотов оригинала. С этого самого времени начинают выделяться три пункта, откуда изливалась на арабов Багдада вся мудрость греков. Далеко кругом по всем странам бывшего сассанидского государства распространялась слава о знаниях и трудах врачей академии

’ Слово составное из арабского члена «аль» и греческого megisth — высшее — книга по преимуществу, по сравнению с подобными ей малого объема. Вообще это наименование обозначало творение, в котором Клавдий Птолемей, живший во II столетии после Р. Х., излагал мировую систему, носящую его имя. До нас не дошел, впрочем, сирийский перевод его, сохранился один сделанный с него арабский. Но здесь, как и во всем остальном, можно смело утверждать, что арабы не уклонялись ни в чем от сирийского подлинника.

Джундешапура, которые сохраняли заботливо в средоточии персидских земель национальность, язык, религию, равно как и науку греков, вплоть до аббасидского периода. Заболел как-то в 148 (765) халиф Мансур, обнаружились жестокие желудочные страдания, а его фельдшеры растерялись и не знали чем помочь. Властелин давно уже прослышал об искусстве сирийцев, проживавших неподалеку в этом персидском городке; он повелел вызвать оттуда начальника лечебницы, некоего Георгия из дома Бухтишу. В самом непродолжительном времени врач поставил на ноги халифа, и с этой поры христиане Джундешапура встречали радушный прием при дворе Аббасидов. С внуком Георгия, Гавриилом, мы уже знакомы как с лейб-медиком Харуна. Есть сведения, что халифы, боявшиеся пуще всего смерти из-за своей нечистой совести, одаряли подобных ему целителей почетными одеяниями, дорогими подарками и даже значительными суммами, доходившими в итоге до миллионов, — понятно, в таком только случае, когда властелин пользовался полным здравием. Уже по приказанию Мансура, так передают историки, Георгий переводил на арабский язык сочинения медицинского содержания, а Харун поручил другому врачу из Джундешапура, Иоанну ибн Масавейху, переложить на арабский захваченные в числе прочего в походах в Малую Азию и привезенные в тюках рукописи. Этот самый Иоанн был умным циником, не придававшим большого значения своему христианству. Он совершил на свой страх много такого, что даже трудно было бы предполагать по тогдашним временам, хотя бы, например, вивисекции. Своего Галена знал он досконально и, без сомнения, исполнил, по существу по крайней мере, задачу, навязанную ему халифом, превосходно. Был он позже лейб-медиком у Ма’муна и его обоих преемников, Му’тасима и Васика. Одновременно с ним стали известны и другие переводчики медицинских сочинений. Итак, эта передача греческих классиков началась уже относительно давно, но Ма’мун придал ей новое направление: он побуждал заниматься менее выгодным, чем медицина, делом, не приносящим непосредственной пользы практическим нуждам двора, а имен- но математикой, астрономией и философией. Основано было властелином в Багдаде великое учреждение под названием «дом наук»; тут же помещалась библиотека и астрономическая обсерватория; все это состояло под управлением сведущего Сельма и было сборным пунктом для множества ученых, независимо от школы в Джундешапуре начавших заливать арабскую почву потоком греческих познаний. Еще более, чем тут даже, процветало изучение старинных греческих и сирийских произведений в монастырях Месопотамии, а также среди жителей Харрана, остававшегося единственным местом в Сирии с языческим населением. И вышедшие из этих кружков переводчики, залученные щедростью Ма’муна в Багдад, имели громадное преимущество перед джундешапурцами, как более основательные знатоки чистого арабского письменного языка. Это обстоятельство и стало главной причиной, что их работам было отдано предпочтение, а старинные переводы вскоре забросили. Единственное мерило, применяемое к этим трудам даже малосведущими в сирийском арабами, было старание сделать перевод по возможности удобопонятным. Если только подумать, что усвоение отвлеченных понятий греческой науки достается нелегко даже сыну XIX столетия, возможно ли нам не оценить по достоинству этих людей, умудрившихся просветить мозги необразованного араба. Не умаляется нисколько заслуга перевода и тем обстоятельством, что передача шла не прямо с греческого, а почти всегда с сирийских изданий. Дело в том, что арабский язык, обладающий во многих отношениях необыкновенной пластичностью, в высшей степени оригинален и своеобычен. Для него, особенно в философских предметах, было еще труднее, чем в сирийском, подыскать соответственную терминологию: вот почему и помогало более легкое понимание родственного наречия к преодолению существенных в известной степени трудностей. И все же было это предприятием, граничащим почти что с невозможным — приходилось передавать рабскую верность сирийского в несколько более осмысленном арабском изложении. Мухаммеданские авторитеты приписывают первоначальную заслугу исполнения этой адски трудной задачи зачинателю ее, христианину из Хиры, Хунейну ибн Исхаку. При Ма’муне и позже он занялся переводом некоторых философских трактатов Аристотеля, в особенности же более подходящего к его пониманию Галена, и передал их сравнительно хорошим арабским языком. Благодаря последней работе он считается настоящим основателем арабско-персидской медицины. Ма’мун высоко ценил его труды; переводы искусного человека ценились буквально на вес золота. Ученый

подбирал, понятно, бумагу необыкновенной плотности и толщины, переписчика своего заставлял выводить самые что ни на есть крупные буквы. Но трудная работа заслуживала вполне эту чрезмерную плату. Необычайное значение подобной деятельности сразу открывало возможность результатам греческой мысли и их исследований, только собранным и притом без всякой духовной переработки почтенными сирийцами, сделаться доступными для всей этой разумной смешанной расы арабов и персов. Поистине с волчьим аппетитом набросились они на ломящуюся от множества блюд трапезу чужеземной мудрости — направление, достойное величайшей похвалы, особенно если принять во внимание, что они не были связаны решительно никакими традициями с классической древностью. Мало-помалу стали муслимы не только действительно понимать ими усвоенное, но даже в некоторых отраслях продолжать и дальше самостоятельную разработку греческой науки. При пренебрежении, с которым наши естествоиспытатели, опираясь не без основания на поразительные успехи наук за последнее время, имеют обыкновение относиться ко всему, как к имеющему только историческое значение, в новейшее время вошло в моду смотреть на арабскую ученость с некоторым презрением. Бытописателю средневекового Востока достаточно будет напомнить им, что арабы и персы в течение многих сотен лет продолжали быть наставниками всего Запада по предмету греческой культуры. Будет, конечно, дурной аттестацией не Востока, а именно Запада, что это несовершенное направление так долго продержалось и считалось в свое время удовлетворительным. Между тем всякий, приступающий к делу с полным беспристрастием, найдет, надеюсь, достойными внимания массу наблюдений и описаний новых болезней, не ускользавших от прозорливости и тонкой наблюдательности восточных врачей. Эти же арабские ученые даровали нам стройную систему, а в некоторых отделах создали такое дальнейшее развитие аристотелевско-неоплатонического учения, к которому схоластики Запада, полагаю, едва ли многое прибавили. Особенного внимания заслуживает также самостоятельная обработка и замечательное развитие математических и физических, в особенности же оптических знаний — вот под каким углом зрения следует глядеть на научную деятельность этой знаменательной эпохи, развивавшуюся притом наряду с расширением и других отраслей культуры. Лучшее, конечно, и тут совершили персы, арабы во многом уступали им; единственное исключение составляло, конечно, занятие математикой, особенно подходящее к складу семитского ума. Яʼкуб ибн Исхак аль-Киндий при Маʼмуне и его непосредственных преемниках изложил в бесконечном количестве отдельных сочинений всю область философии и естественных наук в энциклопедическом объеме и вполне справедливо заслужил свой почетный титул «арабского философа». Никто из целого ряда следовавших за ним ученых чисто арабского происхождения не сумел заслужить снова его универсального значения. Всеисчерпывающим гением средневековой медицины был Абу Бекр Мухаммед ар-Разий*. Он жил поколение спустя после Маʼмуна в персидском городе Рей (Тегеран); его родина дала также и в позднейшие времена множество других выдающихся философов и естествоиспытателей. Но в самом начале, при Маʼмуне, движение ограничивалось лишь Багдадом. Этой эпохе, положим, приписывают также весьма сомнительную заслугу перед потомством: она положила прочное начало одному из величайших заблуждений человеческого духа — астрологии. Хотя никак нельзя, впрочем, отнять некоторого значения от

* Известный на западе под именами Разеса, Разиса, Абубитира и многими иными искажениями.

наблюдений за течением звезд и вообще астрономическо-географических работ восточных астрономов, но все это отступает совершенно на задний план перед применением арабами звездной сферы к астрологическим задачам. Почти столь же древняя, как и весь восточный мир, сохранялась эта воображаемая наука по преимуществу среди сирийских язычников Харрана, и спустя несколько десятков лет после Маʼмуна перекочевала тоже в Багдад. И все же она заслуживает некоторой признательности, так как благодаря ей многие дельные математики и астрономы в сообществе с некоторыми персами и школой упомянутого выше Киндия успешно поработали над распространением и дальнейшим развитием алгебраических, геометрических и астрономических сведений. Была это поистине весьма характерная порода людей. Со своим верховным вождем, доблестным Сабитом ибн Куррой долго еще харранцы культивировали всячески веру и науку праотцов своих в пику всей этой исламской ереси.

Меж тем в глазах набожного муслима все эти занятия, за исключением разве грубейшей эмпирики в медицине и астрологии, почитались нисколько не менее предосудительными, чем у теологов новейшей формации дарвинизм и механическая теория естествознания. Именно это и побуждало главным образом просвещенного деспота Маʼмуна оказывать особое попечение занятиям точными науками. Материнская кровь била живым ключом в его жилах: если для целей политической необходимости он не постеснялся пожертвовать своим персидским визирем, его сердце все-таки оставалось навсегда далеким от всего арабского. По успокоении умов в Багдаде не только выступил снова на сцену вполне оправившийся от сумасшествия Хасан Ибн Сахл и присутствовал на торжественном бракосочетании своей дочери с царственным зятем, но и все окружающие халифа, равно как и его симпатии, оставались по-прежнему персидскими. Прежде же всего, его религиозное настроение мало чем отличалось от убеждений зендика, грозящих, по арабским понятиям, государственной безопасности. Конечно, повелитель не проявлял их официаль- но, но все сразу заметили, что гонения на еретиков прекратились. Под конец же своей жизни Маʼмун совершил еще решительный шаг по пути развития исламской

теологии в духе персидского свободомыслия. Мы уже указывали ранее на связь этого направления с рационализмом мутазилитов теологов, а также на вероятность влияния в этом самом деле и греческой философии. Из всех произведений греческой литературы наибольшую трудность для истинного понимания представляли, понятно, творения философских писателей. Поэтому труды Хунейна и его сына Исхака, занявшегося главным образом Аристотелем, представляли, несомненно, орудия к достаточно основательному усвоению на первых же порах системы логики. По мере того как мутазшшты извлекали из этого богатого арсенала наиболее острое оружие в спорах с неумудренными в диалектическом искусстве ортодоксами, философия Аристотеля должна была казаться для свободомыслящего властелина все желанней. Если даже сказание о являвшемся халифу будто бы во сне греческом мудреце не более как продукт позднейшего мифического наслоения, разве самое единодушие в передаче предания не есть отражение признаваемого всеми факта именно того глубокого интереса, с которым Ма'мун приветствовал занятия его современников философией. Прошло, конечно, не менее столетия, пока жители востока успели осилить логику и перейти к метафизике великого мыслителя. Но и самой логики было более чем достаточно, чтобы дать мутазилитам несомненный научный перевес над ушедшими с головой в собирание и поверхностную систематизацию преданий ортодоксами, а правительству между тем предоставлялась возможность признать рационализм за настоящую, законную форму исламского вероучения. Раби 1212 (июнь 827) появилось знаменитое распоряжение предписывавшее признать учение о сотворенности Корана как единственно правильное и обязательное для всех. Иными словами, мутазилитское направление выдвинуто было как исключительно правильное на высоту государственной религии, а ортодоксальное признано было за еретическое, и исповедование его воспрещалось. Повелевалось также, понятно, в угоду персидским шиитам, почитание Алия «превосходнейшего из смертных после Мухаммеда», а с другой стороны, налагался строгий запрет на восхваления в какой бы то ни было форме Му'авии. Этот самый указ, как мы неоднократно и раньше упоминали, неизменно и в точности соблюдали все современные и позднейших эпох историки. Хотя новое распоряжение и было отчасти на руку ортодоксам, сильно недолюбливавшим Омейядов и почитавшим все же в Алии зятя пророка, но самая мысль, что допустима возможность сомнения в нерукотворности извечно существовавшего слова Божия, признана была ими за чистейшее богохульство. С неподдельным мужеством стали они отстаивать свое совершенно противоположное мнение и не переставали ревностно поучать, изобличая ересь мутазилитов. Ма'мун решился наконец разом прекратить все споры. Раби 218 (май 833) обнародован был новый указ, постановлявший на будущее время принять за правило подвергать административному испытанию в правоверии всех кадиев и наставников преданий. И действительно, когда халиф отправился в Таре, готовясь двинуться в новый поход против византийцев, приглашены были в собрание богословов главари багдадских ортодоксов, в числе прочих и знаменитый юрист Ахмед ибн Хамбал, для выслушания их взглядов на Коран. Как умели выпутывались староверующие из расставленных им сетей, стараясь давать уклончивые ответы. Но на посланные в Таре письменные протоколы заседаний получены были вскоре новые определенные приказания халифа. Предписывалось повторить допрос, а тех, кто прямо и чистосердечно не согласится признавать новый догмат, выслать в лагерь. Туго пришлось ортодоксам! Как бы там ни было, Ахмед и его единомышленники твердо стояли на своем; их отослали действительно в Ки-ликию. Но на этот раз они счастливо отделались, гроза миновала. Прежде чем их успели доставить в лагерь, пришла весть о кончине от скоротечной болезни властелина, прожившего всего 48 лет (Раджаб 218, август 833). Положим, и при следовавших непосредственно за ним преемниках, неособенно, впрочем, заботившихся о религии и науке, признавалось все еще официально мутазилитское учение вплоть до 237 (851); иногда даже позволяли злоупотреблять преследованием относительно некоторых почему-либо неудобных личностей, так, например, в числе прочих был подвергнут наказанию плетьми в 219 (834) и Ахмед ибн Хамбал. Но стоявший во главе придворных богословов верховный кади Ахмед ибн Абу Ду'ад был для своего времени администратор снисходительный и гуманный; он прилагал всяческие старания, чтобы устранять по возможности явную жестокость, и не доводил, во всяком случае, дела до крайностей. Тем не менее самое признание еретическим учения ортодоксов, понимавших притом хорошо, что они вполне солидарны с основателем ислама, возбуждало в душе правоверных сильнейшее негодование и возмущало вместе с ними большинство жителей Багдада. И действительно — каждое рациональное учение требует, разумеется, от своего последователя самостоятельного образа мышления. Между тем правоверие не придает вообще большого значения разуму, а посему оно много симпатичнее простой толпе, ибо она не в силах слишком часто прибегать к помощи разума. Но так как с обеих сторон обыкновенно предводительствуют богословы, которые не могут никоим образом признать хотя бы относительной правоты противоположного направления, то религиозный спор легко переходит в борьбу различных классов населения, а это, само собой, порождает серьезный политический раздор. Здесь скорее всего должно было это произойти: именно в тогдашнем Багдаде национализм персидского пошиба слишком явно совпал вместе с вносимым окружавшими Ма'муна персами образованием и науками. Нетрудно было ортодоксам ославить своих противников в широких слоях народонаселения, по большей части состоявшего из людей с чисто арабским складом ума, и осмеять вольнодумное персидское направление. Таким образом, вся правительственная деятельность Ма'муна, его столь похвальный и удавшийся было замысел при помощи усиленного поощрения научной деятельности дать новый толчок государственному развитию разбивается

неожиданно о дальнейшее обострение неприязненности между арабами и персами. Нерасположение это, и без того ставшее слишком очевидным со времени междоусобицы Амина с Ма'муном, отныне все глубже разъединяет обе национальности и приуготовляет последующую гибель халифата.

Этот внутренний процесс разобщения шел весьма медленно, хотя и без перерыва, начиная с того самого момента, когда политика равновесия между востоком и западом с падением бармекидов стала немыслимой, но он успел уже обозначиться довольно явственно даже при Ма'муне по внешнему своему складу. Мы уже видели, как вслед за отъездом халифа с востока беспокойные элементы Хорасана вылились наружу целым восстанием. Тахир, не вполне годный для деятельности на западе, пользовался, конечно, в среде своих земляков высоким уважением. Поэтому он оказывался самым подходящим человеком в качестве кандидата на должность правителя этой непокорной провинции. Посланный в 205 (821) туда, Тахир действительно сумел быстро выказать все свое умение. С его беспощадной энергией мы уже успели ознакомиться во время блестящего похода, предпринятого им против Амина, и следовавшей затем быстрой расправы с этим злополучным властелином. Сколь же рассудителен быль этот человек, лучше всего доказывает намеренно предназначенное к опубликованию письмо его к сыну Абдулле по поводу назначения последнего на самостоятельный пост. Оставляя в стороне великолепие арабского стиля, о чем мог, конечно, позаботиться искусный секретарь, столь неизбежный по обыденным персидским нравам и всегда готовый служить своему эмиру, нельзя не прийти в изумление от обилия превосходнейших наставлений. И чего только нет в этом образцовом документе — в нем говорится о богобоязненности, справедливости, кротости, верности, осмотрительности; подобраны, одним словом, все добродетели, украшающие истинного властелина. И доселе еще славится по всему Востоку это послание как классическое письменное произведение. Ясно, кажется, что человек этот досконально понимал, в каком тоне следу ет говорить с почтеннейшей публикой, а мимоходом и с халифом, — что затронуть, дабы произвести выгодное впечатление. Но если дело касалось его ничтожной личности, то соблюдение добродетелей, хотя бы, например, верности, становилось значительно уже менее тщательным. Удалось ему наконец прибрать к своим рукам восток, но однажды (Джумада I 207=сентябрь—октябрь 822) эмир распорядился, чтобы не упоминали вовсе имени халифа во время хутбы (т. I, с. 218), иными словами, наместник отказал в повиновении государю, восседавшему в Багдаде. На счастье последнего, эмир скончался на следующий же день. Но Ма'мун очень хорошо понимал всю невыгоду своего положения; при существующих уже беспорядках в Месопотамии, Египте, бунтах Бабека и алидов невозможно было халифу навязывать себе на шею еще новый громадный мятеж Он предоставил управление востоком сыновьям Тахира, сначала Тальхе, а после его смерти, воспоследовавшей в 213 (828/9), Абдулле. Таким образом Хорасан стал независимым в сущности владением. Подобно Аглабидам в Кайруване и Тахириды на востоке ни в чем не руководствовались волей халифа. Лишь ради почета упоминались за хутбой имена повелителей правоверных да чеканились изображения их на монетах, и то более для того только, чтобы узаконить в некоторой степени свое собственное владычество и с помощью ясно выраженной санкции со стороны наместника пророка освятить свои ленные отношения и сделать их правомерными. Так, собственно, продолжалось при Тахиридах, продержавшихся в течение 50 лет, но их заместители, дети Саффара, выказывали уже явное неповиновение халифу. За ними следовали Саманиды, и прежде чем наступил конец их власти, не только вся Мидия и Персия успели высвободиться из-под гегемонии халифа, но и Аббасиды вследствие некоторых своеобразных усложнений лишились временно своего мирского могущества. Итак, само назначение Тахира наместником Хорасана обозначало на самом деле временное выделение восточных провинций с наиболее чистым персидским элементом, а вскоре послужило к полному отпадению от Ирака и от исключительно арабских округов запада всей Персии. Сызнова расходятся обе нации после двухсотлетней, положим подневольной, связи, но поспособствовавшей довольно могучему и производительному взаимодействию. Если персы приобрели для своего дальнейшего независимого существования религию ислама и продолжали придерживаться ее, ни разу ей не изменяя, то и у арабов взамен получилась превосходная организация и высшая культура. Обе нации ощущали теперь влечение к более оживленной духовной деятельности; расцвет ее тянулся долго и не только в Ираке, невзирая на наступившую тяжкую годину, но даже и в образовавшихся вскоре новых отдельных государствах. И именно в этих последних только что наступало настоящее ее развитие. Багдад же продолжал еще целые столетия по-прежнему оставаться средоточием для них всех. Здесь сталкивались всевозможные умственные течения востока и запада, так что все земли ислама, по меньшей мере от Египта до Туркестана, продолжали составлять сплоченную область своеобразной духовной жизни. То же самое можно сказать про торговлю и внешние сношения. Понятно, по мере возникавших войн и внезапных революций они постепенно слабели, но по-прежнему направлялись через Ирак. Халифат не переставал также, невзирая на ослабление своего мирского значения, разыгрывать выдающуюся роль во всех сплетениях политики благодаря духовному преобладанию своих обитателей. На этом перепутье, когда направления обоих народов начинают значительно расходиться, кончается собственно общая история арабов и персов. С этого момента нам придется заняться исключительно судьбами первых, изображению же самостоятельной национальной жизни последних мы отводим особый отдел нашего труда. Отныне Багдад и его халифы займут до известной степени историческую авансцену. Нагромождение большого числа мелких отдельных государственных организмов мешает разобраться в чрезвычайно спутанной общей картине исторической жизни. Да послужит наше

искусственное выделение халифата как бы рамкой, более оттеняющей широкие и глубокие черты всей эпохи.

Книга пятая

АББАСИДЫ И ФАТИМИДЫ

ГЛАВА I

ХАЛИФЫ И ПРЕТОРИАНЦЫ

Несколько более сотни лет попирали арабы с саблями наголо персидский народ, затем около столетия обе нации оспаривали главенство внутри халифата то мирным путем, то с оружием в руках. Теперь же разошлись окончательно, убедившись в невозможности длительного подчинения как для одной, так и для другой нации. Если персы убили весь свой запас сил на военную организацию, никогда более не повторенную ими в полном объеме после блестящих походов Абу Муслима и Ма'муна, а в данный момент недоумевали, что предпринять, очутившись вновь самостоятельными, то и арабы в эпоху Аббасидов в Аравии, Сирии и Египте в свою очередь погрузились снова в столь излюбленное ими разъединение своевольных начальников, а жители Ирака превратились в ремесленников, купцов, ученых и с каждым днем теряли и склонность, и способность к военным предприятиям. Мы уже упоминали, как с окончанием последней междоусобной войны иракские войска не были даже в состоянии совладать с Бабеком и византийцами. Ко всему этому присоединялась еще развившаяся в народе в больших городах страсть к противодействию правительству, в особенности же в Багдаде, что, конечно, доставляло немало хлопот правителям. Уже Рашиду посреди его верной столичной черни становилось иногда душновато; он удалился в 187 (803) в Ракку, расположенную на среднем Евфрате, объясняя перемену местопребывания тем, что не выносит шума и копоти большого города. Ма'мун, как оказалось, обладал более крепкими нервами. Он поселился в Багдаде; после вынесенных жестоких опустошений столица поневоле замолкла на время, а властелин окружил себя чужеземными войсками и с их помощью надеялся сдержать слишком неумеренные порывы своих дорогих подданных. Все это были надежные воины из восточных, понятно, провинций, частью персы, а рядом с ними и солдаты из округов Ошрусаны и Ферганы, гористые местности которых давали приют отважным и сильным племенам. Эти самые воины и оказывали когда-то упорное сопротивление арабам-завоевателям; плененные их земляки издавна служили в качестве телохранителей у многих вельмож халифата; при мягком обхождении и некоторой щедрости на них можно было безусловно полагаться. Уже при первых Аббасидах* встречаются турецкие вольноотпущенники в рядах войск, незаметно растет их число также и в среде офицеров армии. При Ма'муне начинают они появляться даже на выдающихся постах: Хейдер Ибн Ка'ус из Ошрусаны, по прозванию Аль-Афшин, усмирил, как известно, великое египетское восстание. И между рядовыми воинами попадалось, конечно, много турок, а также и берберов, которых, вероятно, было много в войске, навербованном Афшином в Барке. Повелителю правоверных навязывалась, так сказать, сама собой мысль о замене ставших негодными арабов и персов другими, более сильными и молодыми народами, и о попытке составить из них ядро войск Тотчас по вступлении своем на престол Мутасим (218—227 = 833—842) совершил последний и, конечно, решительный шаг в этом направлении, отдав приказание вербовать в войска чужеземцев тысячами**. Его особенно побудило к этому вспыхнувшее по смерти Ма'муна восстание в предводимой им в войне про-

* По всей вероятности они появились впервые при Мансуре. В 137 (754/5) один из вольноотпущенников тюркского происхождения был назначен начальником довольно значительного, вроде Хамадана, города (Табарий III, 118, 5—7).

** По одному свидетельству, общее их число доведено было до 70 тыс. человек.

тив греков армии; солдаты намеревались выбрать властелином вместо него Аббаса, сына покойного халифа. Для упрочения своей власти пришлось новому повелителю срыть слишком выдвинутую вперед крепость Тиану, прекратить войну с византийцами, распустить войско и вернуться поспешно в столицу. Организация турецких и берберийских гвардейских полков быстро совершилась и способствовала закреплению власти за Мутасимом. На первых же порах успели новые войска отличиться в войнах против Бабека и византийцев, доказав на деле целесообразность предпринятой меры. Но вскоре же обозначились и резкие невыгодные стороны. В болотистых странах нижнего Евфрата между Басрой и Васитом обитало с

самого начала владычества арабов племя зутг, это были цыгане, переселившиеся в Персию еще при Сассанидах и занявшие эту самую местность. При нашествии мусульман они беспрекословно примкнули тотчас же к арабам; солдаты их все время вместе с прочими войсками Ирака сражались доблестно во всех войнах ислама. Со смертью Ма'муна возникло по неизвестным причинам среди них брожение, они стали сильно докучать правительству постоянными хищническими набегами на соседей. Одному арабскому полководцу Уджейфу Ибн Амбасе удалось наконец их усмирить. Этот же самый Уджейф отличался после, рядом с турками, во вновь начатой кампании против византийцев. Когда халиф наградил львиной долей только свою гвардию, военачальник почувствовал себя сильно оскорбленным и, опираясь на недовольство арабских войск против чужеземцев, организовал заговор с целью сместить халифа и передать власть Аббасу. Му'тасим был вовремя предупрежден, поплатились головами зачинщики, а вместе с ними и несчастный принц (223=838); повелитель, понятно, стал еще более недоверчив к арабам и милостив к туркам. Эта грубая и необузданная солдатчина и прежде зачастую задирала безнаказанно мирных граждан, а также не менее спокойную милицию Багдада, теперь же заносчивость и буйство наемников становились просто невыносимыми, глубоко возмущая и без того недовольное религиозными преследованиями население. Через несколько лет владетельный дом потерял последние остатки привязанности, на которую он еще мог рассчитывать в городе Мансура. Немало поспособствовала этому также новая мера Му''тасима: к концу 220 (835), замечая все возрастающее неудовольствие жителей Багдада, халиф задумал, подражая гибельному примеру Рашида, перенести резиденцию в маленькое местечко Самарра, расположенное в 15 милях от столицы вверх по течению Евфрата. Небольшой провинциальный город, получивший широковещательное название Сурр-мен-ра, «утеха для созерцающего», через год (221=836) совершенно преобразился. Рядом с великолепным дворцом халифа высились сотни обширных зданий, предназначаемых для помещения высших воинских и придворных чинов; тутже расположены были казармы для турецкого и берберийского гвардейского корпуса — получалось что-то наподобие Версаля в отдалении от Парижа; сходство положения дел в тогдашнем Багдаде с этим последним было поразительное. Жалобы столичных жителей не докучали более халифу. Одно только упустил из виду Му'тасим — невозможно было отныне никому протянуть руку помощи властелину в случае надобности, если бы когда-нибудь толпы наемных солдат, почувствовав свою силу, вздумали попытаться разыгрывать роль господ. Сам он, положим, в этом отношении был совершенно спокоен. Никакому турку не уступал властелин в силе, неотесанности и грубости, к тому же был достаточно прозорлив. Всякий раз, когда кто-нибудь из его высших сановников позволял себе задирать голову слишком высоко, аббасид умел подыскать случай, чтобы избавиться от слишком неосторожного субъекта. Прежде других испытал на себе это заслуженнейший турецкий генерал Афшин, завершивший двадцатилетнюю борьбу с Бабе-ком (222=837) и пожавший немаловажные лавры на войне в Малой Азии с византийцами (223=838). В те времена почестями и подарками сыпали щедро, без меры, а хуррамиты сильно озабочивали правительство. Халиф распорядился о необычайно усовершенствованной организации почтовых сообщений между главной квартирой действующей армии и Самаррой; по неудобному пути на протяжении более 100 немецких миль мчались курьеры беспрерывно и довозили ха- лифу депеши всего только в 4 суток Победитель получил за свои подвиги диадему и две перевязи, осыпанные драгоценными камнями; деньгами и имуществами награжден был он без числа, а три года спустя умер медленной голодной смертью в темнице, так как казнить его публично не решались, опасаясь недовольства военных турецкого происхождения. Военачальнику поставлена была в вину его зависть к самостоятельно управлявшим на востоке Тахиридам. По рассказам современников, он восстановил Испехбедена табарис-танского, Мазьяра ибн Карина, против Абдуллы ибн Тахира. Вероятно, турок надеялся получить назначение для усмирения возникшего на востоке волнения, а с усилением своего влияния вытеснить оттуда со временем и самого владетельного вассала, управлявшего также и турецкими землями за Оксусом, с тем чтобы самому на родной почве положить начало независимому княжеству. Му''тасим вовремя проведал про его происки; тем временем Абдулла ибн Тахир успел одолеть Испехбедена. А Афшина обвинили в атеизме, и решено было, как это практиковалось и при Махдии, устранить опасного человека. Но уже можно было и теперь предвидеть, что не всегда же удастся халифам одерживать верх в случае новых столкновений с начальниками преторианцев, да и во многом другом эти новые отношения влекли за собой не менее гибельные последствия. Возьмем хотя бы содержание наемных войск оно, несомненно, стоило значительно дороже прежних арабских и персидских ополчений. И чем более принуждены были считаться властелины с добрым расположением своих гвардейцев, тем все труднее становилось налагать узду на постоянно возраставшие безмерные требования жадных наемников. При каждой новой перемене властелина, — увы, они чередовались все чаще и чаще — новому халифу прежде всего необходимо было черпать щедрой рукой из государственного сундука, дабы заручиться содействием всех влиятельных начальников войск; позднее являлось все более и более поводов к наглому и беспрерывному повторению требований избалованных преторианцев. При Му''таззе (252—255=866—869), как передают, издержки на содержание наемных войск возросли ежегодно до 2 млн золотых динариев, что равнялось совокупности итога, получаемого в течение двух лет с хараджа во всех еще остающихся землях государства. И это составляло одну лишь уплату текущего жалованья и рационов! При подобном положении дел визирю халифа оставалось заботиться лишь об одном — как бы раздобыть денег, и как можно более. Сам Му''тасим, едва успев навербовать своих турок, принужден был немедленно же сменить визиря, Фадла ибн Мервана, за то только, что тот не сумел удовлетворить врвремя всем требованиям двора. И прежде нередко случались внезапные

смены лиц, заведующих тепленькими местечками, вследствие наговоров, почти всегда, впрочем, справедливых, на чересчур бесцеремонное их обращение с общественными суммами; тотчас же принимались крутые меры для отобрания от них награбленных имуществ. Но теперь подобный прием стал заурядным правилом. Из того же стесненного финансового положения возник мало-помалу не менее безнравственный обычай раздавать должности и лены лишь по уплате значительных денежных сумм. Словом, начиналось повсеместное грабительство. Гвардейцы приставали с требованиями к халифу, тот обращался к визирю, визирь тормошил чиновников, заведующих сбором податей, те принимались обирать жителей. Никто не был твердо уверен, долго ли еще придется ему пользоваться властью, между тем знал, что при смещении из него выжмут весь сок И вот каждый служащий усугубляет свое рвение, чтобы побольше высосать у населения, у несчастного народа, и без того с каждым днем бедневшего благодаря беспрерывным восстаниям, междоусобным войнам и произволу турок и берберов. Наконец отчаяние превозмогло все: бешеное всеобщее восстание грозило расшатать основы государства в тот самый момент, когда нежданный подъем столь низко павшей династии, казалось, судил снова наступление лучшего времени.

Падение аббасидского халифата, доведенного до полнейшего унижения бесцеремонным хозяйничаньем преторианцев, совершилось в весьма непродолжительный, всего тридцатилетний промежуток В 227 (842) скончался Му"тасим; преемник его, тридцатилетний сын, Харун аль-Васик билла («уповающий на Бога»; 227—232=842—847), кроме удовлетворения своих прихотей, интересовался разве только стихами да анекдотами. По его понятиям, главнейшей задачей властелина было выжимание денег у высших должностных лиц да еще, пожалуй, преследование непокорных ортодоксов Багдада. Прежним порядком продолжались понуждения их к признанию сотворенности корана. Хотя ни Васик, ни его покойный отец вовсе не интересовались богословскими тонкостями мутазилитских придворных теологов, но их брала досада на этих, там в столице, осмеливающихся свое суждение иметь. Наконец жители потеряли окончательно терпение, и Ахмеду ибн Насру, одному из тех немногих, которые организовали милицию в Багдаде (201=816/7), удалось возбудить всеобщее восстание против халифа и его приближенных турок. В самый последний момент, однако, мятеж постигла неудача: по несчастному стечению обстоятельств слишком рано подан был сигнал ко всеобщему восстанию (231=846). Но бездна, легшая между народом и властелином, сразу раскрылась, и тем неизбежнее становилась необходимость для халифа придерживаться чужеземной гвардии. С этого самого времени турки начинают беззастенчиво распоряжаться на правах законных хозяев. Когда смерть преждевременно настигла Васика в 232 (847), как говорят, вследствие постоянной беспутной жизни, высшие чины и офицеры предполагали сначала присягнуть несовершеннолетнему его сыну, Мухаммеду, но главарям турок, Васифу и Итаху, мальчик, облаченный в великолепный костюм и высокий персидский колпак, который, начиная с Мансура, стали носить все халифы, показался донельзя смешным. Недолго думая, возвели они на трон брата Васика с титулом Аль-Мутеваккиль ала'лла («уповающий в делах своих на Бога») (правил 232—247=847—861) — самого непривлекательного типа аббасида, какого только можно себе представить. Вероломный, неблагодарный и жестокий, подобно многим из них, новый халиф отличался своеволием и распутством, лишь у немногих в этой гнусной семье встречавшимися; в сущности же новый властелин сказывался далеко не таким взбалмошным и безумным, каким любил вообще сам прикидываться. Он хорошо видел опасность своего положения. Поставленный между мятежным городом и сделавшимися слишком могущественными турками, халиф приготовился действовать в духе пращура своего, Мансура. Прежде всего в 235 (849) устранен был турок Итах, тот самый, который посадил халифа на трон. Власть этого человека пугала властелина. Кроме командования над войском, турок занимал при дворе первое место, совмещая в себе управление финансами и почтовым ведомством. Халиф ухитрился вкрадчиво-кошачьим обхождением усыпить его бдительность, а затем Итах, ввергнутый в тюрьму, умер от жажды. Казнь эта в те времена предпочитали всем остальным: ни пятнышка на теле, так что потом легко было утверждать, что реченый выше умер, к величайшему сожалению всех принимающих в нем участие, от болезни. Одновременно предпринимал Мутеваккиль различные меры, обнаружившие его стремление приобрести вновь у народа поддержку против турок и таким образом держать обе стороны в равновесии. Легче всего можно было подействовать в данном направлении крутой переменой церковной политики. В арабских частях государства, за исключением разве Сирии, правоверие пользовалось еще широкой популярностью: на Персию же, ставшую при тахириде Мухаммеде, сыне Абдуллы, почти самостоятельным отдельным государством, нечего было, конечно, рассчитывать. Нет ничего удивительного поэтому, что Мутеваккилю пришло в голову стать набожным наперекор всем своим предшественникам. Другие, понятно, подставляли за него свои спины для бичевания, между тем как этот богобоязненный халиф не изменил ни на йоту личного своего времяпрепровождения за стенами Самарры, не особенно чтобы очень назидательного. А между тем ортодоксы, писатели всех времен, превозносят его до небес. И по их понятиям было за что. Немедленно по вступлении в управление халиф воспретил всякие пререкания о коране, затем в 235 (850) восстановлено было старинное предписание о внешнем разграничении муслимов от союзников иноверцев (т. I); еще более строгие меры воспоследовали в 239 (853/4) — повелено было срыть в Багдаде вновь построенные церкви; наконец, приступлено было к самому главному. В 237 (851/2) догмат сотворенности корана признан за еретический*, а верховный кади мутазилит Ахмед ибн Абу Дуад заменен ортодоксом чистейшей воды. С этих пор начались жестокие преследования последователей либеральной теологии. Одним словом, во всем решительно старался

халиф выказать себя ревностнейшим приверженцем староверующей партии. Не пощажены были также и шииты: в 235 (849/50) по повелению халифа наказан был и посажен в тюрьму один алид в Багдаде, в 236 (850/1) разрушена молельня над гробом Хусейна в Кербела, возникшее кругом местечко срыто, запрещены даже паломничества к этому месту, а в 241 (855/6), как передают, снова засечен был насмерть один шиит в Багдаде за то, что осмелился отзываться непочтительно, по суннитским понятиям, об Абу Бекре, Омаре и тому подобных священных лицах. Не подлежит, конечно, сомнению, что и в других арабских провинциях ревниво выслеживались всевозможные еретики и ортодоксальное направление действовало повсеместно с особенной силой. Подобными средствами нельзя было, однако, окончательно задушить ни шиитов, ни рационалистов. Мутазилиты держались стойко; особенно в Басре, их исконном местопребывании, учение их поддерживалось ревностно и едва ли ослабевало, хотя пропаганда велась, быть может, с большими предосторожностями; если же приверженцы алидов временно затаились, то мы хорошо знаем всю опасность их распространения, обеспечиваемую этой секте при каких угодно обстоятельствах таинственностью пропаганды. Весьма скоро развернутся пред нами результаты их неустанной подземной работы. Все же меры Мутеваккиля оказывались крайне тягостными для дела развития ислама. Он

’ По другим известиям, распоряжение это обнародовано будто бы еще при Васике, в последний год его управления. Но это сообщение, очевидно, грешит против истины. И в самом деле, разве мыслимо было совершение коренного изменения системы ранее смещения ибн Абу Дуада, главного представителя и исконного ревнителя мутазилитского учения еще со времен Ма’мупа.

навсегда заглушил распространение в мухаммеданских государствах даже самой целесообразной свободы мысли; философия — главное орудие и союзница рационализма — была заклеймена именем безбожной; величайшие запросы человеческого бытия загнаны были в кельи уединенных мечтателей, не могших оторваться от любимых своих занятий. В тиши, ради собственного самоудовлетворения погружались они в запретные изыскания и ни разу не решались добытые ими исследования излагать иначе, как предварительно окутав их старательно и уснастив текстами корана. Тогда только, под общепринятой удобной внешностью, сообщались эти несмелые отрывочные намеки немногим им сочувствующим, и в таком даже виде подобные попытки считались опасными. Не прошло, однако, четверти столетия после запрещения мутазилитского учения, как родился в 260 (873/4) в Басре Абу’ль Хасан Алий Аль-’Аш’арий, потомок в девятом колене Абу Мусы Аль Аш’ария, того самого, который в борьбе Алия с Му’авией сыграл столь позорную роль посредника на третейском суде (т. I). Праправнук не походил на своего прародителя; вместе с талантом и познаниями соединялся в нем твердый и достойный уважения характер. В теологических изысканиях своих он работал, невзирая на похвалы и немилость власть имущих. Гонимый, он покинул сначала ортодоксов и перешел к мутазилитам, но рационализм не мог удовлетворить его вкусов. Он создал новую систему, задумал применить искусство логически философского рассуждения образованных свободомыслящих к правоверным положениям суннитов, совершенно в таком же роде, как западная схоластика умудрилась обосновать истины христианского вероучения на началах Аристотеля. Как здесь, так и там метафизические положения догмы, обработанные логическим путем, превращались в последовательное целое, которому было придано внешнее значение чего-то объективно научного; как здесь, так и там одухотворенное создание даровитых мыслителей мало-помалу опошлялось и вырождалось при обработке его позднейшими деятелями, пока не остался от прежнего лишь сухой катехизис; собрание параграфов заменило полное жизни, связное изложение душу щемящего религиозного учения. В первый раз рационализм задет был в системе Аш’ария и побит собственным оружием. Никто более не смел уже обзывать представителей ортодоксии невеждами; ликуя, стали они теперь утверждать, что самой мудрости мирской довелось поработать, дабы доказать справедливость традиционного понимания божественного слова. Можно себе представить, какую непреодолимую силу получала от воздействия подобного направления в соединении с наклонностями масс деспотическая власть государственного правления для борьбы с вольномыслящими. А те по-прежнему продолжали безуспешно искать разрешения квадратуры круга в примирении веры с наукой. Но так как не истина, а стремление к ней составляет подлинную ценность работы человеческого духа, то и победа схоластической ортодоксии, не могшей никак перерасти самое себя, обозначала начало конца умственного общественного прогресса. Прошли еще, конечно, столетия, и тогда только наступил этот действительный конец для ислама. В исключительных лишь случаях обращались персы к арабской системе Аш’ария, в большинстве же углублялись все основательней в свой шиитский мистицизм. Даже на арабской почве появлялись то здесь, то там герои духа, развернувшие именно в борьбе с ортодоксией полную силу восточного мышления и чувствования. Но насильственное переиначение персидским мистицизмом ясного значения слов корана вмещало само в себе внутреннюю неправду, а те немногие философы и поэты, которые решались протестовать против официального вероучения, стояли особняком и никогда не имели значительного влияния не только на духовную жизнь широких слоев населения, но далее и в среде образованных почитались мало. Таким образом, искусственная пряжа теологической системы Аш’ария, как кажется, навсегда, в старину и теперь, соткала воедино вместе с духом корана и беспощадность длани мирского правления для всех суннитских стран ислама.

Если последствие перехода Мутеваккиля из лагеря персидских свободомыслящих под знамена арабской ортодоксии возымело позже величайшее значение, то его личное грубое вмешательство в дела внутреннего развития народа нисколько не было оплачено по заслугам, как на это он крепко рассчитывал. Ортодоксия с удовольствием воспользовалась предложенным ей покровительством, но как-то не находила ни единого повода подставлять свою спину ради интересов отдельных личностей династии, покровительство которых стало для нее столь полезным. Равно и массы, ею руководимые, оставались бездеятельными зрителями войны между халифами и преторианцами, которую возбудил Мутеваккиль, в данном случае совершенно правильно, умерщвлением Итаха. Борьба возгорелась ужасающая, такая, какой сопровождаются обыкновенно во все времена распорядки преторианцев. Из пяти следующих халифов — Мутеваккиля (232—247=847—861), Мунтасира (247-248=861-862), Муста'ина (248-251=862-866), Му'тазза (252-255=866-869) и Мухтеди (255-256=869-870) — едва ли один умер естественной смертью-, в отместку за это из числа турецких генералов пощажены были только Буга старший и сын его Муса. Остальные же — Ва-сиф, 253 (867), Буга младший, 254 (868), Салих ибн Васиф, Мухаммед ибн Буга и Баик-Бег, 256 (870) — все погибли насильственной смертью. Не стоить вглядываться пристально в эту драму, облитую кровью и испещренную ужасом, достаточно проследить ее в общих чертах.

Дабы вести далее свою политику охранения халифата от преторианских захватов, Мутеваккиль придумал две весьма целесообразные меры. Он поставил во главе арабов Багдада опытного военного; для этой цели халиф упросил тахирида Мухаммеда ибн Абдуллу переселиться из Мерва в столицу и здесь принять управление Ираком. Побуждало ли этого последнего верноподданническое чувство к своему сюзерену, либо кажущееся приращение власти сманило могучего вассала к принятию предложения — так или иначе, передав управление Хорасаном брату своему Тахиру, Мухаммед появился в Багдаде в 237 (851) и принял на себя не особенно благодарную обязанность — упорядочить насколько возможно пришедшее в расстройство положение дел. Лишь медленным путем мог он сделать кое-что, и то при благо- приятных обстоятельствах. Тем не менее последствия показали, что деятельность его была не без результатов. Наконец, халиф осмелился сделать еще один шаг вперед. В 245 (859/60) повелел он воздвигнуть новую резиденцию вне пределов округа Самарры, расположения главного контингента преторианцев; названа она была по его имени Джа'фа-рией. Довольно нерасчетливо потрачено было на сооружение ее два миллиона золотых динариев, а турки, понятно, злились, по меньшей мере волновались. В начале 246, а по другим источникам, в 247 (860, 861) халиф переселился в свой новый великолепный дворец, но надежда ускользнуть таким образом из-под надзора турок не осуществилась. Незначительное число личных приверженцев, окружавших властелина, никогда бы не посмело сопротивляться открытой силой против беспощадных наемников. Халиф, понятно, выказал настолько прозорливости, что услал на византийские границы главу преторианцев Буту старшего, а сам между тем, пользуясь его отсутствием, готовился арестовать внезапно Васифа; но в то же время был настолько опрометчив, что явно отстранил старшего своего сына, Мунтасира, объявленного уже наследником, ради любимого им Му'тазза и заставил первого опасаться всего от окончательно потерявшего совесть.отца. В этой семейке, как оказывается, самое ужасное немедленно же осуществлялось на деле. Мунта-сир столковался с Васифом, уже прослышавшим о намерениях халифа, и с Бугой младшим, а затем в ночь 4 Шавваля 247 (10—11 декабря 861) эти турки умертвили прозорливого властелина, ничего не страшившегося, но слишком мало подчинявшего свои капризы требованиям политической необходимости. С его смертью хаос неудержимо врывался в халифат. Даже для аббасида отцеубийство не могло, однако, казаться безделицей. Не особенно был поэтому доволен наследник преподнесенным ему соумышленниками саном халифа. Не прошло и шести месяцев со вступления на трон, как он скончался измученный угрызениями совести, а может быть, и отравленный, хотя доподлинно неизвестно, кто бы мог его угостить ядом; впрочем, все современники были глубоко убеждены, что ему дольше не процарствовать, как и сассаниду Шируэ, купившему также смертью отца свое вступление в белый дом Хосроев. Муста'ином, внуком Му'та-сима, следовавшим за несчастным Мунтасиром, своевольные турки играли как мячиком. Так называемое правление его тем только и замечательно, что в это время совершена была последняя попытка пришедших в отчаяние арабов Ирака высвободиться из-под гнусного режима турок. Дело в том, что оба Бути — Васиф отсутствовал в то время, сражаясь против византийцев, — пренебрегли ради Муста'ина Му'таз-зом, а этот последний, любимец кумира жителей Багдада — Мутеваккиля, и им был, понятно, особенно мил. Вскоре по избрании Муста'ина (248 = 862) вспыхнули в 249 (863) волнения в столице, но они не привели ни к чему благодаря той роли, какую принял на себя Мухаммед тахирид. Совершенно, положим, законно, в этом, однако, случае с полнейшим отсутствием прозорливости старался он, не принимая в расчет никаких вопросов личностей, оберегать интересы государства. Буквально хладнокровно глядел военачальник, как турки, против которых, собственно, и призвал его Мутевак-киль в Багдад, рубились с рассвирепевшими арабами. Так устранена была временно опасность, грозившая Муста'ину, но неизбежным следствием было то, что турки, вернувшись в Самарру, сцепились друг с другом. Так называемый халиф очутился в таком отчаянном положении, что принужден был бежать вместе с державшими его сторону Бугой и Васифом из Самарры в Багдад. У продолжавшего соблюдать законность тахирида он встретил, конечно, радушный прием. Теперь большинство оставшихся в Самарре турок вздумало провозгласить Му'тазза халифом. Багдад, само собой, должен был в виде оппозиции немедленно же перейти на сторону Муста'ина. Во имя его «град

благоденствия», а ныне вместилище всевозможных бедствий, подъял последний бой, завершивший падение арабизма как самостоятельной политической величины. В течение всего 251 года (865) жители Багдада отчаянно оборонялись, всякая новая победа турок предвещала им невыносимые страдания. Народ чуть не растерзал Мухаммеда ибн Тахира, когда тот к концу года нашел нужным завязать переговоры с осаждающими. Но с Муста'ином невозможно было иметь никакого дела. Опасаясь своей собственной смелости, он затеял за спиной Мухаммеда тайные переговоры с преторианцами. Тахирид должен был поневоле покинуть его, если только не желал сам пасть жертвой коварства аббасида. Таким образом, он подписал капитуляцию от своего имени и жителей города на довольно сносных условиях, признав мутазза халифом. Муста'ин вынужден был волей-неволей сложить власть (18 Зу'ль Хиджжа 251 — 10 января 866), и несколько дней спустя новому властелину принесена была присяга неспособной долее ни к какому более сопротивлению столицей (4 Мухаррем 252=25 января 866). Новый повелитель оказался достойным сыном Мутеваккиля и попытался возобновить политику отца; увы, и он тоже потерпел неудачу. Было, конечно, правильно пользоваться все более и более возраставшей завистью между турками и берберами для того, чтобы восстановлять отдельных военачальников друг против друга; но только через одно это нельзя было ничего выиграть, пока халиф сам не сумеет так себя поставить, чтобы занять главенствующую роль среди всеобщего замешательства. На это Мутазз не был, однако, способен. Его хватало на то лишь, чтобы нарушить договор, заключенный с Муста'ином, и убрать с дороги несчастного предшественника; он сумел также приказать умертвить собственного своего брата Муайяда, которого сильно боялся (252=866). Но все его интриги и вероломства с преторианцами и тахиридами привели только к войне всех против всех; государству грозила серьезная опасность распасться на мелкие части. Вначале резались турки с берберами, затем первые стали поедать друг друга, причем погиб Васиф (253= 867). Потом халиф повелел Баик-Бегу арестовать и умертвить (254=868) Бугу младшего, показавшегося властелину чересчур самостоятельным. Когда же скончался Мухаммед Тахирид (14 Зу'ль Ка'да 253 — 13 ноября 867), мутазз ухитрился перессорить брата и сына последнего. В конце концов оба принуждены были покинуть Багдад, и здесь снова возгорелась междоусобная война. Везде, одним словом, наступало полное расторжение отношений; нигде не было заметно, однако, твердого личного вмешательства властелина. Уже в 254 (868) довел он до того, что решительно никому из его офицеров и высших чиновников вне его сферы влияния никто не желал подчиняться, а тем паче ему самому. А так как сам халиф постарался ослабить силу своих преторианцев, никому из наместников, начиная с Египта и кончая Персией, не приходило более в голову посылать деньги в столицу. Между тем мятежники, появившиеся сразу в различных пунктах, стали подступать к самым стенам Са-марры. Дошло наконец до того, что халифу нечем было выплачивать жалованье наемным войскам. Те, конечно, шутить этим не любили; они дали властелину несколько дней сроку, а когда и по прошествии этого времени он не был в состоянии уплатить требуемой суммы, его без всяких церемоний умертвили (Раджаб 255=июль 869).

Из глубокого унижения, в которое ввергнут был халифат Аббасидами, раз еще удалось поднять его на какие-нибудь 40 лет благодаря доблестным усилиям царствовавших один за другим четырех замечательных властелинов. Сына Васика, Мухаммеда, поставленного Баик-Бегом и сыновьями Васифа и Бути на место Му"тазза халифом, все считали за человека ничтожного, робкого, набожного. Ему-то можно было поверить, все полагали, что он будет много покорней, чем бывший его предшественник! Но в этом турки сильно ошиблись. В груди нового властелина таилась железная мощь, о которой давно уже, со времени Мутасима, и не слыхивали. Для этого человека, введшего впервые при дворе простоту и воздержанность, соединенные с надменностью прирожденного повелителя, существовало одно из двух — либо гнуть, либо совсем сломить. Наступал действительно последний момент и самое подходящее время для самостоятельного вмешательства халифа в дела. Во всяком случае, дикая жадность турок превысила уже всяческую меру. Ссоры между ними и берберами продолжались по-прежнему своим порядком, к тому еще присоединилось, что солдаты начинали оказывать явное неповиновение своим командирам. А те в свою очередь, побуждаемые одним чувством удовлетворения ненасытного корыстолюбия, стали особенно небрежно содержать части, квартировавшие не в Самарре, а в Багдаде, не принимавшие прямого участия в дворцовых революциях, вспыхивавших беспрестанно, можно сказать, не по дням, а по часам. Искусно вооружая одного против другого военачальников, возведших его на престол, не особенно довольных энергией халифа, и успев при этом выказать всю силу своей воли, Мухтеди завязал мало-помалу сношения с отделами стоявших в Багдаде войск, раздраженных против высших офицеров за нерадивое отношение к их интересам, и мог, по-видимому, рассчитывать, хотя временно, на их поддержку. Халиф решил поэтому действовать круто, чтобы сразу избавиться от сыновей Васифа и Бути. И это ему удалось по отношению к Салиху ибн Васифу и Мухаммеду ибн Буге (256=870), но Баик-Бег, которому поручено было исполнение подготовительных мер, открыл замысел халифа Мусе ибн Буге, и оба согласились напасть сообща на властелина. Халиф прослышал про измену и понял, что следует пустить в ход самые крайние средства. Халиф приказал бросить к ногам наступавших полчищ Мусы отрезанную голову Баик-Бега, а сам, предводительствуя несколькими тысячами берберов и турок, смело выступил против значительно превышавших численностью мятежников. Но недолго могли выдержать натиск бешеных полчищ немногочисленные защитники халифа; их бегство решило судьбу Мухтеди. С обнаженным мечом, отбиваясь отчаянно и тщетно взывая: «Люди, защищайте же своего халифа», достиг повелитель одного дома; вскоре накрыли его здесь турки. С истинным геройством повелитель отказывался до конца согласиться на требуемое от него отречение; его стали мучить самой утонченной пыткой, так что ни на

одном члене не оказалось ни единого признака насильственной смерти (18 Раджаб , 256=21 июня 870). Но халиф прожил все-таки недаром. Продолжение прежнего режима, приведшего не только государство на край гибели, но стоившее также в течение всего одного года жизни трем преторианским военачальникам, даже и для турок показалось несколько рискованным. Мужественное поведение умерщвленного халифа встречено было всеобщим одобрением и почитанием в самых широких кругах населения, между тем как генералы не могли уже долее сомневаться в распространении недовольства в значительных отделах их собственного же войска. Сам Муса ибн Буга, как кажется, принял твердое намерение на время умерить свои требования. И стало истинным благословением для государства, когда как раз в это же самое время нашлись подходящие люди, чтобы, пользуясь благоприятными обстоятельствами, надолго укротить чужеземные войска.

Верховная власть возвращена была Мусой снова в семью Мутеваккиля. Новый халиф Ахмед, по прозванию аль-Му'тамид (256—279=870—892), брат Му'тазза, был сам по себе довольно ординарным человеком. Но он нашел в другом своем брате, Тальхе, дельного помощника, обладавшего необычайной энергией и редким талантом настоящего правителя. Вскоре же возложил на него халиф почти все управление, а в 261 (875) обещал ему даже преемство после собственного своего сына, Джа'фара. Руководимый высшим благоразумием, Му'тамид постарался также покинуть насколько возможно поспешнее злосчастную Самарру — он перенес свою резиденцию вскоре в Багдад, и турки не посмели воспрепятствовать ему в этом. Сильной рукой сдерживал Тальха как их, так и берберов, даже сыну Бути ни разу не приходило в голову стать поперек дороги страшному Муваффаку, таков был его официальный почетный титул. Сын его, Абу'ль Аббас Ахмед, не уступавший ему в даровании правителя, в последние годы отца, когда стали одолевать старика мучительные недуги, заменял его, часто действуя с немсньшей энергией. Когда же Муваффак скончался 278 (891), все беспрекословно присягнули Ахмеду, принявшему титул аль-Му'тадида, в качестве будущего преемника сына Му'тамида. Но Му'тадиду не было никакой охоты выжидать наследие, собственно в его руках сосредоточивалась вся власть, поэтому небольшого труда стоило понудить Му'тамида отнять от сына право наследства и перенести преемство прямо на племянника (начало 279=892). Вскоре затем скончался халиф, как передают, от чрезмерного обжорства. Поспособствовал ли Ахмед этим желудочным болям чем-нибудь, как некоторые подозревали, решить трудно. Как бы там ни было, Му'тадид беспре- пятственно занял трон (279—289=892—902) и пользовался широкой популярностью. Невзирая на свою строгость, он вполне заслужил любовь за личную бережливость и безукоризненное управление. Как человек высок, образованный, он посвящал редкие часы досуга изучению поэтических и исторических творений. Будучи в равной мере выдающимся полководцем, как и могучим правителем, он сумел на некоторое время задержать падение халифата. Также и наследник его, которого он подготовил в своем сыне Алии, прозванном аль-Муктафи (289—295=902—908), выказал способность справляться с тяжелой задачей, выпадавшей все увеличивавшейся злобой дня на долю правителя. Но с его преждевременной смертью кончается не особенно длинный ряд истинных самодержцев и халифат неудержимо устремляется к упадку.

Во время болезни, посетившей Муктафи перед смертью, он уже не был в состоянии сам распорядиться о принесении присяги в пользу брата своего Джа'фара, которого именно желал халиф назначить наследником. Наиболее влиятельные чины несколько даже сомневались, может ли власть перейти к 13-летнему Джа'фару, от которого, конечно, нельзя было ожидать твердого управления, так необходимого в настоящем положении государства. Но последняя воля заслужившего всеобщее уважение Муктафи одержала, конечно, верх, и Джа'фар был возведен на трон под именем аль-Муктадира (295—320=908—932). Противная партия еще не считала себя, однако, побежденной. Между членами дома Аббаса, имевшими некоторые права на халифат, самым даровитым и любимейшим всеми за свой прекрасный характер оказался сын Му'тазза, Абдулла. Человек с тончайшим образованием и выдающимся поэтическим дарованием, он пользовался благорасположением Му'тадида и жил спокойной жизнью известного и почитаемого всеми писателя. Друзья захотели во что бы то ни стало поставить его халифом вместо Муктадира. Когда же этот последний, не обладавший, будучи еще несовершеннолетним, достаточной силой воли, вскоре подчинился своей матери и окружавшим его женщинам и евнухам, общее недовольство офицеров и чиновников быстро созрело в заговор, имевший целью свержение Муктадира и возведение на престол Абдуллы ибн Му'тазза. Вначале шло все удачно. Сопротивлявшегося визиря, Аббаса ибн аль-Хусейна, умертвили; находившиеся под командой арабского военачальника, Ху-сейна ибн Хамдана, войска в столице приняли открыто сторону Абдуллы, и этот принц был провозглашен под именем аль-Муртада халифом. Но первое нападение на замок было отбито дворцовой стражей Муктадира. Для Ху-сейна, игравшего во всей этой истории весьма двусмысленную роль, было это слишком достаточным поводом, чтобы вывести из города войска. Евнух Мунис, верный слуга семьи Му'тадида, быстро воспользовался благоприятным случаем; тотчас же сделал он вылазку во главе телохранителей. Окружающие Абдуллу были разогнаны, а вслед за сим и сам он взят в плен. Несчастный принц, которому подобало скорее восседать в сонме сборища остроумных поэтов, чем становиться во главе обширного государства, поплатился за свое халифство, продолжавшееся ровно день (20 Раби I 296=17 декабря 908), жизнью; но кончина его обозначала одновременно прекращение самостоятельной власти главы государства. Жалкий Муктадир передал в руки своего избавителя Муниса, одарив его предварительно титулом Эмир аль-умара (эмир над эмирами, т. е. главенствующий эмир,

главнокомандующий), власть почти неограниченную. Если не считать нескольких бесплодных попыток высвободиться опять из-под опеки, халиф стал на всю свою жизнь куклой в руках этого человека, первого эмир-ал-омра, как привыкли не совсем правильно называть этих майордомов последующих халифов. Было это, понятно, уже давно целью преторианского режима, рано или поздно они добились бы своего. Муктадир постарался только, чтобы свершилось оно в самой мелкой, унизительной форме. Титул эмира эмиров сам по себе не означает ничего больше как сан высшего генерала в армии, и как таковой он не имеет никакого касательства с гражданским управлением. Вначале велось оно, как и встарь, визирем. Но при слабых повелителях опасность, весьма понятно, надвигалась ближе; всякий раз, когда будут задеты интересы войска, иными словами, как только заблагорассудится генералиссимусу, можно было ожидать вмешательства его в собственно управление страной. Таким образом, оно начинает постепенно терять свое значение, пока наконец не устранятся совершенно последние остатки настоящего государственного порядка. Правление Муктадира по преимуществу предвещало неизбежную борьбу обеих властей. В данном случае, положим, произошла весьма странная перетасовка ролей — в высшей степени честный и рассудительный для своего времени Мунис пользовался своим влиянием главнокомандующего единственно для того, чтобы направить государственное хозяйство на пугь добросовестности и бережливости, а халиф всячески старался, насколько только способен был этот слабодушный человек, противодействовать ему во всем. Когда Мунис принимался за дело серьезно, он умел, конечно, поставить на своем, но эта разобщенность направлений вела неминуемо к полной дезорганизации всей совокупности государственного строя. При Мукгадире, например, почти постоянно чередовались на посту визиря только две личности. Оба носили одно и то же имя Алия, этим и кончается их сходство. Один из них, сын аль-Фурата, принимал большое участие в возведении на трон Муктадира, тем особенно и заслужил благоволение властелина. Он был типичным представителем тогдашнего времени упадка: общительный и ласковый по виду, он оказывал щедрость людям полезным, например поэтам, готовым петь ему хвалебные гимны, но в сущности был вполне сложившимся типом бессовестного интригана. Высоким саном своим пользовался для систематического высасывания народных соков и считал задачей своей жизни пускать все средства в ход, лишь бы как-нибудь удержаться на своем посту. Другой, Алий ибн Иса, был человек честный; способный и гуманный чиновник, он заботился об охранении платежной правоспособности населения и об избавлении народа от излишних тягот. Не было в нем, правда, и тени геройского мужества, в слоях тогдашнего управления для этой добродетели не было места; при первых признаках надвигавшейся грозы он по мере возможности уклонялся, но всегда готов был предложить государству свои услуги и способности, если можно было сделать это, не подвергаясь опасности. К кому из них обоих ближе лежало сердце халифа, не подлежит, кажется, никакому сомнению. Если достойно удивления, что от Мутеваккиля могли родиться такие сыновья, как Муваффак и Му'тадид, не менее изумительно также, что от него же произошел и этот Мукта-дир*. В его время что-то не слышно о необычайных злодеяниях, отличавших столь многих Аббасидов, зато не замечалось в новом халифе также ни следа благородных побуждений, ни тени забот об исполнении обязанностей, достойных властелина. Одаренный ограниченным умом, с довольно обыденной чувственностью вместо сердца, слабохарактерный и трусливый властелин мечется без перерыва из стороны в сторону, то обуреваемый страхом к генералиссимусу войск, то побуждаемый неодолимой страстью насытить свою похотливость и расточительность. Словно пойманный школьник, съеживался он, когда стоны ограбленного населения разражались вдруг восстанием от голода или же сыпались на его голову громы недовольства неумолимого майор-дома. Но лишь только опасность миновала, начиналась снова все та же негодная и бессмысленная жизнь. Мунис зачастую принужден был отсутствовать, находясь то в походах против византийцев, то усмиряя внутренних мятежников; тогда наступала полная свобода для этого «образцового» властелина и он беспрепятственно мог упражняться в полуребяческих, полумошеннических своих проделках. Дважды (301=913, 314=927) принудил его главнокомандующий, а раз (306=918) взрыв народного негодования — передать ви-зирьство Алию ибн Исе или же кому другому одинакового с ним направления, но при первой возможности халиф увольнял бережливого управителя, не находившего денег на его гарем и шалости, причем призывался снова дорогой ибн Аль

' Арабские историки древнейшего периода вообще неохотно приплетают к своим хроникам какие бы то ни было воззрения. У одного из них встречаем мы только следующее сухое замечание: «Если сравнить положение халифата его времени с тем, что было при его брате, Мукта-фи, и отце его, Му'тадиде, то окажется громадное различие».

Фурат. Три раза (295-299=908-911; 304-306=917-918; 311—312=923—924) напускался этот негодяй на несчастное государство. Но признательный властелин нисколько не постеснялся, понятно, и пожертвовал им, недолго думая, когда визирь стал продолжать свое постыдное ремесло выжимания у всех наипочтеннейших личностей угрозой либо пристрастием денег, в третий раз уж чересчур опрометчиво; число неприятелей возросло в такой ужасающей степени, что халифу показалось необходимым выгородить себя. Не стоит без нужды останавливаться подолгу над описанием позорного зрелища. Достаточно упомянуть, что с каждым днем все более и более умножались всевозможные вымогательства — печальные последствия преторианского порядка. Абу Алий Мухаммед ибн Мукла, даровитый ученый и государственный человек, известный установитель арабской каллиграфии, хотя и отличавшийся эгоистическими поползновениями, а также довольно резкой наклонностью к интригам, считался все же одним из лучших дельцов в среде наипочитаемых чиновников. Именно он, по личному настоянию чересчур

осторожного Алия ибн Исы, занял пост визиря (316=928) и не без достоинства продолжал управлять в духе своего предшественника. В это самое время произошло столкновение между начальником багдадской полиции На-зуком и окружавшими халифа фаворитами: интриги втянули в эту распрю и Муниса. Генералиссимус прибыл в столицу, и ему столь убедительно втолковали насчет беспорядков, производимых халифом в государственном хозяйстве, что он согласился наконец на устранение ничтожного властелина; в Мухарреме 317 (февраль 929) вынудили Муктадира отречься от престола; халифом провозглашен был брат его Мухаммед, принявший титул аль-Кахира. Но в столице возникли тотчас же беспорядки: чернь и солдаты произвели страшные бесчинства, а Назук разыгрывал при этом самую жалкую роль; Мунис сразу же передумал и решил еще раз попробовать управлять от имени Муктадира. Несколько дней спустя устранен был снова Кахир, и на столь часто подвергавшийся унижению трон сел прежний владыка. Но ненадолго. Старания ибн Муклы, назначенного Мунисом визирем, упорядочить по возможности совершенно расшатанный снова революционными движениями порядок в столице дали повод халифу устранить навязанного ему силой министра. Негодность преемников удаленного довела всеобщую смуту до крайних пределов. Рядом с начавшейся резней военных и черни Багдада шли своим чередом интриги чиновников и офицеров. Дошло наконец до того, что подстрекаемый окружающими Муктадир решился порвать связь со своим генералиссимусом, назначив ему в преемники подчиненного Булейка (начало 320=932). Неподготовленный к такому серьезному шагу, Мунис должен был временно удалиться из столицы. Вскоре, однако, военачальнику удалось стянуть войска из провинций; 27 Шавваля 320 (31 октября 932) под самыми стенами Багдада возгорелась битва между его войсками и окружавшими Муктадира. Не особенно храбрый халиф помимо своей воли увлечен был в бой. Вооруженные коранами богословы, составлявшие прикрытие повелителя, не остановили, однако, наемников эмира. Вопреки намерениям последнего, лично привязанного к семье Му'та-дида и желавшего только наказать халифа за непослушание, свирепые воины умертвили властелина в разгаре боя. Свершившегося изменить, конечно, нельзя было. Но призванный Кахир (320—322=932—934), во второй раз ставший преемником брату, почел совершенно достаточным воспользоваться этим печальным событием и отомстить тому, кто его вызвал. Деятельность нового халифа поразительно напоминает отдаленного его предшественника Му'тазза. Коварством и подвохами сумел он вскоре избавиться от всех тех, которые помогли ему стать властелином и, конечно, давно уже раскаялись в том, что выбрали такого опасного человека. Интригами и обещаниями удалось халифу переманить на свою сторонгу большинство солдат Муниса; тогда Кахир наконец решился назначить новым эмиром аль улара Тарифа, изменившего бывшему главнокомандующему. Вскоре затем попались в руки повелителя сам Мунис и все наиболее выдающиеся приверженцы этого эмира. Ша'бана 321 (август 933) еще полновластные год тому назад господа пали от меча палача. Набожный лишь по виду, Кахир оказался жесто- ким тираном и в высшей степени безнравственным человеком, который предавался изо дня в день пьянству. Вскоре он возбудил всеобщее недовольство. Ибн Мукла, успевший бежать во время гибели своего благодетеля МуРниса, употребил все свое влияние, чтобы вооружить против халифа войска, недовольные и без того тем, что им часто *не* выдавалось жалованье. Раз ночью в Джумаду I 322 (апрель 934) ворвались турки во дворец халифа и ослепили его*. Жизни у него не отнимали; он продолжал влачить до 339 (950) жалкое существование павшего величия. Преемник его, сын Муктади-ра, Ахмед, названный Ар-Ради (322—329=934—940), по-видимому, был набожный и благомыслящий повелитель, но его ни разу не допускали лично вмешиваться в управление. Начало его призрачного правления отмечено было возникшими среди ортодоксов Багдада беспорядками, естественным отголоском продолжавшихся в среде правящих кружков замешательств. Дошло до того, что даже из округов, примыкавших к самым вратам столицы, наместники перестали высылать государственные доходы в резиденцию, так что ставший снова визирем ибн Мукла не был в состоянии выплачивать жалованье гарнизону; начался повальный грабеж населения. Трем следовавшим за ним визирям тоже не посчастливилось добыть денег. Радию ничего более не оставалось как отдаться в руки Мухаммеда ибн Райка, наместника Васита. Уже раньше засылал он тайных послов с предложением дозволить ему вмешаться под условием вручения ему сана Эмира аль-умара. Наступило соглашение, и первым делом прибывшего в Багдад ибн Райка было закрытие всех канцелярий визиря и захват всего управления в собственные руки. Он поручил все гражданские дела, особливо заведование финансами, своему секретарю; отныне ни халиф, ни окружающие его не имели более права ни во что вмешиваться. А на покрытие потребностей как личных, так и свое-

' Подобно королям Спарты халифы не могли в качестве наместников пророка иметь какие-либо телесные недостатки. Таким образом, уничтожение главнейшего из органов чувств делало невозможным на будущее время возведение его снова на трон, как это имело место при Муктадире.

го двора «повелитель правоверных» получал столько, сколько заблагорассудится его генералиссимусу. Мирская власть халифата, учрежденного Абу Бекром и Омаром, просуществовав 300 лет, дождалась наконец своего позорного конца.

С последними усилиями династии, начиная с Мухтеди и оканчивая Муктафи, сразу оборвавшимися вступлением на престол слабой личности, с развитием внутренних распорядков государства согласуются точь-в-точь и действия преторианцев против врагов государства внешних и рассеянных по провинциям. При Му'тасиме — всюду блестящий успех по всем направлениям; с его смертью

наступает быстрый упадок воинских предприятий, и, наконец, при Му'таззе в каждой провинции не находят более нужным повиноваться центральному управлению. Муваффак и Му'тадид восстановляют снова воинскую честь Аббасидов, но они были в состоянии лишь задержать процесс государственного разложения, воспрепятствовать же ему не хватало у них сил. С Муктафи наступает упадок, продолжавшийся без перерыва до тех пор, пока халифы не лишены были окончательно мирской власти и принуждены *были* ограничиться лишь одним духовным авторитетом «наместников Мухаммеда», как мы это уже видели выше. Этот ход исторического развития придется нам теперь проследить в двойном направлении: во внешних войнах и при возникавших трудностях внутри государства.

С тех пор как халифат уступил Испанию и Африку Омейядам, Идрисидам и Аглабидам, а Персию Тахиридам, внешние столкновения могли возникать лишь на северо-западе, с Византией. Борьбу этих исконных врагов мы проследили до того самого момента, когда Му'тасим ввиду явного неповиновения, вспыхнувшего в арабском лагере, принужден был отступиться от последних завоеваний, сделанных при Ма'муне. Несколько лет с обеих сторон не возобновлялись неприязненные действия. Но уже с 222 (837) предпринимает император Феофил, вступив, вероятно, в соглашение с Бабеком, серьезное нападение на мусульманские оборонительные линии. Греки заняли Самозату на Ев- фрате и соседнюю с ней Сабатру*, а затем произвели страшные опустошения в северной Сирии и Месопотамии; сами мусульмане сознаются, что византийцы проникали почти до ворот резиденции. Но цель неприятелей — освобождение Бабека, преследуемого войсками халифа, — не осуществилась. Му'тасим уразумел всю необходимость, напрягши последние силы, избавиться раз и навсегда и прежде всего от сектантов, размножившихся и опустошавших в течение более 20 лет северо-западные провинции. Поэтому предоставил он полную свободу действия Феофилу, а тем временем победоносный турецкий генерал Афшин вступил торжественно в Самарру с изловленным Бабеком. Теперь можно было подумать и об отомщении византийцам. Арабы стали подготовляться к решительному походу в Малую Азию. В том же самом году действительно выступает халиф лично во главе громадного войска против византийцев. Предводимые Уджейфом арабы, а равно превосходно подобранные полчища турок под командой генералов Итаха и Ашнаса двинулись из Тарса в Каппадокию, между тем Афшин с другим отделом турок направился из Месопотамии к Малатии". Но прежде чем произошло соединение обеих армий, Афшин наткнулся нечаянно на самого императора Феофила и разбил его (25 Шабана 223=21 июля 838) так жестоко, что неприятель немедленно же отступил во Фригию; далее Дорилеи греки не посмели двигаться даже и тогда, когда главная армия халифа достигла Амориума и занялась осадой сильной крепости (6 Рамадана = 1 августа). Крепость защищалась храбро и, быть может, не сдалась бы, хотя Феофил только и мог сделать, что

' Так названа была арабами одна из крепостей оборонительной линии, у греков известна она под именем Созопетра или еще, в подражание арабскому наименованию, Запетрон. Надо полагать, находилась она в местности между Самозатой и Малатией. Более обстоятельного о ее положении ничего до нас не дошло.

" Место расположения Дазимона или же Дазимоноса, там, где произошло решительное сражение, совершенно неизвестно. Поэтому нам приходится ограничиться более подробным обозначением движения отдельных частей войск.

завязать бесплодные переговоры с халифом; но личный враг коменданта помог сарацинам* овладеть городом. Ужасно было мщение Му'тасима за совершенные греками в прошлом году лютости: город был сожжен, большинство способных носить оружие перебито (было их, вероятно, до 30000), остальных вместе с женщинами и детьми увели в плен, а начальника гарнизона, стратега Аэция, позднее распяли в Самарре. Удержать только что приобретенные завоевания, понятно, мусульмане не могли; так бывало, впрочем, и прежде, тем более что Му'тасиму тотчас же пришлось разделываться с арабским мятежом, а позже укрощать и другие бунты, поэтому на первых порах мы встречаемся далее лишь со случайными набегами, совершаемыми на суше и на море, со взаимным обменом пленными и т. п. Более серьезная борьба готовилась возобновиться лишь при Мутеваккиле. Самовольная попытка этого слишком часто поступавшего необдуманно властелина ограничить полунезависимость, которой всегда пользовались армянские отдельные князья под гегемонией мусульман и которую теперь стремились еще более расширить, привела в 237 (852) к опасному возмущению всей страны. Предводимые Бугой старшим, турки с большим трудом подавили его в 238 (852/3), но халиф не посмел уже более привести в исполнение первоначальный свой план, ибо по обыкновению византийцы воспользовались обстоятельствами и

• День взятия не вполне определен. По известиям арабским, поведено было Му'тасимом повернуть назад спустя 55 дней после начала осады, стало быть, 25 Шавваля=19 сентября. Сама же осада должна бы, по-видимому, продолжаться много дней, если не месяцев. Между тем нельзя полагаться на показания арабов, особенно короток кажется промежуток в 11 дней между сражением и прибытием Му'тасима к Амориуму, если только соединение Афшина с главным войском, как передают, имело место в Анкире и дальнейшее поступательное движение к отстоявшему на семь дней пути Амориуму последовало после остановки, продолжавшейся в течение многих дней. Замечу одно, что сообщение Ибн Вадиха (издание Houstma II, 581), что город сдался 17 Рамадана (12 августа), замечательно сходится с византийским известием (Lebeau St. Martin XIII, 143); осада продолжалась в таком случае лишь 13 дней. Откуда же взята дата — конец Шавваля 223=23 сентября 838 у Вейля (Geschichte der Chalifen II, 315) — мне неизвестно.

бросились грабить пограничные арабские округа. До 243 (857) они ревностно продолжали свои набеги, а в 238 (852/3) греческий флот в 300 кораблей произвел даже высадку в Египте и ограбил Дамиетту. Так как многие мятежи задерживали войска Мутеваккиля, мусульманам пришлось бы, вероятно, значительно хуже, если бы к тому же времени императрица Феодора, в разгаре церковной политики против секты Павликиан, не вздумала прогнать за границы большие массы этих храбрых людей. В оборонительных линиях они были встречены главнокомандующим Омаром Ибн Абдуллой* с распростертыми объятиями и расселены в мусульманских владениях, которые они теперь стали ревностно защищать от нападений византийцев. Им вскоре даже удалось укрепиться в самой неприятельской стране, в месте Тефрике, в Малой Армении. Наконец Буга в 244 (858) со своими турками мог двинуться вперед; и ему, также как Омару ибн Абдулле в 246 (860), посчастливилось нанести грекам чувствительный вред. Но возраставшее постоянно участие преторианцев в дворцовых революциях и междоусобных войнах изменило при Муста'ипе положение дел к величайшему ущербу для ислама. Еще в 248 (862) Васиф вернулся в Самарру после успешного набега в византийские пределы, а уже в 249 (863) греческий генерал Петро-нас окружил Омара к северу от Тавра и истребил все его войско. Если же в смутные времена от Му'тазза до Мухтеди не был потерян весь округ оборонительных линий, то этим мусульмане обязаны только тому, что и в Византии происходили тогда не меньшие беспорядки; церковные неурядицы и насильственный переход правления к македонской династии помешали грекам воспользоваться, как следовало бы, упадком халифата. Но лишь только император Василий твердо укрепился, как направил в эту сторону могучие удары. Прежде всего озаботились греки отделаться от Павликиан, засевших в их государстве опасной занозой. В двух последовательных походах 257 (871) и 259 (873) они были

'Или же Убейдуллой. Какое из этих имен вернее, нельзя сказать определенно.

неоднократно побиты. В последнем году, обезопасив предварительно в 258 (872) свои фланги и врезавшись глубоко в арабскую землю между Мелитеной и Самозатой, император взял и Тефрику. Теперь уже мог он свободно действовать против оборонительных линий. В начале 263 (876) отвоевал Василий снова Лулуу и опустошил в 263 (877) всю страну между Тарсом и Марашем. Предпринятый арабами в отместку поход в 265 (878) не удался, лишь в 270 (883/4) они еще раз одержали победу. Война продолжалась с этих пор с переменным успехом в течение десятков лет, совершались по-старинному набеги на пограничные округа си-рийско-малоазиатские. Рядом с ними выступают на передний план снова морские экспедиции, предпринимаемые попеременно обеими сторонами. Ни те, ни другие не рассчитывали при этом делать прочные завоевания, высаживались попросту в одном из пунктов вражьего берега, поспешно производились опустошения насколько только было возможно, а затем снова уплывали. Истый морской разбой стал особенно сподручным и окупаемым богатой добычей для мусульман, когда лежавший в самом средоточии византийских владений Крит стал им дружественным пристанищем. Сарацины, обитавшие на Крите, промышляли сами одним только пиратством по Эгейскому морю, забираясь даже иногда далеко в глубь Адриатического; но с сирийско-киликийской береговой полосы, в особенности же из Тарса, быстроходные крейсеры арабов прокладывали себе дорогу вплоть до самой гавани Константинополя. Уже под 266/7 (880) упоминают византийские летописцы об одном подобного рода предприятии; за ним следуют далее все новые вылазки. Эти морские набеги принимают действительно опасный характер с появлением ренегата по имени Лев. Из своего постоянного местопребывания, Триполиса Сирийского, он наводит ужас на все побережье Эгейского моря, действуя, начиная с 291 (904), со своим флотом из 50 хорошо вооруженных кораблей. В этом самом году корсар напал на Фессалонику, второй по величине город в Византийской империи; целых 10 дней чинил он здесь грабежи и убийства, а затем повернул назад, захва- тив с собой тысячи пленных*. И в следующие годы продолжал он производить всевозможные бесчинства в Архипелаге нисколько не менее своих критских единоплеменников, пока наконец весь его флот не был уничтожен у Лемноса византийским адмиралом Иоанном Радином. При Му'тадиде и Муктафи счастье благоприятствовало арабам и на суше: из своих владений они не потеряли ничего, а набеги, производимые на Малую Азию, приносили им гораздо более прибыльной добычи, чем все походы византийцев в область «оборонительных линий». Но с новым упадком халифата при Муктадире военные успехи, естественно, стали мало-помалу слабеть и свершилось неслыханное в течение вот уже более 100 лет дело — железное кольцо крепостей прорвано было армяно-византийским генералом Иоанном Куркуасом. Греки овладевают в 314 (926) Малатией, в 315 (927) наводняют Армению вплоть до столицы ее Двина, в 316 (928) занимают запад страны до Эрзерума, а в 317 (929) и север Месопотамии, между Мейяфарикином, Амидом (нынешний Диарбекир) и Малатией; хотя арабские наместники, действуя из Мосула и Тарса, совершали неоднократные попытки оттеснить войска Куркуаса, но это удавалось им лишь временно. С 322 (934) на долгое время потеряны были для ислама Самозата, Малатия и вся западная Армения.

Еще худшее влияние, чем на охранение границ, имели повторявшиеся все чаще и чаще дворцовые революции и мятежи в резиденции халифа на расположение умов в тех провинциях, которые не находились непосредственно под давлением турецких преторианцев. Почти в каждой из них

происходило брожение, которое по первому признаку слабости центрального управления переходило в открытое неприязненное движение. Враждебное отношение к царствующей династии, значительно ослабевшее на Востоке, благодаря только фактическому отделению Пер-

* 22 тыс., как утверждают византийцы. Трудно, однако, допустить возможность помещения всех их на 50 кораблях, поэтому более вероятно число 5 тыс. пленных, приводимое в арабских источниках.

сии от империи продолжало существовать в провинциях, где преобладал арабский говор. Старинное племенное стремление к независимости, враждебное прочности какого угодно государственного строя, сохранилось всюду, где отдельные племенные группы еще не слились воедино, как это произошло в больших городах Ирака. Не погасли еще также в некоторых округах Сирии и Месопотамии воспоминания об Омейядах, хотя бы под видом положительного нерасположения к Аббасидам. На севере же, в Азербайджане и Каспийских провинциях, протянули друг другу руки коллективизм и неугомонность воинственных горных народцев — дейлемитов, табаристанцев и курдов. А повсеместно, где только ни рождалось недовольство, алиды хлопотали по-прежнему и старались воспользоваться им для своих собственных целей. Таким образом, в тот момент, когда центральное управление было уже не в силах оказывать непосредственное свое влияние на провинции, все эти стремления, находящие поддержку в естественном влечении самих наместников уклониться по возможности от исполнения приказаний халифов, грозили в опасной донельзя форме самой прочности государства. Ранее всего ощутилась эта опасность в северных провинциях.

Мы уже упоминали не раз о восстаниях хуррамитов в Азербайджане: в настоящее время мы удовольствуемся описанием их вкратце. Первые беспорядки появились еще при Харуне, а при Ма'муне в 201 (815/6) Бабек придал этому движению новый толчок. В короткое время восстал весь Азербайджан, а позднее (до 211=826) власти бунтовщика подчинились соседние области Армении и Мидии до Мосула и за Хамадан. Положим, в 212 (827) Мухаммед Ибн Хумейд успел снова покорить Мосул, но этот же полководец, действуя против Бабека, потерпел поражение и сам пал в 214 (829). Его преемник занялся не укрощением мятежников, а более существенным в его глазах — совершением всевозможных бесчинств над жителями Мидии, что, конечно, не могло их особенно расположить к правительству. Первый решительный шаг сделан был лишь в правление Му'тасима. Персидский его генерал, Исхак ибн Ибрахим, разгромил в 218 (833) в Мидии мятежников вместе с присоединившимися к ним толпами испаганцев при Хамадане. Теперь уже можно было начать серьезное преследование самих хуррамитов. Правительство стало сперва усердно сеять измену в самом лагере Бабека; этим сразу были остановлены все его попытки снова перейти в наступление. Затем постепенно, шаг за шагом, его начали сильно теснить. Начиная с 220 (835) дело это поручено было туркам, предводимым Бугой и Афшином. В качестве главноначальствующего последний оказался вскоре далеко хитрее и искуснее в умении пользоваться местностью, чем даже сами мятежники, воевавшие в своей собственной стране. И все-таки нападение правительственных войск на главную крепость мятежников аль-Баз было отражено *в 221* (836); но вслед за тем Афшину удалось умертвить Тархана, лучшего из генералов Бабека, а в 222 (837) последовало взятие орлиного гнезда теснимых повсюду коммунистов; при этом, кажется, дело не обошлось без вероломного обмана. К концу того же года пойман был и Бабек, ускользнувший было в сопровождении немногих оставшихся ему верными. Он был подвергнут мучительной казни после того, как его провезли напоказ на слоне по всем улицам столицы. Едва успела миновать эта опасность, как взбунтовался испехбеден Табаристана, Ма-зьяр ибп Карин (224= 839, ср. с. 215). Пришлось бы, во всяком случае, долго провозиться с ним даже соединенным силам халифа и тахирида Абдуллы; не так-то легко было усмирять эту неудобную провинцию, к которой принадлежал к тому же и южный берег Каспийского моря. Но сам Мазьяр оплошал: с целью действовать насколько возможно энергичней он стал вымогать громадные суммы от своих подчиненных, вынудил жителей главных городов на берегу моря, Сарии и Амула, переселиться в Хормизда-бад, лежавший в самой цепи гор; подобных насилий совершено было им множество. Ему изменили свои же; изловленного бунтаря казнили впоследствии в Самарре. Покорение вечно неспокойной страны принесло на этот раз особые плоды: теперь только приняла масса населения истинную веру и допустила разрушить огнепоклоннические капища. Но правительству это послужило на погибель. Новые мусульмане по-прежнему не питали склонности к халифату; отныне стали они ревностными приверженцами алидов, которые еще раньше были приняты радушно соседями табаристанцев дейлемитами. Когда впоследствии при Муста'ине в 250 (864) арабские чиновники позволили себе ряд насилий, табаристанцы, не допускавшие никоим образом подобного обращения с собой и возмущенные происшедшим, признали проживавшего в Рее алида Хасана ибн Зейда. Охотно согласился тот стать во главе восстания. Хотя тахиридам и удалось временно вытеснить его из страны, но после продолжительной борьбы алид снова успел укрепиться и стать здесь твердой ногой — возникала еще новая династия алидов в самом средоточии аббасидского государства.

И во многих иных местностях действовали все эти же исконные враги халифата Аббасидов. Проводимую от их имени беспрерывно тайную подпольную интригу мы проследим в совокупности в следующей главе. Она нисколько, впрочем, не совпадала с попытками зейдитов, вечно поддерживавших притязания семьи Алия на халифство. Нечто подобное, например, случилось при Му'тасиме в персидской провинции Талекан (219=834), но тахириду Абдулле нетрудно было подавить бунт. Худшее произошло в злополучное правление Муста'ина. В 250 (864) взбунтовалась Куфа вместе с доброй половиной Ирака, а в 251—252 (865— 866) к ним присоединилась и большая часть Хиджаза. Здесь орудовали, впрочем, не одни зейдиты; главным образом восстали беспокойные бедуины. Эти удальцы жадно хватались за каждый подходящий случай, лишь бы проявить самоволие и пограбить, со времени же аббасидского владычества они постоянно и усердно предлагали свои услуги зей-дитам (т. II, с. 180, 185) подобно тому, как при Омейядах держали сторону хариджитов. Впрочем, далеко на север и эти последние еще не совсем вымерли. Демократические стремления и имена старинных борцов секты еще сохра- нились среди арабских племен в так называемых округах Дияр Бекр и Дияр Раби'а'. Как бывало неоднократно и прежде, они стали волноваться при Васике (231=845/6) и Муте-ваккиле (234=848/9). Ибн аль Ба'ис, так звали главаря второго бунта, бросился в гористый Азербайджан и упорно отбивался в крепком Меренде от полчищ Бути-младшего; измена предала его, однако, в руки турок Но долго еще, начиная с 253 (867), мятеж не утихал в этих местностях. Один хариджит по имени Мусавир поднял знамя восстания в Бавазид-же, к югу от Мосула. Не одни арабы, но и многочисленные курды примкнули теперь к восстанию. В годы 227 (842)" и 231 (845/6) впервые зашевелились эти кочевники; все равно как и ныне, они появлялись всюду, где пахло грабежом и разбоем. В бесправное же время при М/таззе и его преемниках секта укрепилась в этих провинциях до такой степени прочно, что даже при Му'тамиде, когда наступили лучшие порядки, сам энергический Муваффак не был уже в силах их одолеть. Только мутадиду удалось их сломить в 280—283 (893—896). С тех пор все еще продолжающиеся отдельные попытки происходят вокруг Мосула, но уже в направлении чисто политического свойства.

Непосредственным поводом к восстанию Мусавира было совершенно то же самое, что возбудило бунт Хасана в Табаристане, — бесчинства, совершаемые высшим чиновником в округе. Уполномоченные халифа и преторианцы распоряжались, понятно, и здесь ничуть не лучше, чем в столице. Их неосмотрительные, частью преступные деяния слишком часто стали повторяться и повели к открытому взрыву недовольства, давно уже бродившего среди населения. Еще при Му'тасиме вспыхнуло по этой самой при-

'То есть «жилища Бекров» и «жилища Рабиа» Племена Бекр Ибн Ва-иль (т. I) равным образом и измаилиты Раби'а Аль-Фарас, проживавшие в старину бок о бок в восточной и северной Аравии, переселились в Месопотамию еще до Мухаммеда и заняли указанную в тексте местность. Главным городом у Дияр Бекр был Амид, по имени которого называется ныне целый округ.

" По другим известиям, уже в 224 (839), предводимые Джа'фаром ибн Михирджазом. До нас дошли лишь неопределенные и противоречивые известия о кончине его.

чине опасное восстание в Палестине. Солдат оскорбил жену или сестру некоего Абу Харба; этот последний, недолго думая, тут же на месте убил грубого воина, а сам, избегая преследования, бросился наутек в горы. Здесь провозгласил он, выдавая себя за потомка Омейядов, войну безбожному роду Аббасидов. Так как подобно Муканне он носил «барка», род вуаля, обязательного только для женщин, прозвали его также аль-Мубарка — «завешенный». Мятежник обрел столько почитателей среди йеменцев, что Раджа, высланный против него Му'тасимом, не посмел сразу на него напасть и окопался, выжидая времени наступления полевых работ. И действительно, толпы землепашцев вскоре разошлись по домам. Даже и теперь не так-то легко было военачальнику осилить бунтовщика и изловить его (227=842). В северной Сирии произвели особенно неприятное впечатление распоряжения Мутеваккиля, касавшиеся обитавших в этой стране многочисленных христиан. Достаточно было совершенного в 240 (854) наместником незначительного самоуправства в Химсе, чтобы вызвать весьма тревожного свойства восстание, повторившееся и в 241 (855). А суровое подавление его устрашило беспокойных ненадолго, лишь до 250 (864); до нас дошло известие, что в том же самом месте йеменцы к этому времени снова заволновались. В самой же Аравии не было никакой надобности даже в поводе для вольного бедуина ухватиться за оружие. Уже при Васике (230=845) племя Бену Сулейм предобродушно принялось грабить пограничные местечки Хиджаза (т. I). Когда же возмущенный подобным неслыханным делом наместник Медины выступил против них с войском, они нанесли ему поражение; тотчас же многие из больших племен, гатафане, фезары и др. примкнули к ним. Весь север и центр полуострова вскоре объят был пламенем восстания. Пришлось посылать для усмирения Бугу старшего с его турецкими войсками. Не одну чувствительную потерю претерпел полководец прежде, чем успел водворить порядок, частью уступчивостью при переговорах, частью силой.

Итак, мы видим, что горючего материала накопилось достаточно. Со времени поражения Омейядов он всюду таился под тонкой государственной корой. Даже энергии Мансура и туркам Мутасима стоило большого труда предохранить государство от вспышек, грозивших при первом благоприятном случае разлиться повсеместным пожаром. Стоило только дождаться постыдного бессилия правления Муста'ина, и огонь запылал в двояком направлении. Там, где управляли в

провинции дельные военачальники, прогорела лишь связь, соединявшая доселе ту область с халифатом; но в Ираке и собственно Аравии пламя охватило все государственное здание. Раскинувшись далеко вширь, пожарище наконец разлилось и далее. Казалось, сохранились вполне только отдельные пристройки, но и те вскоре загорелись; многие из них рухнули и обратились в груды пепла. Пощажена была разве восточная половина халифата, нашедшая со времен Ма'муна в своем национальном обособлении некоторое удовлетворение и тревожимая только слишком частой сменой династий. Но и здесь всеобщая путаница захватывает постепенно пограничные округа. Нам приходится теперь перейти именно к положению Персии, причем мы удовольствуемся кратким очерком общего там положения дел.

С тех пор как тахириду Мухаммеду Ибн Абдулле вздумалось вмешаться почти без всякого успеха в арабско-турец-кую междоусобицу в качестве наместника Багдада (250=864), власть его семьи на востоке мало-помалу стала клониться к упадку. Я'куб Ибн Лейс из Седжестана, по прозванию Ас-Саффар, «медник», понемногу забирал в руки власть в Кирмане и Фарсе и стал родоначальником династии Саффаридов*. С 250 (864) укрепился, как уже нам известно, в Табаристане алид Хасан, а в середине между обеими новыми династиями возникла почти в том же самом году полувладетельная семья сыновей Абу Дулафа. Отец их был известным арабским генералом при Харуне; ему удалось вовремя уклониться от междоусобной войны братьев Амина и Ма'муна. После одержанной победы халиф оставил его в покое в большом имении, приобретенном им в окрестнос-

' Общеупотребительное «Соффариды» не совсем верно.

тях мидийского города Караджа, лежавшего между Хамада-ном и Испаганыо. Благодаря своему уму и щедрости, высоко превозносимым тогдашними поэтами к превеликой досаде Ма'муна, Абу Дулафу удалось закрепить свое влияние на весь округ, а около 250 (864) сын его, Абд аль-Азиз, был официально назначен наместником Мидии и Испагани. В возникших затем войнах между Саффаридами и халифами, к которым мы еще со временем вернемся, он сумел, а потом его сыновья при всяких обстоятельствах, искусно отстаивать свои права. Только в 284 (897), когда Саффариды снова вздумали было оказывать неповиновение энергическому Му'тадиду, последний из сыновей Абу Дулафа, Омар, был побежден безусловно и вынужден бежать в Табаристан. Им и кончается эта маленькая династия; появление ее, однако, в высокой степени типично для всех последующих. Повторялось постоянно все одно и то же в неизменно одинаковом порядке. Какой-нибудь способный и нецеремонный генерал, командующий горстью солдат, при случае, во время восстания либо междоусобной войны, ухитряется угодить халифу. Тотчас же получает он особое назначение, быть может, даже наместничество. Но лишь только почувствует он свою силу, как забывает посылать дань — единственный знак зависимости от правительства при полной самостоятельности местного управления. С этой самой поры он начинает разыгрывать из себя независимого князька до тех пор, пока не нагрянет халиф либо другой, более сильный конкурент и не раздавит его. Возьмем, например, хотя бы турка Ахмеда ибн Тулупа. Будучи в 254 (868) наместником Египта, он успел в 264 (878) распространить свою власть на Сирию и часть Месопотамии. А когда при Муваффаке халифат снова окреп, Му'тадид отбирает у его сына в 286 (899) Месопотамию, противопоставляя ему возникшую в этой стране, из нового военного рода, династию Саджидов. В то время как в 292 (904/5) быстро слабеющий род Тулунидов теряет последние остатки своего могущества, Саджиды держатся в полученном ими в 276 (889/90) в ленное владение Азербайджане до 317 (929). Между тем во время борьбы с хариджитами в Мосуле и кругом его внезапно появляются Хамданиды. Они были в родстве с Хусейном ибн Хамданом, который, как мы видели раньше, разыгрывал чрезвычайно двусмысленную роль в начале правления Муктадира. В 292 (905) его брат Абу'ль Хейджа получил официально наместничество в Мосуле. Сыновья же его и их потомки, вечно воюя с визирями и эмирами Муктадира, мало-помалу распространяют свою власть над Месопотамией, а позже и над севером Сирии. Так успели они образовать вовсе не ничтожное двойное государство с главными городами Мо-сулом и Халебом. Хотя этот лен просуществовал не более ста лет — независимое владычество Хамданидов окончилось значительно ранее устранения (413= 1022) последнего хамданида — он имел, однако, в особенности государство Халеб, благодаря заслугам знаменитого Сейф ад Даулы, необыкновенное значение для истории ислама, о чем будет ниже. Зато последняя из этих династий, укрепившаяся с 321 (933) снова в Египте и известная там под именем Ихшиди-дов, не имела большого значения. В 358 (9б9) положен был ей конец Фатимидами, лучше сказать, мнимо-алидскими государственными гробокопателями, разрушителями того, что некогда основал великий Омар.

Именно Алиды, поздние, но последовательные мстители за претерпенное ими после падения Омейядов беззаконное гонение, были истинными виновниками полного государственного разложения, которому они способствовали гораздо более, чем бездеятельность позднейших халифов Багдада, более, чем вражда национальностей, даже более, чем печальные последствия преторианских распорядков. Положим, именем их орудовали другие, как это мы видели в дни Мухтара и Мухаммеда ибн Ханафия. Но именно во имя алидов с некоторого времени, когда при Муста'ине и его преемниках унижение Аббасидов достигло крайних пределов, велась пропаганда еще более вредоносная, чем под конец владычества Омейядов. Благодаря ей во всех больших провинциях ощущалось брожение, подготовлялось

всеобщее восстание, а последствия его исламский мир никогда уже более не мог загладить. Именно алиды фатимиды главным образом истощили последние силы государства, восстановленные было мужественными властелинами Муваф-факом, мутадидом и Муктафи; не будь этих страшных соперников, последним халифам, быть может, удалось бы снова укрепить и оздоровить расшатанный организм. Таким образом, нам предстоит теперь изображение последних катастроф халифата, рассмотрение судеб самостоятельных княжеств и их возрастающих стремлений по пути к государственному разложению; при этом, конечно, мы дадим и характеристику положительных сторон их деяний, но самое главное, чем мы займемся, это пропагандой алидов, которым мы вынуждены приписывать самое могущественное влияние на распадение халифата.

ГЛАВА II

НАМЕСТНИКИ И ЭМИР АЛЬ-УМАРА

Кто захотел бы заняться изложением достоверной и подробной истории по большей части недолговечных — малых и больших государств, которые обязаны своим существованием распадению халифата, тому пришлось бы исписать целые тома, если б он пожелал хотя в скромной доле добросовестно отнестись к своей задаче. Дело в том, что существование этих мелких государственных организмов, зависящее прямо от субъективных качеств отдельных личностей, обоснованное на насилии и случайностях, было, во всяком случае, почти всегда слабо обеспечено, большей частью жалко и тревожно. Все те же обстоятельства, способствовавшие утверждению данной династии, могли ежеминутно послужить на пользу возникавшего вновь рода, а последствием являлось неизбежно падение предыдущей династии. Таких государственных третьеразрядных родов, как семья Абу Дулафа, встречается в эту смутную эпоху целые дюжины, а еще более незначительные владе- тельные роды, так сказать, четвертого и пятого порядка, попадаются в обширных пределах царства исламского, во времена упадка халифата Аббасидов вплоть до монгольского нашествия (приблизительно в период от 250— 600=860— 1200), сотнями. Но следить внимательно за судьбой каждой из этих беспрерывно меняющихся династий столь же мало подобает историку ислама, как если бы, например, историку Германии взбрело на ум в подробности и точно излагать изменчивые судьбы княжеских родовых линий Лейнингенской либо графов Сольмских. Бытописателю следует доискиваться вечного, постоянного в текущих явлениях жизни народа, это неизменное и необходимое хорошенько усвоить, признать и оценить по достоинству для уяснения истинного развития мухаммеданского мира. Героическая эпоха арабского народа канула уже в вечность; невзирая на всевозможные ужасы, деяния юного народа придали ей нечто обаятельное и величественное. При описании следующей ступени развития не стоит расследовать с прежним рвением во всех частностях ничтожные деяния измельчавших людей. Когда же среди все возрастающей порчи данной эпохи мелькнет призрак истинного величия либо вынырнет действительно прочный успех, то такое исключительное зрелище тем более обратит на себя наше внимание. Во второй половине III и в начале IV столетий (860—960) три рода обращают на себя особое внимание: Аглабиды в Африке, Тулуниды в Египте и Хамданиды в Сирии и Месопотамии. Несмотря на разнообразие их происхождения, деятельности и судеб, между всеми ими одно общее — эти династии сумели, хотя на некоторое время, переустроить более крупные отделы клонящегося к разложению государства в прочные княжества, оберегая подчиненные им народы от ужасов междоусобной резни, которая именно в это самое время началась между несчастными обитателями срединных стран абба-сидского халифата. Итак, эти три рода заслуживают полное право, пред всеми остальными, на преимущественное наше внимание; историю их мы обязаны изложить относительно более подробно.

Мы покинули родоначальника Аглабидской династии в тот момент, когда он был утвержден Харуном в качестве наместника провинции «Африка». Признавая в обычной тогдашней форме главенство багдадского двора, новый правитель дал одновременно понять, что готов на сохранение этого верховенства лишь внешним образом, а в сущности решился твердо удерживать приобретенную им независимость. Отношения эти поддерживались обеими сторонами с величайшим постоянством и искренней предупредительностью в течение более ста лет, при всей в сущности шаткости подобных условий. Была ли когда-нибудь посылаема из Кайрувана определенная дань в столицу халифов, нам, конечно, неизвестно; но постоянно, насколько это зависело от власти Аглабидов, производилось моление за каждого аббасидского халифа, чеканилась также монета с именем верховного владыки. В этой отдаленной провинции уважение к авторитету наместника пророка было столь велико, что единственно раз лишь, в начале III столетия, один только африканский принц Зиядет Алла I, в своем роде Мансур этого владетельного дома, осмелился открыто выказать непослушание халифу. И он, несомненно, был прав, ибо Ма'мун потребовал от него чеканки на монетах рядом с именем халифа также и фамилии одного из своих генералов*, иными словами, потребовал, чтобы Зиядет Алла признал другого за генерал-губернатора. Подобного рода приказания, во всяком случае, не обязан был исполнять вассал. Ма'мун, как кажется, отменил, нисколько не прекословя, свое необдуманное распоряжение. Но когда в 289 (902)

подданные Ибрахима II принесли жалобу энергическому халифу Му'тадиду на тиранства их властелина, тотчас же воспоследовал указ сюзерена, коим повелевалось правите -

* По единственной остающейся заметке (Fournek, Les Berbers, Paris, 1875,1,481), был это Абдулла Ибн Тахир. По этому поводу Вейль (Gesch.d.Chal. II, 248) совершенно справедливо говорит, что об этом генерале упоминать возможно лишь под 205 (а еще вернее под 206, ср. у самого Вейля с. 201, примеч. *У).* Итак, дата Фурнеля 201 г., во всяком случае, неверная — редкий весьма случай у этого пунктуального и добросовестного исследователя.

лю передать власть сыну. И тот, кто никогда доселе ни от кого не принимал советов, безропотно сложил с себя власть, нимало не задумываясь. Нетрудно уразуметь причины этих, по-видимому, платонических, отношений между эмиром Кайрувана и халифом багдадским, доставлявших между тем обеим сторонам существенные выгоды. Не следует упускать из вида, что первый, находясь между берберами запада и аббасидскими наместниками Египта, очутился, так сказать, между двух огней, и ему, конечно, нежелательны были вторжения в его область каждого из этих опасных элементов; но самым главным было то, что законность владычества над африканскими арабами зависела единственно и исключительно от инвеституры халифа, и из бесчисленных восстаний подчиненных военачальников эмир мог вывести правильное заключение, что это освящение его власти главой ислама, несомненно умножающее в широких кругах населения уважение к нему, становилось крайне необходимым. С другой стороны, и Аглабиды служили для Аббасидов прикрытием тыла государства не только от берберов, зараженных частью хариджитизмом, частью шиитством, но также и еще в большей, пожалуй, мере от византийцев, силы которых ослаблялись вследствие набегов африканцев на Сицилию и нередко бывали через это отвлекаемы от сирийской границы. Вот почему в Багдаде старательно заботились о сохранении «Африки» в одних и тех же руках. Когда в 196 (811/2) Ибрахим I очутился в весьма скверном положении ввиду вспыхнувшего опасного восстания, наместник Египта поспешил снабдить его хотя бы значительной денежной суммой, розданной в виде подкупов влиятельным лицам и произведшей раскол в неприятельском лагере; таким образом, дана была ему полная возможность подавить бунт.

Принято считать Аглабидов за довольно незначительный род; с этим я никак не могу согласиться. По своим силам, бывшим в их распоряжении и сравнительно притом слабым, они совершили достаточно. Подведомственная им территория простиралась от Триполиса не далее окрестностей нынешнего Алжира; к тому же вся часть последнего на запад за Боной принадлежала к владениям большого племени берберов, Китамы, держать которое в повиновении можно было лишь принимая особые меры. Далее обитали зената — кабилы* с их главным городом Тлемсаном, в большинстве подчиненные Идрисидам или же состоявшие с ними в союзе, а по ту сторону Атласа удерживали ревностно свою независимость Бену Рустем в Тахерте и Бену Ми-драр в Сиджильмасе. Робкая попытка подчинить влиянию Кайрувана племя Рустем, находившееся отчасти в сфере могущества Аглабидов, окончилась неудачей (239=853/4). Можно сказать, что наместники поступили мудро, не совершая никаких дальнейших завоевательных попыток в этом направлении: рустемиты эти были завзятыми хариджитами; как ни досадно было, что их шейх позволил себе присвоить высокое имя халифа, не следовало все-таки разжигать насильственными мерами их фанатизма, всегда готового вспыхнуть. С другой стороны, Мидрариты, несомненные сунниты, как бы вкрапленные среди шиитских и хариджитских берберов, кажется, обязаны были своим сохранением главным образом отдаленности их оазиса. Они готовы были, пожалуй, молиться на Аббасидов, но находились вне сферы деятельности наместников халифа, и те должны были довольствоваться одним сознанием, что там, далеко, на опасном западе, хотя в одном пункте по крайней мере, есть кучка приязненно расположенных людей. Тому же, что Аглабиды все-таки, несмотря на то, что они почти не могли рассчитывать ни на какую действительную помощь со стороны востока, находились теперь в лучших отношениях к большинству окружавших их берберов, чем их предшественники при Омейядах, обязаны они — счастьем, а значит, и правильному направлению своей политики. Счастием поистине было для них, что род Идрисидов недолго пользовался своим превосходным положением. Не принимая в расчет преходящих колебаний, одно время род этот сумел искусно укрепить и расширить свое господство

' По-арабски: кабила, множ. число кабаил=гшемя; слово это применяется не только к арабам; в настоящее время им обозначаются исключительно берберы.

между берберами. Ни к чему не повело, когда Ибрахим ибн Аль-Аглаб в 177 (793) по поручению Харуна Ар-Рашида коварно отравил через посланное лицо Идриса I, а затем отстранил одного вслед за другим обоих опекунов еще слишком юного Идриса П. Берберы Ауараба, Санхаджа и все вообще кабилы зорко оберегали подраставшего принца, и ничем их нельзя было сбить с толку. В 192 (808) облюбовал себе Идрис новой столицей Фец'; здесь приютил он 8000 испанских изгнанников из Кордовы в 198=814, также и 300 семей бежавших из Кайрувана, вероятно, от насилий Зиядет-Алла I (быть может, в 210=825). Таким образом, алид Идрис явно выказал враждебность как по отношению к Омейядам Испании, так равно и к Аглабидам. Одновременно (197—198=813—814) позаботился он снова укрепить свою власть, ослабевшую было во время его несовершеннолетия над зенатами Тлемсана, и таким образом значительно пододвинулся к арабским владениям. Но его преемник и сын Мухаммед в 213 (828) уничтожил

сразу все плоды его успехов. Потакая, быть может, напиравшим на него отовсюду и возникавшим без перерыва стремлениям берберов к партикуляризму, он разделил в угоду своим братьям государство на десять частей. Между ними, понятно, вскоре возникли столкновения, вследствие которых благонадежно расширявшееся могущество дома Идриса быстро пришло в упадок, так что к концу III столетия (около 900), когда зенаты Тлемсана вздумали было принудить рустемов Тахерта к признанию главенства алидов, это крошечное государство могло с успехом им сопротивляться. Тем менее, стало быть, приходилось Аглабидам беспокоиться о западе. И они сумели теперь вполне воспользоваться благоприятствовавшими им обстоятельствами. Начало их управления, впрочем, было чрезвычайно бурное. Настоящему основателю династии, Ибрахиму I Ибн аль-Аглабу, пришлось в течение 11 лет своего правления (184—196=800—812) усмирить четыре опасных восстания, возбуждаемые непокор-

* Собственно Фас или же по марокканскому произношению Фэс. Правописание Рег испанское, и произносить следует Фес.

ными арабскими офицерами в Тунисе и Триполисе (186=802, 189=805, 194—196=810-812 и еще раз снова вспыхнувшее в последнем году). Особенно труден был год 194; потеряв Кайруван, аглабид высидел в течение целого года в новопостроенном им замке, названном в честь халифов Аль-Аббасия, окруженный со всех сторон мятежниками; лишь подкупами удалось наконец эмиру осилить бунт. Также и для усмирения Триполиса в 196 (812) должен был он обратиться к наемным берберам, которые, исполнив поручение, в свою очередь сами взбунтовались. Пришлось звать на помощь рустемов Тахерта, которые потребовали за восстановление порядка отдачи им части окрестностей Триполиса. Вообще продолжительные междоусобные войны приучили как офицеров, так и солдат к своеволиям всяческого рода. Сын Ибрахима, Абу'ль Аббас Абдулла (196— 201=812—817), стал ненавистен подданным за чрезмерное обременение населения податями. Ему наследовал брат его, Зиядет-Алла I (201—223=817—838), беспощадный тиран, но властелин опытный. Он сразу же понял, что прежде всего следует сломить чрезмерное влияние высших офицеров. Этот человек, неукротимо дикий и страстный, невоздержный во гневе и к тому же пьяница, искал опоры в духовенстве, через него приобретя влияние и на народные массы. Главным кадием поставил он в 203 (818/9) ученика знаменитого юриста Малика, система учения которого привилась сначала в Африке, а потом и в Испании. Замечательный человек был этот Асад ибн аль-Фурат. Едва достигши 17-летнего возраста, он уже командовал армией, и этот профессор юриспруденции не хуже всякого генерала по призванию умел одерживать победы. Обладая львиной храбростью как бы в подтверждение носимого им имени*, он не боялся никого — ни толпы бунтующих солдат, ни даже своего кровожадного властелина и всегда умел настоять на своем. Народ обоготворял его за его религиозное рвение, справедливость и непреклонность характера; гневно ворча, не раз принужден был уступать ему даже сам беспо-

'По-арабски «Асад» значит «лев».

щадный Зиядет-Алла, на которого образ действий и значение воинствующего кадия производили сильное впечатление. Политика аглабида, стремившегося опереться на ортодоксальность, имела больший успех, чем позднейшие попытки Мутеваккиля в том же направлении.

Свирепость и коварство, с которыми эмир повергал к своим стопам головы генералов, одну вслед за другой, вскоре возбудили с 207—211 (822—826) целый ряд восстаний. Мятежники успели еще раз оттеснить его из Кайрувана и загнать на узкую береговую полосу между Табесом и Триполи-сом. Но в 212 (827) эмир успел наконец усмирить своих беспокойных арабов и теперь показал, что он способен не только срубать головы: постройками и проведениями дорог старался он поднять благосостояние страны. В особенности же позаботился эмир отвлечь куда-нибудь подальше опасные элементы своей армии и довольно многочисленных представителей племен берберов, живших всюду в его владениях; он дал им занятие в непрекращавшихся набегах на Сицилию, о которых вскоре мы будем говорить подробнее. Успехи и богатая добыча, оттуда вывозимая, сильно поспособствовали быстрому государственному расцвету. Брат Зиядета, Абу Икал Аглаб (223—226=838—841), славился благодушием и набожностью. Сыну же последнего, Абуль Аббасу Мухаммеду I (226—242=841—856), как-то все удавалось, за редкими разве исключениями, и счастье сопровождало неотступно все его предприятия, так что Абу Ибрахим Ахмед (242—249=856— 863) мог уже значительно подвинуть дальше культурное развитие в «Африке» при посредстве предпринятых им многочисленных общественных работ. Брат его, Зиядет Алла II (249—250=863—864), был, по-видимому, превосходным правителем, но скончался, процарствовав не более года, а с ним вместе ушло в могилу и величие аглабидского государства. Брат последнего, Абу Абдулла Мухаммед II (250—261=864— 875), был шалопаем безгранично легкомысленным; любимое его занятие — охота и болотные птицы — подали повод к общераспространенной насмешливой кличке его Абу"ль Гараник, «отца журавлей». Но не все его наклонности были одинаково безвредного характера. В его управление государство скоро пришло в упадок, к тому же голод, случившийся в 260 (874), произвел страшные опустошения среди населения. Положение дел продолжало ухудшаться и при брате его Абу Исхаке Ибрахиме II (261—289=875—902). Будучи энергическим принцем, он довел жестокость до крайних пределов. Желая восстановить блеск своей династии, эмир основал новую столицу Раккаду в одной миле на юго-запад от Кайрувана и возводил множество других построек, а между тем подготовил своему дому гибель совершением гнусного злодеяния, бывшего к тому же и

грубой, непростительной ошибкой. Большое племя берберов Китама главным образом сдерживалось в повиновении арабской колонией в Билизме. Находясь в порядочном отдалении от Кайрувана, эти люди держали себя довольно самостоятельно, откликаясь не на всякий зов эмира. А когда всеобщее в стране недовольство на кровожадного властелина разразилось наконец в 278 (891) целым рядом восстаний, то и жители Билизмы участвовали в них, конечно, не из последних. Долго пришлось повозиться Ибра-химу, чтобы потоками крови восстановить свою власть на востоке, так что он не решался предпринимать новую утомительную борьбу с мятежниками Билизмы и притворно с ними помирился. Но мало-помалу в следующие годы эмир сумел заманить к себе в Раккаду множество самых почтенных граждан этого города. Когда же в 280 (893/4) набралось их в столице до 1000, он внезапно накинулся с толпой солдат на беззащитных и приказал их всех перебить. Таким образом своими собственными руками Ибрахим уничтожил передовой оплот арабской силы, сдерживавший доселе многочисленных и воинственных берберов Заба. Государство подвергалось страшной опасности от набега берберов, в случае если бы им вздумалось сбросить ярмо, ничем более не сдерживаемое. И это нашествие вскоре наступило. Ибрахим по-прежнему продолжал угнетать своих подданных, пока те не взмолились самому халифу. Мы уже знаем, что по жалобе жителей Мутадид сместил злого принца и передал управление его сыну Аб/ль Аббас Абдулле (289—290=902—903). Настоятельная потребность именно такого прекрасного властелина, каким его описывают современники, ощущалась во всем государстве. Уже зашныряли эмиссары Алидов по кочевьям Китамы, подготовляя возмущение кабилов. Но бесчеловечный сын Абдуллы, посаженный взбешенным отцом под арест за низкие его поступки, подсылает наемных убийц. Перешагнув через труп родителя, садится этот последний агла-бид, Зиадет-Алла III, на престол, который столько же ему послужил на пользу, как некогда Аббасиду Мунтасиру. Этот Зиядет-Алла III — одно из отвратительнейших исчадий, известных истории, — независимо от бесстыдства и свирепости был распутен и глуп, как малый ребенок. Из страха понести заслуженное возмездие эмир повелел умертвить не только всех своих дядей и двоюродных братьев, в общем 29 человек, но даже своего брата родного, весьма способного Абуль-Ахваля, и как раз в ту самую минуту, когда этот последний готовился мужественно и осмотрительно встретить восставших уже берберов Китамы. Неудержимой волной хлынули теперь берберы, прорвав все преграды; в ночь на 25 Джумада II 296 (19/20 марта 909) недостойный властелин вынужден был спастись бегством из Раккады. Не в его характере было защищать трон своих предков с мечом в руке. Он укрылся в Египте. Здесь этот тягостный для аббасидского наместника гость продолжал по-прежнему вести распутную жизнь, пока не умер преждевременно (303=916). С позором, не менее постыдным, чем все его правление, погас в лице его дом Аглабидов.

Мы уже упоминали, что покорение Сицилии было величайшей услугой, оказанной этим родом исламу. Оно подготовлялось, впрочем, более ста лет. Подобно пунийцам Карфагена, владея северным берегом запада Африки, мусульмане зорко присматривались к большим островам, воздымавшимся наподобие быков гигантского моста между обеими частями света. Всякому, полагаю, известно, что вплоть до нашего столетия жители этого изрезанного бухтами и усеянного рифами берега славились как искусные мореходы и по мере сил и возможности занимались пиратством. Благоприятное очертание берегов помогло арабам, как здесь, так и в Финикии, в невероятно короткий срок преобразиться в отважных моряков. Невозможность же своевременной защиты западного бассейна Средиземного моря из Константинополя, которому поминутно угрожало внезапное появление перед стенами города сирийских адмиралов, предоставляла полную свободу африканским и испанским крейсерам неимоверно быстро, целыми сотнями, покрывшими море, наброситься на открытые и почти беззащитные берега как островов, так и всего итальянского полуострова. Уже в 84 (703) по приказанию покорителя Африки, Мусы ибн Нусайра, высадился в Сицилию* Ата ибн Ра-фи и вернулся назад с богатой добычей. С этой поры из года в год отправляются морские экспедиции то туда, то в Сардинию (с 91=710) Ужасные бедствия, претерпеваемые изумленными береговыми жителями от этих внезапных набегов, можно сравнить с бедствиями, испытанными впоследствии Западной Европой от нашествий норманнов. Правда, случалось, что та или другая неприятельская эскадра погибала от бурь или греческого огня, но на место ее тотчас же снаряжалась свежая. Уже в 122 (740) Сиракузы должны были сдаться на капитуляцию и уплатить дань одной проходившей мимо города разбойничьей шайке. Византийцы постарались хотя бы отчасти оградить острова возведением новых укреплений, а когда стал властелином Иб-рахим Ибн Аль-Аглаб, заключено было в 189 (805) десятилетнее с христианами перемирие, на которое эмир согласился тем охотнее, что возмутившиеся в Африке войска требовали от него усиленных забот. Но вечно тревожимым островитянам от этого едва ли стало легче. Идрисиды и испанцы продолжали по-прежнему совершать набеги, пираты их высаживались беспрерывно то в Сардинию, то в Сицилию, а начиная со 190 (806) и в Корсику; даже и Агла-биды нарушили наконец заключенный договор. Все дерзновеннее становились набеги разбойников. В 197 (812/13) арабы ограбили не только Корсику, но еще Ниццу и Чивита-

* В единственном сохранившемся историческом памятнике не упоминается собственно имени Сицилии. Если там говорится о другом острове, то первый набег мусульман на Сицилию произошел в 85 (704) на один из городов западного берега, вероятно Лилибеум.

веккию, а также совершали набеги на малые острова до самой Исхии. Временно, впрочем, заключались новые договоры; иногда казалось, что мирные торговые сношения начинали мало-помалу сменять вечную войну; но увы, это продолжалось недолго, хотя трудно сказать, кто первый нарушил мир. Так шло до 212 (827), когда сицилийский мятежник Евфимий, бежавший из Сиракуз от преследований византийского наместника Фотейна, появился при дворе Зиядет Алла I. Он предложил эмиру предпринять сообща поход в Сицилию с целью завоевания острова и назначения там властелином его же, Евфимия, соглашавшегося заранее признать над собой главенство мусульман. Предложение грека было принято по особому настоянию кадия Асада, падкого ко всякой священной войне против неверных. В том же году посажены были на корабли 11 тыс. мусульманских воинов. Спустя три дня войско высадилось у Мазары; поспешивший навстречу неприятелю Фотейн был разбит. Победоносное войско арабов быстро достигло Сиракуз, но крепкие стены города, для разрушения которых недоставало у осаждающих потребных на это военных машин, выдержали приступ мусульман. Невзирая на все предстоящие трудности, неукротимый Асад и не подумал снимать осады, но в лагере появилась повальная болезнь, и старый полководец был унесен ею (213=828). Счастье повернулось тотчас же к арабам спиной. Не принесший мусульманам особенной пользы Евфимий был заколот двумя сицилийскими патриотами. Свежеприбывшие войска из Константинополя стали сильно теснить арабов, в их руках оставались лишь Мазара и Минео. Они уже подумывали было вернуться в Африку, как вдруг явилась нежданно-негаданно помощь. Высадились испанские корсары, как это и прежде частенько бывало, и охотно помогли пробиться осажденным в Минео единоверцам (214=829). Год спустя (215=830) Зиядет Алла, по усмирении восстания в Тунисе, был уже в состоянии послать новое войско. Арабы заставили теперь сдаться Палермо после годовой упорной осады (216=831). С этих пор византийцам приходилось постоянно отступать. В союзе с христианами Неаполя, которым арабы помогли когда-то против лангобардов Беневента, мусульмане, предводимые братом Зиядет Алла, Абу'ль Аглаб Ибрахимом, осадили в 228 (842/3) Мессину и взяли город после упорного сопротивления, как кажется, в том же самом году, во всяком случае вскоре. За сим следовало покорение южной части острова. Аб-бас ибн Фадл, выбранный после смерти Абу'ль Аглаба самим войском в предводители в 236 (851) и утвержденный в этой должности эмиром Мухаммедом I, присоединил осаждаемый и раньше часто город Кастроджиованни, расположенный в середине острова (244=859). Со смертью Аббаса (247=861) среди мусульман возникают беспорядки и несогласия. Как водилось это и прежде, порядок между берберами и арабами сохранялся лишь до тех пор, пока их понуждала к тому общая опасность; связь же с «Африкой», естественно, становилась все слабей, а «журавлиный отец» был не такой человек, чтобы суметь поддержать свой авторитет и своих полководцев. Со вступлением Ибрахима II дела опять пошли иначе. И здесь этот энергический принц сумел настоять на своем. Он заставил тотчас же войска приняться за трудную осаду Сиракуз (263=877), и 21 мая 878 (264) старинная столица, взятая штурмом, сопровождаемым ужасным кровопролитием, была обращена в груды развалин. Начинавшийся с последними годами управления Ибрахима II упадок династии Аглабидов принес христианам временно облегчение. Сицилийско-африканский флот потерпел поражение у северного греческого берега (266=880), затем последовала высадка византийцев в Палермо; но еще более дурными последствиями угрожали мусульманам возникшие снова несогласия между арабами и берберами, несогласия, бывшие естественным добавлением к возникшему в Африке общему восстанию против Ибрахима II. Поэтому немногие христиане, сохранявшие еще независимость в Та-ормине и ущельях Этны, могли в 281 (894/5) добиться заключения довольно сносного мирного договора, который ограждал по крайней мере их свободу, положим, ненадолго. Ибо когда Ибрахим II отрекся от престола в 289 (902), он пожелал сложить голову в священной войне и заставил своего сына передать ему начальствование над войсками в Си- цилии. Договор с неверными тотчас же был нарушен. По взятии Таормины в виде искупления своих грехов против единоверцев он повелел перебить не только способных носить оружие христиан, но даже вопреки законам ислама и всех женщин вместе с детьми. Он умер в этом же самом году, переправившись с войском через пролив и перенесши войну в Калабрию, застигнутый болезнью у Козенцы. Арабы тотчас же покинули материк, а Сицилия отныне оставалась во владении мусульман еще целых полтора столетия.

Но гораздо ранее этого производились набеги на Италию. Война, которую вели арабы в союзе с Неаполем против лангобардов Беневента, была началом целого ряда вмешательств мусульман в нижнеитальянские распри, происходившие между лангобардами, итальянцами и франками. С 223 (838) удалыми арабскими партизанами предпринимались наезды из Сицилии; с 228 (842/3) опустошают эти берега также и корсары Крита. В 225 (839/40) сицилийская вольница укрепилась в Таренте, а в 227/8 (842) берберская разбойничья шайка поселилась в Бари. Из обоих этих пунктов производились страшные опустошения, причинявшие много вреда не только нижней Италии, но и всей береговой полосе Адриатического моря, византийцам и венецианцам, что еще более усложняло междоусобную войну лангобардов. Одновременно и западный берег Италии не был пощажен. Не говоря уже об отдельных случайных набегах, мусульмане осмелились в 846 (конец 231 и начало 232) напасть на Рим и Гаэту; а когда им не удалось это предприятие, они попытались бесцеремонно повторить его и в другой раз. Тут они понесли в 234/5 (849) тяжкое поражение у Остии. Буйства и грабежи сарацинов возросли до того, что в 236/7 (851) император Людовик II, правнук Карла Великого, сам направился в Италию с целью уладить несогласия христиан и организировать поход против мусульман. Лангобарды Беневента охотно согласились пожертвовать

своим союзным отрядом сарацин и истребили его целиком. Но это кровавое дело побудило мусульман к отмщению. Сицилийский полководец Аббас набросился снова на несчастную страну. Поход кончился новым занятием Тарента и значительным укреплением позиции у Бари. Муфарридж Ибн ?лим, так звали нового властелина города, стал грозой для всей Апулии, Калабрии и вообще остальных округов, даже за Неаполь и Беневент. Об Аглабидах он перестал заботиться; назвавшись султаном*, он вел на свой страх войны, закончившиеся только в 257 (871) взятием обратно Бари соединенными силами византийцев и итальянцев. В том же году африканский отряд высадился у Салерно и осаждал город довольно долго, но в 258 (872) сарацины были здесь разбиты войсками Людовика. А набеги, неоднократно предпринимаемые мусульманами по смерти императора (261=875), немного, собственно, изменили в общем положении вещей. Тем не менее мусульмане удержали за собой еще некоторые пункты, в особенности же Гарильяно, в котором они приобрели страшное пристанище для продолжения своих разбоев, тянувшихся от 268 (882) до 304 (916).

Значительно более краткое существование, чем Аглаби-дов, предстояло Тулунидам в Египте. Их владычество продолжалось немногим долее 37 лет, а действительное значение имел собственно только первый из них. Но могущество, которое сосредоточил основатель династии в своих руках, было столь велико, что угрожало самому халифату, и тулунид укрепил бы, несомненно, за своей семьей весь запад государства, если бы его не постигла преждевременная смерть. Преемники его все без исключения были или несовершеннолетние, или же тщедушные юноши, меж рук которых все им приобретенные средства выскользнули как песок. Так что, пользуясь первым удобным случаем, энергический халиф мог без труда снова приобщить только что уступленные провинции к общему составу государства.

Эта недолговечная династия обязана своим успехом всеобщей смуте, начавшейся со времен Муста'ина и из резиденции разлившейся по провинциям. Несчастный халиф нашел

' Ас — султан значит по-арабски «владычество». Но и в то уже время, переносимое на личность, звучало подобно нашему «Высочеству или Величеству».

среди турок, которые играли им как мячиком, единственного только человека, заслужившего его личное доверие. Был это Ахмед, сын Тулуна. Наместник его родины прислал отца из-за Оксуса вместе с толпой единоплеменников в 200 (815/6) в виде подарка Ма'муну. Тулун успел выслужиться при дворе и дал своему сыну необычное по своему положению научное образование. По смерти отца в 240 (854/5) Ахмед успел при различных случаях отличиться, так что Мус-та'ин по своем отречении в 252 (866), собираясь в изгнание в Васит, выбрал себе в сопутники этого самого тулунида. Состоя при лишенном трона принце, он сохранил верность ему, во всяком случае, не принимал никакого участия в умерщвлении в 253 (867) несчастного Аббасида. Между тем мать его вышла замуж за влиятельного генерала, Баик-Бега. Когда же этому последнему в 254 (868) поручено было наместничество в Египте, он поставил по обычаю того времени вместо себя заместителем пасынка своего; 23 Рамадана 254 (15 сентября 868) Ахмед ибн Тулун прибыл в Фустат. Положение дел было нелегкое: в Александрии и некоторых других местностях сидели особые эмиры, не подчиненные непосредственно наместнику; влиятельный начальник над податным управлением встретил нового правителя с нескрываемым неудовольствием, а вскоре по прибытии тулунида вспыхнуло в верхнем Египте восстание Алидов. Ахмед выказал сразу всю свою энергию: мятеж подавил, а возникший вслед за ним второй тоже быстро усмирил (255=869), затем искусно устранил влияние гражданского своего соправителя. В Фустате же он стал крепкой ногой, воздвигнув новый квартал специально для телохранителей и остальной личной своей свиты. А когда Муваффак назначен был в 258(872) братом своим, М/тамидом, генеральным наместником запада, и тут тулунид ухитрился задарить визиря халифа, так что начальствование в Египте оставлено было за ним. По временам для поддержания добрых отношений высылал Ахмед в Багдад представителю государства дань, хотя и не особенно охотно. А когда плоды укоренившегося хозяйства преторианцев назрели для халифата в достаточной мере, в виде войн против Зинджей и мятежного перса Саффара, тулунид нашел возможным махнуть рукой и на властелинов Багдада, предпочитая сохранять деньги для себя лично. Не таков был, однако, человек Муваффак, чтобы пропускать подобное безнаказанно. Но отголоски турецкого управления и междоусобных войн в Ираке не улеглись еще окончательно. Посланное в Египет войско вступило в Месопотамию, но здесь не хватило денег на уплату жалованья солдатам; пришлось поневоле отложить предприятие до более благоприятного момента. На стороне тулунида, располагавшего свободно громадными доходами богатой страны, оказывались в настоящее время все преимущества. Четыре миллиона золотых динариев получал наместник с одной подневольной работы трудолюбивых коптов (т. I), и все же местные жители при возникшем большем порядке и спокойствии энергически управляемой страны находили свое положение много лучше, чем прежде. Несмотря на увеличивавшуюся с годами роскошь и великолепие, которыми привык с некоторого времени окружать себя правитель, все же нельзя было не заметить, что на благо страны истрачивались большие суммы. Воздвигались не одни дворцы и казармы, учреждались также госпитали, богадельни, расходовались большие деньги на вспоможение ученым. До сих пор еще мечеть Ибн Тулуна, лежащая посреди квартала, им воздвигнутого в 263—265 (877—879) и вошедшего в черту нынешнего города Каира, громко свидетельствует об общеполезной деятельности владетельного князя. И за ходом внешних событий наместник следил зорко. Он воспользовался чрезвычайно ловко занятостью Муваффака, втянутого во многие войны, и успел расширить

свою власть даже за границы Египта. В 264 (877) скончался Амаджур, наместник халифа в Дамаске. Немедленно же двинулся Ахмед в Сирию. За исключением Антиохии, взятой силой в 265 (878), вся страна вместе с оборонительными линиями и западной частью Месопотамии очутилась в руках могучего эмира. Начальники отдельных округов не оказали никакого сопротивления — ими не руководило чувство верности к правительству, их не воодушевляла надежда получить какую-либо помощь и поддержку из Багдада. Но в том же самом году (265=879) полу- ченные дурные вести из Фустата остановили победоносное шествие тулунида. Один из его сыновей, Аль-Аббас, восстал против отца. С частью войска, перешедшего на его сторону, и кругленькой суммой в миллион динариев удалился он в Барку, подальше от разгневанного отца. Стремительно вернулся наместник в Фустат и по обыкновению своему предпринял самые широкие, энергические подготовления для одоления блудного сына, так что последний счел за лучшее углубиться еще дальше; избегая возможности встречи с отцом, он двинулся прямо в пределы владений аглабида Ибрахима II и со своей распущенной солдатчиной принялся грабить восточный округ Триполиса. Соседние берберы тотчас же предложили Ибрахиму свою помощь. Аббаса побили и отбросили снова в Барку (266=880). Здесь продержался он еще некоторое время, пока посланное Ахмедом войско не уничтожило его отряд и не взяло самого его в плен (268=882). Но этот бунт родного сына послужил как бы поворотным пунктом для прежнего удачного поприща сына Тулуна; сопровождавшее постоянно все его предприятия счастье теперь ему изменило. Лулу, назначенный им управителем Месопотамии, перешел на сторону Муваффака (268= 881/2); очень тонко задуманный план залучить халифа Му-тамида, не особенно довольного опекой своего чересчур бесцеремонного брата, в Сирию, чтобы, держа его в своих руках, разыгрывать как бы роль сберегателя законного главы от козней бесчеловечного родственника, не удался невзирая на полную готовность со стороны глуповатого абба-сида (269=882); попытка же завладеть Меккой рушилась благодаря неожиданному сопротивлению собравшихся там масс паломников (269=883). Затем с обеих сторон была разыграна вздорная комедия. Ахмед объявил Муваффака лишенным сана как бунтовщика против наместника пророка; в ответ на это воспоследовало вынужденное у халифа настоящим правителем государства отрешение Ибн Тулуна от должности наместника. Между тем эмир потерпел довольно чувствительное поражение во время неудачной осады Тарса, где засел один из его подчиненных военачальников Язман, возгордившийся одержанной им недавно победой над византийцами. Все эти неудачи, впрочем, не особенно пугали энергического князя. Но уже под Тарсом ощутил он первые признаки надвигавшегося недуга. Пренебрегая даже самим халифом, тем паче не пожелал он следовать предписаниям своих врачей. Боли усилились вследствие несоблюдения диеты, и в 270 (884), вернувшись в Фустат, он умер, имея с небольшим 50 лет от роду. После него осталось 17 сыновей; казалось, многочисленность семейства упрочивала за династией власть на несколько столетий. Но наместничество перешло в руки Хумаравейхи, унаследовавшего не много доблестей от своего отца. Он был способен лишь на то, чтобы оставшиеся по смерти Ахмеда в государственной кассе 10 млн динариев пустить снова во всеобщее обращение. Добродушный, весьма падкий ко всякого рода развлечениям молодой человек, едва достигший 20-летнего возраста, новый эмир питал непреодолимое отвращение ко всякого рода воинским предприятиям, предпочитая зачастую следовать мудрой политике страуса при встрече с более или менее серьезным затруднением. Пока еще он был в живых, все, по-видимому, оставалось по-прежнему, но после внезапной его смерти оказалось на деле, что более прозорливые успели окружить семью Тулуна крепкой сетью, и стоило небольших усилий впоследствии принакрыть ею окончательно весь этот княжеский род. Муваффак превосходно взвесил обоюдные силы и не подумал нападать один на слишком могучего вассала. Направив самолично войска против Дамаска, он уполномочил в то же время Исхака ибн Кундаджика, владетельного князя Мосула, и Мухаммеда ибн Абу-с-Саджа, наместника в Амбаре и на среднем Евфрате, вступить вместе с ним в Сирию, суля им в будущем округление их владений. Благодаря этому с первого натиска Сирия была отторгнута от Египта, но победители перессорились при разделе добычи. Так что в 271 (885) командующий багдадскими войсками Му'тадид, сын Муваффака, был покинут на произвол судьбы Саджидами и Исхаком и был принужден отступить при приближении войск Хумаравейхи к Рамле (в Палестине). Тулу-ниды снова завладели Сирией и даже осилили вспыхнувшее там в 273 (886) восстание. Муваффак убедился наконец, что самое лучшее будет постараться напустить Месопотамию на Сирию и выждать, когда обе стороны дойдут до полного истощения. Осчастливленный выше меры формальным утверждением в наместничестве Сирией и Египтом за обязательство упоминать имя халифа за пятничным богослужением Хумаравейхи Муваффак затеял в угоду правителю государства ожесточенную борьбу с Мухаммедом и Исхаком. А их главным образом подстрекало желание, как бы побольше оттягать друг у друга земли, поэтому то один, то другой принимали подчас сторону Хумаравейхи. Во всей Месопотамии воцарился полный беспорядок. Тулунид придавал особое значение лишь внешности. Огромных денег стоило эмиру в 277 (890) уговорить Язмана, не особенно-то обращавшего внимание в своем крепком Тарсе на Багдад и Египет, упоминать отныне и имя Хумаравейхи на пятничном богослужении. Тулунид возомнил, что через это самое он становится настоящим властелином «оборонительных линий», точно так же, как полагал, что с 279 (892) халиф Му'тадид у него совершенно в руках, когда повелитель за массу денег соизволил утвердить его наместником, а в 282 (895) оказал даже честь высватать одну из его дочерей. Восхищенный тесть потратил 1,5 млн золотых динариев на свадьбу и приданое, а чтобы не потерять как-нибудь подобное высокое благоволение, стал усердно выплачивать дань, не пропуская ни одного года. Таким образом, у Му'тадида появились теперь деньги, а переполненные подвалы, оставленные Ахмедом ибн Тулуном, быстро начали пустеть. В этом же самом

году последовало умерщвление Хумаравейхи в гареме какими-то рассвирепевшими женщинами, а быть может, и евнухами; наступил теперь конец и всем тулунидам. Высшие чины провозгласили эмиром сначала сына Хумаравейхи, Джейша; когда же этот 14-летний отрок стал творить одни глупости, его сменил в 283 (896) Харун. Но денег в египетской казне уже не было ни гроша; каждый военачальник поступал так, как ему хотелось. Командовавший оборонительными линиями Рагиб перешел в 283 (896) на сторону халифа; один за другим сдавались Му'тадиду города вне собственной Сирии со стоявшими еще в них гарнизонами египтян. Когда же его преемник, халиф Муктафи, справился с первым восстанием карматов 291 (904), он мог Окончательно покончить и со всеми несовершеннолетними тулунидами. Сирийские эмиры сдавались без сопротивления генералу его, Мухаммеду ибн Сулейману. Уже к концу года успел этот военачальник стать перед Фустатом, а одновременно с ним появился флот у Димьята (Дамиетты). Несчастный Харун погиб в возникшей случайно свалке между его телохранителями (нач. 292=кон. 904). Наидостойнейший из сыновей Ахмеда, Шейбан, дядя покойного эмира, попробовал было сопротивляться, но должен был вскоре уступить пред напором превосходных сил. Со своими турками Мухаммед распоряжался в покоренном им городе ужасно (292=нач. 905): все было разграблено, квартал тулунидов разрушили почти до основания, приверженцев павшего владетельного дома мучили и истребляли массами, а членов несчастной семьи всех забрали в Багдад. Счастливые дни для Египта миновали, наместников сменяли теперь поминутно. Беспорядки, нищета и злополучие возрастали подобно тому, как это уже наступило почти для всех остальных областей западной половины халифата.

Из полного запустения, которому подверглись все эти страны при Муктадире (с 295=908), лишь несколько округов среднего протяжения были извлечены сильной рукой одного могучего князя. Я говорю про семью Хамданидов. Она вынырнула из мрака почти в то самое время, когда дом Тулунида начал клониться к упадку. В лице величайшего представителя этой семьи арабская отвага и распорядительность блеснули в последний раз перед тем, как погаснуть окончательно. В нем конец арабской истории замечательным образом смыкается с началом ее, наподобие окружности круга, так как из племени Таглиб, того самого, из которого вышел герой Кулейб, озаривший преддверие ислама (т. I), происходил и Хамдан, передавший свое имя роду Сейф-ад-даулы. Старинный родоначальник был главой таглибитов, осевших после 40-летней войны в Месопотамии (т. I) и по сию пору, по прошествии 250 лет (864), проживавших на северо-запад от Мосула в местности Ди- яр Раби'а, не покидая по возможности старинных навыков жизни бедуинов. Среди арабских поселений Дияр Раби'а, Дияр Бекр, Дияр Мудар (последнее юго-западнее на самом Евфрате), разделивших между собой север Месопотамии, предприимчивый военачальник мог всегда набрать, благодаря пагубным порядкам, возникавшим со времен Мус-та'ина, целые толпы удалых соратников, охочих и подраться, и пограбить. Собрать их было так же легко, как легко для подобных же целей вербовались за деньги в то время турки, дейлемиты и тому подобные наемники. Роковое знамение времени и состояло в сущности в том, что центральное управление нигде не обладало достаточными силами, чтобы оградить правильный ход управления. Всякий с некоторым влиянием и силой нисколько не задумывался в любом месте присвоить себе главенство. В случае успеха он был уверен, что за известную сумму, выжатую у своих же новых подданных, можно легко при хроническом безденежье халифата купить утверждение у халифа, визиря или же генерального наместника. А если такой человек и дальше продолжал более или менее аккуратно высылать умеренную дань, то мог быть спокоен, что его не потревожит ни один из властелинов и что ему предоставят распоряжаться в своем округе как пожелает. Неизбежным последствием приобретения владения для подобного выскочки, возведшего себя самовольно в князья, являлось стремление возможно большего его округления. Отсюда и проистекали, собственно, все эти беспрерывные маленькие и большие войны с пограничными соседями, вечные поползновения вмешаться в споры, возникавшие между халифами, преторианцами и визирями, а при этом и старания заручиться в столице известным влиянием. Начинавшееся, таким образом, полное разложение в западных и центральных провинциях некоторое время еще сдерживали энергический правитель Муваффак, сын его Му'тадид и внук Муктафи. Мы только что видели, как сумели эти властелины, не ведя упорной борьбы, присоединить к халифату государство Тулунидов. Подобным же образом Муваффак остановил в 262 (876) поступательное движение перса Саффара, а Му'тадид, преемник его, с помощью пришедших из-за Оксуса Саманидов окончательно его осилил. Так что на некоторое время всякая опасность миновала с этой стороны, ибо хотя Саманиды признавали власть халифа лишь внешним образом, но их связывали с ним обоюдные общие интересы поддержания порядка на востоке, и ни разу новая династия не пыталась силой проникнуть в Ирак. Также и старания Хамдана укрепиться по близости столицы, в замке Мардин, в Месопотамии, и оттуда ловить рыбу в мутной воде, пользуясь восстаниями хариджитов кругом Мосула, недолго пользовались успехом. Му'тадид напал на мятежников и изловил в 282/3 (896) как главу хариджитов, так и этого предприимчивого предводителя. Но семья его с первых же шагов своих выказала особое дипломатическое чутье. Хамдан был настолько предусмотрителен, что поместил у халифа в войске своего сына, Аль-Хусейна. По его просьбе отца помиловали. Вскоре Хусейн отличился на войне. При завоевании Египта (292=904) он командовал авангардом Мухаммеда Ибн Сулеймана, а в 294 и 295 (907, 908) одерживал над карматами довольно значительные успехи. Между тем брат его, Абу'ль Хейджа Абдулла, став в 292 (905)

наместником Мосула, успел в 294 (907) подавить довольно серьезное восстание курдов и тем значительно упрочил свое положение. При Муктадире во время дворцовой революции Хусейн принял, как известно, сторону сына Аль-Му'тазза, а когда предприятие рушилось, Абу'ль Хейджа оказался преданным вассалом, поменявшись в этом случае с братом ролью, разыгранной прежде Хусейном при отце. Наместник брат кинулся с войском преследовать беглеца и сумел так устроить, что попал в милость. Он получил в 298 (911) начальство над Дияр Бекр, а впоследствии и над земляками своими Дияр Раби'а. Немного спустя Абу'ль Хейджа (301=913/4), а за ним Хусейн (303=915/6) попытались отвоевать себе полную независимость при слабом Муктадире, но Мунис, считавший своей обязанностью ограждать владычество Аббасидов от стремлений эмиров к самостоятельности, энергически преследовал обоих братьев; ему удалось во второй раз забрать всю семью Хамданидов в Багдад. Хусейн был вскоре казнен здесь в 305 (917); его обвинили, и, кажется, небезосновательно, как соучастника в заговоре. Абу'ль Хейдже возвращено было в 307 (919/20) наместничество в Мосуле, родственникам же его подчинены были и Дияр Раби'а. И хотя последние бурные волны карматского наводнения коснулись этих стран, семья Хамданидов беспрепятственно продолжала еще долго здесь властвовать. В 316 (928) Абу'ль Хейджа примкнул к Мунису, предпринявшему поход с целью низвержения с престола Муктадира; в возникших смутах при водворении снова халифа Абу'ль Хейджа был убит. Тем не менее сын его, Аль-Хасан, был утвержден наместником Мосула и Дияр Раби'а. Ему пришлось разделять власть с некоторыми другими хамданидами, придерживавшимися, впрочем, строго его политики. Теперь при новом походе Муниса он принял сторону багдадского двора, потерпевшего, однако, неудачу. Мунис овладел Мосулом, Хасан должен был бежать. Хотя по смерти Кахира в 322 (934) он получил обратно свою провинцию, но в том же году визирь Ибн Мук-ла (т. II, с. 230) отобрал ее снова от него. Все же семья Хамданидов слишком крепко утвердилась в этой области, так что было нежелательно назначение сюда постороннего; поэтому наместником был назначен дядя Хасана. Внезапно в Мосуле появился Хасан, напал на только что прибывшего правителя и не постеснялся умертвить собственного своего родственника (323=935). После некоторой борьбы этот хамданид успел снова овладеть Мосулом, Дияр Раби'а и Мударом, а в 324 (936) брат его Алий стал господином и Дияр Бекра. Таким образом большая часть Месопотамии подчинилась с этой поры власти Хамданидов. В это самое время халифат со своим эмиром аль-умара Мухаммедом ибн Райком находился в самом отчаянном положении. Уже с 301 (914) алиды начали напирать из Та-баристана на внутренние провинции Персии. Они врезывались угрожающе, как бы клином, между областями Багдада и Хорасана, управляемыми эмирами халифа и их союзниками Саманидами. В ведомых ими войнах против Саманидов главную роль, понятно, играли горные народцы южного побережья Каспийского моря, издавна примкнувшие к алидам, а между ними выдвигались на первый план дейлемиты. Необразованные и грубые, но сильные и храбрые — они были в эту эпоху кулачного права как бы прирожденными наемниками, совершенно такими же, как и турки, отличаясь от последних разве еще большей дикостью и шиитским своим вероисповеданием. Неглубоко, однако, сидело в них чувство почтения к алидам; их рвение к семье пророка, быть может, было не более как замаскированный предлог, чтобы прикрыть самоволие, составлявшее существенную черту их характера. Поэтому теперь, когда они выступили на более широкую арену, занялись они, весьма понятно, главным образом удовлетворением своих личных инстинктов — жажды добычи и ненасытного честолюбия. Они готовы не только служить у суннитских властелинов, но также усиленно домогаются под предводительством энергических и беспощадных военачальников выкроить самим себе, подражая в этом остальным, какое-нибудь владение из оставшихся лоскутков государства халифов. Абу Шуджа Бувейхи был именно таким предводителем вольницы. Он выдвинулся в борьбе Саманидов с алида-ми. Сражаясь попеременно то с одними, то с другими, он стал решительно главенствовать среди своих земляков, а сыновья его Алий, Хасан и Ахмед сделались основателями новой династии Бувейхидов или же Бундов*. Историю ее мы передадим впоследствии более связно, теперь же достаточно упомянуть, что при вступлении на трон ар-Рада (322=934) вся средняя Персия, особенно Фарс, находилась уже под властью Бундов и они готовились овладеть Хузис-таном. Провинция эта находилась тогда в руках трех братьев, сыновей управителя почт в Басре, по своему происхож-

' Последнее произношение было раньше общепринято, первое же более правильное. *(Примеч.* явт.)Но во2-м т. немецк. издания, с. 10, автор берет свои слова назад и отдает предпочтение чтению «Буя» и «Бунды». К числу имен с этим спорным окончанием *(<уя»* или *чвейхи»)* относятся и упоминаемые выше Сибавейхи (или: Сибуя) и Хумаравейхи (или: Хумаруя). — *Примеч. ред.*

дению называемых обыкновенно «сыновья Баридия»*. Самым выдающимся между ними был Абу Абдулла, человек, буквально потерявший совесть. Откинув всякий стыд, он старался возвыситься всеми способами, пуская в ход против своих подчиненных коварство, интриги, убийства, грабежи и угнетение. Очутившись теперь как бы в тисках между наступающими Бундами и халифом, или, лучше сказать, его эмиром, они искали возможность как-нибудь удержаться, принимая сторону то одних, то других, с затаенной мыслью напасть впоследствии на бывшего союзника как на врага. Провинцию отдал этим «превосходным чиновникам» Ибн Мукла в 31б (928). И невзирая на отдаленность их прежнего местожительства, братья утвердились довольно основательно в Хузистане, а в 320 (932) присоединили к своей наместнической области даже и Басру за уплату по тогдашнему обычаю

значительной суммы. Итак, весьма трудная задача предстояла Ибн Райку, ставшему эмиром в 324 (935). Нужно было в одно и то же время сдерживать этих опасных вассалов справа, Хамданидов слева, отбиваться в столице от нападений карматов, ставших полными хозяевами в Аравии и пустыне вплоть до самого Евфрата, а сверх того ограничивать по возможности наступательное движение Бундов. В его распоряжении были лишь силы Ирака до границ Мосула; на получение же дани с Сирии и Египта нечего было и рассчитывать при непрекращавшихся неприязненных отношениях тамошних эмиров. С самого же начала Ибн Райку не повезло. Хотя подчиненный его, турецкий генерал Беджкем, и разбил Баридия, но с выступившим на Багдад по наущению последнего бундом Ахмедом уже сладить не мог и дал ему беспрепятственно занять Ахваз. Пользуясь возникшей сумятицей, сам Беджкем вздумал было сделаться эмиром и действительно успел в 326 (938) добиться своей цели, когда войско окончательно покинуло ибн Райка. Тем временем хамданид Хасан мосуль-

’ Барид по-арабски значит «почта», отсюда «баридий» употребляется тогда, когда говорится о всяком, имеющем какое-либо соотношение с почтой, иначе почтовый чиновник.

ский нашел, что время подходящее прекратить уплату дани; когда же Беджкем с согласия халифа вздумал понудить непокорного вассала, за спиной у него внезапно появился снова в Багдаде ибн Раик во главе нескольких тысяч недовольных солдат. Военачальнику, застигнутому врасплох, пришлось торопливо заключить мир с Хасаном (327=938); он успел, однако, войти в соглашение с ибн Райком, по которому тот обязался перекочевать со своими солдатами в Сирию. Низложенный эмир занялся там ревностно преследованием отрядов Мухаммеда ибн Тугджа, по прозванию аль-Ихшида*, наместника Сирии и Египта. И с Баридиями заключил Беджкем мир, уступив Васит (327=939). Но дружба эта продолжалась недолго. По смерти Ради, когда Беджкем возвел на престол брата его Аль-Муттаки (329— 333=940—944), ибн аль-Баридий проявил намерение двинуться на Багдад; против него выступил второстепенный военачальник турок, Тузун. Между тем Беджкем погиб во время одного курдского набега (329=941), а войска его рассеялись. Тузун ушел к ибн Райку в Сирию, другие перешли к Баридию, и этот последний мог теперь беспрепятственно вступить в Багдад. Он отобрал от беззащитного халифа все наличные деньги, но все же не был в состоянии удовлетворить всех требований ненасытных своих наемников и принужден был покинуть столицу. Оставшиеся здесь дей-лемиты и турки перевернули все вверх дном. Один дейле-мит по имени Куртегин присвоил себе сан эмира-аль-ума-ры, а турки не захотели ему повиноваться; дошло до открытого боя, в котором Куртегин одержал верх. Чтобы как-нибудь избавиться от этих несносных дейлемитов, превзошедших даже турок грубостью и насилиями, халиф стал убедительно просить ибн Райка вернуться из Сирии и восстановить порядок в столице. Эмир внял мольбам и двинулся к Багдаду со своими и Тузуна полчищами. Дейлемиты были побеждены, и жители страшно им отомстили за пре-терпенные раньше мучительства. Ибн Раик стал снова эми-

’ Ихшид, как утверждают, был титул турецких старшин Ферганы. Отец Мухаммеда, Тугдж, вел от них свой род.

ром, но недолго продолжилось спокойствие. Ибн аль-Ба-ридий, набрав понемногу снова войско в Басите и Басре, не пожелал более повиноваться; к нему примкнул и Тузун, не хотевший долее оставаться в подчинении у ибн Райка, а также толпы бунда, продолжавшего все определеннее метить на Багдад. Войска эти под командой брата ибн аль-Ба-ридия, Аб/ль Хусейна, выступили против ибн Райка. Разбитый в 330 (942) эмир был изгнан из города вместе со своим халифом Муттаки. Оказалось, что оба братца слишком походили друг на друга; после претерпенных жителями столицы мук продолжительной междоусобной войны и последовавшего за ней в зиму 330 (941/2) голода этот «честный малый» не постыдился наложить еще новую подать на хлеб в зерне! Бедный народ, а вместе с ним и Тузун не выдержа-ли и взбунтовались против изверга, но дейлемиты усмирили их, и Тузун бежал. Он укрылся в Мосуле у хамданидов (330=942), там же пребывали также после своего изгнания из Багдада ибн Раик с Муттаки; всех их встретили здесь радушно. Но хамданид Хасан вовсе не намерен быль подставлять свою спину ради выгод других. При первом же удобном случае он приказал своим телохранителям умертвить ночью не подозревавшего ничего подобного Ибн Райка и заставил бесхарактерного халифа признать его, Хасана, эмиром аль-умарой вместо погибшего. По этому поводу получил он также почетный титул Насир-ад-даула «защитника государства», а брат его Алий наименован был Сейф-ад-даула «государственный меч». Повторялась известная история: чем печальнее становились обстоятельства, тем витиеватее делался слог. Вначале, несомненно, успех был на стороне хамданидов. Брат Аль-Баридия должен был покинуть Багдад, хамданиды временно даже заняли Васит. Но Алию понадобились вскоре подкрепления, чтобы продолжать действовать успешно против неприятеля. Посланный к нему на подмогу с турецкими войсками Тузун пожелал снова разыгрывать самостоятельную роль; он взбунтовался против Сейф-ад-даулы и принудил его отступить к Багдаду. Хамданидам после некоторой борьбы пришлось очистить и столицу. Ее занял в 331 (943) Тузун. Подстрекаемый дурным обращением с ним Насир-ад-даулы, халиф, понятно, возвел турка в сан эмира аль-умара. Но этот последний стал так жестоко обращаться с несчастным Муттаки, что возбудил в нем самые крайние опасения. «Повелителю правоверных» не оставалось ничего более, как опять бежать к хамданидам (332=943); одновременно халиф написал к Ихшиду в Египет, прося его о помощи, не рассчитывая встретить у Насир-ад-даулы

прямой и искренней поддержки. Тем не менее хамданиды попытались снова, конечно имея в виду скорее личные свои интересы, двинуться на Багдад; но Тузун побил их несколько раз, и Муттаки принужден был укрыться в Ракке на Евфрате. Хамданиды круто переменили фронт и стали пытаться проникнуть из Месопотамии в северную Сирию, принадлежавшую, собственно, к наместничеству Ихшида. Халеб был уже в их руках, когда потянулся из Египта, по зову халифа, Ихшид (332— 944). При приближении его хамданидский генерал благоразумно очистил Халеб, даже сам Насир-ад-даула воздерживался от всякого насилия все время, пока Ихшид совещался с халифом в Ракке. Переговоры не привели, однако, ни к каким результатам. Хамданиды между тем убедились, что им никогда не удастся стать твердой ногой в Багдаде, тем более что бунд Ахмед уже овладел почти всем Хузиста-ном, занял Васит и оттеснил баридиев в Басру. Предстояла теперь борьба бунда с Тузуном, вмешиваться в которую Насир-ад-даула и не помышлял, умудренный опытом прежних лет. Он уже бросал жадные взоры за Евфрат по направлению к Сирии и ясно дал понять Муттаки, что намерен его окончательно покинуть. Со своей стороны Тузун придавал теперь большую цену ввиду наступления бундов присутствию в Багдаде верховного главы ислама и прилагал все старания помириться с халифом, изъявляя ему всевозможные знаки верноподданнической преданности. Халифу предстоял, таким образом, выбор между Ихшидом и эмиром аль-умарой. Было очевидно, что оба стремились с ним сблизиться, руководимые только своекорыстными видами, ибо и наместнику Египта присутствие повелителя правоверных в его владениях послужило бы лишь средством, дабы возвысить собственный авторитет в глазах подданных и пограничных соседей. Наконец Муттаки решил в пользу Багдада, и на свою же голову. Потерпев неудачу, Ихшид немедленно же удалился; Тузун, чтобы только залучить своего законного владыку, конечно, поклялся дважды; при торжественной обстановке, пред лицом самых уважаемых чиновников и духовных ученых резиденции, в безграничной преданности и верности. Но едва только несчастный халиф прибыл в Багдад, его схватили и ослепили (333=944). Эмир возвел на престол свою креатуру, сына Муктафи, даровав ему титул Мустакфи (333—334=944—946). Недолго пришлось вероломному эмиру наслаждаться успехом; он умер в 334 (945), сраженный эпилепсией, давно уже его мучившей, а преемником его стал бывший доселе визирем ибн Ширзад. Им собственно и кончается ряд настоящих эмиров аль-умара. Бунд Ахмед как раз в это время стал наступать из Васита. В истощенном свирепым хозяйничаньем турок и дейлемитов Багдаде царствовал вечный голод; не у кого было уже выжимать деньги на уплату жалованья войскам; с небольшой горстью солдат бросился ибн Ширзад на защиту ворот города от наседавшего врага. Неравный бой продолжался недолго. 11 Джумады I 334 (19 декабря 945) вступил Ахмед в столицу и заставил, конечно, халифа назначить себя эмиром аль-умарой, приняв почетный титул Муъизза ад-даула «опора государства». В то же время бунд назвался султаном и этим формально заявил, что отныне мирская власть принадлежит ему исключительно, а не халифу. Шиитов делеймитов, понятно, не интересовало нисколько духовное значение последних; но для большинства суннитского населения Ирака «повелитель правоверных» оставался по-прежнему религиозным главой, только ради этого султан буидский и признавал халифа по внешности. Повелителю дозволено было содержать при себе штат придворных, назначена была ему как бы в виде подачки ежедневная пенсия в 5000 динариев, с кафедры провозглашалось имя его, а также чеканилось на монетах перед именем султана. Но вся эта внешность теряла истинное свое старинное значение, связанное с саном «наместника пророка». «Довольствовались изображением его на монете и упоминанием с кафедры» и затем обыкновенно обходились с ним, как с товаром, ничего не стоящим. Как понимал свою «присягу» буид по отношению к Мустакфи, он показал ясно недель пять спустя. Негодуя за что-то на этого несчастного, он повелел его ослепить и сделал халифом Мути (334—363=946—974), сына Муктадира. Вообще Муъизз и его преемники обходились с потомками могучего Мансура и гордого Харуна, пожалуй, еще похуже, чем со своей челядью. Об уплате назначенной им пенсии не было более и помину. Для удовлетворения насущных потребностей предоставлены были Аббасидам доходы с нескольких имений, и, конечно, их хватало на то только, чтобы оградить халифа от нужды. До такого жалкого унижения дошел ныне халифат, которого имущественные средства еще сто лет тому назад, казалось, были неисчерпаемы.

Слишком поздно понял свою ошибку Насир-ад-даула, допустив возникновение на месте бессильного, постоянно ослабляемого внутренними смутами государственного организма военной силы с прочным устройством, способную просуществовать еще десятки лет. Положим, со своими ограниченными средствами едва ли мог бы хамданид властно положить предел ее развитию. Так или иначе, соседство бундов становилось для него все более и более неудобным. Официально все же должен был он оставаться в положении наместника или, скажем, вассала халифа, а потому обязан был выплачивать ему, в настоящее же время управлявшему от его имени султану, дань. Неоднократно (337, 347, 353=949, 958, 964) пытался он избавиться от своей зависимости; раньше даже, вскоре после взятия Багдада, он предпринял было отважный поход и внезапным натиском едва не отнял столицы у Муъизза (334=946). Но к этому времени по взятии Басры и окончательном одолении Баридия (336=947) бунды владели уже почти безусловно всей Персией до границ Хорасана и были значительно сильнее хамданида, которому пришлось поневоле приноравливаться и стать к дейлемитам в отношения в высшей степени стеснительной зависимости. Но даже и в подобном положении ничего хорошего не предвиделось. Собственный сын На-сир-ад-даулы, Абу Таглиб, с которым он по неизвестным причинам рассорился, захватил отца в плен в 356 (967) и держал до самой смерти, 12 Раби 358 (3

февраля 969), в заточении относительно, впрочем, не очень жестоком. Поистине трагическая судьба, хотя отчасти и заслуженная, постигла Насир-ад-даулу. Безустанная 35-летняя деятельность этого человека, поступавшего весьма хитро и умно, но вместе с тем и вероломно, приносившего все в жертву своему рассчитанному эгоизму, имела результатом образование из незначительного поместья целого княжества, обнимавшего к концу жизни властелина всю Месопотамию вплоть до Текрита на Тигре, на юг. В течение каких-нибудь десяти лет все это успели растерять его потомки. Братья Абу Таглиба перессорились сначала с ним, а потом разошлись друг с другом. Сам же новый наместник впутался, по несчастию, в ссору с султанами Бундами. Когда Адуд-ад-да-ула, племянник умершего в 356 (967) Муъизза, овладел в 367 (977/8) всем Ираком, хамданид был вынужден очистить Мосул, а в 368 (978/9) покинуть и Месопотамию. Он пал в следующем году (369=979) при Рамле, в Палестине, на которую он напал с набранной им по дороге шайкой бедуинов. И остальные потомки Насир-ад-даулы рассыпались во все стороны. Одни поступили к Адуд-ад-дауле, другие ушли на службу к египетскому наместнику. Лет сто спустя внук хамданита, Хасан ибн Хусейн, прозванный в память своего деда также Насир-ад-даулой, будучи генералиссимусом войск в Каире, был схвачен и умерщвлен позавидовавшим ему эмиром — вот последнее известие, дошедшее до нас о хамданидах Мосула.

Но как ни замечательна была изменчивая игра их судьбы, не они доставили подлинную славу своему роду. Начиная с 331 (943) мы совершенно упустили из виду Сейф-ад-даулу — это случилось потому именно, что он нашел для своей деятельности иную арену. Едва вернулись в 333 (944) халиф Мутгаки в Багдад, а Ихшид в Египет, как хамданиды снова устремились на север Сирии. Из своих владений в Дияр Мудар им стоило только переправиться через Евфрат, чтобы достичь в два перехода Халеба, принадлежавшего вместе со всей остальной Сирией к владениям египетского эмира. На этот раз двинулся туда сам Сейф-ад-даула; 8 Раби I 333 (29 октября 944) вступил он в этот город. Вскоре затем, разбив при Химсе посланное Ихшидом войско, под предводительством Кафура* двинулся он далее к Дамаску. Гарнизон, однако, отказался сдаться, а когда подошел сам Ихшид с сильным войском, Сейф-ад-даула принужден был отступить: неудачный бой под Киннесрином понудил его даже очистить Халеб. В конце 334 или же в начале 335 (946) последовала смерть энергического Ихшида, снова развязавшая руки хамданидам. Владычество над Египтом перешло к сыну эмира, еще несовершеннолетнему ребенку. Именем его стал управлять Кафур, и впоследствии, для того чтобы держать своего начинающего оперяться молодого эмира в полной зависимости, предстояло много хлопот египетскому военачальнику. Сейф-ад-даула этим воспользовался и утвердился в 335 (946) в Дамаске. Но он попортил свои отношения к жителям города и кочевавшим кругом бедуинам. Слишком рано стал выказывать эмир свои намерения ввести более строгое управление среди привыкших к почти независимой жизни арабов, пользовавшихся слабой связью Сирии с Египтом. Жители Дамаска сами же позвали Кафура, Сейф-ад-даула проиграл два сражения подряд и снова должен был очистить не только Дамаск, но даже и Халеб (конец 335 или начало 336=947). Немного времени спустя заключен был, однако, между ним и Кафуром договор. Желая оградить покой на дальнем севере, чтобы с большей уверенностью разыгрывать далее роль господина в Египте, он уступил Сейф-ад-дауле северную Сирию со включением Химса, а Дамаск оставил в подчинении Египта. Обе стороны должны были поневоле держаться свято сохранения договора. Кафуру приходилось считаться с неоднократными попытками своего питомца высвободиться из-под тягостной зависимости, а Сейф-ад-даула по горло был занят в своем вновь возникшем государстве беспрерывной борьбой с напирающими на него византийцами.

* У арабов входило постепенно в обычай давать рабыням, рабам, в особенности же евнухам ласкательные прозвища, заимствованные собственно от различного рода драгоценностей; так, например, Джау-хар «драгоценный камень», Якут «гиацинт» и т. п. Таким образом, Лулу значило «жемчуг», а Кафур — «камфара». Появление подобных имен все чаще и чаще в среде должностных лиц и эмиров лучше всего указывает на беспорядочное назначение слуг гарема на высшие государственные посты. Кафур был негр или по меньшей мере абиссинец.

Старинная изменчивость судеб побуждала оба соседних враждебных государства пользоваться каждой внутренней смутой противника и вырывать друг у друга победу в вечно оспариваемой в течение столетий пограничной черте, идущей вдоль оборонительных линий и Армении. С увеличивавшейся же постоянно безурядицей хозяйничанья эмиров приходилось все выше и выше подымать, в защиту от врага, знамя ислама. Одерживаемые Иоанном Куркуасом успехи в Армении, начиная с 308 (920, ср. т. II, с. 236) заставили уже с 324 (936) вмешаться в борьбу с греками и Сейф-ад-даулу, за-ведывавшего тогда управлением в Дияр Бекре. Так, до нас дошли некоторые известия о его набегах на окрестности Малатии и в западную Армению, находившуюся уже в полной зависимости от греков; это происходило в годы 326 (938) и 328 (940). Если даже руководствоваться малодостоверными известиями арабскими об одержанных будто бы в то время победах, то едва ли они могли иметь какое-либо более или менее прочное значение, ибо злополучная борьба хамданидов из-за обладания Багдадом и саном эмира аль-умары понуждала их почти совершенно обнажить северные границы. Каждый город принужден был на свой страх позаботиться, как бы отсидеться от нападения страшного Куркуаса. Нет ничего удивительного поэтому, что уже в 329 (940) византийский полководец вторгнулся в Месопотамию, а в 331 (942) овладел Низибисом. Эдесса должна была выдать ему в виде выкупа пелены св. Вероники, принятые с бесконечным ликованием христианами; в 332(943/4) овладевает он даже Рас Аль-Айном. Только отозвание храброго

героя, получившего в народе прозвище второго Велиса-рия, — завистники оклеветали его пред императором Романом I — задержало на некоторое время дальнейшие успехи византийцев. С самого начала вступления своего в Халеб Сейф-ад-даула уже попытался проникнуть в область, лежащую за Марашем; имея в виду оградить Месопотамию от дальнейших набегов неприятеля, он двинулся из северной Сирии грекам в тыл. Но в ближайшие затем годы, пока продолжалась борьба с Кафуром, конечно, нельзя было и думать предпринять что-либо серьезное в этом направлении. Зато, начиная с 336 (947), хамданид напряг все свои силы, чтобы отбросить исконного врага ислама назад в Малую Азию. Успехи на этом поле получились, конечно, весьма сомнительные. Так, например, греки овладели в 337(948/9) Марашем и нанесли гарнизону Тарса чувствительное поражение. Когда же сам Сейф-ад-даула совершил в 339 (950) победоносный набег на Каппадокию, то на возвратном пути, в горах при Хадасе, наткнулся неожиданно на засаду. Немногие из его воинов вернулись домой; сам предводитель спасся, как передает предание, благодаря только отчаянному прыжку со скалы. Удачнее были годы 340—344 (951/2—955/6): целым рядом серьезно выполненных походов мусульманам довелось оттеснить христиан; в 341 (952/3) взят был ими обратно Мараш и восстановлены старинные стены крепости, главное же — поддержана была честь исламского оружия. Но силы незначительного княжества, по сравнению с мощной империей, не могли долго продержаться против тяжкого напора слишком многочисленного войска врага. Один мусульманский отряд уже в 345 (956/7) понес чувствительное поражение, а в 346 (957) Лев, сын Доместика Варды, овладел Хадасом, который византийцы безуспешно осаждали в первые годы. В 347 (958) нахлынули греки с севера на Месопотамию, заняли многие крепости и снова доходили вплоть до Амида, а в 348 (959) до Эдессы и Харрана. Когда же Сейф-ад-даула направился было в византийские пределы, имея в виду понудить Льва к отступлению, греки окружили эмира и истребили почти все его войско. Особенно гибелен был для мусульман 350 (961) год. Ники-фор Фока, знаменитый полководец, впоследствии император, довершил к этому времени тщетно предпринимаемое нередко и прежде обратное завоевание острова Крита. Та- ким образом, устранен был из средоточия государства передовой пост ислама, удерживавший во многих различных пунктах силы греков и чрез это отвлекавший неприятеля от границ халифата. Силы эти могли теперь быть направлены с еще большим успехом на Сирию и Месопотамию. К вящему несчастию князя Халеба, возникло в то же время между его генералами открытое непослушание — старинный недуг арабского народа. Комендант Тарса первый поднял знамя бунта (350=961/2); два года спустя (352=963), пользуясь болезнью Сейф-ад-даулы, один из приближеннейших полководцев князя последовал раз уже преподанному гибельному примеру, а немного спустя (354=965) и другой генерал провозгласил себя независимым властелином Антиохии. Эмир должен был испытать теперь на себе весь трагизм исторического возмездия. Рано состарившийся и часто посещаемый злым недугом, властелин стал переносить от своих подчиненных то же самое, чем и сам грешил некогда в молодости по отношению к членам пришедшей в упадок семьи халифов. Непреклонное мужество, с которым продолжал он вести до последнего вздоха безнадежную борьбу с врагами как внешними, так и внутренними, конечно, заслуживает высокого удивления, но не устранимый ничем рок неудержимо совершает свое течение в немногие годы. Ни-кифор овладевает в 350 (конец 961) Аназаброй, а в 351 (962) и Марашем, приобретенным было недавно снова, в 341, мусульманами. К концу того же самого года храбрый хамданид терпит вторичное поражение и принужден бес-гГомощно лицезреть покорение и грабеж своей столицы Халеба, совершаемый ликующими полчищами византийцев. Греки не могли здесь, конечно, долго удержаться, главное потому, что вскоре Никифор покинул Сирию и поспешил в Константинополь, чтобы возложить на свою главу императорскую корону. Но новый император не замедлил дать почувствовать несчастной Сирии всю тяжесть могучей своей десницы. Уже в 353 (964) пала пред ним Мопсуестия, в 354 (965) своим чередом шли дальнейшие завоевания — взяты были Адана и Таре. Эти три города, так долго служившие надежнейшим оплотом для всего округа «оборонительных линий», обратились в греческие плацдармы против самих же мусульман, между тем как одновременно занят был византийцами окончательно и остров Кипр. В следующем году (355=966) имперцы принялись снова разорять Месопотамию, доходя до Низибина и Амида. Сейф-ад-даула немедленно поспешил туда на выручку, а Никифор тем временем вторгся в Сирию и осадил Антиохию. Застигнутый новым острым припадком болезни и предчувствуя приближение смерти, эмир приказал перенести себя в Халеб. В этом городе, обязанном ему своим кратким расцветом, властелин скончался 10 Сафара 356 (25 января 967) всего 52 лет от роду, надломленный преждевременно, совершенно истощенный от напряжений жизни, проведенной им в беспрерывных походах. Сын его Са'д-ад-даула продолжал с отвагой отчаяния, в течение 25 лет, неустанную борьбу с бунтующими эмирами и напиравшими византийцами. С большим искусством сумели воспользоваться греки раздорами в лагере мусульман; благоволя то бунтовщикам, то их властелину, шаг за шагом овладевали они страной. Быть может, еще до кончины Сейф-ад-даулы занята была ими Антиохия, во всяком случае не позже как спустя три года (355=966 или 358=969). За сим следовало опустошение врагом округов Ма'арры, Шейзара, Хамата (357=968), разграбление Химса (385=968), а в 358—364 (968—975) произведено было новое нашествие на Месопотамию вплоть до Эдессы. Ни к чему не повело и решение Са'д-ад-даулы подчиниться в 367 (978) бунду багдадскому, Адуд-ад-дауле, в надежде заручиться помощью могущественного султана. Короткий роздых, воспоследовавший вследствие возникшей в Малой Азии междоусобной войны с Вардой Склиром, был нарушен уже в 371 (981). В этом самом году Варда Фока появился под стенами Халеба и вырвал у эмира новое обещание платить дань. Зато, правда, помог он в 372 (982/3) осажденному в своей

же столице властелину разогнать взбунтовавшихся вассалов. Но несчастного Са'д-ад-даулу начинают отныне теснить и с другой, противоположной стороны. Дело в том, что с 358 (969) власть над Египтом перешла в сильные руки Фатимидов, а в 359 (970) подчинился им и Дамаск Между ними, устремляв- шимися жадно на север, и византийцами становилось немыслимым существование такого маленького владеньица, как Халеб. Поневоле принужден был Са'д-ад-даула беспомощно лавировать между обоими могущественнейшими противниками. Добровольно сдал он грекам в 373 (983) Химс, дабы успешнее прикрыть южные свои границы от надвигавшегося нового врага, а между тем уже в 376 (985/7) и этому последнему должен был он принести клятву в верности, положим, только для вида; несчастный добился в конце концов того только, что значение его постепенно стало умаляться. Одержав в последний раз некоторый перевес над одним из фатимидских эмиров в 381 (991), он умер, не оставив все-таки сыну своему, Са'ид-ад-дауле, в наследие решительно никакой возможности продолжать независимое существование. Чтобы охранить себя как-никак от порабощения Фатимидами, этот слабый эмир, скорее, впрочем, полководец отца его, Лулу, руководящий им безусловно, отдался в руки грекам. И действительно, могучий император Василий II дважды освободил (381=991, 385=995) осажденный египетскими войсками Халеб. Но возникшая война с болгарами не дала возможности грекам продолжать походы в Сирию; поэтому вскоре Лулу подчинялся окончательно Египту, выторговав самостоятельное управление Халебом. Он распоряжался здесь до 392 (1002) от имени Са'ид-ад-да-улы, кажется, отравленного самим же коварным министром, а затем до 394 (1003/4) в качестве регента при обоих несовершеннолетних мальчиках покойного. В этом году* отослал он своих питомцев в Египет по предварительному соглашению с фатимидом Хакимом и продолжал управлять провинцией, утвержденный уже официально наместником ее. Наследовавший ему сын, Мансур, был вытеснен родом Мирдасидов. В 407 (1016/7) удалось раз еще овладеть Халебом хамданиду Абу Шуджа, но по наущению регентши Египта он был умерщвлен в 413 (1022), и с тех пор более не слышно в Сирии про семью Сейф-ад-даулы.

'По другим известиям, формальное развенчание династии произошло при сыне Лулу (между 400 и 402=1009/10 и 1011/2).

Имени самого значительного из хамданидов и поныне ' всякий правоверный в мусульманском мире придает особое значение не за одну только его безустанную борьбу, предпринятую им против неверных. С его царствованием, а отчасти и первого его преемника, в глазах жителя Востока неразрывно связан последний действительно животворный подъем арабской поэзии и науки. С упадком халифата не сразу, конечно, угас и расцвет того духовного прогресса Ирака, который столь успешно начал развиваться при первых Аббасидах до Ма'муна. Мы уже ранее упоминали про несчастного халифа «одного дня» Ибн аль-Му'тазза, почитаемого всеми за блестящего, богато одаренного поэта; многие из его современников, а прежде других знаменитый ибн Ар-Румий, по всей справедливости могут быть смело поставлены наряду с ним. А в самую бедственную эпоху Муста'ина и его преемников появились в опустошенном Багдаде наиболее выдающиеся историки: аль-Белазу-рий, начертавший «историю (мусульманских) завоеваний» с замечательным для своего времени критическим тактом и методом, а также и весьма правдивый Ибн Кутейба. К концу III (IX) столетия жил там же величайший исламский ученый Ат-Табарий, юрист, теолог и историк. С необычайным прилежанием собрал он в 2 5-томных комментариях на коран и в еще более объемистой всемирной хронике* все, что касалось преданий, священного писания и истории мухам-меданства. А в первой половине IV (X) столетия путешественник аль-Мас'удий описывал все, что видел во время своих странствований по всем мусульманским странам от Индии до Египта; в его книге помещены всевозможные достопримечательности и история посещенных им провинций, а равно и пограничных стран неверных. В это же время появилось первое подробное географическое описание доступного мухаммеданам мира — труд аль-Истах-рия. Грамматическими изысканиями и занятиями литературой особенно ревностно занимались в Басре и Багдаде.

* Эта хроника напечатана в Европе и состоит из 21 тома. *Ред. изд. 1895г.*

Лучшим памятником в этом роде служит книга — Аль-Ка-миль («совершенная»), составленная Мубарradом. В ней собрано множество драгоценных исторических известий, образчиков стихотворений и грамматических выводов. Занятия точными науками продолжались все в прежнем направлении, а теология вступила именно теперь, благодаря Аш'арию, на тот торный путь, оставшийся и для будущего единственно плодотворным.

Но самые оригинальные произведения по искусству и науке того времени произрастали не на почве Ирака, а при дворе Халебском. Невзирая на тяготы и бедствия, причиняемые беспрерывными войнами, как внутренними, так и внешними, Сейф-ад-даула с редкостной, а принимая во внимание незначительность владений — беспримерной щедростью старался всеми мерами собрать вокруг себя людей, одаренных поэтическим талантом и знаниями. Блестящий Абу Фирас и отличившийся во всех родах поэзии, часто, правда, манерный, но еще чаще остроумный Мутенебби далеко превзошли современных поэтов Багдада. Последний в особенности долгое время почитался за величайшего поэта у арабов, пока более точное изучение поэзии доисламского периода не изменило в корне этого воззрения. Покровителю этих поэтов весьма кстати посвятил Абу'ль Фарадж аль-Испаганий свою объемистую «Книгу

песней», истинную сокровищницу для ознакомления с поэзией и музыкой арабов; в ней приводятся на каждом шагу рассказы из жизни поэтов и их меценатов, а также заключается и богатый исторический материал. Отличительной чертой Сейф-ад-дау-лы, по сравнению со всеми остальными современными властелинами, было, несомненно, свободомыслие в известных границах. Окружающие его более, чем где-либо, могли смело и довольно непринужденно относиться к догматике ортодоксов. Самое название приводимого нами выше Мутенебби («разыгрывающий пророка») произошло от того, что раз, еще до своего переселения в Халеб, случилось ему выступить в Сирии в роли пророка и проповедовать новую религию. Самую жаркую полемику против общепринятого низменного понимания ислама возбудил именно один из благороднейших поэтов того времени, да, пожалуй, и всех веков вообще. Это был Абу'ль Ала, прозванный по месту рождения своего Ма'аарры в Сирии, аль-Ма'аррий. Поэтический талант его, положим, созрел окончательно только при Са'д-ад-дауле, но сознательное усвоение им традиций Мутенебби дает нам полное право отнести его к предыдущей эпохе, в которую он жил еще юношей. Этот слепой певец резко, однако, отличается от своего первообраза Мутенебби, домогавшегося в позднейшие годы благосклонности у власть имущих; его мужественные воззрения, равно как и неумолимое осмеяние всякого религиозного лицемерия и боязливой подчиненности мысли, поразительно напоминают знаменитого германского литератора Лессинга. До сей поры никто еще не осмеливался в мусульманском мире говорить, например, таким языком:

Властелины земли, вы давно устарели.

И чем дальше, все пуще насилием жили.

Всю надежду вложил наш народ в Богоданного",

Пусть вершит и достигнет спасенья желанного.

Ошибаетесь, люди! Лишь разум божествен.

Его путь днем и ночью всегда неуклонен.

Эти секты придуманы с явною целью

Угнетать вас, несчастных, могучею дланью.

Наравне со свободомыслящими поэтами находили убежище при дворе Хамданидов также и философы, почитаемые всюду за безбожных еретиков. Между этими последними, пользовавшимися защитой и поддержкой Сейф-ад-дау-лы, находился и величайший мыслитель всего мусульманского востока аль-Фарабий. Он-то и совершил гигантский труд, которого его предшественники лишь поверхностно более или менее коснулись. Этот гениальный человек сумел обнять

' То есть имама, единственного обладателя, как утверждают ортодоксы, божественной правды. Под этим названием подразумевается халиф или претендент алидов; смотря по убеждениям, один из них должен стоять во главе общины.

и прозреть до самых крайних изгибов наитруднейшие задачи греческой философии. Прославляемый не по достоинству на западе Авиценна сам сознается лет полтораста спустя, что ему тогда только удалось понять метафизику Аристотеля, когда попались в руки его комментарии аль-Фарабия на эту самую книгу. Поэтому настоящим установителем строго научной разработки на Востоке философии следует считать не кого иного, как именно только его, а то, что ему дана была возможность безмятежно преследовать свою цель, быть может, и есть наилучшее украшение победного венца храброго и свободного от предрассудков Хамданида. Таким образом, помогая творить другим, он завещал лучшим людям будущего драгоценное наследие, и как раз в то именно чреватое катастрофами время, когда одной половине исламского мира предстояла неминуемая гибель. Ибо мы не можем умолчать — как ни страшны были те сцены, которые уже промелькнули пред взором читателя, — предстоит впереди еще более ужасное, а именно история подводимой мины, а затем взрыва всего государственного строя, произведенного Али-дами и выдававшими себя за их приверженцев измаилитами. Ужасная стремительность и неизбежность процесса разрушения, со внешними симптомами которого мы уже отчасти встречались в этой главе в некоторых местах, тогда только могут быть оценены по достоинству, когда будут основательно усвоены главные причины болезни.

ГЛАВА III

АЛИДЫ, ИЗМАИЛИТЫ, КАРМАТЫ

Всеобщие причины, которые ускорили с половины III (IX) столетия распадение халифата — упадок народной силы, благодаря расслабляющему влиянию цивилизации, охватившей все слои; все увеличивающаяся роскошь жизни больших городов; неурядица, хозяйничанье преторианцев и бездарность большинства халифов; высасывание соков у населения на потребу расточительного двора и ради утоления корыстолюбия чиновников и офицеров; опустошение обширных территорий и разорение жителей вследствие беспрестанных междоусобных войн; недовольство среди чисто национальных кружков управлением, составленным из смешанных элементов арабского и персидского — все это было на руку одним лишь алидам. Бесконечные мучения и притеснения, коим подвергались повсеместно жители, невольно вселяли ожесточение в сердцах самых покорных; постепенно возраставшие притеснения создавали естественных сторонников для тех, которые с момента восшествия на престол первого из Аббасидов уже начали тайно проповедовать о незаконности и непригодности их власти, столь нагло захваченной. Подобно тому как при обыкновенном механическом давлении на любое твердое тело наибольшая сумма тяжести ложится на нижние его точки, точно так же и бремя, накопившееся благодаря дурному правлению, должно было в исламском мире неизбежно стать наиболее ощутительным прежде всего для низших слоев населения. Вследствие расстройства всех общественных отношений сельское население, прежде всего, доведено было до безнадежного почти положения. Большие города, в особенности Багдад, немало выстрадали, конечно, от беспрерывных дворцовых революций и бесконечных междоусобных войн; бесчиния турок принесли также горожанам страшный вред. Но богатства, накопленные здесь целыми поколениями благодаря кипучей торговле и быстрому обмену; выгоды, извлекаемые населением от присутствия и расточительности пышного двора и знати, доставлявших громадный заработок массе столичных производителей; преимущества, которыми пользовались некоторые приморские города, в особенности Басра, при выгрузке заграничных товаров, привезенных морским путем, — все это еще в достаточной мере помогало их населению переносить все тягости непомерных налогов. Положение земледельца было совершенно иное. И при обычном порядке ве- щей у него отбирали большую часть доходов ненасытные сборщики податей. Теперь же, когда из года в год посевы его пропадали под копытами проносившейся вихрем конницы то бунтовщиков, то правительственных войск, когда не щадили самого жилища и в пылу боя предавали его огню, расхищали его скот, сыпались побои на его спину, подвергали насилиям семью, а зачастую пятнали даже честь, отнимали, наконец, жизнь, — земледелец не мог более выносить такое существование. А между тем в Ираке постепенно разрушались все ирригационные сооружения, каналы и плотины, так необходимые для процветания земледелия страны; громадные участки стало затягивать болотом и заносить песком, а несчастные жители должны были все по-прежнему платить и снова платить чтобы способствовать дальнейшему существованию столь «прекрасного» порядка вещей. Стоит припомнить начало Simplicissimus'а* и придать только восточный колорит картине тогдашнего положения немецких крестьян к концу Тридцатилетней войны, чтобы составить себе довольно верное представление о муках феллахов" Ирака и Месопотамии в IX и X столетиях. Встречалось, понятно, и в городах немало несчастных и недовольных. И в средних слоях общества росло отвращение к испорченности века и ненависть к коварному произволу власть имущих; по тому красноречивому выражению, которое придал этому общему сознанию Абу'ль Ала, можно судить, как широко оно было распространено. Хуже всех, конечно, приходилось рабам, с которыми господа стали обходиться крайне бесчеловечно. Страдала и городская чернь: падение заработной платы все увеличивало число нуждающихся, и с каждым днем росла нищета. Уж если даже богачи и знатные, которым преимущество их положения давало возможность получить образование и вместе с тем налага-

'Знаменитый роман Гриммельсгаузена из эпохи Тридцатилетней войны.

" Слово значит буквально «пахарь», соответствуя, таким образом, нашему понятию о крестьянине, конечно, при том положении, какое он занимал на самом деле в Европе к концу Средних веков.

ло на них обязанность проявлять человеколюбие, не желают зачастую и слышать ни о том, ни о другом, тем более становится понятным, что притесняемый народ наконец всколыхнется со стихийной силой и перешагнет, в свою очередь, также за пределы всякой гуманности. Жертвой народной мести становятся тогда вовсе не виновники его страданий: в таком случае они укрываются обыкновенно за крепкими стенами или же выселяются из страны. Согласно ужасной жизненной логике, гибнут тогда всего чаще лучшие люди, выступающие в защиту закона и обычая, а с ними вместе неизбежно гибнут и священнейшие для человечества блага. Теперь, кажется, нетрудно будет понять, каким образом большие возмущения, возбуждаемые алидами, способствовали значительно более, чем даже все внешние войны и интриги стремящихся к независимости эмиров, быстрому упадку государства Мансура. Начиная с несчастного правления Муста'ина эти восстания принимают мало-помалу характер дикого озлобления и страстности и стремятся к истреблению в корне всего существующего порядка. Подобное дикое изуверство нам хорошо известно из истории восстания рабов в древности, бунтов крестьянских в Германии и Жакерии во Франции. Оно нанесло неисцелимые раны цивилизации, а вместе и поступательному ходу всей духовной жизни Востока. Все возрастающее огрубение этих масс мятежников начинает заметно проявляться уже при Ма'муне в восстании Абу-с-Сарайя, когда отмеченные в начале

главы причины распадения халифата начали только что проявляться, и еще в самых незначительных размерах. Из трех возмущений алидов, угрожавших халифату при Мутамиде, одно возникло в 256 (870) в Куфе; как кажется, оно не отличалось существенно от прежних случавшихся нередко обыкновенных бунтов. Другое вспыхнуло в Медине в 271 г. (884/5) и обнаружило более опасный характер, но ограничилось одним городским районом. Но в 255 г. (869) произошло в Басре восстание рабов, сопровождавшееся необычайным ожесточением; в течение 14 лет превращен был в пустыню весь юг Ирака и соседний Хузистан. Некто из деревни Варсенин, поблизости Рея (Тегерана), арабского, впрочем, происхождения, по имени Алий Ибн Мухаммед — в семье его с некоторых пор стали наследственными шиитские воззрения — возымел благое намерение разыграть в 249 г. (863) в Бахрейне роль потомка Алия. Успеху его обмана, как кажется, много способствовали личные его связи с потомками племени Абд-аль-Кайс, поселившимися там издавна; к этому роду он принадлежал и по своему происхождению. Он набрал между вечно беспокойными и, как нам уже известно, весьма склонными к алидам бедуинами изрядную партию приверженцев; но в конце концов был прогнан оттуда в 254 (868) наместником Му'тазза и бежал в Басру. Но и здесь за ним строго следили. Тогда он переселился в Багдад. Со вступлением на престол Мухтеди он вернулся в конце 255 (869) снова в Басру, где произошла к тому времени смена наместника, и открыто поднял 26 или 28 Рамадана (7/9 сентября) знамя бунта. Знакомый хорошо с условиями жизни этого большого приморского города, Алий обратился прямо к привозимым сюда рабам — неграм. Арабы называют берег Занзибара и его жителей Аз-Зиндж', этим же словом обозначаются вообще чернокожие; с тех самых пор и почти вплоть до настоящего времени арабами постоянно велась оживленная торговля рабами. Поэтому самое восстание Алия ибн Мухаммеда зовется обыкновенно «войной зинджей», а самого предводителя величают «предводителем зинджей». Сверх того осталось за ним знаменательное прозвище Аль-Хабис, «изверг», вполне им заслуженное. Овладеть Басрой ему не удалось, но по окрестностям города шайки его страшно свирепствовали: везде освобождались рабы, умерщвлялись владельцы, целый ряд местечек был сожжен мятежниками. Отовсюду стекались к бунтовавшим рабы и бедняки. Не раз Алий побеждал даже высылаемые против него правительственные войска. 25 Раджаба 256 (28 июня 870) взял он Оболлу и почти до основания разрушил город; вскоре затем пал и Аббадан, напутанные жители которого поспешили сдаться. Грабя и умерщвляя, прошел предводитель зинджей весь Хузистан до столицы Ахваза, ко-

' По-гречески

торая открыла ему ворота 12 Рамадана (13 августа). Для подавления восстания зинджей послан был в Басру халифом Мухтеди Са'ид ибн Салих с значительным войском. В начале 257 года (870/1) военачальник действовал довольно успешно, но к концу Ша'бана (в середине июля 871) напал на него ночью один из приспешников Хабиса, Яхья ибн Мухаммед аль Бахраний", и войска халифа понесли большой урон. Военачальник был сменен, но Алий ибн Абан, другой предводитель зинджей, последовательно разбивал одного за другим троих преемников смененного; 16 или 17 Шавва-ля 257 (7 или 8 сентября 871) все возрастающие толпы мятежников бросились на Басру и взяли город приступом. Можно себе представить, как ужасно расправлялись в этом большом торговом городе разъяренные шайки рабов, мстя своим прежним господам за дурное обращение и несправедливости. В кровавой потехе не уступали им и орды нагрянувших вместе с ними диких бедуинов. Умерщвляли по приказанию Бахрания целыми толпами несчастных, сложивших оружие после торжественного обещания сохранения им жизни; Алий Ибн Абан сжег даже главную мечеть; в течение трех дней мятежники грабили и разоряли город. В Багдаде между тем наступила перемена правления. Халифом сделался Му'тамид. Благодаря установившемуся вскоре лучшему порядку в столице и заведенной братом властелина, Муваффаком, более строгой дисциплине между турками, можно было в самом начале Зуль-Ка'ды 257 (конец сентября 871) выслать против Зинджей свежие войска под предводительством Мухаммеда Аль-Муваллада. Мятежники тем временем уже очистили Басру. Они грабили охотно большие города, но сила их заключалась главным образом в уменье пользоваться естественными преградами страны, изрезанной по всем направлениям реками и каналами. Мятежники разбивали обыкновенно лагерь в самой непри-

" То есть из Бахрейна. Таким образом, в числе первых примкнули к Хабису частью, а быть может, и целыми толпами, бедуины. Впоследствии об этом вполне определенно упоминают и историки, но так было, по всей вероятности, с самого начала восстания.

ступной местности, и здесь мало-помалу возникали впоследствии укрепленные их города. Из этих пунктов появлялись они внезапно, производили свои опустошительные воровские набеги, а иногда наносили войскам халифа чувствительное поражение, нападая по своему обыкновению только ночью. Это должны были испытать на своих плечах и новые полководцы халифата: Алий Ибн Абан налетел как коршун на Муваллада вблизи Басры, а впоследствии и на Мансура Ибн Джафара в Хузистане (258=871); в Раби I 258 (январь — февраль 872) сам Муваффак принял начальство над войском, но и он после нескольких кровавых стычек принужден был отступить к Васиту. Правитель передал главное

начальство над войском снова Мувалладу; когда же военачальнику не удалось помешать в 259 (873) вторичному опустошению Ахваза, ведение войны было окончательно поручено опытному турецкому генералу, Мусе Ибн Буге. Но обстоятельства и теперь складывались для правительства неблагоприятно. В то время как подчиненные военачальники Мусы мало-помалу стали оттеснять мятежников из Хузистана к устьям Евфрата, следуя заранее обдуманному плану, в Фарсе, в тылу действующих против зинджей правительственных войск, восстал некто Мухаммед Ибн Василь. Он вздумал воспользоваться заметным упадком династии тахиридов и их ожесточенной борьбой с постепенно возвышавшимся Саффаром и отвоевать себе независимое положение; раз в 256 г. (870) он уже пытался открыто не признавать авторитет халифа. Теперь он же двинулся прямо в Хузистан. Из всех генералов, действовавших тогда против зинджей, ближе всех очутился у нового очага мятежа Абдур-рахман Ибн Муфлих; он должен был первый выдержать напор надвигавшегося неприятеля. При Рамхурмузе в 261 г. (в конце 874 или в начале 875) полководец пал, проиграв сражение. Хотя вскоре Я'куб Саффар, отнявший за последние годы от тахиридов все восточные провинции, за исключением областей за Оксусом, а от алидов Табаристан и Мидию, прогнал в Зу'ль-Ка'де 261 (август 875) узурпатора Ибн Василя, но совершил это затем только, чтобы обрушиться немедленно же со всеми соединенными в его руках силами Персии на халифа, иными словами, на Муваффака, очутившегося теперь в самом критическом положении, как бы между двух громадных огней, Саффаром и зинджами. Тут-то и выказал правитель всю свою железную энергию; ей одной династия Аббасидов обязана была вторичным своим спасением. Все его попытки склонить Саффара к соглашению не имели, конечно, успеха; тогда правитель стянул к столице все войска, действовавшие против Зинджей, оставив только гарнизон в Басре. Неприятель между тем успел, не останавливаясь, пройти более чем полпути от Васита к Багдаду. При Дейр-Аль-Акуле на Тигре столкнулись обе армии; 9 Раджаба 262 (8 апреля 876) произошел упорный бой, кончившийся поражением персов. Получивший в пылу битвы множество ран, Саффар должен был отступить в Хузистан, частью остававшийся еще в его руках; остальная половина наводнена была зинджами, выдвинувшимися тем временем под предводительством Алия Ибн Абана далеко на север и восток. Правда, Саффар отринул с негодованием союз, предложенный было ему начальниками шаек рабов, но Ибн Василь вскоре после его поражения снова появился в Фарсе, и одновременно вспыхнуло в Хорасане восстание. Поневоле Саффар должен был спешить на восток, с тем чтобы пресечь личным своим присутствием бунт в корне. Оставленный им в Хузистане курд Мухаммед Ибн Убейдул-ла оказался не столь разборчивым в выборе союзников. Он вошел в переговоры с зинджами и заручился их обещанием сражаться общими силами против уже надвигавшихся войск халифа. Прежний главнокомандующий, Муса Ибн Буга, был несколько ранее (262=876) назначен действовать против Ахмеда Ибн Тулуна. Преемник его Месрур Аль-Бал-хий отправил в Хузистан Ахмеда Ибн Лейсавейхи. Этому искусному полководцу удалось разбить соединенные силы зинджей и Саффаридов при Сусе (Сузе; 262=876). С этого времени между союзниками начались серьезные несогласия. Мухаммед сторонился; пользуясь этим, Ибн Лейсавейхи наносил зинджам одно поражение за другим и принудил предводителя их, Алия Ибн Абана, отступить за Ахваз. Теперь военачальник мог свободно действовать из своей главной квартиры в Тустере, смотря по надобности, на оба фронта (263=876/7). Между тем Саффар снова надвигался с востока; с большим благоразумием отступил ранее его появления Ибн Лейсавейхи в пределы Ирака, предоставляя обеим враждующим сторонам расправляться друг с другом как им заблагорассудится. Действительно, зинджи сцепились с персами, происходили между ними горячие стычки. Наконец обе стороны заключили перемирие. Саффару достался Ахваз, а зинджи ограничились обладанием небольшой части Хузистана (263=877). Но они развернули свои силы в ином направлении, перекочевали в Ирак и стали действовать весьма энергично. Здесь, в местности, пересеченной каналами и болотами, новый их предводитель, Сулейман Ибн Джами, начинает вести оживленную партизанскую войну. Одержав несколько побед над несколькими турецкими военачальниками Муваффаком и даже Мувалладой, он занял самый Васит и по издавна заведенному обычаю разграбил. Хотя Ибн Лейсавейхи, начавший снова действовать, успел временно оттеснить Сулеймана (265=878/9), но вслед за тем и этот энергический генерал не был в состоянии препятствовать дальнейшим набегам зинджей. Снова проникли они далеко, даже за Васит, и очутились на полпути от Багдада. Все население нижнего Ирака в ужасе бежало в столицу (265=878/9).

Положение халифата в 265 году (878/9) было, по-видимому, весьма плачевное, но кипуче деятельный Муваффак за последние годы обнимал уже своим орлиным оком далеко, начиная с Сирии и проникая за пределы Оксуса. Он держался мудрой, дальновидно предусмотрительной и твердой политики, которая, благодаря также случайно сложившимся счастливо обстоятельствам, вскоре увенчалась полным успехом. Ахмед Ибн Тулун владел пока еще, положим, всей Сирией и частью Месопотамии, но возмущение сына его Аббаса заставило могучего вассала немедленно вернуться в Египет, а два года спустя Муваффаку уже удалось склонить наместника тулунида в Ракке, управлявшего северными и месопотамскими округами, признать власть халифа. Хариджиты вокруг Мосула стали также постоянно терпеть неудачи. Но главным успехом было приобретение правителем империи гораздо более крупного и деятельного союзника в тяжелой борьбе с храбрым и непокорным вассалом, чем восставшие против Саффара хорасанцы — Саманидов Трансоксании, признанных еще в 261 г. (875) багдадским правительством ленными наместниками этой большой провинции. Халифату в Ираке стало теперь значительно легче, когда на востоке явился могущественный противовес обаянию могущества Саффара. Хотя этот последний продолжал до самой своей смерти, последовавшей 9 Шавваля 265 (4 июня 879),

владеть северным и восточным Хузистаном, но уже ничего более не мог предпринять против Ирака, а его брат и преемник Амр, окруженный со всех сторон противниками, вынужден был медленно, но безостановочно отступать. Благодаря этому обстоятельству, очистилась, положим, пока для зинджей большая часть Хузистана. Зато теперь, когда Муваффаку нечего было более опасаться нападения на столицу со стороны Саффара, оставалось одним лишь вопросом времени усмирение беспорядков, производимых еще бунтующими рабами. Положим, опытные и настойчивые предводители чернокожих продолжали по-прежнему изыскивать всевозможные средства для нанесения вреда халифату. Так, например, когда Алий Ибн Абан в конце 265 г. (879) подвинулся в Хузистане до самого Тустера и здесь потерпел от подчиненного полководца Месрура, турка Текина, два больших поражения, он сумел задарить этого «честного малого» и убедить его не пользоваться результатами своих успехов, а оставаться себе спокойно в Тустере, давая этим мятежникам возможность несколько оправиться. Месрур вскоре же прознал про преступное соглашение и засадил изменника в тюрьму; но наемники, бывшие под его начальством, частью ушли к зинджам, частью к Мухаммеду ибн Убейдулле, все еще не покидавшему части Хузистана, номинально принадлежащей Амру, брату Саффара. Возобновилась снова старая игра: коварно изъявляя знаки взаимной искренней дружбы, каждая сторона жаждала вытеснить из страны другую. Но Алий Ибн Абан оказался, в конце кон- цов, более сильным, и Мухаммед принужден был покинуть саффарида и присягнуть Хабису, отныне начавшему величать себя халифом. Самозванец чеканил собственную монету и настаивал на провозглашении своего имени при пятничном молитвословии. Впрочем, благоденствие Мухаммеда в качестве вассала Хабиса продолжалось недолго. Успех самозванца быстро мерк, и Мухаммед подчинился халифу (267=881), охотно простившему его прошлое. А положение предводителя грабительских шаек вскоре изменилось к худшему. Хотя также и преемник Текина, турок Агартмыш, был побит в 266 (880) Алием, но с II Раби этого же самого года (ноябрь — декабрь 879) появился в Ираке, во главе свежего войска, сын правителя империи, Абу'ль-Аббас, будущий халиф аль-Му'тадид. С армией отправлено множество кораблей и судов; с помощью их можно было теперь пробираться вперед по каналам и разыскивать все самые сокровенные пристанища зинджей. Столь же энергичный, как и отец', Му'тадид ловко подметил образ ведения войны неприятелем, а мятежники на первых же порах совершили крупную ошибку, отнесясь пренебрежительно к действиям этого, на их взгляд, 24-летнего молокососа. Таким образом, новому военачальнику удалось напасть врасплох при Басите на соединенные силы Сулеймана ибн Джами и его товарища Сулеймана ибн Мусы Аш-Шаḥрания и нанести обоим жестокое поражение. Разбитые мятежники принуждены были укрыться в своих, окаймленных каналами, укрепленных городах Аль-Мансура («град побед») и Аль-Мени'а («неприступная твердыня»). Му'тадид продолжал действовать по-прежнему систематично. Все речные извилины тщательно расследовались, и таким образом очищался постепенно каждый выдвинутый пост зинджей; войска занимали один округ за другим, захватывали, где было возможно, суда противников и наконец достигли до Мени'и. Часть ее успел спалить авангард, предводимый Абу

' Рассказывают, например, про него, что в одной из последовавших битв он сам стрелял из лука беспрерывно, так что из большого пальца засочилась наконец кровь.

Хамзой Нусейром. Ввиду приближавшейся опасности аль-Хабис вытребовал из Хузистана Алия ибн Абана; но Муваф-фак тоже не дремал, стянул еще больше войск и появился сам во главе их в Сафаре 267 (сентябрь—октябрь 880) на месте военных действий. Оба города грабителей были взяты штурмом. Правитель империи направился прямо в Ху-зистан, чтобы очистить насколько возможно эту провинцию от остававшихся там после удаления ибн Абана шаек бунтовщиков и обезопасить фланги главной армии в дальнейшем движении ее вперед. Все это исполнено было без особых затруднений, и теперь можно было уже беспрепятственно преследовать самого «владыку зинджей». Город его аль-Мухтара («избранный») находился на запад от Басры, замкнутый кругом кольцом бесчисленных каналов и рукавов устья рек Евфрата и Тигра. До этого неприступного логовища было пока еще далеко, его взяли наконец, приблизительно три года спустя, 1 или 2 Сафара 270 (10—11 августа 883) после долгой осады. Муваффак самолично присутствовал среди штурмующих и до тех пор не успокоился, пока один из телохранителей Лулу, наместника северной Сирии, приславшего тоже вспомогательный корпус для нанесения окончательного удара мятежникам, не предстал перед правителем с окровавленной головой Хабиса.

Подобно тому как неоднократно упоминали мы и прежде, энергия Муваффака и Му''тадида дала блестящие результаты при подавлении этого в высшей степени опасного бунта, усложненного к тому же одновременной борьбой с Саффаром; то же самое повторялось и при других самых разнообразных положениях их полного треволнений правления. В начале 286 (899) можно было, казалось, смело рассчитывать, что наступает наконец для династии Аббаси-дов новый период государственного благоденствия. В Ираке порядок более не нарушался; Хузистан и Фарс также находились, равно как и большая часть Мидии, в непосредственном подчинении у халифа, с тех пор как саффарид Амр вовлечен был в беспрерывные войны с мятежниками и Са-манидами, а сыновей Абу Дулафа изгнали. Из Адербейджана заявил Саджид Мухаммед свою покорность, Мосул очищен был от хариджитов,

Месопотамия и «оборонительные линии» освободились от господства тулунидов, которые сами поспешили принести присягу халифу и обязались платить даже значительную дань за дозволение оставаться по-прежнему наместниками Сирии и Египта. Даже аглабиды в Кай-руване глубоко прониклись вящим уважением к теперешнему наместнику пророка; в Аравии наконец все, казалось, успокоилось. И вдруг в этом же самом году от Ахмеда ибн Мухаммеда аль-Васикия, наместника Басры, приходит известие, что в Бахрейне, все в том же самом исходном пункте, откуда впервые появился некогда Хабис, возникли новые волнения. Какой-то персиянин из Дженнабы, приморского города Фарса, по имени Абу-Са'ид Хасан, сын Бахрама, возбудил снова восстание, по-видимому, в интересах алидов. Ему удалось сделаться зятем всеми почитаемого гражданина города Катифа, у Персидского залива, Хасана ибн Сумбура. Благодаря большому влиянию своего тестя, он собрал вокруг себя целые толпы горожан и бедуинов и держал все окрестности в страхе. Поговаривали даже, что он собирается напасть на Басру. Халиф отдал приказ немедленно заняться исправлением укреплений города и выслал туда в 287 (900) Аббаса ибн Амра аль-Ганавия с целью успешного отражения предполагаемого нападения Абу-Са'ида. Когда же Аббас выступил против действительно приближавшихся бунтовщиков, последние его осилили и даже взяли в плен. Впоследствии Абу Са'ид его освободил, вручив ему послание к Му'тадиду. В нем преподано было халифу немало дельных наставлений. Мятежник советовал повелителю оставить в покое почву Аравии. Он доказывал, что вести войну следует сообразуясь с местными условиями пустыни, а о них его турки не имеют никакого понятия, к тому же они не вынесут климата страны и станут терпеть от недостатка съестных припасов. Поэтому он советует благодушно — не лучше ли будет не задевать его в Бахрейне. Как бы там ни было, Мутадид должен был сознаться, что человек этот прав. И в других местностях бедуины заволновались. Люди из племени Тай совершили даже дерзновенное нападение на караван богомольцев в 287 (900); шайки приверженцев Абу Са'ида зашевелились в 288 г. (901) в окрестностях Басры. В то время как в самом Ираке стали появляться то там, то сям группы алидов, на юге Аравии та же самая партия успела захватить внезапно Сан'у, хотя и на короткое время. Оказывалось необходимым озаботиться о серьезных подготовительных мерах, прежде чем сунуться в это осиное гнездо. Но едва успело правительство заняться уничтожением и из-ловлением отдельных шиитских шаек в Ираке, как вспыхнуло внезапно восстание алидов в 289 (902) также и в Сирии. В том же самом году поднялось против Аглабидов на дальнем западе берберское племя Китама, подстрекаемое все теми же шиитскими эмиссарами. Эти одновременные восстания дают нам одно лишь неопределенное понятие о силе и неожиданности пропаганды, опутавшей как бы сразу своими нитями почти все провинции, начиная с Персии до южной оконечности Аравии и северного побережья западной Африки. Для полного уразумения дальнейших событий необходимо вкратце познакомиться с существующим доселе развитием этой не прекращавшейся никогда подпольной агитации. Пусть вспомнит читатель, что издавна приверженцы дома Алия распадались на различные секты, смотря по тому, какой ветви многочисленного потомства этой фамилии они приписывали право на имамат. Линия Мухаммеда ибн аль-Ханафия отступила на задний план, как только овладели властью Аббасиды"; на некоторое время выдвинулись было зейдиты, но приблизительно в половине III столетия взяли верх два новых течения под именем дюжинни-ков и измаилитов. Первые получили свое название потому, что они, начиная с Алия, признавали 12 имамов, из которых последний должен был, по их убеждению, низвергнуть безбожный род Аббасидов и основать на земле Божье царство. Измаилиты возлагали все свое упование на одного только алида в пятом поколении — Измаила, сына Джафара, правнука Хусейна; он почитаем был ими за седьмого имама, а

" По позднейшему известию, положим, измаилиты отождествляются с партией Мухаммеда ибн яль-Ханафия, но неверность этого воззрения не подлежит никакому сомнению.

первыми считали они Алия, Хассана и Хусейна. Так как происхождение этих двух сект совпадает, по всей вероятности, со временем появления особенно почитаемых ими имамов, то можно допустить, что дюжинники образовались во второй половине III столетия (после 260=873/4), а измаилиты приблизительно за сто лет раньше (около 148=765/6). Обе партии постигла одна и та же участь, и те и другие ошиблись в расчетах на избранных ими потомков Алия: ни Измаилу, ни Мухаммеду ибн Хасану, имаму дюжинников, не представилось подходящего случая создать царство Божие. Но надежды народа на своего героя или на пришествие избавителя, который положит когда-нибудь конец всем национальным и общественным бедствиям, неисчерпаемы. Что за беда, если они не осуществляются в данную минуту, упования отодвигаются на более дальний срок и так продолжаются ожидания, хотя бы до судного часа. Герой или избавитель становится бессмертным, все страстно ждут появления его снова. Или, как Барбаросса, почивает он мирно в Кифгейзере, или же в качестве скрытого имама он укрывается в одном недоступном человеческому глазу и только Богу известном месте. В Измаиле и Мухаммеде стал видеть народ своего махдия, ревностные последователи ожидали ежеминутно их вторичное появление. Но в то время как дюжинники, возникшие, как надо полагать, лишь в правление Му"тадида, оставались в сущности верными в своих воззрениях вообще умеренному шиитскому направлению зейдитов, измаилиты, как кажется, со времени подавления хуррамитов и смерти Бабека (223=838) заключили тесный союз с крайними шиитами, мнения которых были пропитаны большей частью коммунистическими и пантеистическими представлениями. Главным их догматом было учение о воплощении божественного духа в настоящего имама. Рядом с ним мало-помалу принята была тоже буддийская идея о переселении

душ. Благодаря этому новому догмату, стало постепенно стушевываться учение о преемственности перехода духа от отца к сыну. При помощи измышленной еще прежде Абдуллой ибн Сабой теории о необходимости существования помощников пророка (т. I) построена была совершенно новая, проводимая весьма последовательно, Система, сподручная для заправил секты. Система эта, как нам известно, имела различные степени развития; но отличие касалось главным образом приспособления к изменчивости индивидуальных отношений, а вовсе не сущности эго учения, и мы можем с некоторой уверенностью предположить, что вся система успела сложиться ко времени управления Муста'ина (250=864) существенно в том самом виде, который ей придали впоследствии позднейшие о ней известия. Содержание ее в кратких чертах было следующее: Бог, подлинное естество которого остается для человека сокровенным и неисповедимым, выслал в свет семь воплощений своего существа в виде пророков, чтобы возвестить миру свою волю; соответственно этому зовут их «натик» (проповедники), их имена следующие: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и наконец Мухаммед Махдий, сын* Изма'ила ибн Джафара. Каждый из них заменял пропо-ведываемую ранее религию своего предшественника более возвышенной и совершенной догмой. Для распространения в мире и сохранения проповедуемого каждым «нати-ком» вероучения назначаются имамы. У каждого натика есть свой помощник, прозываемый самит «молчальник», потому именно, что сам от себя он не может ничего проповедовать, но лишь повторяет слова натика и закрепляет их в сердцах людей: это имам известного религиозного периода. Таковыми помощниками были: Сет у Адама, Сим у Ноя, Измаил у Авраама, Аарон у Моисея, Петр у Иисуса, Алий у Мухаммеда. Для продолжения преемства проповеднической деятельности впредь до появления следующего натика у каждого имама должно быть по шесть преемников, так что на 7 натиков приходится 7 x 7 имамов. Так, например, седьмым имамом периода Моисея был Иоанн Креститель, за которым следует Иисус, новый основатель религии. Алий за-

' Как видите, сын становится на место отца; Изма'ил умер раньше отца своего, Джафара, а потому место Изма'ила занял сын Изма'ила, Мухаммед. Во всяком случае, Изма'ил, как показано, не исключен из системы, но упоминается как второстепенное лицо.

вещал так же точно имамат в наследство Хасану, Хуссейну, Алию, сыну Хуссейна, Мухаммеду, сыну Алия, Джафару, сыну Мухаммеда и Изма'илу, сыну Джафара. Сын последнего, Мухаммед Махдий, становится таким образом седьмым нати-ком; он-то и служит авторитетом для настоящего времени, поэтому и называют его «владыкой века». Помощником у него является Абдулла ибн Меймун*, о котором, равно как и о его преемниках, будет речь впереди. Всякий обязан, конечно, неуклонно следовать предписаниям махдия и его имамов, продолжающих проповедовать и распространять его учение. Махдий не умер, он стал только невидим, но к концу времен снова вернется к своим.

Не следует упускать из виду, что в этом чудовищном смешении разнороднейших религиозных преданий оставлены нетронутыми многие элементы корана; поэтому зачастую переходили в секту и правоверные муслимы, стоило только ловко, осторожно и не торопясь хорошенько обработать их. Попробуем представить ход обращения в частностях, быть может, несколько нами приукрашенный, но в общем все-таки довольно достоверный. Является в какой-нибудь местности эмиссар секты, один из дай («призыватель, глашатай»); под каким-нибудь благовидным предлогом, большей частью в роли суфия, купца, промышленника или чего-либо подобного он поселяется на более продолжительное время. Человек этот с виду отличается глубокой и искренней набожностью. В разговорах о религиозных и других предметах, которые он ведет постоянно с новым кружком своих знакомых, дай старается вплетать таинственные указания на настоящий смысл некоторых непонятных мест корана, разъясняет подлинное значение того или другого, по-видимому безразличного явления природы, предлагает на разрешение трудные вопросы, могущие привести беседующего с ним в замешательство, а отчасти наводящие на различного рода сомнения. Прежде всего поражает его слушателя замечательное знание корана, религиозных преданий вообще и

' А на самом деле, надо полагать, жил он в значительно более поздний период, чем Мухаммед Махдий.

предписаний, ритуальных в особенности, так что таинственное это существо должно произвести наконец впечатление человека, могущего сказать еще гораздо более, если только пожелает. Вместе с тем умеет он искусно пользоваться темой печального положения как государственных, так и частных дел; он тонко намекает, что упадок и все тесно связанные с ним бедствия зависят от того только, что массы народа отринули божеский закон и не желают более повиноваться личности подлинного имама; он дает понять, что только возвращение с ложного пути, достижение настоящего понимания смысла божественного писания и его священной воли в таком истинном значении, какое может преподать один только настоящий имам, приведут ко всеобщему повороту, к лучшим порядкам. Притом он с необыкновенной ловкостью приноравливается к степени развития ума тех, с кем имеет дело: умным льстит бессовестно, приходя в притворное восхищение перед их способностями, а глупцов одурачивает торжественным видом своего неизмеримого превосходства над ними; таким образом приобретает себе в самых широких кружках значение, часто даже уважение. Когда же ему удается наконец разжечь в людях страстное желание постичь тайники его сокровенной мудрости, при случае он показывает вид, что, пожалуй, не прочь объяснить им все.

Наступает желанный момент, беседующий ждет с нетерпением поучительного наставления, а он вдруг как бы спохватится и смолкнет, растолковывая, что дело это чрезвычайно трудное и всякая поспешность крайне вредна. За сим следуют обыкновенно со стороны собеседника неотступные просьбы высказаться прямо, без утайки. Тогда эмиссар приводит торжественно то место из корана, в котором Бог возвещает об обязанностях союзников. Он напоминает слушателю, что пророки и вообще все правоверные должны неуклонно следовать велениям всемогущего, и требует с своей стороны от жаждущего познания истины прежде всего дать ему святое обещание соблюдения молчания пред непосвященными, а также безусловной откровенности по отношению к нему, представителю святого дела. При малейшем колебании слушателя дай резко обрывает свою проповедь; ес ли же собеседник готов подчиниться всем его требованиям, наступает дальнейшее испытание доброй воли прозелита: от него требуется внесение, соразмерно средствам, соответственной суммы денег. Тогда только, когда будет уплачено на дело общего блага — здесь мы наталкиваемся на очевидное применение коммунистических начал, — начинается собственно настоящее обучение новообращенного. На основании данных разума и преданий дай старается доказать, что Божья воля сознается и совершаема, а исполнение предписываемых обязанностей может быть приятно Всевышнему в таком только случае, когда совестью правоверного руководит не ложное учение обыденных богословов, причинивших уж столько зла на этом свете, а наставления имамов, которых Бог поставил истолкователями своей вечной правды и пастырями над людьми. Слушателю указывают на Алия и его потомство как на единственных истинных имамов, затем предлагают безусловно и свято почитать Мухаммеда ибн Измаила, как «владыку века». Втолковав все это надлежащим образом прозелиту, приступают наконец к изложению настоящей системы учения. Усвоив твердо все положения шиитизма, новообращенный окончательно перестает быть муслимом, ибо ставить Мухаммеда на одну доску со всеми прочими пророками, а еще более дерзновенное утверждение, что последним и наивысшим пророком является вместо него махдий, противоречит окончательно коренному догмату ислама. Но все еще множество нитей связывало с кораном завлеченных, так что в массе примкнувших к секте господствовало убеждение, что они усвоили только истинный смысл божественного откровения и составляют избранную общину верующих. А между тем вся эта система, так хитроумно организованная, клонилась к единственной лишь цели: подготовить тысячи тысяч легковерных и фанатиков и привить им привычку безусловного повиновения обожаемому, невидимому имаму, а равно и его видимым пособникам (дай), обращая таким образом всю эту массу в слепое орудие в руках небольшой кучки бессовестных, честолюбивых заправил. Новообращенные проходили постепенно четыре степени познания сущности измаилитизма; последовательность усвоения основ учения сильно напоминала правила, существующие в наших масонских ложах на западе. По-видимому, этим исчерпывалось все учение; но организаторы измаилиты установили сверх того еще пять наивысших степеней познания; эти степени были доступны лишь для лиц с сильной волей и одаренных большими способностями. На них рассчитывали, что впоследствии они в состоянии будут отринуть предписания всякой положительной религии — одни, руководствуясь чисто теоретическими воззрениями, другие же из-за мирских целей. Отрывочные сведения об этих пяти высших степенях, встречающиеся у мусульманских писателей, составляют довольно смутное нагромождение разнообразных, отчасти философских, отчасти же мистическо-пантеистических представлений. Поймать руководящую нить в этом невообразимом хаосе чрезвычайно трудно. Нельзя было к тому же и рассчитывать, чтобы позднейшие историки, по большей части принадлежавшие к ортодоксам, могли узнать вполне обстоятельно о том, что составляло сокровенную тайну лиц, примыкавших к тесному кружку заправил секты. Так или иначе, можно допустить, что некоторой смесью древ-неперсидских, греко-философских и гностических представлений пользовались с целью постепенного вытравления всех прежних религиозных убеждений прозелита, так что в конце концов его доводили до абсолютного скептицизма или материализма, в нравственном же .смысле превращали в эгоиста и циника. Пятая степень внушала, между прочим, что настоящий внутренний смысл корана не имеет ничего общего с внешним буквальным значением священных слов; таким образом проторена была дорожка для самого широкого аллегорического толкования, совершенно упразднявшего положительное вероучение и дававшего полную свободу философскому взгляду на все сущее. Шестая степень учит понимать в иносказательном смысле также и религиозные обряды, значение которых в глазах посвященных чисто символическое. Следуя толкованию измаилитов, пророки настаивали на обязательном исполнении внешних обрядов при молитве, омовении и т. п., руководствуясь единственно философской точкой зрения для того, чтобы дать возможность умному правительству держать всех в повиновении и предупреждать различного рода проступки. При этом малопомалу умаляется все более значение пророков по сравнению с философией и этим как бы подготовляется переход к трем последним высшим степеням, в которых вообще и помину более нет о так называемой положительной религии. Седьмая степень состояла в слиянии древнеперсидского дуализма с гностическим учением о демиурге, создавшем мир и подчиненном высшему существу; прозелит приходил к тому убеждению, что из этих двух высших существ одно, предвечное, есть первоисточник вещества, второе, — проистекающее из первого, — создатель всевозможных форм, в которых вещество появилось в видимом мире. Но преждесущее высшее существо должно было возникнуть из какого-то основного принципа, неведомого ни по имени, ни по его качествам, так как оно абсолютно непознаваемо.

С этим учением рука об руку идет опять-таки из Индии почерпнутое представление, что каждый дай может, по мере самосовершенствования, чистоты познавания и действий, стать имамом, натиком, зиждителем, наконец, творцом, высшим божеством — известное воззрение буддистов, легко вытекающее из принципов абсолютного пантеизма. Когда таким образом была совершенно сглажена разница между божеским и человеческим естеством, легко уже усваивались истины девятой, высшей степени. По учению этой последней все религиозные воззрения должны быть рассматриваемы как смутные представления о сущности вещей, подтверждающие одну только вечность материи. Потому можно было считать и все догматы степеней лишь аллегорическими. Так, например, вторичное пришествие махдия в действительности состоит только в познавании исходившей от него истины и в распространении его учения среди человечества. Что же касается всех остальных пророков, были они простые, часто ошибавшиеся люди, следовательно, проповедываемые некогда ими религиозные и нравственные законы нисколько не обязательны для посвященного. По аналогии с новым временем такие принципы смело можно назвать нигилистическими.

Человек, который мог придумать такое дьявольски искусно составленное учение, клонящееся к систематическому подрыву какого угодно мало-мальски нетвердого, подобно скале, религиозного убеждения, был, по всей вероятности, Абдулла ибн Меймун; с ним мы встречались уже и прежде при изложении официального учения измаилитов как с помощником махдия. Отец его был персиянин родом из Мидия. Должно быть, как и сын, был он по профессии глазной доктор, притом вольнодумец (зендик), который воспитал своего сына в том же направлении и притом вдохнул в него непримиримую ненависть ко всему арабскому. И вот, чтобы дать пищу своей ненависти, а в то же время при-обресть для себя и своих потомков блестящее положение, стал он принимать ревностное участие в шиитской пропаганде в Хузистане; мало-помалу распространялось его влияние среди измаилитов, доселе, по-видимому, безобидных. Между ними-то и удалось ему постепенно ввести коренное преобразование шиитского вероучения и обеспечить самому себе безусловную и ревностную привязанность посредством искусно распространяемого упования на великую будущность махдия. Его дай исходили весь Хузистан и соседние округа, вербуя бесчисленное множество прозелитов. Правительство вскоре, однако, обратило все свое внимание на эту пропаганду; Абдулла должен был бежать и поселился в маленьком городке Саламие (Саламиниасе древних), вблизи Хамата; здесь между жителями оказалось много али-дов, так что это местечко представляло самое подходящее убежище для мнимого шиита. Но свою измаилитскую пропаганду продолжал он, а впоследствии (после 261=874/5) с его смертью — сын его Ахмед, не столько в этой местности, сколько в Ираке и по всей Персии, при помощи деятельных своих эмиссаров. Они успели восстановить против неумелого арабско-турецкого правления главным образом массы покоренных наций, арамейцев в Месопотамии и персов по ту сторону Тигра. Приблизительно между 250 и 260 (864 и874)* гроссмейстер измаилитов Абдулла выслал снова в окрестности Куфы, этого старинного шиитского гнезда, одного из своих дай по имени Хуссейн аль-Ахвазий". Хуссейн познакомился здесь, неподалеку от одного небольшого местечка, с крестьянином арамейцем по имени Хамдан. Его земляки, продолжавшие еще говорить по-сирийски, прозвали за изуродованные болезнью черты лица Курматом «безобразным лицом», а арабы переиначили кличку в «Кармат». Измаилитский эмиссар сумел его ловко одурачить своим витиеватым краснобайством. Был это один из тех несчастных крестьян, безвыходное положение которых в те печальные времена мы изобразили схематически в начале этой главы. Зерно надежды на возможность спасения благодаря всемогущему заступничеству махдия, обещаемому дай, пало на хорошо подготовленную почву. Несчастный ревностно ухватился за последний якорь спасения. Секта стала быстро распространяться в Ираке. После смерти Хуссейна преемником его в качестве дай сделался Кармат. Он поселился в Калвазе, предместье Багдада. Здесь он поддерживал связь с одним из родственников*" Абдуллы в восточной Персии, между тем как шурин его, Абдан, продолжал успешно действовать при помощи бесчисленных эмиссаров в окрестностях Куфы, а некоторые из них, подобно Абу Са'иду

' По Саси 264 (873/4), Expose de la religion des Druses, I, Paris 1838, p. C1XX1; не то, однако, у Fichrist, ed.Flugel,187,12. Вся исгория возникновения секты, равно как и вышедших из нее фатимидов, дошла до нас почти исключительно по суннитским источниками. Будучи злейшими врагами измаилитов, писатели эти во многом искажают смысл события и вообще ненадежны. Я стараюсь выбрать по возможности наиболее достоверное.

" То есть из Ахваза, столицы Хузистана; таким образом, человек этот был тоже персиянин.

*" «Одним из его сыновей» — так говорится в одном арабском известии, но это мог быть даже и внук. Все данные касательно потомства Меймуна слишком противоречат одно другому, так что трудно сказать что-либо положительное в этом случае. Я позволю себе назвать человека, представляющего собой личность довольно загадочную, меймуни-дом. Даже насчет Ахмеда неизвестно в точности, был ли он сыном или внуком Абдуллы. Не входя в излишние подробности, будем считать его

яль-Дженнабию, высылались даже на юг Персии. Приверженцев секты стали величать карматами, следуя прозвищу, данному лично Хамдану. Уже в 277 году (890/1) они до такой степени размножились и почувствовали свою силу, что основали на Евфрате самостоятельную колонию. Позднейшие историки рассказывают многое о совершенных ими гнусных деяниях. По словам летописцев, обыкновенным их занятием был грабеж и убийства; общность имущества и даже женщин составляли главные основы их жизни. В отдельных подробностях встречаются, конечно, большие преувеличения*, хотя и раньше мы замечали резкое коммунистическое направление всего этого движения. Проживавший в Саламии, гроссмейстер

Ахмед, сын Абдуллы, нашел теперь возможным мало-помалу отклонять помышления и надежды верных, всецело устремленные на таинственного махдия, и внушить им веру в возможность передачи Богом имамата дому Меймуна: для того чтобы облегчить успех пропаганды, он стал утверждать, что семья его ведет свой род от Акиля, брата Алия. Но ни Кармат, ни Абдан, ярые фанатики в душе, и слышать не захотели об этом; они остались при своем прежнем махдии Мухаммеде ибн Измаиле и порвали всякую связь с домом Абдуллы. Желая добиться примирения, Ахмед послал меймунида, проживавшего в восточной Персии, к Кармату, не прервавшему окончательно с ним сношений. Когда он прибыл в Калвазу, то уже не застал там Кармата; с этого времени о последнем нигде более нет и помину". Меймунид отправился затем к Абдану, а когда и этот упрямо стал отвергать новые идеи, повелено было одному

' Весьма характерно то обстоятельство, что один из самых достоверных позднейших историков (ибн аль-Асир VII, 311) весьма простодушно сообщает, что наместник Куфы не находил никакого повода предпринять какие-либо строгие меры против карматов и наложил только на них особую дань в 278 году (891/2). Люди же богобоязненные, возмущенные принципами, проповедуемыми сектой, послали донос в Багдад, но правительство со своей стороны не находило причины обратить на это дело особое внимание и оставило жалобу без последствий.

" Весьма вероятно, что по повелению гроссмейстера он был устранен, равно как и Абдан, а впоследствии и Абу Са'ид за свое дерзкое ослушание и вообще выказанное ими неповиновение главе секты.

дай низшей степени по имени Зикравейхи умертвить Абда-на. Но большинство карматов приняли горячо сторону семьи своего покойного патрона. Мечи засверкали. Опасаясь мести за смерть Абдана, Зикравейхи скрылся куда-то, а мей-мунид удалился снова в восточную Персию. Зикравейхи между тем послал тайком своих сыновей Яхью, Хуссейна и Алия с некоторыми другими преданными ему лично карма-тами к бедуинам из племени Кельб, кочевавшими в Сирийской пустыне, имея в виду подготовить себе и своим новое убежище в другой провинции. Посланные стали здесь проповедовать снова во имя махдия Мухаммеда. Им удалось вскоре склонить многих из бену-аль-уллейс, части племени кельб (288=901). Складывался, таким образом, новый центр карматов рядом с основанным раньше в 286 г. (899) в Бахрейне Абу Са'идом. Те и другие начали действовать самостоятельно, ибо гроссмейстер секты в Саламии, которому весьма важно было бы, конечно, принять личное участие в готовящемся движении, возникавшем в непосредственном соседстве с Сирией, незадолго перед тем собрался покинуть настоящее постоянное местопребывание, чтобы посвятить себя в отдаленном, но многообещающем пункте отважному и великолепному по последствиям предприятию.

Мы не знаем, собственно, в котором году умер Ахмед ибн Абдулла; главенство над сектой перешло к одному из его племянников*, Са'иду сыну Хуссейна, дальнему родственнику Абдуллы. Когда он вступил в управление, то оказалось, что в 288 г. (901) кроме Ирака, Сирийской пустыни и Бахрейна особенно деятельная пропаганда шла еще в четвертом пункте. Она началась, собственно, за много лет раньше, но теперь окончательно созрела и подавала большие надежды. Лет двадцать тому назад, в 268 г. (881/2) Ахмед ибн Абдулла совершил паломничество ко гробу Хуссейна в Кербела с намерением пропагандировать лично дело измаилитизма среди ревностных шиитов, обыкновенно собиравшихся там во

' Или же двоюродному брату, а по другим источникам даже внуку. В этом последнем случае между правлением Ахмеда и Са'ида должен был занимать пост гроссмейстера отец его.

множестве. Один богатый человек из Йемена (южной Аравии), совершавший в то же самое время поклонение в этом святом месте, увлекся новыми идеями и забрал вместе с собой на родину одного из дай Ахмеда по имени ибн Хаушеб. Насколько почва оказалась благоприятной для восприятия этого учения, можно судить по одному еще раньше нами сообщенному факту, что в 288 г. (901) один алидский претендент на первых же порах успел овладеть, хотя на короткое время, Сан'а, столицей этой провинции. Маленькие алид-ские княжества возникли преимущественно во многих гористых местностях Йемена, там, где большинство жителей были зейдиты. Княжества эти игнорировали аббасидских наместников, они частью существуют и поныне. Неудивительно поэтому, что и измаилиты быстро расплодились в округе, охваченном издавна пропагандой алидов. Ибн Хауше-бу посчастливилось. Окруженный значительным числом поклонников, он вскоре был в состоянии самостоятельно высылать проповедников всюду, где только возникало общее недовольство правительством и обещало некоторый успех вражьим замыслам. Нам уже известно, что изо всех областей, в которых господствовал ислам, арабское владычество оказывалось слабее всего в северной Африке, Начиная с области Китама берберы стали совершенно независимыми, да и остальных, живших далее на востоке, стоило арабам больших усилий сдерживать в повиновении. Не раз также приходилось нам видеть, с каким воодушевлением встречали берберы каждое доходившее до них религиозное движение, принимавшее в то же время окраску политической оппозиции. Ибн Хаушеб поступил поэтому весьма умно, отправив в начале 70-х гг. (в 885) нескольких дай в Африку. Они поселились среди племени Китама, но вели пропаганду недолго; спустя несколько лет все они скончались. В конце 279 (в начале 893) послан был туда же, по распоряжению того же Ибн Хаушеба, измаилитский эмиссар Абу Абдулла по прозванию Аш-Ши'ий, «шиит». Воспользовавшись

искусно, по примеру многих других эмиссаров, временем мекканского паломничества, он успел в Мекке сойтись с двумя берберами из племени Китама. Очаровав их своей лицемерной набожностью, вместе с берберами отправился и он к ним на родину. Прибыв на место, измаилит энергически повел свою агитацию начиная с 280 (893)'; преодолевая вначале некоторые трудности, мало-помалу он обратил все племя в ярых измаили-тов. Когда же свирепый аглабид Ибрахим II по повелению халифа Мутадида отрекся в 289 (902) от власти, побуждаемый, впрочем, к этому шагу отчасти и возникшим уже явно среди китамы движением, берберы действительно восстали под предводительством этого самого Ши'ия. При первом известии о предстоящем важном событии на западе покинул Саламию и Са'ид, гроссмейстер измаилитов; он направился прямо на Фустат, чтобы быть поближе к театру начинавшейся борьбы. Но этот человек, попав в Египет как раз в пору всеобщей смуты, к концу владычества Тулунидов, разгуливавший в большом городе никем не замечаемый, под привычной измаилитам маской купца, не был уже более Са'идом, потомком персидского глазного врача Меймуна. Он сразу превратился в личность известную, знаменитую, в Убейдул-лу", сына Мухаммеда, прямого потомка алида Джа'фара. Стало быть, он преобразился сразу в махдия Мухаммеда, «сокровенного имама», в него воплотился дух божий преемственно, от предков. В лице его выступал наконец открыто давно ожидаемый имам и махдий. Теперь дерзновенные потомки Меймуна начинают вести свой род уже не только от брата Алия, как это утверждали они при начале возникновения

' Я придерживаюсь положительно этой даты (de Sacy, Expose de la religion des Druses, I, с. ССХУШ), не обращая никакого внимания на опровержения Фурнеля (Les Berbers, II, с. 55). Нельзя же допустить, чтобы ибн Хаушеб не пожелал в течение долгого времени по смерти первых эмиссаров предпринять новой попытки; также и промежуток между Раби 1288 (март 901), времени прибытия к китаме Аш-Ши'ия, по источникам Фурнеля, и, во всяком случае, несомненном отъезде Са'ида из Саламии в первой половине 289, надо сознаться, слишком короток для полного обращения племени китама и уведомления в то же время об этом важном событии в Саламию. Невозможно также объяснить, как это делает Фурнель (II, 67), что Са'ид покинул свое местожительство из опасения преследования его местными властями. Почему же, если это так, он не отправился гораздо ближе, под покровительство сыновей Зикравейхи?

" «Рабик» (т. е. смиреннейший слуга божий).

карматов, а от самого зятя пророка и следовавших за ним священных имамов. И бессовестные обманщики со своими медными лбами так уверенно отстаивали свои права, что и по сие время некоторые западные ученые находятся под впечатлением большого сомнения. А что, ежели в самом деле все, что наговорили суннитские историки про эту семью, лишь выдумка, измышленная на пользу их исконных врагов, аббасидов? Придется в таком случае признать в лице этих фатимидов, как они величают себя по имени своей прабабки Фатимы, супруги Алия и дочери пророка (т. I), кровных потомков Алия. Но я никак не могу разделять эти воззрения ввиду весьма веских данных' и буду неуклонно считать махдия Убейдуллу тем, чем он и был на самом деле — бессовестным, но счастливым обманщиком. С меньшим еще правом,

• Достаточно будет, я полагаю, привести следующие соображения. Конечно утверждение де Саси (Expose, I, с. ССХ1ЛХ), изложенное по свойственной ему манере безусловно, что египетский писатель Макри-зи совершенно прав, не придавая никакого значения объяснениям аббасидов и их приверженцев, в сущности довольно основательно. В интересе аббасидских халифов, положим, было уронить насколько возможно в общественном мнении фатимидских конкурентов, не пренебрегая при этом даже подлогом. Но ведь историческое существование Абдуллы ибн Меймуна подтверждается уже тем, что независимо от занимаемого им в системе учения измаилитов места помощника седьмого натика (де Гуе, Mem.sur.les Carmates, с. 73) он почитался нисколько не менее и в среде позднейших, а в общих чертах одинаковых с измаилитами по воззрениям, друзов (de Sacy, Expose, I, с. 35). А эти последние как обоготворявшие фатимида Хакима, могут считаться в данном случае без всяких оговорок достоверными свидетелями. Трудно разрешимую дилемму выбора между потомками персидского глазного врача Меймуна и предполагаемым поколением пророка они обходят очень просто, признавая тоже и Меймуна происходящим от Алия, что положительно невозможно. Из этого вытекает неопровержимое положение что официальная генеалогия фатимидов, а следовательно, и самое происхождение их от Алия - чистейшая подделка. Ибо сами изобретатели подлога не решились приобщить сюда же имя Меймуна и таким образом становятся в самое резкое противоречие с преданиями друзов иными словами, со своими же единоверцами. Эти же последние в данном случае согласуются в самом существенном с аббасидскими показаниями (ср. также Абульмахасин II, 445, 2). De Sacy (СШ) приводит также что взгляды Макризия тем более кажутся ему основательными что для настоящих алидов, в случае если бы Убейдулла был действительно обманщиком, было бы насущной потребностью сорвать с него маску, дабы через это расчистить самим себе дорогу к власти. Пользуясь данными, почерпнутыми из недавно обнародованных новых источников, мы можем теперь положительно утверждать, что в этом направлении со стороны алидов делаемы были действительно различного рода попытки. Ведь единственно только после укрепления в Египте своего господства насильственным путем муыззу удалось благоразумной щедростью привязать к себе алидов; да здесь и не было для них никакого смысла вооружаться против благожелательствующего принца; было бы это только на руку одним аббасидам и карматам (приводимый же у Wustenfeld, Geschichte der Fatimiden-Chalifen, Goettingen, 1881, с. 119, анекдот неоспоримо аббасидской фабрикации). Также идрисиды в западной Африке считали более выгодным на первых же порах дружить с фатимидами, весьма умно и предупредительно протянувшими им руку. Но в Сирии мы видим уже не то. Проживавшие здесь алиды попытались охранить свои права, вскоре потерпев, положим, неудачу (Wustenfeld, с. 122). Покровительствуемые бундами, они неоднократно протестовали в Багдаде против действительности фатимидской генеалогии (Wustenfeld, с. 143, 197, 237). Тем еще более невероятным представляется второстепенное, отчасти хотя и допустимое предположение, что меймуниды работали с самоотверженной преданностью вначале не для себя, а для алидов, и только в решительный момент отступились от них. Если даже не принимать в расчет совершенно положительных преданий друзов, это невозможно уже потому, что сын Зикравейхи, как мы это увидим впоследствии, тотчас же по отъезде Убейдуллы из Саламии принял сам титул махдия. Алиды никогда не были настоящими руководителями движения. Это станет совершенно ясным из следующего факта. По взятии Саламии карматами произведена была между жившими в городе хашимитами, т. *с.* Алидами, страшная резня по приказанию Хуссейна Ибн Зикравейхи (Ибн Аль-Асир, VII, 362, 17).

чем даже Аббасиды к концу правления Омейядов, он воспользовался именем алидов, чтобы самому ловчее усесться на выкраденном им таким путем троне. И все это удалось ему обработать в течение каких-нибудь нескольких лет. Пусть теперь припомнит читатель как после восстания племени Китама отцеубийца аглабид Зиядет-Алла III сам же приложил посильное старание расчистить для революции путь к победе. В то время как Абу Абдулла Аш-Ши'ий все приближался постепенно к Раккаде, прокладывая себе дорогу рядом кровопролитных стычек с арабами, Убейдулле к концу владычества Тулунидов становилось опасным оставаться в Египте. Между тем «махдий» не мог никоим образом появиться среди берберов раньше окончательного изгнания аглабидов: спасителю мира нельзя же было подвергать себя риску хотя бы временного поражения. Иное дело его полководец — за неудачей тому предстоял только шанс восстановить свой престиж, но пророк должен считаться всегда непобедимым. Поэтому Убейдулла пустился в весьма опасное путешествие через занятую еще аглабидами страну и укрылся инкогнито в Сиджильмасе, где никто из Бену Мидрар и не подозревал о его присутствии между ними (292=905). Позже его заключили даже в темницу (вероятно, к концу 295 или началу 296=908). Но Ши'ий одерживал быстро победу за победой, он занял покинутую Зиядет-Аллой Раккаду (1 Раджаб 296=26 марта 909), затем потянулся на запад и овладел Та-хертом, столицей Бену Рустем и наконец после короткой борьбы с войсками Мидраритов 7 Зуль Хидаоки 296 (27 августа 909) вступил и в Сиджильмасу. Освобожденный из своего заточения, Убейдулла торжественно вступил теперь в Раккаду 29 Раби II 297 (15 января 910). Немедленно же принял он официально титул аль-Махдия и «повелителя правоверных» как законный имам и халиф. Аббасидам пришлось поневоле мириться с возникновением наряду с ними халифата Фатимидов, притом с такими широкими притязаниями на исключительное владычество.

Как расправились друг с другом оба этих могучих конкурента, будет изложено в последней главе этой книги. Вернемся теперь снова к сыновьям Зикравейхи. Один из них, Яхья, принял начальство над бедуинами, примкнувшими к карматам. Вскоре присоединились к немуже многие и из Ирака. Дело в том, что проживавшие там карматы возбудили против себя гнев правительства за совершаемые ими беспрестанные грабежи и убийства. Войска Му'тадида вскоре разогнали скопища мятежников, и они перекочевали, забывая умерщвление Абдана, к своим соумышленникам бедуинам. Теперь и Яхья ибн Зикравейхи вздумал выдавать себя тоже за алида, повелел величать себя Аш-Шейх «старейший» и провозгласил, что верблюд, на котором он восседает, ступает по божьему пути, подобно тому как шествовала во времена Мухаммеда верблюдица Касва (т. I). И стал новый «пророк» морочить людей, уверяя всех, что у него в разных местах расставлено до 100 тыс. воинов, что они ждут от него только первого сигнала и т. п. Успех как бы спешил оправдать его безграничную самоуверенность. Вблизи Куфы, а затем при Ракке он разогнал в 289 и 290 (902) войска, высланные против него сначала Мутадидом, а по смерти халифа (Раби II 289=апрель 902) сыном и преемником его, Муктафи, и наконец проник в 290 (903) в Сирию. Там управлял именем тулунида Харуна турок Тугдж, отец Ихшида. Два раза подряд карматы жестоко разбивали наместника, а когда наконец подошло к нему на подмогу сильное египетское войско, в первой же стычке Яхья пал. Но брат его, Хуссейн, заступил его место и довершил новое поражение наместника. И этот кармат стал тоже утверждать, что он потомок Алия по имени Ахмед. Вскоре же он принял титул имама, а впоследствии даже стал величаться махдием. Во всяком случае, Хуссейн поступал так с согласия самого гроссмейстера измаилитов, Убейдуллы, который главным образом хлопотал об устранении вмешательства халифа в борьбу Абу Абдуллы с аглабидами и сильно рассчитывал на эту серьезную диверсию карматов. Подчиненные прозвали Хуссейна сахиб аш-шамат «человек с отметиной». Он имел на лице пятно, почитаемое карматами за несомненный признак его прав на имаматство*. Во многих сражениях Тугдж снова был побит, и наконец шайки бунтовщиков осадили его в Дамаске. На этот раз наместник успел откупиться, а карматы потянулись на север, опустошая по дороге всю страну. Ими были разграблены города Химс, Хамат, Ма'арра, Ба'альбек, Саламия. Тех, кто осмеливался им сопротивляться, немилосердно умерщвляли, а жен и детей забирали с собой. Бедуины возликовали, отовсюду стекались они сюда из Сирийской пустыни, толпы карматов росли, а муки несчастного населения множились. Энергичный Муктафи не мог глядеть спокойно на эти ужасные кровавые распорядки; становилось слишком ясно, что тулунидам не справиться с бунтовщиками, и властелин сам двинулся в Сирию с значительным войском. Вначале сыну Зикравейхи удалось внезапным натиском рассеять

*Ср. «печать пророчества» у Мухаммеда (т. I).

у Халеба авангард халифа, предводимый Абу'ль Агарром. Но вскоре нестройные толпы ложного махдия были вытеснены постепенно из завоеванной ими страны совокупными, хорошо направленными действиями генералов халифа и тулунида. Не обошлось при этом, конечно, без ожесточенных упорных стычек. Наконец, 6 Мухаррема 291 (29 ноября 903) Мухаммед ибн Сулейман нанес бунтовщикам при Хамате решительное поражение. Разбитых карматов энергически преследовал Хуссейн ибн Хамдан, и его усилия увенчались пленением «человека с отметиной» вблизи Евфрата. Главу карматов препроводили в Багдад. Здесь 13 Раби 1291 (3 февраля 904) его подвергли вместе с двумя сообщниками жесточайшей казни. Но карматы все еще не успокаивались окончательно. Войска Муктафи под предводительством Мухаммеда ибн Сулеймана, направленные теперь на Египет, изгнали оттуда

окончательно тулунидов (292=905). Но вскоре же, благодаря ужасному своеволию солдатчины, почти вся страна снова возмутилась (конец 292=начало 906) и почти весь Египет отложился от халифа. Большинство военных сил халифата послано было для усмирения этой провинции, а в Сирии в то же время вспыхнул старинный мятеж, раздуваемый третьим сыном Зикравейхи, Алием (293=начало 906). Бедуины, впрочем, не успели еще забыть преподанной им слишком недавно острастки, и, как кажется, число приверженцев кармата было не настолько значительно, чтобы он мог решиться на упорное сопротивление. При первом же появлении ибн Хамдана с небольшим отрядом мятежники быстро рассеялись. Некоторые из них со своим предводителем удалились в Йемен к ибн Хаушебу*. Значительное, таким образом, усиление местных сил карматов поощрило последнего к бо-

* То обстоятельство, что тот же самый ибн Хаушеб, который вместе с шиитом Абу Абдуллой сочинил миссию Убейдуллы среди берберов, теперь принимает сына Зикравейхи, не будет ли наилучшим доводом, что даже после отъезда Убейдуллы из Саламии сирийские и иракские карматы продолжали по-прежнему считать себя в некотором роде за его подчиненных, т. е. были именно в таких к нему отношениях, как мной представлено несколько выше.

лее широким предприятиям. И действительно, в том же самом году измаилиты овладевают Сан'ой и другими городами. Но продержаться в этом далеко выдвигавшемся пункте они не могли долго. Население не особенно-то сочувствовало их еретическому учению и вскоре возмутилось против новых своих властелинов. Мятежники вынуждены были снова очистить главный город и отступить в наиболее отдаленный уголок провинции. А между тем движение в Сирии снова возобновлялось и принимало теперь довольно широкие размеры. Старик Зикравейхи, который, вероятно, руководил из своего тайного убежища и прежними восстаниями по поручению Убейдуллы, выступает теперь по отстранении трех его сыновей снова, но более рельефно и уже на передний план. Предпринятый Алием поход без достаточной, быть может, подготовки возобновляется с более прочной организацией. На первых же порах удается мятежникам сманить на свою сторону бедуинов кельбитов. Под предводительством Абу Ганима они занимают опять, в союзе с настоящими карматами, часть Сирии, всюду грабя; на этот раз опустошаются области на востоке от верхнего Иордана вплоть до Дамаска. Когда из Ирака подоспел Хуссейн ибн Хамдан с правительственными войсками, проворные бедуины моментально рассыпались в разные стороны и, прежде чем войска успели их нагнать, снова разграбили по дороге Хит на Евфрате. Наконец предводимое Исхаком ибн Кундаджиком войско настигло их на месте их обычной кочевки в пустыне. Долее они уже не были в состоянии сопротивляться, а потому бедуины выдали Абу Ганима и их оставили в покое (293=906). Справиться с иракскими карматами было немного потруднее. Теперь выступает на сцену лично сам Зикравейхи, принимает титул имама, предоставляя другому военное командование над толпой многочисленных и отчаянных мятежников. В окрестностях Куфы становилось, начиная с Зу'ль Хиджжы 293 (сентябрь — октябрь 906), далеко не безопасно, мятежники осмеливаются даже проникать в самый город. А когда вскоре затем в Мухарреме 294 (октябрь — ноябрь 906) потянулись обратно иракские и хорасанские караваны пилигримов из Мекки, карматы стали подстерегать их на окраине пустыни. Завязались жаркие схватки, целые побоища — богомольцы не осмеливались в те смутные времена пускаться в дальний путь не вооруженные с ног до головы. Мятежникам, однако, удалось, частью благодаря пущенному ими в ход вероломству, умертвить большинство не только мужчин, но и женщин, а остальных увлечь с собой в виде добычи. Число убитых достигало во всяком случае, многих тысяч*. Давно уже пора было положить конец всем этим бесчинствам. Муктафи выслал против мятежников сильное войско под предводительством турецкого генерала Васифа младшего, сына Сувартекина. Поблизости Куфы полководец настиг самого Зикравейхи. Карматы дрались с таким ожесточением, что первый день кончился для обеих сторон без всяких результатов. Когда же на другой день пал смертельно раненный Зикравейхи, мятежники обратились в бегство (Раби I, 294=декабрь 906 или январь 907). Хотя тайная организация карматов, несомненно, продолжала и далее существовать, но с этих пор сирийско-иракская отрасль ее если и не была подавлена окончательно, уже не решалась более в течение долгого времени производить здесь массовые неистовства. Трудно, конечно, уловить настоящую причину этого временного затишья. Наступило оно отчасти вследствие одержанных правительственными войсками побед, а еще скорее, как кажется, благодаря решительному повороту успешных действий Ши'ия в северной Африке. В связи с непрекращавшимися волнениями в Египте Убейдулле казались бесполезными дальнейшие жертвы в восточных провинциях ввиду положительной удачи похода против аглабидов. Задачу же ослабления халифата при помощи беспрерывных на него нападений для подготовки возможности позднейшего завоевания Египта фатимидами взяли на себя отныне карматы Бахрейна. В

' Перед нападением карматов насчитывалось, как утверждают, пилигримов в трех караванах 20 тыс. человек. Быть может, это несколько и преувеличено, но добрую половину этого числа, во всяком случае, они могли иметь.

своей неприступной позиции за буграми арабской пустыни они обладали несравненно более прочным военным базисом, нежели их единоверцы, проживавшие в Сирии или же в Ираке.

Упоминаемый нами раньше Абу Са'ид и его приверженцы, о первых успехах которых при Му'тадиде мы говорили уже выше, были неоспоримо карматами. Сам Абу Са'ид был послан в Персию Курматом главным дай Ирака, а исчезновение последнего и умерщвление Абдана восстановило и его против гроссмейстера измаилитов, проживавшего в Саламии. Но личные его цели, клонящиеся к основанию самостоятельного владычества в Бахрейне, как раз совпадали с видами Убейдуллы, пожелавшего связать руки аббасидам именно в этом направлении. И эта связь взаимных выгод установилась до такой степени прочно, что пока нельзя было и ждать никаких изменений в этих отношениях. И вот, пользуясь тем, что войска Муктафи заняты были многотрудной борьбой с Зикравейхи и его сыновьями, Абу Са'ид прибрал постепенно к своим рукам весь округ Бахрейн. Удалось было находившимся в этой провинции сторонникам правительства еще раз занять Катиф в 290 (903), но это был лишь временный успех. С одной стороны, виды на освобождение из-под строгой ферулы халифа, а также и самое учение измаилитов в том виде, как его усвоили кар-маты, представлялись для бедуинов: одно — слишком заманчивым, а другое — соответствовавшим их наклонностям. Как далеко ушел сам Абу Са'ид в степенях тайной веры, нам ничего неизвестно. Но масса карматов исповедовала, во всяком случае, только официальное вероучение, т. е. вообще признавала махдия и держалась обязательства исполнять все проповедуемое его дай как выражение божественной воли. И это учение, конечно, старательно приноравливалось тут, на арабской почве, к народному характеру. О том, что существенным намерением глав секты было истребление арабского владычества во всех странах вне Аравии, замалчивалось, понятно, самым тщательным образом. Вся полемика направлена была исключительно против владычества аббасидов и суннитской формы ислама; поэтому прилагалось особое старание ввести послабления или даже отменить некоторые неудобные к исполнению предписания религии, дабы чем-нибудь заслужить расположение народное. Молитва, посты и паломничество объявлены были для правоверных необязательными, а употребление вина и брачные союзы с ближайшими родственниками, строго запрещаемые Кораном по образцу еврейского закона, были отныне разрешаемы без дальних околичностей. Все подобное считалось, понятно, правоверными муслимами за нечто омерзительное, и они находили особое наслаждение приписывать карматам сверх всего этого всевозможные гадости, и прежде всего, конечно, коммунизм и общность женщин. Последнее, во всяком случае, было чистейшей напраслиной, да и первое относилось скорее к разделу добычи, установленному издавна самим Мухаммедом (т. I). Достойно всяческой похвалы, однако, то, что можно сказать на основании весьма скудных сведений об истинных отношениях между карматами. Между ними, несомненно, царствовало большое единодушие, черта совершенно не арабская. В особенности этим отличались члены совета управления, заступившие впоследствии единовластие дай. Их демократические воззрения понравились сразу же бедуинам. Но если это замечательное братство не было никоим образом подбором разбойников и убийц, какими представляли их позднейшие историки, то все же, судя по приведенному нами и раньше, а также принимая во внимание вообще характер бедуина, не имеющий ничего общего с истинной гуманностью, можно утвердительно сказать, что в войнах карматов много пролито неповинной крони и совершено не одно дикое, вопиющее дело. Во всяком случае, в первый раз после великих завоевательных войн I столетия (VII) своеобразно организованные сыны пустыни снова выказали блестящим образом превосходство исконной арабской храбрости, сохраненное ими всецело над изнеженными горожанами Ирака. Они засели теперь глубокой занозой на целые 50 лет в живое мясо багдадского халифата. И непрерывные войны, которые они вели против правительства, те опусто- шения, которые они произвели в провинциях, содействовали более, чем все остальное — слабость правителей, несогласия между визирями и турецкими генералами, — невероятно скорому упадку государства, в той самой форме, как было изложено нами в предыдущей главе.

Лет через десять после 290 (903) весь Бахрейн находился уже во власти карматов. Главный город провинции, Хаджар, был взят после продолжительной осады и разорен до основания. Аль-Ахса (в обыкновенном, сокращенном произношении Лахса) стала резиденцией дай до попытки занять также соседние округа Иемамы и Оман, не имевшей пока успеха. Тем временем гроссмейстер секты Убейдулла вступил в Раккаду как махдий и халиф. Подобно Мансуру, ему захотелось как можно скорее устранить человека, который, собственно, доставил ему власть и во главе своих победоносных берберов казался фатимиду сдишком опасным. В конце 298 (911) пали Абу Абдулла Ши'ий и его брат Абу'ль Аббас, пораженные копьями приспешников Убей-дуллы. Вскоре затем получено было восточными дай от страшного своего гроссмейстера лаконическое извещение: «Вы знаете, какое место занимали в исламе Абу Абдулла и брат его Абу'ль Аббас. Но сатана совратил их, а я искупил их грехи мечом. Мир с вами». Абу Са'ид не настолько был глуп, чтобы поверить в виновность Ши'ия. Он отлично прозрел манеру обхождения махдия с вернейшими своими слугами и повернулся к нему спиной. За то он тоже пал от руки убийцы (301 = 913/4). Но Убейдулла поостерегся далее вмешиваться в организацию тайного союза на востоке. В данном случае он выказал как бы беспристрастие, назначив сына убитого, Абу Тахира Сулеймана, старшим дай на востоке; благодаря этому карматы остались по-прежнему в подчиненном по отношению к нему положении.

Можно смело назвать Абу Тахира настоящим героем карматизма. Подобно старинному главе хариджитов, Ката-ри, он предводительствовал полчищами вольнолюбивых арабов и походил на своего первообраза главным образом тем, что увлекал своих в бой и мечом, и вдохновенно разжигающей военной песнью. Под его командой карматы стали пугалом для всего халифата. Пользуясь расположе-

нием даже тех из бедуинов, которые прямо не примкнули к сектантам, Абу Тахир сумел направить их в 302 (915) на грабеж караванов иракских богомольцев. Положим, новое нападение карматов на Оман кончилось неудачей. Зато в 307 (919/20) налетел Тахир коршуном на Басру, многих переколол, а город разграбил. Поход предпринят был по повелению Убейдуллы, собиравшегося сделать нападение на Египет и желавшего отвлечь внимание халифа в другую сторону. Нашествие повторилось в 311 (923) и имело еще худшие последствия. Побито было пропасть народу, многие бросились со страха в реку и тоже погибли. Карматы угнали с собой массу женщин и детей и овладели несметной добычей. В это самое время наступил в Багдаде министерский кризис, сопровождаемый тоже великими внутренними беспорядками. В 312 (924) стали выслеживать карматы караваны богомольцев и забрали в полон после одной кровавой схватки нескольких весьма почтенных личностей, в числе прочих и хамданида Абу'ль Хейджу. Абу Тахир взял с них обещание, что ему будут уступлены Басра и Ахваз, и освободил плененных. Когда же обещанное пришлось ждать слишком долго, карматы двинулись к концу года в новый поход и дошли до Куфы. Здесь разогнал он только что выступивший в Мекку караван богомольцев и в начале 313 (925) захозяйничал в городе со свойственной ему жестокостью. Весь Ирак пришел в величайшее смятение, жители западных кварталов Багдада бежали за Тигр. Ничтожный халиф Муктадир и его советчики не знали, что и делать; никто не осмеливался более предпринять паломничество в Мекку, ни в этом году, ни в следующем. Наконец вызван был из Азербайджана саджид Юсуф, сын Мухаммеда. Целый год прошел (314=926/7) в самых тщательных подготовлениях, а в следующем (315=927) выступил он против неприятелей. По меньшей мере вдвое сильнейшее правительственное войско было разбито наголову карматами у Куфы, сам предводитель попал в плен. Затем Абу Тахир разорил Амбар, перешел Евфрат и двинулся на Багдад. Наскоро собрали Абу'ль Хейджа и Мунис войско в 40 тыс. человек для прикрытия столицы; раз только осмелились войска халифа напасть на карматов с целью освобождения Юсуфа. Но силы посланного отряда оказались недостаточными, войска были отброшены, а саджида умертвили по приказанию Абу Тахира. Напасть на столицу карматы все же не посмели; лишь частью удавались походы, предпринимаемые им в 316 (928) на некоторые города, расположенные по Евфрату; жители оборонялись с мужеством отчаяния. Зато ему удалось пройтись с огнем и мечом по многим округам Месопотамии, а одновременные восстания иракских карматов, подавляемые с большим трудом, страшно разорили несчастное Междуречье. В 317 (930) Абу Тахир внезапно появился во время празднества богомольцев в самой Мекке. Тысячи пилигримов были убиты, умерщвляли в самом святилище, разграбили город, из Ка'бы был выломан священный черный камень (т. I) и увезен в Лахсу. Намерение было слишком очевидное — пожелали навсегда уничтожить престиж Мекки. Но в результате получилось повсеместное негодование во всем исламском мире, так что сам Убейдул-ла в одном официальном послании к Абу Тахиру принужден был настаивать на возвращении камня. В тайных инструкциях, вероятно, говорилось иное. Нам известно, что камень оставался в Лахсе до тех пор, пока в 339 (951) не предписано было серьезно фатимидским халифом Мансу-ром возвратить его обратно.

Продолжавшийся упадок халифата, междоусобные войны, возникшие между эмирами, тянувшиеся без конца до и после кончины Муктадира, упрочили еще более могущество карматов, ставшее почти непреоборимым. Бесполезно описывать все отдельные набеги их, продолжавшиеся до самой смерти Абу Тахира (332=944). Вообще, впрочем, свирепость вторжений стала мало-помалу ослабевать. Ибн Раик, братья Баридии, а также Ихшид египетский сочли за лучшее стараться держать опасных гостей в отдалении при помощи уплачиваемой им дани; удалось также за звонкую монету восстановить, начиная с 327 (939), паломничества в Мекку к святым местам. Дела шли довольно долгое время и по смерти Абу Тахира все тем же порядком. Фатимидам предстояло много возни с непокорными берберами. Они оставили восток временно на произвол судьбы, даже не назначали ни одного нового дай. Карматы выбирали себе одного из родственников умершего предводителя, заседавшего в совете управления, заведывавшего вообще весьма успешно всеми делами этого оригинального государства. Влияние совета господствовало в те времена, не оспариваемое никем, над всем полуостровом; в 340 (951) покорен был и Оман. А вне границ Аравии все были довольны, если страшные бедуины довольствовались выплачиваемой им условленной данью. Только с 358 (969) начинает могущество карматов несколько падать вследствие событий, совершившихся в Африке. Описание их потребует особого рассмотрения.

ГЛАВА IV

ФАТИМИДЫ И ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ УПАДОК ДИНАСТИИ АББАСИДОВ

Когда 29 Раби II 297 (15 января 910) в Раккаду въезжал Убейдулла, первый халиф из семьи Фатимидов, план потомков персидского глазного врача, замыслившего истребление господства Аббасидов, был уже наполовину выполнен. Высшая власть переходила теперь в Африке от аббасидских арабов к берберам измаилитам. Занятая одновременно карматами в Аравии Лахса стала

сборным пунктом, откуда тайная секта в течение каких-нибудь нескольких лет успела почти отвоевать власть багдадского правительства над Аравией, Сирией и Египтом. А непрестанно повторявшиеся нападения на Ирак открыли дорогу персидским Бундам к воротам самой столицы халифата, ибо тайная организация измаилитов продолжала действовать по-прежнему, раскинув свои сети начиная с западной Африки вглубь Персии, готовая к услугам безразлично каждого врага аббасидов, жаждущего гибели династии. Сколь преступными ни представлялись бы нам деяния этого ужасного семейства, нельзя же допустить, чтобы меймуниды или там фатимиды — как они весьма удачно присвоили себе это имя — готовы были удовольствоваться властью, брошенной им прихотью неслыханного рока, и были бы в состоянии хотя бы на одну секунду уклониться от преследования великого плана своего предка Абдуллы. О политике нового африканского халифа можно составить совершенно неверное понятие, если глядеть на него исключительно как на обыкновенного властелина прибрежного государства, простиравшегося между Баркой и Тангером. Не ради громкого титула и не для того, чтобы легче импонировать суеверным берберам, Фатимиды заставили величать себя халифами по примеру испанских Омейядов, едва ли когда-нибудь мечтавших о покорении всего востока. Титул «повелитель правоверных» заключал в себе для них скорее смысл неизбежно тяжкой необходимости. Неоткуда было им узнать', что меч берберов когда-то разгромил при Каннах римские легионы и чуть не привел на край гибели величайшее государство древности. Но Фатимиды достаточно убедились в остроте лезвия этого меча и поняли, что наемникам Аббасидов и их эмирам не под силу будут эти дикие полчища. На первых же порах созрел у них план создать себе из берберов войско, при помощи которого, а также карматов Бахрейна могли бы они завоевать сначала Египет, а затем и остальные провинции востока. Едва минуло четыре года по вступлении на трон, сам Убейдул-ла предпринимает уже попытку овладеть востоком. И каждый раз, когда у Фатимидов являлась малейшая возможность, попытка возобновлялась и завоевание отчасти совершалось. Да, отчасти. С того самого момента, как хитрые узурпаторы раскинули свою резиденцию у самых врат Аравии, дальнейшее продолжение политики вытес-

* Fournel, Les Berbers, II, 374.

нения династии арабских Аббасидов при помощи кар-матских арабов стало невозможным. Разнузданное, безграничное свободолюбие и хищничество последних обратилось теперь против тех, кто до сих пор умел понуждать их служить своим себялюбивым целям. Результатом этой политики был, во всяком случае, полный разгром багдадского халифата, а вместе с тем и потеря арабами своего первостепенного положения в исламе. Таким образом, история дома Фатимидов вследствие анти-араб-ского направления его целей должна составить в нашем изложении необходимую заключительную главу всего арабского периода ислама, хотя, с другой стороны, семья эта выступает временами и в следующей исторической эпохе ислама.

Цели Фатимидов тяготели, собственно, к востоку: поэтому обращали они внимание на запад не более того, насколько этого требовала самая крайняя необходимость. Они старались прежде всего заручиться содействием самых сильных берберских племен, в особенности Китамы и Санхаджы. Во всем же остальном они поступали осторожно и остерегались углубляться далеко на запад больше, чем это требовалось необходимым обеспечением перевеса названных племен, равно и собственного владычества, — вот в главных чертах правительственная политика Фатимидов. Им никогда и в голову не приходило полнейшее порабощение всего побережья северной Африки, вплоть до Атлантического океана. Иначе трудно понять, каким образом могли они упустить множество случаев, когда возможно было смелым натиском занять округа от Тлемсана до Тангера и вырвать из рук властелинов Испании Омейядов отделенную от них самой природой Цеуту. Даже и это неизбежное закрепление господства Фатимидов над побережьем на восток от Тлемсана потребовало 6 5-летнего напряжения новых халифов, пока не посчастливилось им привести в исполнение давно лелеянные надежды на обладание Египтом. И наконец, весьма возможно, что благополучное решение обеих этих задач им удалось благодаря только особенным условиям, отличавшим резко эту замечательную династию от всех остальных родов исламских властителей. В качестве гроссмейстера тайного союза из-маилитов у каждого Фатймида совесть — если возможно применить это слово к людям, по принципу заботящимся только о своих собственных интересах, — ничем решительно не была ограничена, лишь только дело касалось власти. Ради доброго народа своего, однако, вовсе не посвященного в сокровенные глубины высших степеней нигилистической пропаганды, вынуждены были «имамы» разыгрывать притворно роль настоящих шиитов. Само собой разумеется, что для укрепления власти постановлено было по смерти каждого из халифов предоставить одному только сыну его право престолонаследия. Таким образом, одним взмахом устранены были те пагубные распри из-за престола, которые так сильно поспособствовали гибели Омейядов и Аббасидов. Одно это распоряжение доставило дому Убейдуллы такую внутреннюю крепость, которая могла быть потрясена разве каким-либо из ряду выходящим событием или же целым поколением следующих один за другим неспособных властелинов. Но и при подобном режиме оставалась возможность восстания сына против отца, что и встречалось в истории этого дома, но ко времени упадка династии. Если ко всему этому прибавить еще высокое религиозное значение верховного

главы государства, которое в глазах берберов имело особенную серьезную важность, можно себе представить, сколько преимуществ оказывалось у этого рода по сравнению с Аббасидами, не говоря уже про всех остальных эмиров. Попытки последних стать родоначальниками новых династий рушились обыкновенно при первом неспособном сыне либо внуке. И как ни странно, в сущности, но эти дерзкие узурпаторы, Фатимиды, сумели в течение целых 270 лет удержать за собой и передавать от отца к сыну свою весьма почтенных размеров власть.

Убейдулла аль-Махдий (правил от 297—322=910—934) считал себя призванным осуществить самолично во всем объеме программу своего дома. Не согласовавшиеся никоим образом с разыгрываемой им ролью мирового спасителя первые правительственные его распоряжения возбудили, положим, недоверие даже в некоторых кружках племени Китама, которому исключительно обязан был мах-дий всем своим успехом. Но отдельные восстания, возникавшие среди этого племени, были подавляемы, так же как и многие другие, все тем же неутомимым Абу Абдуллой Ши'ием. Одновременно (297=910) направлены были другие полководцы Убейдуллы против племени Зената, осадившего Тахерт. Враждовавшие с китамитами, они потому и не высказали никакой охоты подчиниться новому главе. Рассеять их не стоило, впрочем, особого труда. Между тем в то самое время, как Абу Абдулла хлопотал о восстановлении порядка в Забе, территории племени китама, между основателем новой династии и его первым заместителем возникли крупные недоразумения, при существующих отношениях неизбежные. Убейдулла желал управлять самовластно, одолевший же и дисциплинировавший племя Китама Ши'ий, состоявший и поныне во главе этого воинственного племени, оказывался для повелителя слишком могущественным. Абу Абдулла со своей стороны находил вполне естественным за заслуги, оказанные им махдию, иметь голос и влияние в управлении новым государством. Он почувствовал себя в высшей степени обиженным, когда халиф как бы намеренно не обращался к нему за советом и выказал, хотя и осторожно, явное стремление умалить всячески и ограничить влияние его личности. Его заставляли, например, тратить время попусту в преследовании незначительных разъединенных банд, препятствовавших окончательному восстановлению порядка в Забе, вместо того чтобы принимать в столице серьезное участие в решении важнейших государственных дел. Происхождение имамата Убейдуллы как духовного звания было ему слишком известно, чтобы могло внушать ему почтение. И он начал постепенно, как рассказывают, искать тесной связи с главами племени китама, чтобы добиться, если понадобится, даже силой, признания своих личных достоинств, в чем ему упорно отказывал неблагодарный властелин. Он упустил из виду беспощадность тайной организа- ции измаилитов, а ее-то и держал твердо в своих руках Убейдулла. Намерения его были переданы халифу. Ни одной минуты не промедлил властелин отделаться поскорее от опасного подчиненного, при помощи нескольких преданных людей из того же самого племени китама. 16 Джу-мада И* 298 (19 февраля 911) Ши'ий вместе со своим братом был умерщвлен неподалеку от Раккады; в тот же самый день, по повелению вероломного властелина, был принесен в жертву также вернейший соратник погибшего — Абу Заки, только что одержавший на пользу махдия решительную победу над взбунтовавшимися в Триполисе берберами. «Тот, повиноваться которому ты нас научил, приказывает умертвить тебя», — ответил один из убийц Абу Абдул-ле, когда Ши'ий умолял его не совершать такого гнусного преступления; лишивший же Абу Заки жизни наместник Триполиса приходился ему родным дядей. Этим разоблачается нагляднее всего та страшная власть над отдельными членами секты, которой пользовался неограниченно глава измаилитов; Убейдулла, как мы видели, ни на минуту не задумался устранить с легким сердцем столь боготворимого апостола Китамы. Параллель, которую мы несколько раньше проводили между этой трагедией и той, которая когда-то разыгралась на востоке между Мансуром и Абу Муслимом, становится поразительной до чрезвычайности. Что же касается нескольких отдельных восстаний среди племени Китама в 298 (911) и 300 (912/3), упоминаемых как последствия насильственной смерти Абу Абдуллы, а также возникших позднее раздоров между этими же берберами и большей частью арабского населения Кайрувана, то в них, надо полагать, принимало участие меньшинство групп этого могущественного племени. Ибо в целом оно продолжало составлять главнейшую опору Убейдуллы и его преемников. Правительство, например, в том же 300 (913) году без малейшего колебания приняло их сторону, когда население Триполиса, притесняемое не-

' По другим известиям, только 1 Зу'ль-Хиджжа (31 июля); ср. Wustenfeld, Fatimiden-Chalifen, с. 44; Фурнель, Les Berbers, II, 106, № 5.

которыми отделами Китамы, взбунтовалось. Против них же вооружилось весьма, понятно, отстаивающее свою независимость племя Зената, кочевавшее вокруг Тахерта. Побежденные несколько раз, они были усмирены окончательно 4 Сафара 299 (1 октября 911), когда непокорный город был взят. Поставленный здесь наместником Масала Ибн Хаббус, глава племени Бену Микнаса, в течение 13 лет строгими мерами поддерживал порядок и до самой смерти доблестно прикрывал на западе тыл махдия. Проникнув со своими микнаситами к Магрибу*, занял он в 308 (920) владения идрисидов. Стремление Убейдуллы по возможности как можно менее навязывать себе хлопот на западе выказалось в данном случае весьма рельефно; положим, управление страной возложено было, в сущности, на одного из старейшин Микнасы, на Мусу Ибн Абу'ль-Афию, но идрисидуЯхье предоставлен был все-таки в

распоряжение город Фец с титулом эмира. Правда, несогласия между обоими последними, возникшие в 309 (921), вызвали необходимость возобновленного вмешательства Масалы и удаления идрисидов. Но мы увидим вскоре, что Фатимиды ничего не имели против продолжения существования династии алидов, лишь бы они держались спокойно. В том же самом 309 (921/2) перебрался Масала через Атлас и занял снова Сиджилмасу, которая в 297 (909) прогнала гарнизон китамитов и впустила берберов Бену Мидрар. Теперь и Убейдулла, защищенный с тыла и совершенно полагавшийся на неусыпность пограничного своего полководца, мог без особенной самонадеянности начать постепенно приводить в исполнение свой излюбленный план завоевания Египта. Довольно неприятного свойства известия пришли из Сицилии в тот самый момент, когда махдий решился приступить к своему великому предприятию. Дело в том, что арабская знать на острове, обитавшая

’ Аль Магриб «Запад», в противоположность Аль Метрику «Востоку», в более обширном смысле обозначает всякую страну на запад от Египта, а в тесном — запад Африки от Заба до океана. Современный Марокко зовется Аль Магриб аль Акса — «крайний запад».

в Палермо, подобно тому как главная квартира берберов расположена была в Джирдженти, не посмела на первых порах (297=910) отказать в повиновении назначенному Фатимидами эмиру. Но вскоре этого человека возненавидели все на острове. В Палермо вспыхнуло восстание (299= 912); оно повторилось в 300 (913) и охватило наконец весь остров. Арабы соединились с берберами для свержения африканского ига и присягнули как независимому эмиру одному всеми уважаемому человеку, Ахмеду Ибн Курхубу. Убейдулла остался, однако, при своем. Ему нежелательно было тратить понапрасну свои силы на походы в Сицилию и на запад. Он махнул рукой на Сицилию, предоставляя ей временно распоряжаться своей судьбой как вздумается. Оттуда издалека он не ждал ни помощи, ни нападения. К концу 300 или началу 301 (913)’ махдий отправил своего 22-летнего сына Абу’ль Касима с войском и флотом, через Триполис, на восток. Без особых затруднений покорена была Барка, также и Александрия (нач. 302=914). В Египте после падения тулунидов долгое время царил страшный беспорядок. Хотя Текин, турецкий наместник аббасида Муктадира, и успел восстановить отчасти порядок в стране, но располагал слишком слабыми силами, чтобы дать настоящий отпор энергическому нападению извне. Таким образом, значительная часть страны на север и запад от Фустата была занята измаилитами, как вдруг Абу’ль Касиму пришло в голову отозвать назад своего подчиненного полководца Хабасу, командовавшего до сих пор передовыми отрядами, и назначить на ответственный пост другого. Взбешенный Хабаса покинул немедленно лагерь в сопровождении толпы всадников и поспешно направился к Магрибу, к своему брату, жившему в Тахерте. Убейдулла распорядился изловить обоих, предупреждая возможность дальнейших козней. Когда обе окровавленные головы легли у его ног, мрачный тиран, как бы озаренный философским наитием, воскликнул:

’Как время, так и вся история этого похода не особенно достоверно расследованы. Fournel, Les Berbers, II, 116.

«Странная превратность судеб! Восток и запад вот этим головам показались тесны, а теперь помещаются обе в этом ящичке!» А между тем потеря руководителя не прошла юному принцу даром. При первом известии о вторжении Фатимидов эмир аль-умара Мунис быстро собрал войско и направил его в Египет. С помощью новоприбывших Текин разбил наголову берберов. Абу’ль Касиму пришлось спасаться с остатками армии. Вскоре и Барка, где он оставил гарнизон, восстала. Китамиты по своему обыкновению и здесь стали обходиться с мирными жителями крайне жестоко. Таким образом, Фатимиды лишились и этого небольшого успеха, остававшегося еще после трудного похода. И из других мест приходили в Раккаду известия не особенно благоприятные: сицилийский эмир, ибн Курхуб, оказался человеком способным и предприимчивым. В угоду багдадскому халифу, не избалованному вообще расположением ближайших эмиров и карматов, он предписал во всей Сицилии чтение молитв за Муктадира вместо мах-дия. Кроме того, в конце 301 (июль 914) эмир снарядил к африканским берегам флот, который, нанеся поражение остававшимся здесь кораблям фатимида, не принимавшим участия в экспедиции египетской, разграбил приморский город Сфакс. Но благоденствие храброго эмира продолжалось недолго. Уже в 300 г. (913) возникли в войске его смуты; всеобщее неудовольствие было вызвано обложением Этны, в уступах которой еще к концу владычества аглабидов засели христиане. Попытка умиротворить их оказалась трудной, пришлось совсем отказаться от предприятия. Некоторое время спустя вследствие претерпен-ного флотом кораблекрушения не удался также хищнический набег на Калабрию, что возбудило среди сицилийских берберов ропот на арабского их предводителя. Не помогло также и то обстоятельство, что в середине 303 г. (начало 916) византийская императрица Зоя, желая обратить все свои силы против болгар, обязалась особым договором платить ибн Курхубу значительную дань. В начале 304 г. (август 916) берберы возмутились, захватили в плен эмира и отправили его к махдию. По повелению Убейдул- лы над ним совершена была жесточайшая казнь. Немедленно же высланы были на остров сильные отряды из племени Китама. По своему обыкновению

принялись они со свирепостью опустошать и грабить; на некоторое время злополучная Сицилия очутилась под владычеством Фати-мидов. Таким образом, получался здесь снова удобный операционный базис для дальнейших опустошительных набегов на южную Италию, предпринятых по приказанию Убейдуллы между 306 и 318 г. (918—930). Производились они большей частью с помощью славянских рабов, которых число как раз к этому времени значительно размножилось во всех мусульманских странах, особенно же на западе, так как дружный натиск на Балканский полуостров славянского мира нисколько не препятствовал сербам, хорватам и другим мелким народностям продолжать вести междоусобные войны и продавать попутно пленных муслимам, быстроходные капера которых, шнырявшие вдоль Адриатического побережья, были как нельзя лучше приспособлены к деятельной торговле невольниками. Мы увидим впоследствии, какую политическую роль суждено было сыграть этим самым славянам в Испании. Фатимиды пользовались ими по преимуществу для вербовки на свои крейсеры матросов: воинственные, алчущие добычи люди были как нельзя более подходящими к этому делу. Наконец подобно тому, как ранее сделал ибн Курхуб, махдий дал понять Византии, что готов заключить мирный договор. Соглашение действительно воспоследовало. Император Роман обязался, само собой, уплачивать дань. Теперь Убейдулла направил свой хищнический флот к берегам Лигурийского моря. Незадолго до своей смерти (начало 322=934) он выслал к Генуе экспедицию, которая опустошила окрестности города, а в следующем году (323=935) произведено было еще большее кровопролитие. Нападение сделано было на самый город, находившийся в то время в цветущем положении. Пострадало мужское население, взята была несметная добыча вместе с тысячами детей и женщин. На возвратном пути много зла причинили пираты Корсике и Сардинии. Возникшие к этому времени некоторые затруднения в царстве Фатимидов положили предел всем этим хищническим набегам.

Но все это были только второстепенные занятия, махдий ни на минуту не упускал из виду своей главной цели. Уже в 304 (916/7) занята была снова Барка, а в 306 (919) направился наследник престола Абу'ль Касим с новым войском, состоявшим из китамитов, других берберов и арабов, на восток. В Сафара 307 (10 июля 919) взята была Александрия и разграблена; вся часть страны на запад от Нила до самого Ушмунейна была покорена. В это время как раз умер наместник аббасидский. Вместо него снова назначен был Текин. Ему удалось одержать победу у Фустата, а одновременно напали на африканский флот у Рашида (Розетта) посланные по распоряжению эмира аль-умара из Тарса корабли. Обливаемые горящей нефтью, корабли фатимидов загорелись и были почти все истреблены (Шавваль 307=февраль—март 920). В том же году, вероятно, по приказанию Убейдуллы, 307 (919/20), карматы произвели нападение на Басру с целью отвлечь сюда силы аббасидов. В Мухарреме 308 (май — июнь 920) вступил сам эмир аль-умара Мунис со свежими войсками в Египет. После прибытия еще нескольких новых отрядов из Ирака войскам халифа удалось в течение 308 (920/1), после целого ряда битв, мало-помалу вытеснить Абу'ль Касима из страны. Но Барка осталась на этот раз за Фатимидами. Из нее принц прибыл обратно в столицу I Раджаба 309 (5 ноября 921).

Резиденция переместилась к этому времени на другое место. На востоке новая династия неохотно вообще остается в местопребывании своих предшественников. Жители старинной столицы продолжают весьма упорно сохранять верность низвергнутой династии. Аббасиды основали Багдад, Аглабиды — Раккаду, по примеру их Убейдулла заложил в 300 или 303 (912/3 или 915/6) невдалеке отТап-суса аль-Махдию — «город махдия». В 308 (920/1) властелин мог уже переселиться во вновь отстроенный город. Расположенная на берегу моря, новая столица была самым подходящим местом для пребывания повелителя, коего все внимание устремлено было одновременно на Сици- лию и Египет. Положим, на десяток с лишним лет пришлось пока оставить помышления о вторжении в Египет. Убейдулла пришел к убеждению, что необходимо несколько выждать и дать окрепнуть молодому его государству. Поэтому все следующие годы старается он занять свои эскадры хищническими морскими набегами и приумножить награбленными богатствами казну свою. Тем временем, однако, Масала позаботился об усилении могущества Фатимидов на западе, о чем было отчасти упоминаемо нами и выше. Но как добросовестно ни исполнял свою обязанность в этом направлении глава микнаситов, оставалось еще достаточно элементов, могущих в искусных руках сделаться опасным оружием против самого же махдия. Обо всем этом повелитель своевременно получил довольно подробные сведения; так что, когда Масала пал в 312 (924) во время похода против вечно беспокойного племени Зената, приняты были немедленно же меры к возможному замещению в другом пункте потери личного влияния умершего полководца. С этой поры на западной окраине Заба воздвигнута была новая крепость Мухаммедия (ныне Мсила). Она стала главной квартирой наместника Магриба, а на место Масалы назначен был один из его подчиненных, ибн Абу'ль Афия. И действительно, можно было, по-видимому, смело положиться также и на этого старейшину микнаситов. В 313 (925) один из идрисидов взбунтовался в Феце. В короткий срок он набрал столько приверженцев, что в одном сражении даже осилил наместника. Но этот последний уже в 314 (926), положим, при посредстве измены успел снова овладеть взбунтовавшимся городом и умертвил опасного соперника. Когда же поход наследника престола, Абу'ль Касима, предпринятый через некоторую часть запада (315/6 = 927/8), не принес особенно выдающихся результатов, ибн Абу'ль Афия сумел до 319 (931) завладеть всем Магрибом, за исключением одной Цеуты, где засела кучка идрисидов. Именно это новое положение, казалось бы, столь

благоприятное для Фатимидов, должно было в последние годы владычества Убей-дуллы привести к довольно нежелательным осложнениям.

Могущественный Абдуррахман III, первый кордовский халиф в Испании, не мог спокойно глядеть на то, что у самых врат его государства вместо беспорядочной горсточки подданных бессильного идрисидского владеньица расположился влиятельный представитель высокопарящего рода, обладающий притом характером самым беспощадным. Уже при первом появлении Фатимидов недоверчиво следил Абдуррахман за происходившим здесь. Он помог в 305 (917/8) одному маленькому владетельному князьку Наку-ра, прогнанному было Масалой, снова отвоевать родной свой город, а в 314 (926) войска омейяда заняли даже крепость Мелиллу, как известно, и до сих пор главный форпост испанцев в Африке. Теперь же, когда успехи Ибн Абу'ль Афин в Магрибе становились все грозней, Абдуррахман послал, недолго думая, гарнизон в Цеуту и выгнал оттуда идрисидов. Ибн Абу'ль Афия не питал особенной личной привязанности к Фатимидам. Могущественный властелин Испании, могший в каждое мгновение высадить в Цеуте большое войско, внушал ему гораздо более уважения, чем махдий, находящийся почти в 200 немецких милях от Феца. И вот в 319 (931) полководец становится в ленные отношения к омейяду. Наместник Тахерта, положим, нанес изменнику поражение, и временно предатель должен был даже покинуть Фец (321=933); но победоносное войско Фатимидов слишком рано очистило Магриб; уже в 323 (935) Ибн Абу'ль Афия становится снова господином на западе. Все эти события не были, однако, такого сорта, чтобы серьезно тревожить двор махдия. Но со смертью Убейдуллы это изменилось.

Ночью 14 Раби I 322 (3/4 марта 934) бывший глава тайной секты, ставший сразу властелином большого государства, испустил последний свой вздох. Кривыми путями, бессовестным применением самых ужасных средств вскарабкался он на престол. Нельзя, впрочем, отрицать, что махдий доблестно продержался на этой головокружительной высоте благодаря только своим громадным способностям, энергии и... вероломству. Спрашивалось, переживет ли сотворенное им государство кончину своего основателя, ибо как ни верен вообще расчет на глупость и суеверие толпы, тот, кто прозревает на этом свете следы высшего порядка, может с некоторого рода само-удовлетворением подмечать, что в расчетах, упомянутых выше, попадаются зачастую и порядочные прорехи. Убей-дулла пользовался успехом в качестве махдия, т. е. спасителя; призванием его было положить конец безбожному и основать на земле царство Божие. Так продолжалось при его жизни — а, будучи махдием, он не мог умереть — и следовало с упованием ждать в будущем исполнения им обещанного. Теперь же скончался тот, который выступил с подобными претензиями, им, однако, не осуществленными. С течением времени Фатимиды постарались, разумеется, выпутаться и устранить вопиющее противоречие, переформировав постепенно основной свой догмат. По измененному толкованию, нужно еще ждать последнего натика, настоящего махдия. А в данную минуту нельзя было и удивляться, что немедленно же в 322 (934) появился в Триполисе «ложный» махдий, а в 323 (935), вскоре после отправленной в Геную второй экспедиции, кроме ибн Абу'ль Афин в Феце, весь Тахерт сразу охвачен был восстанием. Аль-Каим би-амр-илла «следующий Божиим велениям» — такой титул принял сын и наследник Убейдуллы, Абу'ль Касим; надо же было, понятно, вступить в конкуренцию с Аббасидами по вычурным прозвищам. Если понимать слово «Каим» в первоначальном его значении «стоящий», в таком случае новый властелин вполне заслужил свой титул. Ибо выдержке этого хотя и не всегда счастливого, но храброго и стойкого воина (управлял с 322— 334=934—946) обязан африканский халифат своим сохранением. В самом начале, впрочем, обстоятельства не казались особенно страшными. Хотя полководец Кайма, Мейсур, осаждал с 323 (935) безуспешно в Феце Абу'ль Афию, но вскоре в 324 (936), завязав искусно переговоры с жителями этого большого города, он довел предприятие до недурного конца, поставив осажденного полководца в безвыходное положение. С оставшимся ему верным войском ибн Абу'ль Афия не мог уже сладить с Мейсуром. Разбитый наголову, принужден был он бежать за Атласский хребет в пустыню. И позже старался он тайком злоумышлять в разных местах против Фатимидов, но вскоре скончался в 327 (938/9). Владения его переданы были весьма благоразумно идрисидам (325=937), имевшим еще множество приверженцев в Магрибе, а со времени занятия Сеуты испанскими войсками успевшим поссориться с Омейядами. На возвратном пути от Феца Мейсур снова покорил Тахерт (324=936). И до такой степени Каим уверился в своих берберах, что предпринял третий поход в Египет, назначив начальником экспедиционного корпуса вольноотпущенника Зейдана. Положение дел действительно было таково, что предвещало, по-видимому, быстрый успех предприятию. Непрекращавшиеся потрясения, причиняемые борьбой с карматами, и пагубные распорядки эмиратства привели халифат при ничтожном Мук-тадире на край гибели. Но после долгой борьбы теперь именно достиг Мухаммед, сын Тугжда, наместничества в Сирии и Египте. Это был совершенно иного закала человек, чем все его предшественники. Поэтому едва только Зейдан временно занял Александрию, немедленно же далеко превосходящий его воинским дарованием противник заставил фатимидского полководца снова очистить город и тотчас же начать полное отступление. Каим решился собрать большие полчища, направить их снова против Мухаммеда, называвшегося с 327 (939) года Их-шидом. К счастью фатимида, готовая уже к выступлению армия еще не успела двинуться в свой дальний поход, как над головой властелина внезапно разразилась страшная буря, долгое время собиравшаяся среди полного зашитья. Абу Язид Махлад из племени Зената придерживался подобно многим другим берберам старинного учения хари-

джитов. Еще при Убейдулле начал он свою проповедь против махдия в непроходимых ущельях гор Аурас; здесь проживало к тому же множество хариджитов. Успех его пропаганды возрос значительно со смертью старого властелина, как бы подтверждавшей злобные выходки проповедника против обманщика. Благоприятствовало ему также немало вспыхнувшее в 325 (937) восстание в Сицилии, возбужденное самоволием и жестокостью тамошнего наместника Салима Ибн Рашида. Посланный туда Каи-мом Халиль Ибн Исхак, несмотря на свою непреклонную беспощадность, успел потушить бунт лишь после трехлетней ожесточенной борьбы, пролив целые потоки крови. Ужасы расправы затронули даже чересчур крепкие нервы арабских историков, отзывавшихся о них с содроганием (329=940). Вслед затем созрел и заговор в Африке. В 332 (943/4) Абу Язид спустился наконец с гор вместе с племенами аурас. К полчищам его примыкали всюду недовольные и сбитые с толку берберы; все это широкой волной хлынуло на восточные провинции. «Человек на осле», так прозвали начальника возмутившихся по его неизменному верховому животному, имел 60 лет от роду. Долгая и исполненная опасностей жизнь заговорщика сделала его отчаяннейшим фанатиком. Его приказания, дышавшие и без того презрением ко всему, что считается гуманным, приводились в исполнение дикими кабилами с жестокостью, превосходившей, быть может, даже самые намерения предводителя. Он направился по прямому пути к месту пребывания халифа. Бунтовщики взяли Аль-Урбус*, Беджу, Тунис и разорили их дотла, дико свирепствуя. Чувствительное поражение, нанесенное мятежным полчищам войсками халифа, заставило предводителя их повернуть на юг. На этот раз подверглась ужаснейшему опустошению (333=944) Раккада и Кайруван. Ставший было наперерез Мейсур, между Раккадой и Махдией, был разбит мятежниками и пал в сражении. Взята была затем Су-са, над которой разразились все те же неистовства, и осажден был сам Каим в Махдии. Обложение города продолжалось почти круглый год. Халиф и гарнизон города, из племени Китама, с величайшей стойкостью отражали бешеные нападения осаждающих. Долгое время посланцы повелителя тщетно взывали о помощи у продолжав-

* Испорченное «из Ларибус» древних, имеющее, в свою очередь, финикийское происхождение.

ших преспокойно кочевать в Забе китамитов и проживавших в нынешнем Алжире групп племени Санхаджа. Даже и среди этих племен смерть махдия поколебала, надо полагать, прежнюю их веру. Наконец китамиты пришли в движение по собственному побуждению, но были разбиты при Константине; зато удалось одному из старшин Санхаджа, Зири, доставить в город целый обоз с провиантом. Город был спасен. Между тем вокруг все было давно уже разорено, с каждым днем труднее добывалось пропитание, осаждающие начинали выказывать нетерпение. Абу Язид делался, несмотря на это, все заносчивее, а берберы нетерпеливее. Одно племя за другим покидало его; пришлось поневоле в начале 334 (945) снять осаду. Но конца восстания еще не предвиделось. Абу Язид сразу же изменил свое обращение с берберами; новые подкрепления открыли ему возможность еще раз перейти в наступление, но благоприятный момент был уже упущен мятежниками. Напиравшее с запада ополчение китамитов хотя еще раз понесло поражение, однако войска халифа постепенно стали одерживать верх. Собравшись в последний раз с силами, набросились шайки бунтовщиков на Сусу, защиту которой взял на себя и на этот раз Каим. Халиф скончался во время осады 13 Шавваля 334 (18 мая 946) лишь 54 или 55 лет от роду, истощенный чрезмерным напряжением последних лет. В сыне его и наследнике, Абу Тахире Изма'иле (334—341=946—953), счастливо соединялись выдающиеся воинские доблести и энергия вместе с кротостью, свойством, весьма редко встречавшимся в этом страшном роде. И это самое качество души делало его более всякого другого способным завершить тяжкую междоусобицу. Чтобы не уронить дух в войсках, он скрыл прежде всего смерть отца. В одной удачной вылазке ему посчастливилось разбить Абу Язида и принудить его поспешно отступить. С этой поры опасный мятеж стал быстро затихать. Масса приверженцев покинула предводителя бунта, Кайруван запер перед ним ворота. Следовавший за ним по пятам Изма'ил сумел — где ласковостью, где снисходительностью — расположить в свою пользу запу- ганное население. Попытка Абу Язида коварно нарушить только что наступившее было по взаимному соглашению перемирие и одержать новую победу не привела ни к каким результатам благодаря присутствию духа и личной отваге фатимида. Противнику пришлось поневоле спасаться в конце концов на запад. До самого начала 336 (середина 947) упрямый фанатик все еще пытался возбуждать новые волнения и отчаянно отбивался от преследующих его. Окруженный наконец в последнем своем убежище в горах, он был смертельно ранен. Погибелью главаря мятежа закончилась эта грандиозная четырехлетняя борьба. Омейяд Абдуррахман не преминул, конечно, воспользоваться стесненным положением своего опасного соперника. Один из надежнейших его генералов, Ибн Томлос, переплыл нарочно Гибралтар, с тем чтобы возбудить восстание среди племени Зената, кочующего вокруг Тахерта. Но стоило только Изма'илу после одержанных им побед двинуться на запад, и возмутившееся племя поспешило ему навстречу с изъявлениями покорности. Возвратившись назад в Кайруван, фатимид объявил о смерти отца своего, официально принял сан властелина, а вместе с ним, и по всей справедливости, титул Аль-Мансур «Победоносный». Магриб, впрочем, продолжал по-прежнему волноваться. Идрисиды, державшие до сих пор сторону Фатимидов, последовали старинному личному влечению и

подчинились снова Абдуррахману (337=948/9); отложились немедленно же и Зената вокруг Тахерта. Но испанский халиф потребовал от идрисидов еще большего, сильно стеснявшего их повиновения, а одним из родов племени зената перешел на сторону Мансура и обманул своих же земляков, так что и здесь в общем не предстояло опасных усложнений. После подавления большого мятежа и продолжавшихся некоторое время все еще смут наступил наконец и в Сицилии покой. Посланный Мансу-ром к концу 336 или началу 337 (948) Хасан Ибн Алий, араб кельбит, обладавший редким благоразумием и твердостью, вскоре заслужил всеобщее уважение, каким едва ли кто пользовался до него со времени покорения острова. Освободив фатимида от всяких забот по управлению этим неудобным владением, эмир стал в сущности независимым властелином Сицилии.

Правление Мансура пресеклось неожиданно. Простудившись случайно, он скончался 28 Шавваля 341 (18 марта 953). При сыне его Абу Темиме Ма'адде, прозванном Аль-Муътззом (правил 341—365=953—975), горизонт на западе в начале царствования, казалось, затянуло мрачными тучами. Непостоянные зенаты Тахерта перешли было сперва на сторону фатимидов, когда им не понравились некоторые новые распоряжения омейяда Абдуррахмана. Но могучий властелин как раз в эту пору, казалось, задумывал серьезное нападение на самое средоточие африканского халифата. На одном из судов Муъгзза, захваченном испанскими крейсерами, найдены были документы, изобличавшие неприязненные намерения фатимида. И вот, когда по повелению своего сюзерена сицилийский эмир Хасан приказал своему флоту сделать набег на окрестности Альмерии, Абдуррахман ответил немедленно подобной же хищнической высадкой у Сусы (345=956/7), а вслед за тем стал готовиться к формальному нашествию на Африку. Но Муъиззу положительно повезло. Как раз к этому самому времени возникла у халифа кордов-ского серьезная война с испанскими христианами, поглотившая все его военные силы на полуострове. Лучшего случая едва ли можно было дождаться когда-либо для успешного действия на западе. Итак, в 347 (958) выступил в поход с большим войском, состоявшим из китамитов и зенатов, Джаухар вольноотпущенник, один из самых замечательных фатимидских полководцев. С ним вместе двинулся и Зири, предводительствовавший отделами Санхаджи. Этот достойный старейшина, со времени оказанной им так удачно помощи осажденным в Махдии, оставался неизменно одним из ревностнейших приверженцев халифа. И в данную минуту он завершил блестящий и энергичный поход Джаухара к самому океану штурмом и взятием Феца (348=959). Таким образом завоеван был весь Магриб, за исключением Тангера и Цеуты. Вскоре затем скончался омейяд Абдуррахман. Равно доблестный его преемник Хакам II распорядился, поло- жим, об укреплении в 351 (962) Цеуты, но не мог помешать второму походу Джаухара в Магриб. Экспедиция продолжалась почти два года (355—357 или 356—358=965/6—967/8). Теперь М/ызз мог окончательно не страшиться ничего с этой стороны и снова стал помышлять о возобновлении заброшенного на целые 30 лет плана завоевания Египта.

На долю Ихшида выпало в Египте то же самое, что случилось некогда с Ахмедом Ибн Тулуном: у него также не нашлось ни одного достойного преемника. Порядок поддерживался еще кое-как, пока жив был его вольноотпущенник и бывший помощник, Кафур. После кончины властелина 21 Зу'ль Хиджжы 334 (24 июля 946) этот опытный администратор держал в полной зависимости юного сына скончавшегося наместника, а под конец даже сам стал разыгрывать из себя наместника. Когда же и он скончался (357=968), а эмиры избрали своим сюзереном 11-летнего внука Ихшида, в Египте и Сирии снова начались всевозможного рода беспорядки. Случилось так, что визирь несовершеннолетнего властелина обидел одного принявшего ислам еврея, Я'куба Ибн Киллиса, некогда занимавшего в стране высокую должность. Еврей бежал к Муъиззу и порассказал ему многое, что могло иметь немаловажное значение для задуманного еще раньше похода в Египет. Почти было излишне назначать такого знаменитого генерала, каким был Джаухар, главнокомандующий этого четвертого похода, окончившегося полным успехом нападения на Фу-стат. Как только дошло сюда известие о приближении фа-тимидских войск, выступивших из столицы 14 Раби 1358 (5 февраля 969) и успевших уже достигнуть Барки 18 Раджеба (7 июня), египетская знать выслала, недолго думая, навстречу Джаухару послов, поручив им изъявить полную их готовность подчиниться. Конечно, ближайшие приверженцы ихшидов попробовали сопротивляться, за ними последовало немного солдат. У Гизе' берберы почти шутя

' Пишут и Гизех; местечко вблизи знаменитых пирамид. — Собственно: Д ж и з е, но арабская буква д ж и м произносится в Египте как «г». — *Примеч. ред.*

прорвали 11 Шабана (30 июня) ряды неприятельские, а 17 Шабана 358 (6 июля 969) Джаухар уже вступал в город Амра Ибн Аль-Аса (т. I). Свой лагерь полководец разбил на том самом месте, где теперь стоит Каир. Следуя примеру первого мусульманского завоевателя, он тотчас же приказал возвести на этом самом месте необходимые сооружения для будущей новой столицы. Дано было ей наименование Аль-Кахира «Победный город»; позднее звали ее обыкновенно Аль-Кахират Аль Муъиззия «Каир Муъизза». Ныне полное имя города Маср* Аль-Кахира, более же употребительное — Маср. Так назван он, следуя древнейшему обозначению страны, семитскими соседями. Фустат остался существовать рядом с ним и переименован в Старый Каир.

С не покидавшей никогда этого полководца энергией Джаухар и не думал опочить на лаврах. Оставшись пока сам в Каире, он выслал большую часть войска на север. Во время паломничества 358 (969) фатимидские солдаты успели уже взять на себя охрану священных обрядов в Мекке, при этом в

молитвословиях заставляли богомольцев упоминать имя Муъызза. Одновременно начато было наступление на Сирию под предводительством Джа'фара Ибн Феллаха, китамита по происхождению. Здесь предстояло еще победить племянника ихшида, Хасана Ибн Убейдуллу. Он только что двинулся с войском по направлению к Египту. У Рамлы в Палестине столкнулись обе армии. Хасан был разбит и взят в плен. Затем в следующем году (359=969/70) занят был Дамаск. Вечно неугомонные берберы враждовали некоторое время с горожанами, но к концу 359 (970) наступило наконец спокойствие. Джа'фар, по-видимому, не двигался дальше Дамаска. Химс принадлежал ко владениям хамданида Са'д ад-даулы, втянутого в ожесточенную борьбу со своими непокорными эмирами и с плотно засевшими в Антиохии византийцами. Впутываться в эту страшно сложную борьбу было, конечно, неблагоразумно, прежде чем не наступило в Сирии и Египте полное спокойствие, и, наконец, фатимидов

' Первоначально Миср (по-еврейски Мисраим).

стесняло нечто очень важное, вскоре давшее о себе знать, и весьма ощутимо. В этот самый момент именно возникли несогласия между Фатимидами и их бывшими приверженцами, карматами. Припомним себе, что со времени кончины Абу Тахира своеобразный государственный строй в Бахрейне почти предоставлен был самому себе, ибо как раз в это время (332=944) вследствие восстания Абу Язида Каим очутился в крайне стесненном положении. Тем временем, за отсутствием главы, назначаемого Фатимидами, карматы выбрали из своей среды совет правления и он беспрепятственно распоряжался всеми государственными делами до тех пор, пока Муъызз не выслал Джаухара для завоевания Египта. В случае успеха карматы становились в непосредственном соседстве, и при дальнейшем расширении власти Фатимидов на Сирию наступала необходимость в содействии арабских измаи-литов. Вот главные побудительные причины, почему Муъызз решился поставить во главе их нового дай, на которого мог бы твердо рассчитывать. Организация измаи-литов по-прежнему сохранилась во всей своей старинной неприкосновенности. Властелин имел все данные, чтобы опереться на гибкую покорность этого элемента, так как еще в 339 (951) повеление Мансура о возвращении в Мекку обратно черного камня было исполнено с пунктуальной точностью. Но в расчеты закралась маленькая ошибка. Рядом со строго измаилитским направлением в течение 25-летней независимости укоренилось между обитателями Лахсы и иное, в котором выразилось древнее арабское свободолюбие. Таким образом, когда назначен был Муъиззом главой карматов Сабур, внук первого дай, Абу Са'ида, многие другие члены семьи и совета управления воспротивились введению вновь среди них единовластия. На их стороне оказалось большинство. Сабура умертвили (конец 358=969). Возник, положим, через это раскол в общине, долженствовавший впоследствии ослабить могущество карматизма, но пока еще не была сломлена их воинская мощь, а она-то и находилась всецело в руках отныне восстановленного против Фатимидов совета управления. Чтобы несогласие превратилось в открытую неприязнь, недоставало только материального опорного пункта, и таковым стало завоевание Сирии. Подобно большинству эмиров, находившихся в сфере влияния государства Лахсы, также и ихшид Хасан ибн Убей-дулла откупался от карматов значительной данью для ограждения спокойствия в сирийской провинции. С занятием Джа'фаром ибн Феллахом Сирии подать эта неизбежно прекращалась. Между тем кичливые арабы Бахрейна вовсе и не помышляли упустить из рук столь значительный доход. Совет управления распорядился тотчас же о восстановлении в Мекке в 359 (970) молитвословий за аббасидского халифа Мути', а одновременно выправил посольство в Багдад с предложением к султану буидскому Бахтьяру заключить союз против фатимидов. Хотя бунды и были шиитами, но они верили нисколько не более али-дов в подлинность полномочий Убейдуллы и его потомков. К тому же Бахтьяру предстояло достаточно забот оборонять свою власть над Ираком против посягательств честолюбивых членов своей собственной семьи. Поэтому становилось в высшей степени опасным для него, когда в Сирии, а может быть, вскоре и в Месопотамии укрепится, вместо ставших совершенно не страшными хамданидов и ихшидов, династия равно могучая, как и беспощадная. С величайшей охотой обещал бунд карматам просимую ими поддержку деньгами и оружием. И вот к концу 360 (971) двинулось сильное войско из Аравии под предводительством Хасана аль-А'сама и потянулось вдоль линии Евфрата в область Дамаска. Кичась своими недавними победами, Джа'фар Ибн Феллах отнесся слишком презрительно к нападению разбойников пустыни и до того опрометчиво действовал, что погиб вместе со всем своим отрядом (6 Зу'ль Кады 360=31 августа 971). Бедуины овладели городом, распорядились здесь о провозглашении имени Мути' с церковной кафедры и потянулись далее на юг. Прозорливый Джаухар поступил гораздо осмотрительнее своего легковерного подчиненного; при первом известии о наступлении карматов он выслал немедленно вспомогательные войска в Сирию. Отряд был слишком слаб, чтобы загородить дорогу неприятелю, он укрылся за стенами Яффы, а дорога в Египет очистилась. Между тем А'сам некоторое время тщетно пытался овладеть Яффой. Затем двинулся дальше вперед, оставив вокруг крепости наблюдательный корпус. Внезапным натиском кармат овладел пограничной крепостью Кулзум (ныне Суэц), а к началу 361 (октябрь—ноябрь 971) был уже в нескольких милях от Каира. Джаухар держался некоторое время в выжидательном положении и пытался завязать

сношения с подчиненными А'сама: нашлись, вероятно, некоторые из-маилиты, готовые подчиниться велениям фатимидов, а также и бедуины, падкие к звонкой монете. Произошло, во всяком случае, так, что после борьбы, продолжавшейся несколько дней подряд, 3 Раби I (24 декабря 971) карматы были наконец побеждены и принуждены очистить Египет. Войскам Джаухара удалось также освободить гарнизон Яффы, но идти дальше на Дамаск оказалось пока невозможным. Наоборот, главнокомандующий приказал отступить всем остающимся в Палестине отрядам, как только узнал, что А'сам нисколько не упал духом после своего поражения. И действительно, карматы пододвинулись снова к самой Рамле, стягивая все новые подкрепления из Аравии. На этот раз они напрягали, казалось, все свои силы, чтобы отомстить за свое поражение. Им необходимо было, конечно, позаботиться о восстановлении своего влияния как вне, так и внутри Аравии. Джаухар стал все более и более ощущать всю тягость возложенной на него ответственности. Им отправлялись послы за послами с настоятельным приглашением к Муъиззу пожаловать в Египет самому лично, что, впрочем, как раз соответствовало вообще и целям политики Фатимидов.

Момент, конечно, был выбран во многих отношениях весьма неудобный. Передвижение войска, большей частью состоявшего из китамитов-берберов, в Египет послужило для заклятых неприятелей Фатимидов, вечно волновавшихся зенатов в центральном Магрибе сигналом к новым восстаниям (970/1). К счастью Муъизза, имелись теперь в лице Зири и его санхаджитов надежные помощники. Положим, этот старейшина пал в одной из многочисленных стычек, происходивших при подавлении возмущения (360=971). Но сыну его Болуккину удалось наконец в течение 361 (971/2) вытеснить зенатов из прежних их кочевьев и прогнать за Атлас к Сиджильмасе и тем окончательно умиротворить весь запад. Так что в настоящее время одна только Цеута, занятая испанскими войсками, оставалась вне влияния Фатимидов. Далее не находили повода сопротивляться и идрисиды около Тангера: они признали тоже главенство Муъизза, навлекши зато, конечно, на себя гнев Омейядов. Храбро отразили они в 302 (972/3) первое нападение, сделанное на них испанскими войсками, но в 364 (974) их забрали в полон и отвели в Кордову. Последние события произошли, впрочем, несколько лет спустя, но по всему тому, что можно было предположить на основании прошлого, едва ли мог Муъизз сомневаться в том, что будет трудненько из Египта держать берберов в полной зависимости. И тем не менее властелин последовал призыву своего военачальника. Действительно, стоило потрудиться над восстановлением сильно пошатнувшейся гегемонии над измаилитами, а вместе и над дальнейшим подтачиванием халифата Абба-сидов. Оставалось решить, в чьи надежные и крепкие руки передать управление западной Африкой, чтобы не угрожала отсюда никогда Фатимидам та же участь, какую они сами уготовили прежним властелинам Египта. Центр тяжести китамитов — берберов, переселившихся большей частью в Каир, переместился теперь также во вновь приобретенную провинцию. Из остальных племен самыми сильными были санхаджиты, а их предводитель Болуккин оказал правительству, так же как и покойный его отец, весьма значительные услуги. Муъизз наметил его своим будущим наместником. Сначала передал он ему округа Магриба до малого Сирта, а позже, когда Фатимидам пришлось все серьезнее впутываться в распри из-за Сирии, передан был ему также и Триполис. Подобно тому, как в Сицилии, и здесь сан наместника переходил от отца к сы- ну, причем в Каире обыкновенно требовалось лишь формальное признание ленных отношений. Таким образом, с Болуккина начинается первая берберская династия Зири-дов. Историей ее мы займемся более подробно в последнем отделе этого сочинения.

22 Зуль Хиджжы 361 (4 октября 972) вручил халиф Бо-луккину управление страной, а 10 Раби I 362 (19 декабря 972) покинул навсегда Кабис (Габес), последний большой город провинции «Африка». 23 или 25 Шабана (29, 31 мая 973) вступил властелин в Александрию, 2 Рамадана (6 июня) в Гизе, а 5 (9) того же месяца* торжественно въезжал в «Каир Муъизза». По всей справедливости мог он остаться довольным тем, что успел соорудить в новом городе Джаухар. Кроме необходимых зданий для войска и администрации, при-сгуплено было к постройке большой мечети. Была это аль-Азхар «Блистательная», которая и поныне, несмотря на простоту своей постройки, считается за одну из величайших достопримечательностей ислама, ибо преемник Муъизза, аль-Азиз, обратил ее в 378 (988/9) в училище для приготовления духовных и судей. И по сие время сохранила она прежнее свое воспитательное назначение, а благодаря большому влиянию каирских ученых на мухаммедан, живущих на востоке, представляет из себя, как и прежде, главную арену выработки исламского гения. Первоначально, конечно, служила она, подобно захваченной Джаухаром 15 Раби II 359 (25 февраля 970) тулунидской мечети Фуста-та, местом совершения богослужения по шиитским обрядам, введенным здесь, конечно, как это было и раньше в западной Африке, и признанным за государственную религию. Нельзя сказать, чтобы воспрещалось отныне суннитское исповедание: требовалось только совершение его негласно, не задевая высшего религиозного чувства победителей. Но все же на приверженцев старинной ортодоксии и офицеры, и чиновники, особенно берберы, смотрели косо. Во всяком случае, шиитизм не привился прочно в стране, сплошь населенной суннитами. Несмотря на то что Египет

*По другим известиям, 7 или 8 Рамадана=11 или 12 июня.

находился под владычеством Фатимидов более 200 лет, и в настоящее время в Каире число шиитов столь же незначительно, как и до прибытия Джаухера. Поэтому новое правление в глазах населения считалось непопулярным по религиозным причинам, а влиятельная роль, которую разыгрывали берберы, делало его и чуждым. Но Египет вовсе не был избалованной страной. Участь коптов оставалась неизменной при любом правлении. Они почитали себя счастливыми, если могли исполнять свою барщину, по крайней мере не подвергаясь побоям, не замучиваемые до смерти. Горожане считались арабами, но и здесь, как и везде, потеряли свой старинный воинский закал. Из бесконечных междоусобных войн, возникавших между эмирами и турецкой солдатчиной, вынесли они глубокое влечение ко внешнему покою. Невзирая на случайные драки со слишком ревностными шиитами, они и не думали подымать шума, лишь бы им не препятствовали спокойно заниматься ремеслами и торговлей. Зато, конечно, мало из них попадалось годных и охочих служить в войске халифа. Так же, как и теперь, бедуинов было немного, за исключением разве каменной пустыни между Нилом и Красным морем. И на них, засевших в недоступных своих закоулках, правительство вообще не рассчитывало. Все же нисколько не удивительно, что при Фатимидах, так же как и во время короткого управления Ибн-Тулуна, плодоносная со своим трудолюбивым населением страна стала быстро процветать. Несмотря на свою довольно незначительную территорию', произвела она массу ценностей как для себя, так и для своего повелителя, и дала династии полную возможность распространить свое влияние далеко за пределы государства. Довольно непрочными, конечно, оставались всегда владения, приобретаемые в Сирии и Аравии. Неустранимое физическое условие, не без основания не понравившееся еще первому Омару, —

* Кроме узкой полосы нильский долины годны в Египте к обработке, как известно, только Дельта и так называемый Фаюм (оазис Меридо-ва озера). Все это в совокупности составляет 554 кв. мили, несколько менее, чем пространство, занимаемое Бельгией (Ad Erman. Aegypten und agyptisches Leben in Alternum. Tubingen, 1885, c. 31).

соединяющий Египет с Азией узкий Суэцкий перешеек, которому постоянно угрожала опасность, — сильно затрудняло решительные действия в соседних провинциях и даже способствовало попыткам византийцев, равно как и некоторых месопотамских и арабских властелинов, оттеснять египетских халифов даже к самому Нилу.

Именно это самое успели уже испытать Фатимиды тотчас же после первого занятия Сирии и последовавшего за ним нападения карматов, что и было ближайшим поводом к переселению Му'ызза в Каир. И действительно, в 363 (974) повторилось ожидаемое новое нашествие карматов. Предпринято было оно, соответственно продолжительной подготовке, с громадными силами, далеко превышавшими численность войск Му'ызза. Поэтому, хотя берберы по своему обыкновению дрались хорошо и даже, как говорят, имели в первой битве некоторый перевес, халиф счел за лучшее не ставить все на карту в генеральном сражении и укрылся за стенами столицы. Он попробовал возобновить прежнюю игру, так счастливо удавшуюся Джаухару три года тому назад. За порядочную сумму Му"ызз успел убедить бедуинов из племени Тай, подошедших к карматам в виде подкрепления, изменить своим товарищам. И действительно, когда берберы бросились на осаждающих', предатели попросту обратились в бегство. Остальные приведены были в расстройство, не ожидая ничего подобного; невзирая на выказанные предводителем А'самом и его свитой чудеса

* Приводимые Вюстенфельдом хронологические данные в его Geschichte der Fatimiden-Chalifen на с. 121, по которым вторжение А'са-ма в Египет произошло лишь в Шабане, а решительное сражение после 1 Рамадана, не согласуются с дальнейшим изложением (с. 124). В нем рассказывается, что войска фатимидские медленно следовали за бегущими карматами, а подступили к Дамаску уже 23 Рамадана. Еще менее достоверности в том, будто бы военачальник карматов Абу'ль Мунадж-жа участвовал в начале того же месяца в сражении при Каире, а затем уже к 10 успел вернуться в Дамаск (с. 122, 124). Находившиеся у меня под рукой тексты не дали мне возможности подыскать настоящие даты. Быть может, главное противоречие разрешается просто тем, что Абу'ль Мунаджжа вовсе не был откомандирован от бегущего войска, а преспокойно оставался с самого начала в Сирии.

храбрости, Фатимиды одержали полную победу. Прежде чем успели остатки рассеянного войска достигнуть Лахсы, владычеству карматов и в Сирии положен был нежданный конец. Дело в том, что оба предводителя остававшихся здесь отрядов, быть может ранее еще катастрофы в Египте, поссорились. Этим воспользовался направлявшийся на север египетский полководец. Он сошелся с тем из поссорившихся, которому вообще главенство карматов было ненавистно. Противник был разбит и взят в плен, а Дамаск снова подчинился берберам. По своему обычаю они стали преследовать и обижать горожан. Доведенные до крайности, жители схватились за оружие, началась жестокая резня, дрались все. Бунт был потушен в середине 364 (975), когда явился из Египта со свежими войсками Райян, евнух халифа. Вслед за тем (364=975) напали на город полчища турецких наемников под предводительством Афтекина, одного из подчиненных бунда Бахтьяра, только что поссорившегося со своим властелином в Ираке. Разыскивая для себя какое-нибудь независимое княжество, он прогнал из Дамаска египетского военачальника. Немедленно же стали снова провозглашать здесь на богослужении имя аббасидского халифа Таи'. А чтобы хотя отчасти оградить себя от предполагаемых со стороны Египта нападений, Афтекин заключил союз с византийцами. В это время грекам удалось оттеснить один из фатимидских отрядов, выдвинувшийся было к самому Триполису, и нанести ему поражение при Бейруте. И не только это

место, но и Сайда (Сидон) были ими заняты, а вместе с ними и все побережье на одной параллели с Дамаском. Но византийцы не посмели удерживать за собой далеко выдающуюся на юг позицию. И вот, когда они стали отступать к Триполису, Райян, соединившись после своего изгнания из Дамаска с остатками разбитого византийцами отряда, нанес им поражение. Таким образом, все расчеты Афтекина на поддержку греков сразу рухнули. Пока нечего было, однако, и думать о завоевании обратно Дамаска.

Легко себе представить по описанному выше, какая страшная сумятица происходила при столкновении напиравших с востока и севера турецких и арабских эмиров, византийских войск с северо-запада и фатимидских и кар-матских полчищ с юга. Для всеобщей истории ислама все эти осложнения имеют лишь значение признаков характеристики степени продолжающегося разложения аббасид-ского государства и как бы служат подготовкой для дальнейших понятных успехов крестоносцев вследствие значительного раздробления исламских сил. Имея это в виду, мы и обратили особое внимание на первые шаги, совершенные Фатимидами в Сирии. Впоследствии достаточно будет ограничиться самыми существенными переменами, произошедшими в этом самом районе; до них, впрочем, не дожил первый египетский халиф. Раби II 365 (декабрь 975) скончался Му'ызз в своей резиденции 4б лет от роду. Покойный далеко уступал своему отцу и деду в воинских дарованиях, а между тем именно ему суждено было осуществить давние мечты предков: занять грозную позицию у самых врат аббасидского халифата и создать целое обширное государство. Властелин рассудительный и прозорливый, он умел выбирать людей, пригодных к исполнению его предначертаний. Благодаря также своей мудрой осмотрительности в обращении с местными суннитами и христианским элементом, ему удалось подготовить твердую почву для господства своего рода в Египте, так мало симпатизировавшем измаилитам. Сын и преемник его Ни-зар по прозванию аль-Азиз (365—386=975—996) продолжал вообще дело родителя в том же самом направлении. Не подлежит, впрочем, никакому сомнению, что оба втайне твердо держались измаилитских традиций, но были слишком предусмотрительны и остерегались оттолкнуть от себя народ слишком крутыми мерами. Необходимость заставляла властелина действовать осмотрительно, так как обстоятельства понуждали Азиза ввиду недостаточности сил берберов-китамитов для нужд большого государства и возникавших опасных усложнений в Сирии позаботиться об увеличении военных сил. Набирать же их приходилось большей частью из людей, по крайней мере вначале, совершенно чуждых измаилитским воззрениям. Подобно тому, как и везде, понадобилось также и в Египте для усиления сухопутных сил обратиться к туркам и дейлемитам. Последние, правда, были шииты, но первые исповедовали в большинстве суннитское учение и притом значительно превышали числом остальных наемников. Быть может, в одинаковой мере, как вследствие религиозной, так равно и национальной антипатии, вскоре возникли дурные отношения между новыми войсками и берберами. Недовольство последних разразилось целым восстанием уже при Ази-зе (373=983/4). Подавили его турки, и это нисколько не утешило, конечно, негодования африканцев. Таким образом, и Фатимиды неизбежно подверглись общей участи разложения востока, а пока сделали еще один важный шаг для распространения своего владычества в Сирии. В 365 (976) обратился Азиз к старому Джаухару, устраненному было в последние годы управления Му'ызза, и поручил ему покончить трудную войну против Афтекина. Турок позвал к себе на помощь карматов, Джаухар принужден был отступить. Египетского полководца осадили враги в Аскалоне (366=976/7). Неизвестно, какими побуждениями руководился Афтекин — был ли это порыв добропорядочности, акт неосмотрительности или же он слишком боялся своих же собственных союзников карматов — так или иначе, он дозволил ему уйти, заручившись самыми многообещающими условиями, которые, конечно, не были исполнены. В 367 (977) выступил сам Азиз в поход в Сирию-, союзники были им разбиты при Рамле. Победа была, впрочем, не из особенно блестящих; впоследствии лишь с помощью измены удалось халифу схватить Афтекина, а карматам обещано было выплачивать ежегодно 20 тыс. золотых в виде дани. С этих пор они окончательно перестают тревожить Фа-тимидов. А'сам, заклятый враг последних, скончался уже в 366 (976); большинство членов прежнего совета управления вместе с последним братом Абу Тахира тоже умерли, а неудачи последних лет подействовали губительно на единодушие внутри общины и не могли, конечно, благоприятно влиять и на остальных бедуинов. Поэтому новые предводители, избранные из других членов семьи Абу Са'ида, нашли нужным повернуть на старинный путь, доставивший в лучшие времена карматизма столько блестящих успехов. И снова толпы сектантов направились против Абба-сидов, а лучше сказать бундов; опять возобновились грабительские нападения на караваны богомольцев и на пограничные округа Ирака. Но счастливые времена для сектантов миновали. Теперь в Мекке стали пользоваться высшим авторитетом особые городские старейшины — шерифы, т. е. потомки пророка, и сектанты потеряли всякое влияние на городские дела. Бедуины от них тоже сторонились. В 378 (988/9) сыны степей нанесли им даже жестокое поражение. Уже сами бедуины с этих пор стали взимать дань с пилигримов, за уплату которой и в прежние годы допускалось только беспрепятственное совершение паломничества. Карматы сразу превратились в обыкновенных властелинов Лахсы, лишь несколько раз упоминается их имя до 443 (1051), а затем более уже ничего не слышно о них, наводивших некогда панический ужас на три соседних больших государства.

Для Фатимидов было, конечно, нежданным ударом, когда из рук их выскользнуло самое подходящее оружие. Случилось это в тот самый момент, когда они рассчитывали с помощью карматов сдвинуть с самых основ весь восток. Опираясь только на свои собственные и Египта силы, они не помышляют более о движении за границы Сирии. Тем временем тайный союз измаилитов продолжает разрас-

таться, приобретает сильное значение во всех округах востока и окончательно тоже выскользает из прежних властительных рук, складывается в самостоятельное могущество, не питающее никакого интереса к судьбам потомков своего основателя. И, несмотря на все это, история замечательной этой семьи представляет собой значительно более высокий интерес, чем все остальные побочные династии, следовавшие быстро одна за другой на почве аббасидского халифата. Этим обязаны фатимиды своей упорной политике и своеобразным традициям своего рода. Благодаря этим традициям встречаются в их истории поразительные эпизоды. Собственно, все происходившее в Сирии представляет собой, конечно, не более как весьма утомительный ряд своеволий и возмущений дамасских наместников, попыток вмешательства хамданидов в дела юга, а с упадком династии Сейф-ад-даулы — воздействия фатимидских эмиров на междоусобные войны Халеба. Не особенно блестящей, но мудрой политике Азиза и его влиятельного визиря Ибн Киллиса, того самого, который указал Джаухару путь в Египет, удалось мало-помалу подчинить Дамаск несколько большей зависимости от Каира. Когда же хамдани-ды, поставленные в безвыходное положение, были дважды спасены императором Василием, устроено было формальное признание халифа Хакима по соглашению, последовавшему в 402 (1011/2) через посредство майордома хамданидов, а впоследствии их заместителя Лулу. И фатимид возмечтал наконец, что он настоящий властелин во всей Сирии. Разнородные пограничные войны, веденные с византийцами, не особенно повлияли на суть вещей. Анти-охия оставалась по-прежнему за греками, Хамат, Химс, Халеб и Дамаск неизменно считались арабскими, хотя эмиры, особенно в двух последних городах, неохотно подчинялись приказаниям своего сюзерена в Каире. Случалось временами какому-нибудь дельному генералу восстановлять, и довольно осязательно, авторитет Фатимидов. Так, например, турок Ануштекин Дизбирий отвоевал снова от поколения эмиров Мирдасидов Халеб и даже присоединил было некоторые города Месопотамии. Понадобились, впрочем, более могучие руки, чем руки маленьких сирийских князьков, чтобы вытеснить окончательно египтян из этой страны. Давно уже в Ираке и персидских провинциях буидские султаны вели нескончаемые семейные и междоусобные распри и стали впоследствии для своих турецких и дейле-митских войск игрушкой, совершенно подобно тому, как это случилось некогда с аббасидскими халифами Мус-та'ином и Му'таззом. Около середины V (XI) столетия надвигались новые турецкие полчища с востока, быстро падали пред ними раздробленные в виде крошечных атомов княжества. Раз на короткое время туркам удалось сплотить большую часть мухаммеданского востока — я говорю о внуках Сельджука, одного из турецких предводителей. Из нынешней страны киргизов их родоначальник переселился за Оксус, а его потомки, подражая другим предводителям наемников, так же точно стали властелинами великого государства, подобно тому как сто лет назад совершили то же самое бунды. 22 Рамадана 447 (15 декабря 1055) провозглашено было впервые имя Сельджука Тогрульбега в Багдаде на пятничном богослужении, а 25 (18) въезжал он торжественно в исконный град халифов, по имени вассал, а в действительности властелин беспомощных аббасидов, временных духовных привратников султана, питавшихся тут крохами, падавшими со стола мирского властелина. Двоюродному внуку Тогрульбега, Меликшаху, довелось подчинить под свой скипетр кроме севера также и весь запад Малой Азии. Войска его заняли под предводительством Атсизав4б3 (Ю71) Иерусалим, а в 468 (1076) и Дамаск. Подобно тому как и государство бундов, новое сельджукское царство распалось вскоре на целый ряд отдельных владений, повелители которых взаимно враждовали и дали возможность Фатимидам снова занять страну до Иерусалима. Но Дамаск вплоть до нынешнего столетия ни разу уже более не видел в своих стенах египетского наместника.

Гораздо поучительнее, чем все эти внешние события, но зато и гораздо труднее поддающиеся в совокупности исследованию, являются стремления Фатимидов воспользоваться своим положением в качестве глав измаилитизма для оттеснения Аббасидов. С несколькими десятками тысяч находившимися в распоряжении каирского двора солдат берберов и турок можно было при напряжении всех сил завоевать Сирию, о покорении же Месопотамии и Ирака нечего было и думать. Было необходимо поэтому так опутать сетями изма-илитской пропаганды эти провинции, чтобы впоследствии попытаться стать твердой ногой в Багдаде. С кошачьей ласковостью стал прозорливый Азиз искать сближения в 369 (980) со стоящим в то время на вершине могущества бундом Адуд-ад-даулой. Его подходы оценены были по достоинству вежливым ответом, но в то же время, по странному стечению обстоятельств, появился снова протест алидов и суннитов Багдада против подлинности генеалогии Фатимидов. Между тем измаилитская пропаганда по-прежнему ширилась тайным путем, на это существует множество достоверных указаний. Веселый и жизнерадостный Азиз питал пристрастие к великолепию и наслаждениям и при всем своем большом уме предоставлял много, быть может, даже слишком много простора своим подчиненным, в особенности же ибн Киллису, обладавшему, правда, солидными достоинствами. Но рядом с этим у властелина оказывались своеобразные особенности, бьющие в глаза. Он покровительствовал более, чем это водилось в Египте, христианам и евреям и выказывал притязание на способность предсказывать будущее. Были это, вероятно, первые шаги политики, приучавшей мало-помалу народ к измаилитским воззрениям и догматам. К несчастию Фатимидов, следующий халиф, увлекаемый складом своего ума и, быть может, подстрекаемый некоторыми фанатиками, ушел слишком далеко по этому пути и благодаря своей поспешности не только повредил успеху своих мероприятий, но даже поставил будущность всего рода на край гибели. Сын Азиза, Абу Алий Аль Мансур, прозванный Аль-Хаким би-амрилла «совершающий божье веление» (386—411=996—1021), представляет собой действительно одну из самых странных и загадочных личностей, когда-либо встречавшихся в истории. Кому приходится перерыть неимоверную кучу

анекдотов, встречающихся у позднейших историков, затерявших ключ к уразумению сущности его характера, нагромождавших без всякого рассуждения предания, бессмысленные прежде всего и принявшие притом в народном пересказе самые грубые и необычайные формы, невольно может тому показаться, что Хаким просто-напросто был сумасшедший. И такое умозаключение неоднократно повторялось многими. Мы должны, однако, признать на основании одного несомненного факта*, что этот наиболее

’Я говорю про пущенный в обиход вымысел об умерщвлении Хаки-мя по наущению его сестры. Легко опровергнуть этот слух благодаря приводимым одним христианином египетским подробностям, появившимся не более 30 лет спустя по исчезновении халифа. Ср. de Sacy, Expose de la religijn des Druses I, CCCCXУ1 и след. К этому неоспоримому свидетельству, пожалуй, не мешает прибавить, что приписываемое сестре Хакима побуждение (5асу, СССС У1) основано, несомненно, на известном отношении халифа к египетским женщинам (5асу, СССЬХХП).

* Geschichte der Fatimiden-Chalifen, c. 179.

странный, чем все остальные его рода, фатимид давал сам преданиям повод окутать свой образ густейшим покровом, через который неясно просвечивают лишь некоторые его главные черты. «В 395, — повествует историк египетских халифов*, — обнародованы были ни с чем несообразные распоряжения. Публичный торг на рынках и базарах разрешался только ночью, предписывалось днем запирать лавки. Впоследствии же было это изменено как раз наоборот. После солнечного заката запирались все дома, никто не имел права выходить на улицу, женщинам запрещалось покидать дома, а сапожникам не дозволялось изготовлять им сапоги. Они не смели даже показываться в окнах... Чтобы отличать христиан и евреев в бане от правоверных мусульман, обязаны были христиане носить на шее крест, а евреи бубенчик... Всех собак на общественных площадях, на главных и второстепенных улицах поведено было убивать. Воспрещена была продажа напитков из ячменя... лупинов... воспрещалось ловить рыбу без чешуи» и т. д. Нельзя, однако, сказать, по крайней мере про некоторые из этих распоряжений, чтобы были они чистейшей бессмыслицей. Воспрещение выхода после заката солнечного и держание женщин взаперти можно легко объяснить как попытку ограничить распутство в громадном городе. Предписание, касающееся христиан и евреев, есть только дополнение к омаровым узаконениям о ношении платья неверными (т. I), которые уже в Багдаде при Мутеваккиле стали еще значительно строже. Это предписание, равно как и запрещение продажи одуряющего пива, указывает лишь на стремление восстановить в полной силе основные законы ислама. Иначе трудно и объяснить их появление, а потому невозможно считать их, недолго думая, за один простой каприз деспота, который во многом однако, как мы увидим, поступал весьма сознательно. Так как предание доставляет нам одни только голые факты, да и те несомненно частью исковерканные, частью преувеличенные, было бы чудом, конечно, разрешить ныне верно все эти загадки без исключения. Иногда таится глубокий смысл в действиях, по-видимому, бесцельной жестокости. Однажды, так гласит предание, выехал по своему обыкновению Хаким на осле ночью на прогулку; за ним следовало несколько телохранителей. Повстречались с повелителем десять вооруженных с ног до головы людей (вероятно, турецкие солдаты) и дерзко стали требовать денег. «Разделитесь на две половины, вступите в бои, кто победит, тот и получит деньги», — приказал халиф. Немедленно же началась свалка, девять человек вскоре пало на месте. Десятому кинул Хаким целую пригоршню золотых. Когда он наклонился, собираясь их подобрать, телохранители по мановению властелина изрубили его. Поразительно и внушающе, говорит другой летописец, было каждое появление этого сумасбродного повелителя. «Вид его устрашал подобно льву», — такую характеристику дает современный почти писатель. — Никто не мог выдержать взгляда его больших, темно-голубых очей, он обладал страшным, громоносным голосом». В его обращении замечалось своенравие, непостоянство в соединении с жестокостью, безбожием и суеверием. Он молился, как передают, обращаясь исключительно к планете Сатурну, и убежден был, что находится в постоянном общении с сатаной. Уверяют, что в течение его управления принесено было для удовлетворения его зверства 18 тыс. человеческих жертв. Нам предстоит, по моему разумению, видеть в этом загадочном человеке или одаренного, но своенравного тирана, дошедшего в школе измаилитов до безумного самообожания, или же властелина с возвышенными понятиями, подготовленного традициями и историей своего рода к полнейшему презрению человеческого рода. И он захотел из этого самого человечества вылепить, как из мягкого воска, нечто, быть может, лучшее. Весьма возможно, что в этой полной противоречий натуре заключалось более или менее и то и другое. Полную истину в данном случае мог бы пожалуй прозреть один разве вещий взор поэта. Как бы там ни было, выдающийся историк* так воссоздает из груды хроник все течение его политики. По убеждению историка, этот властелин разыгрывал попеременно в первые годы своего правления (386—408=996—1017) роль то шиита, то суннита. Во втором же периоде (408—411=1017—1021) он делал попытки установить государственной религией измаилитский догмат о воплощении божественного духа в натика (т. II, с. 289) и сам возымел при этом притязание стать седьмым высшим натиком, которому подобает божеское почитание. Этим и объясняются жестокие преследования евреев и христиан в первые годы царствования, принудительное

обращение их массами в ислам, всевозможные насилия над самыми почтенными епископами, распоряжения о разрушении во всем государстве церквей и синагог; между тем во второй период предоставлено было каждому исповедовать какую кто пожелает религию. Дозволялось даже, неслыханное доселе дело, возвращение обращенных в ислам к прежнему вероисповеданию; нам известно, что для посвященных в высшие степени измаилитизма каждая религия считается безразличной по своему достоинству. Тем не менее я не могу согласиться с предположением, что личные убеждения Хакима проходили одновременно те же самые фазисы, которые отражались впоследствии в его правительственных мероприятиях. По моему мнению, факт обнародования в 399 (1009) полного равенства между суннитским и шиитским вероисповеданием, а затем личное, по-видимому, принятие властелином в 400 (1010) суннитской обрядности следует рассматривать в связи с непомерной строгостью исполнения всех мельчайших предписаний, касающихся платья и пищи, не только обязательных для евреев и христиан, но в равной мере трудных и для каждого мусульманина в той по крайней мере форме, как это было исстари установле-

*Dozy, Essai sur l'histoire de l'islsmisme, trad.p.Chauvin, Leyde, 1879, c. 283-291

но исламом. Властелину, воспитанному с самой юности в измаилитских принципах, быть может, желательно было приучить все население к равнодушию по отношению к религиозным обрядностям и довести их до того, чтобы они сами почувствовали всю тяготу и непригодность их. Конечно, возможность допущения как одного, так и другого толкования более или менее гадательна, так же как трудно сказать, что следует приписывать этому халифу лично, а что его измаилитским наставникам. Ибо при вступлении на трон ему было всего одиннадцать лет с несколькими месяцами, а при появлении его первых «бессмысленных» предписаний только шестнадцать. С другой же стороны, достоверно известно, что спустя столетие при последних слабых Фатимидах союз измаилитов стал совершенно независимым и неоднократно говорилось современниками про того или иного из визирей или генералов, управлявших самостоятельно: «Он был измаилит, а фатимида считал ни во что». Этот страшный орден всюду хорошо сохранил свои секреты, они не дошли до нас. В одном только нельзя усомниться, что тайное общество продолжало существовать и имело могущественное значение, а изменчивые отношения, существовавшие между им и халифами, покрыты до сих пор непроницаемым мраком, разоблачение которого, быть может, никогда и не наступит.

Во всяком случае, тогдашний Египет едва ли был способен воспринять шиитизм, а тем более основы измаилитского учения. Благотворные и целесообразные меры, в усилиях к проведению которых никоим образом нельзя отказать этому всеми ославленному халифу, нисколько не остановили всеобщего народного неудовольствия и ожесточения, излившегося в опасном восстании и поставившего в 396 (1005/6) династию Фатимидов на самый край гибели. Один омейядский принц, прогнанный знаменитым испанским майордомом халифа Хишама, Аль-Мансу-ром*, известный под именем Абу Раква, сумел стать има-

' Его зовут обыкновенно Альманзором

мом среди арабов и берберов Барки, и без того негодовавших на фатимидских турецких генералов. Под его предводительством арабы и берберы восстали против Хакима. Высланные из столицы против мятежников турки были побиты. Раква уже находился невдалеке от Каира, когда в решительный момент подоспели вызванные спешно из Сирии вспомогательные войска и при помощи военной хитрости осилили мятежников. И позднее возникали неоднократно внутренние смуты. То сталкивались турецкие войска с толпами недовольных жителей резиденции, то вступали в борьбу турки вместе с берберами против негритянских войск, составлявших личную охрану халифа Хакима. Нельзя вообще не признать, что попытка халифа обратить Египет в образцовое измаилитское государство, для коего несовершенным прообразом служила организация карматов в Лахсе, повела к глубокому потрясению фатимидского могущества и имела дальнейшим последствием окончательный упадок династии. Уже в первый период управления Хакима дела приняли дурной оборот, а во второй перевернулось все кверху дном. В 395 (1004) открыта была под именем «дома знания» новая ученая коллегия, в которой проповедовалось и распространялось шиитское учение, а также безвредное с виду учение измаилитское первой степени. Школа далеко не совершенно исполнила свое назначение: народ как был, так и остался в душе при суннитском исповедании. Особенно широко разлилось восстание, когда один турецкий изма-илит по имени Даразий, прибывший к Хакиму с востока, стал одним из приближеннейших лиц во дворце. Он обнародовал в 407 (1017)* записку и осмелился прочесть ее всенародно в большой мечети. В ней доказывалось, что душа Адама перешла на зятя пророка, от него на Фатими-дов, а в настоящее время на Хакима. Собрание правоверных накинулось на дерзкого еретика. С превеликим тру-

' Время сообщения не вполне точно определено, но год этот, взятый нами у де Саси, наиболее достоверный, не так, как у Wustenfeld, Geschichte der Fatimiden-Chalifen, c. 206.

дом успел он спастись , но множество его приверженцев было умерщвлено, а дома их разграблены. Хаким снабдил его тайком деньгами и помог уйти в Сирию. Здесь, среди горцев южного Ливана, издавна не особенно благоволивших к исламу, нашел он многочисленных приверженцев. Так возникла секта друзов, носящая его имя". Последователи ее исповедуют почти одинаковый культ с измаилитским учением четвертой степени и признают халифа фатимидского до сих пор в качестве «своего Господа Хакима» божеством. Недостаточно проученный первой неудачей, халиф дозволил в 409 (1018) другому, а в 410 (1019) и третьему исповеднику его божественного происхождения набирать себе прозелитов в резиденции. Первого вскоре изгнал народ, второй, перс по имени Хамза, проживал здесь до 411 (1020). Он вздумал также проповедовать в мечети свои богохульства. И его встретили не лучше предшественников. Возникли снова сильные беспорядки, в которых принял на этот раз участие и турецкий гарнизон. Хамзе пришлось также спасаться бегством. Он направился к Даразию и стал настоящим теологическим авторитетом для друзов, которые и поныне придерживаются строго его катехизиса. Хаким постарался выместить своим неповоротливым подданным за их нежелание уверовать в его божественность. По мановению повелителя телохранители и турки набросились на горожан и расправились с ними по-свойски. Можно себе представить, как действовала и исполняла приказания повелителя солдатчина. В конце концов берберы и турки сцепились с негритянской гвардией халифа. Поднялся чистый содом.

Каково было настроение Хакима в тот момент, трудно решить. В ночь 27 Шавваля 411 (13 февраля 1021) халиф внезапно исчез. Многие загадки его жизни кончаются этой последней, самой неразрешимой. Известие, что сестра его, опасаясь участи, грозившей ей, приказала его умертвить,

’ По другому известию его, растерзали, но это положительно неверно.

" Точное название ее по-арабски: ад-Даразийя — «братство Даразиев».

очевидно, вымышлено; куда же девался халиф — никому не известно. Судя по всему тому, что дошло до нас о его жизни, можно допустить, что халиф убедился наконец в невозможности дать ход в Египте своим планам и порешил продолжать жить в каком-нибудь потайном месте. Таким образом, он мог вдохнуть в своих приверженцев убеждение в непреложности его призвания как натика. Не тронутый смертью, он появится вновь к концу дней в качестве имама и махдия; так по крайней мере уповают и поныне друзы. Во всяком случае, сыну его, Абу’ль Хасан Алию, прозванному Аз-Захиром (411—427=1021 — 1036), юноше 16-летнему, приходилось очень трудно, но его опекуншей была тетка Ситт аль-мульк*, унаследовавшая от брата по меньшей мере энергию. Когда у ног ее легли головы коварным образом схваченных высших офицеров, в войске, а затем и в стране восстановлен был порядок. И Сирия, где после смерти Ха-кима никто более не заботился об авторитете халифа, к 420 (1029) подчинилась. К этому времени, впрочем, Ситт аль-мульк уже скончалась. По-видимому, сам Захир, несмотря на свое явное пристрастие ко всевозможного рода развлечениям, обладал некоторыми серьезными качествами властелина. И действительно, в течение его управления о смутах в Египте что-то не слышно. Было поистине несчастием для страны, когда он пал жертвой чумной эпидемии 15 Ша-бана 427 (13 июня 1036). Ибо сын его, Абу Темим Ма’адц, принявший титул Аль Мустансира (427—487=1036—1094), царствовал, положим, долее всех остальных мусульманских властелинов (60 лунных или 58 солнечных лет), но не выказал никаких особых талантов, за исключением разве весьма развитой в нем способности к веселью и швырянью деньгами. Положим, при вступлении на трон ему было всего 7 лет, и горе стране, имеющей властелином ребенка! Мать его была рабыня негритянка. Она стала управлять от его имени, опираясь на негритянскую гвардию, число которой постепенно возросло к тому времени до 50 тыс. че-

* Зитта в «Натане Мудром» одного корня со словом «Ситт» — «госпожа». Титул ее был Ситт Аш-Шам «повелительница Сирии».

ловек. Между тем было слишком очевидно, что при опеке необразованной и не имеющей особенного значения женщины ничего хорошего не могло выйти. И действительно, когда отважный Дизбирий одержал в Сирии целый ряд блистательных успехов, в Каире доверчиво отнеслись к распространяемой на его счет клевете и сместили единственного в то время доблестного полководца, развязав этим руки всем сирийским эмирам и дав им полную возможность продолжать оказывать неповиновение. Дворцовые интриги, убийства министров и других высокопоставленных лиц становились отныне обыденным делом. А когда в 440 (1048/9*) Зирид Муъызз Ибн Бадис вздумал открыто провозгласить давно уже существовавшую на самом деле независимость запада, на владения отпавшего ленника направлены были некоторые племена арабских бедуинов, но без всяких выгодных последствий для халифа. И в самой резиденции с 450 (1058) все перессорились — визири, негры и турки. Несчастному Мустансиру пришлось исчерпать всю государственную кассу, чтобы хотя несколько удовлетворить нарушителей мира. В 454 (1062) турки, руководимые хамданидом Насир ад-Даулой, осилили окончательно к вящему ущербу халифа и безграничному бедствию страны. Турки поставили себя в Египте совершенно в такое же положение, в каком находились их земляки в Багдаде. Они не обращали более никакого внимания на так называемого повелителя правоверных, грабили казначейства, расхитили драгоценную библиотеку — невознаградимо тяжкая потеря и по настоящее время. И тогда, когда в 46 5 (1072/3) был устранен турком Ильдегизом ставший слишком невыносимым из-за своей непомерной

кичливости Насир ад-даула, двору от этого нисколько не стало легче. Странная прихоть истории: этот самый Мустансир, уважение к которому в то время пало до такой степени, что Насир ад-даула распорядился об отмене во многих городах моления о нем и приказал вместо него упоминать во время хутбы аббасидского халифа Кайма, несколькими годами

’Ср. Fournel, Les Berbers, II, 369, №. 2

раньше убаюкивал себя надеждой, что ему предназначено судьбой осуществить старинные планы своего дома и вытеснить из Багдада аббасидов.

В скверном положении очутились действительно со времени въезда в Багдад Муъиззы ад-даулы (334=945, т. II, с. 267) потомки могучего Мансура, с которыми бунды обращались отныне весьма бесцеремонно. По устранении Мустакфи пришлось трем аббасидам Мути (334—363=946— 974), Таи (363-381=974-992) и Кадиру (381-422=992-1031) испытать более чем печальное существование, перенося презрение и полное невнимание со стороны шиитских султанов. Эмиры аль-умара повелителя, как пока величали себя еще бунды чуть что не в насмешку, нуждались в духовном авторитете халифа для необходимого противовеса Фатимидам в их поступательном движении по Сирии. Вообще Аббасидов только терпели; их содержали так дурно, что иногда халифы лишены были самого необходимого. Число шиитов в Багдаде, понятно, возросло при новом правлении; раз один из этих еретиков едва не занял место суннитского главы кадиев. Превеликого труда стоило Кадиру не допустить до этого. Зато шииты получили своего собственного судебного главу с титулом накиб «настоятель». Враждебные партии, понятно, занимали обыкновенно особые кварталы города. И несмотря на это существовала непрестанная вражда между шиитами, гордившимися единоверством с султанами, и слишком известными по своему фанатизму суннитами столицы. Нельзя сказать, чтобы эта рознь была только чисто религиозного характера, она должна была неизбежно стать более тягостной для халифов, чем для бундов. Неприятности множились по мере того, как хозяева «повелителя правоверных» погрязали в провинциализме и семейных раздорах. Поистине оказывалось действительным избавлением для Аббасидов и для «града благоденствия», когда при Каиме (422—467=1031 — 1075) сельджуки Тогрульбега положили конец пришедшему в расстройство хозяйничанью бундов. Положим, турецкий султан не особенно торопился навестить своего верховного религиозного владыку. Круглый год он даже и не вспомнил о нем, а войска его распоряжались в Багдаде совершенно так же, как в былое время турки. Но сельджуки были суннитами, Тогрульбег счел необходимым для придания своему владычеству характера законности испросить у халифа в 449 (1058) в торжественной аудиенции инвеституру на титул султана. При этом он облобызал землю перед стопами наместника пророка и сел возле по особому приглашению — разыграна была, одним словом, полнейшая комедия в назидание почтеннейшей публике. Однако султан не мог и впоследствии обходиться дурно с халифом. Он предоставил ему средства на довольно представительную жизнь, по мере же возрастания благоденствия росло, понятно, уважение и влияние Аббасидов в Багдаде и окрестностях. И несмотря на все это халифу пришлось пострадать как раз именно теперь от козней злейших врагов веры — измаилитов и фатимидов. Им удалось наконец на короткое время изгнать его из старинной резиденции его предков. Пока бунды держались еще в Ираке, в их интересах было, конечно, противодействовать всем замыслам египетского властелина и его тайных приспешников измаилитов. Но с того самого момента, когда сельджуки заняли Багдад и изгнали из города начальствующего над войсками бундов турка Арслана Аль-Басасирия, настроение сразу изменилось. Надо полагать, что этот самый Басасирий давно уже предвидел успех Тогрульбега и на всякий случай искал сближения с измаилитами, располагавшими, кроме Египта, во многих отношениях большим влиянием вообще во всех странах востока. Несомненно одно, что он находился в постоянных сношениях с фатимидом Мустансиром. Когда же Ибрахим, брат Тогрульбега, подстрекаемый интригами измаилитов, во второй раз поднял знамя бунта в 450 (1058) в Персии и султан должен был спешно туда двинуться, Басасирий воспользовался беспомощностью Багдада и неожиданным набегом овладел на короткое время столицей. Когда же халиф Каим вынужден был покинуть город, он ввел немедленно же шиитское богослужение и приказал молиться за фатимида Мустансира (13 Зуль Ка’да 460=1 января 1059). При известии о совершившемся в Каире, конечно, возликовали. Но у обоих соперничествующих владетельных родов права были почти одинаковы — во всяком случае, ничтожные для торжества.

Мы уже видели, каковы были порядки, наступившие в собственной стране Мустансира вскоре после этого случайного триумфа. Династия его никогда более не оправлялась после бедствий, причиненных ей турецкими смутами. Между тем халифу пришла в голову действительно не глупая мысль призвать к себе из Акки в 466 (1073/4) армянина Бедра Аль-Джамалия на помощь против турок и негров. Он занимал эту крепость на службе у фатимида с несколькими полками, состоявшими исключительно из его земляков армян. Хотя Бедру было уже лет 60 с лишком, но этот энергический человек нисколько не задумывался над какими-нибудь пустяками. В том же самом году (466=1074) поручил он своим подчиненным офицерам войти в дружеские отношения, каждому с одним из самых непокорных эмиров Каира, и постараться перебить всех этих забияк. Покончив с ними, он принял титул миргуша*, т. е. генералиссимуса, и стал управлять страной почти самостоятельно. Его озабочивало одно только, что все его попытки отвоевать от сельджуков провинции в Сирии и Палестине, несмотря на занятый было им морской берег до Сидона,

не увенчались ожидаемым успехом. Все-таки он был в состоянии, скончавшись незадолго до Мустансира в 487 (1094), передать успокоенный и снова начинающий процветать Египет сыну своему, Шаханшаху власть которого над страной стала еще неограниченней, чем власть покойного его отца. И недаром носил он при ничего не значащем младшем сыне Мустансира, Муста'ли (487—495=1094—1101) пышный титул: аль-Мелик аль-Афдаль «совершеннейший царь». Таковым он и был, управляя на самом деле Египтом. Между тем именно при Мустансире измаилиты безмолвно отстранились от Фатимидов. Тотчас же после призвания миргуша Бедра в Египте появился перс аль-Хасан ибн Сабах, очень влиятельный дай на востоке. Высшие сановники принима-

'Точнее Эмир аль-гуюш «главнокомандующий».

ли его с почетом, что подтверждает, несомненно, существовавшее еще тогда единение между фатимидами и измай-лигами. Но с этих пор потомки первых гроссмейстеров ордена начинают мало-помалу терять свою связь с обществом, со своей стороны и оно относится полупрезрительно к постепенно увеличивающейся слабости египетского халифата. Центр тяжести общества переносится при помощи этого самого Хасана в Персию и северную Сирию; там встретимся мы с ним опять в следующем отделе нашего сочинения. Отныне Египет становится для измаилитов как бы второстепенной величиной, с которой лишь случайно приходится им изредка считаться. Во всяком случае, для измаилитов сделалось совершенно безразличным то, что предпринял Египет в этот момент против надвигавшихся крестоносцев. В высочайшей степени бесстрастно относясь ко всякой положительной религии, измаилиты принимали франкских рыцарей как бы за новые фигуры в своей политической игре. Они приготовились разыграть на доске Малой Азии блестящую партию и вели ее со страшным успехом, как вдруг дерзновенная рука монголов опрокинула не только фигуры, но и самую доску. Хотя Аф-даль был по натуре своей искусным властелином, но вместе с тем и увлекался. Как это часто бывает, он ценил менее противника более отдаленного, чем ближайшего, рассчитывал воспользоваться первым как средством и сам между тем обратился в его орудие. В 489 (1096) Иерусалим находился в руках Ортокидов из турецкого рода. Им передал этот город сельджук Тутуш, брат Мелик-шаха. Афдалю казалось верхом политики воспользоваться раздорами сельджуков с их эмирами, расшатавшими и это большое государство. Его манила надежда отвоевать снова Сирию. Следуя примеру, преподанному византийцами, пользовавшимися всякий раз возникавшими раздорами среди мусульман, он задумал также воспользоваться сумятицей, которая водворилась при первом крестовом походе' между

'Ср. «История Крестовых походов» Б. Кутлера, русский перевод изд. Л. Пантелеева, с. 14,62 и др. 1895 г.

эмирами Сирии и Палестины. В Шабане 491 (1098) ему действительно удалось отнять Иерусалим от ортокидов, но для того единственно, чтобы даровать как мусульманам, так и христианам зрелище взятия этого города крестоносцами ровно через год (23 Шабана 492=15 июля 1099)- Нам стыдно сознаться, что эти последние распоряжались в городе, освященном смертью Спасителя, пожалуй, ничуть не менее жестоко, чем турки; впрочем, во многих исторических сочинениях этот факт замалчивается. Афдалю и ближайшему халифу Амиру (495— 524=1101 — 1130) не много помогла их запоздалая наука. Войска египетские неоднократно были побиваемы Иерусалимским королем Балдуином; самому Египту пришлось выносить теперь вторжение франков. Было, однако, истинным несчастием для страны, когда Амир, который вступил на престол, имея 5 лет от роду, утомленный долгой опекой, повелел в 515 (1121) умертвить Афдаля, так необходимого для Египта, несмотря на его роковую ошибку. Поддерживаемая некоторое время обоими армянами династия стала быстро клониться к упадку. Беспорядочное управление Амира в соединении с произволом и жестокостью повело в конце концов к устранению недостойного халифа. Так как после него не осталось мужского поколения, пришлось в первый раз уклониться от престолонаследия по прямой линии. Властелином выступил некто аль-Хафиз (524—544=1130—1149). Вскоре, уже с 528 (1134), началась ожесточенная борьба между обоими его сыновьями; с одной стороны стали негры и измаилиты, а с другой — турки и сунниты: халиф очутился в безвыходном положении. Так и умер Хафиз, не дождавшись прекращения нескончаемой борьбы своих солдат. Сын его, 17-летний Зафир (544— 549=1149—1154), оказался настоящим типом сластолюбца; во время так называемого управления его выступает майордомом курд суннит, Ибн Саллар, служивший некогда в войске у Афдаля, но правителя заколол собственный же его внук, и вслед затем при возрастающем расстройстве дел последний форпост в Сирии, Аскалон, достался в руки франков*. Пятилетний сын Зафира, Фаиз (549—555=1154—1160), недолго прожил, и измаилит Талаи, в то время самое влиятельное лицо в Египте, счел за лучшее возвести на трон опять-таки несовершеннолетнего, младшую отрасль семьи халифов, Адида, имевшего всего девять лет от роду (555—567=1160—1171). Во время номинального его правления, когда вспыхнула ожесточенная борьба эмиров, командовавших его войском, с Амори королем иерусалимским и полководцами турецкого атабега в Дамаске, Нуреддина Ибн Зенки, высоко выдвинулся облик героя, которого ислам, к своей чести, мог

противопоставить западу даже в это время полнейшего упадка. Это был Салах ад-дин, сын Эйюба, известный всему христианскому миру. И его полюбили все наперекор религиозной нетерпимости, в образе Саладина, превознесенного вдохновенным пером самого вольномыслящего поэта Германии.

Адид скончался, в сущности уже лишенный Салади-ном всякой власти, 10 Мухаррема 567 (13 сентября 1171). С этим последним халифом, если не считать слабые попытки некоторых шиитов присягнуть его сыну Да'уду, погасла династия Фатимидов. Несмотря на крайнюю сомнительность своего происхождения и быстро наступивший упадок, как это, впрочем, часто случается на востоке, все же этот род на долгое время сумел вселить в бедного копта сознание, что и он тоже человек. Сверх того династия эта представляет в лице Хакима одно из своеобразнейших и оригинальнейших явлений в среде всех властелинов Востока. А если конец этого замечательного рода мало соответствовал блестящим его начинателям, во всяком случае он был сноснее, чем это тянущееся целый ряд столетий недостойное существование, которое досталось в удел равно неразумным и несчастным соперникам их из дома Аббаса.

Конечно, бесчинства, произведенные Басасирием в Багдаде, продолжались недолго. В течение каких-нибудь

'По арабским источникам, 27 Джумады II 548=20 сентября 1153.

нескольких месяцев Тогрульбег успел подавить бунт своего брата, и уже к концу 451 (1059/60) халиф Каим снова был водворен в резиденции. С этих пор стали обходиться с ним с особенным уважением — Тогрульбег, а по смерти его (455—465=1063—1073) следующий султан, племянник его, Альп Арслан (455—465=1063—1073), и знаменитый его сын и преемник, Мелик-шах (465— 485=1073—1092). А удовлетворение как материальных, так и духовных потребностей города халифов этими выдающимися властелинами и их знаменитым визирем, Низам аль-мульком, подействовало благотворно и на положение, занятое отныне верховным представителем религии, оделенным к тому же достаточными материальными средствами. Вскоре халифы приобретают значительно расширившееся влияние на жителей Багдада. Положим, Муктади (467—487=1075—1094) и Мустазхир (487—512=1094—1118) еще не успели воспользоваться предоставленным им более широким полем деятельности, но по смерти Мелик-шаха, когда возникли распри и войны между потомками Сельджука, Мустаршид (512— 529=1118—1135) получил в 526 (1132) в дар от султана Мас'уда Багдад и большую часть Ирака, как самостоятельное владение. С этого времени халифы стали принимать снова участие в качестве светских властелинов в текущих политических делах, соответственно ограниченным силам своего «РотШсшт МипаттеШз», если так дозволено будет назвать этого рода небольших размеров первосвя-щенническую территорию. Во всяком случае, новые права принесли несчастие первому же следующему халифу, Рашиду (529—530=1135 — 1136). Он поссорился с Мас'удом, а у султана нашлись средства сместить его по приговору собрания нескольких духовных ученых и юристов. В преемнике его, Муктафи (530—555=1136— 1160), заметна была некоторая доля аббасидской беспощадности, но Мустанджид (555—566=1160—1170) и Мус-теди (566—575=1170—1180) как-то все не находили случая придать хотя некоторое значение своему маленькому государству. Из всех Аббасидов принес по мере сил своих наиболее вреда исламу Насир (575— 622=1180—1225), обладавший зато сильным характером. Ему захотелось из своего крошечного государства сотворить нечто значительное. С ним случилось совершенно то же самое, что и с Афдалем, горько ошибшемся в расчетах на крестоносцев; только аббасиду пришлось иметь дело с гораздо более опасным врагом ислама — монголами. Экономя своими незначительными средствами, зато действуя довольно энергично, халиф силился расширить владения халифата далеко за пределы Ирака и сразу же затеял ссору с могущественным Мухаммедом Ибн Такашем, властелином Хорезма (Хивы), владевшим тогда уже Трансоксианой и частью Персии. Желая как-нибудь поживиться на счет богатого соседа, халиф убедил из корыстных видов монгола Чингисхана напасть на область шаха Хорезма, нисколько и не подозревая, подобно всякому жившему в западной Азии, подлинной силы этого страшного человека. Таким образом, признаваемый всеми за сберегателя веры, сам он накликал катастрофу, погубившую почти все исламские государства.

Лично Насир не дожил до разразившейся бури, так же как и его непосредственные преемники Захир (622— 623=1225—1226) и Мустансир (623—640=1226-1242). Последний, впрочем, уже очутился в опасном положении ввиду устремившихся на запад полчищ хорезмийцев и монголов. Последний халиф Багдада Муста'сим (640—656=1242—1258) оказался ничтожеством. Положим, ему предстояла трудная и не всякому по плечу роль погибнуть с достоинством. Этот полнейший нуль по каждой отрасли государственного управления имел при себе двух ревностных советчиков. Один убеждал его подчиниться, другой же подстрекал сопротивляться страшному Хулагу, брату и военачальнику над войсками императора монголов. А халиф все колебался, все не решался исходатайствовать вовремя милость у могущественнейшего варвара и в то же время не имел отваги пасть достойным образом с мечем в руках. После слабого и далеко неполного сопротивления ему пришлось сдать монголам на капитуляцию пятисотлетнюю резиденцию своего рода 4 Сафара 656

(10 февраля 1258). Халифа заставили сначала показать все драгоценности дворца, а затем его умертвили, воздав ему вполне по заслугам (14 Сафара 656=20 февраля 1258). Была это не последняя династия арабского происхождения, так постыдно низринутая во прах. Своенравному року угодно было, чтобы властелин Гранады, последний окаменелый вздох которого до сей поры показывает гордый испанец христианин чужестранцу, вел свой знаменитый род от Са'да Ибн Убады, верного союзника Мухаммеда, чуть что не ставшего по смерти пророка халифом (т. I). Не особенно важно, конечно, что этот род — Аббасиды вообще отличались искони свирепостью в счастии и необыкновенной покладистостью при наступлении неблагоприятных обстоятельств — потерял столь унизительно последние крохи бывшего некогда мирового значения своего. Всего более поражают дальнейшие судьбы этой странной семьи, прозвучавшие отголоском подобно игре сатира после греческих трагедий. И на этот раз потомки Аббаса ухитряются как-то не только спастись из развалин мирового пожара, но еще прихватить весьма добропорядочную синекуру. Хулагу истребил большинство членов семьи халифа, но некоторое их число успело бежать. Султан мамелюков, Бейбарс, о котором будет еще речь впереди, поставил одного из них, придав ему пышный титул Аль-Мустансир биллах, «желанный Богом помощник», халифом в Каире. Мамелюку понадобился в виде противовеса этим безбожным фатимидам, о которых до сих пор еще помнили старики в Египте, несомненной подлинности «повелитель правоверных», чтобы он явно свидетельствовал народу, будучи тут же под боком у султана, о законности его собственной власти. Потомки этого аббасида сохранили неизменно приобретенное ими случайное положение, редко доставлявшее им некоторого рода неудобства, до той самой поры, пока осман Селим в 923 (1517) не положил конец царствованию мамелюков в Египте. Чтобы окончательно присвоить себе официальным путем права духовного главы ислама, Селим захватил с собой в Константинополь и тогдашнего аббасида, Мутеваккиля III, заставив его предварительно отступиться торжественно от титула халифа в пользу османского победителя. Увы, Мутеваккиль следовал примеру своего тезки, вел жизнь самую беспорядочную и в конце концов попал в крепость в 926 (1520). Султан Солиман дозволил ему в 929 (1522/3) вернуться в Каир. Здесь, во время возникшего в том же году восстания Ахмеда паши, выступает еще раз аббасид в роли духовного авторитета. Далее о нем ничего более не слышно, кроме сухого известия, что он скончался в 945 (1538). С ним угас род аббасидов.

КОНЕЦ 2 ТОМА